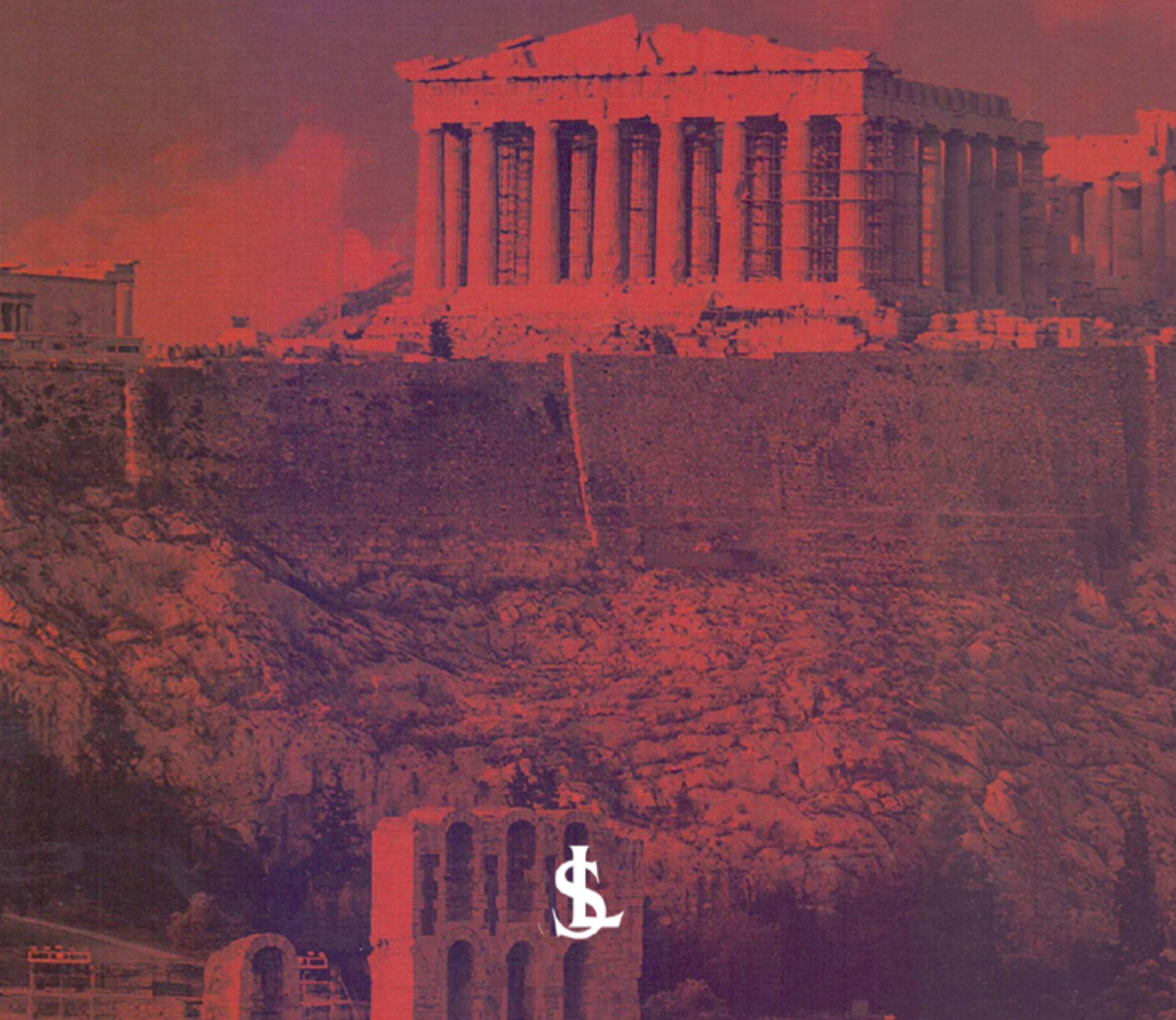

Демократия — низвергнутый Бог

Ханс-Херман Хоппе

ДЕМОКРАТИЯ — НИЗВЕРГНУТЫЙ БОГ

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА МОНАРХИИ,
ДЕМОКРАТИИ И ЕСТЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Ханс-Херман Хоппе

УДК 321.63
ББК 87.703.4
Х78

Shevtsov Library

Перевод с английского:

В. Вильный: гл. 1-13 / А. Шевцов: благодарности, введение, примечания гл. 2, 5, 7

Хоппе, Ханс-Херман.

X78 Демократия – низвергнутый Бог / Х-Х. Хоппе ; пер. с англ. под ред. А. Шевцова — Москва: Svevtsov Library — 391 с.

Основой этой книги является систематическая трактовка исторического перехода Запада от монархии к демократии. Ревизионистская по характеру, она описывает, почему монархия меньшее зло, чем демократия, но при этом находит недостатки в обоих. Ее методология аксиомативно-дедуктивная, она позволяет писателю выводить экономические и социологические теоремы, а затем применять их для интерпретации исторических событий.

Неотразимая глава о временных предпочтениях объясняет процесс цивилизации как результат снижающихся ставок временного предпочтения и постройки структуры капитала, и объясняет, как взаимодействия между людьми могут снизить ставку временных предпочтений, проводя параллели с Рикардианским Законом об образовании связей.

Сфокусировавшись на этом, автор интерпретирует разные исторические феномены, такие как рост уровня преступности, деградация стандартов морали и рост сверхгосударства. Подчеркивая недостатки как монархии, так и демократии, автор показывает, почему эти системы хуже естественного порядка, основанного на частной собственности.

Хоппе разрушает веру классического либерализма в возможность существования ограниченного государства и призывает к объединению консерватизма и либертарианства как естественных союзников с одинаковыми целями. Эта книга дополняет предыдущие работы автора защищая этику частной собственности и естественного порядка. Данная книга будет интересна изучающим историю, политэкономия и политическую философию.

УДК 321.63
ББК 87.703.4
Х78

Содержание

Благодарности	xvii
Введение	7
§1 Временные предпочтения, правительство и процесс децивилизации	28
§2 О монархии, демократии и идее естественного порядка . . .	82
§3 О монархии, демократии, общественном мнении и делегитимизации	122
§4 О демократии, перераспределении и уничтожении собственности	146
§5 О централизации и отделении	161
§6 О социализме и десоциализации	177
§7 О свободной иммиграции и принудительной интеграции .	197
§8 О свободной торговле и ограниченной иммиграции	213
§9 О сотрудничестве, племени, городе и государстве	239
§10 О консерватизме и либертарианстве	258
§11 Об ошибках классического либерализма и будущем свободы	301
§12 О правительстве и частном производстве обороны	324
§13 О невозможности ограниченного правительства и перспективе революции	360

Благодарности

Большинство из приведенных ниже работ были написаны на основе выступлений на различных конференциях, спонсируемых Институтом Людвиг фон Мизеса и Центром либертарианских исследований. Некоторые из них были опубликованы ранее в разных местах и в разных переводах. Однако для нынешнего издания все они были систематически пересмотрены и существенно дополнены. Я благодарю Льюина Роквелла, президента Института Людвиг фон Мизеса, и Бертон Блюмерту, президента Центра либертарианских исследований, за их постоянную финансовую и личную поддержку в разработке и развитии представленных здесь идей.

Среди тех, кто предоставил мне площадку для выражения и проверки моих идей и тем самым внес вклад в настоящую работу — Кристиан Команеску, Роберт Неф, Жерар Радницки, Иржи Шварц, Хесус Уэрта де Сото и Йозеф Сима. Спасибо им, а также анонимному спонсору за постоянную финансовую поддержку.

В течение многих лет я был удостоен дружбы с Уолтером Блоком, Дэвидом Гордоном, Джефффри Хербенером, Гвидо Хюльсманном, Стефаном Кинселлой, Ральфом Райко и Джозефом Салерно. Хотя никто из них не может нести ответственность за какие-либо мои идеи, все они, благодаря советам и критике в бесчисленных беседах, а также своими собственными научными трудам, оказали огромное влияние на мое мышление.

Еще более важным было влияние Людвиг фон Мизеса и Мюррея Ротбарда. Мой интеллектуальный долг перед их работами весьма значителен и, я могу только надеяться, что он был адекватно и должным образом признан во всех последующих работах. Перед Мюрреем Ротбардом, с которым мне посчастливилось быть тесно связанным в последнее десятилетие его жизни, я в глубоком личном долгу. Его дружба, его пример мо-

рального мужества и способности оставаться добрым и, более того, жизнерадостным оптимистом даже перед лицом, казалось бы, непреодолимых трудностей, глубоко и надолго повлияли на мое собственное поведение и взгляды на жизнь.

И последнее, но не менее важное: я благодарю свою жену, Маргарет Руделих Хоппе, не только за то, что она уже более двадцати лет берет на себя неблагодарную работу по редактированию моих английских трудов, но и за то, что она всегда находит время и энергию между работой, домашним хозяйством и заботой о наших двух детях-подростках, чтобы обеспечить мне поддержку, утешение и счастье.

Введение

Первая мировая война знаменует собой один из величайших водоразделов современной истории. С ее окончанием завершилась начавшаяся с Великой французской революции трансформация всего западного мира от монархического правления и суверенных королей к демократическо-республиканскому правлению и суверенному народу. До 1914 года в Европе существовало только три республики – Франция, Швейцария и после 1911 года Португалия, а из всех крупных европейских монархий только Великобританию можно было отнести к парламентской системе, т.е. системе, в которой верховная власть принадлежит избранному парламенту. Всего четыре года спустя, после того как Соединенные Штаты вступили в европейскую войну и решительно определили ее исход, монархии практически исчезли, и Европа вместе со всем миром вступила в эпоху демократического республиканизма.

В Европе потерпевшие военное поражение Романовы, Гогенцоллерны и Габсбурги должны были отречься от престола, а Россия, Германия и Австрия стали демократическими республиками с всеобщим – мужским и женским – избирательным правом и парламентскими правительствами. Аналогичным образом, все новообразованные государства-преемники, за исключением Югославии, приняли демократическо-республиканские конституции. В Турции и Греции монархии были свергнуты. И даже там, где монархии номинально продолжали существовать, как в Великобритании, Италии, Испании, Бельгии, Нидерландах и скандинавских странах, монархи больше не обладали никакой властью. Было введено всеобщее избирательное право для взрослых, а вся государственная власть была передана парламентам и «государственным» должностным лицам.

Всемирно-историческую трансформацию от Старого порядка королевских или княжеских правителей к новой демо-

кратическо-республиканской эпохе всенародно избранных правителей можно также охарактеризовать как переход от Австрии и австрийского пути к Америке и американскому пути. Это справедливо по нескольким причинам. Во-первых, Австрия начала войну, а Америка довела ее до конца. Австрия проиграла, а Америка выиграла. Австрией правил монарх – император Франц Иосиф I, а Америкой демократически избранный президент – профессор Вудро Вильсон. Однако что еще более важно, Первая мировая война была далеко не обычной войной, ведущейся за достижение ограниченных территориальных целей, а идеологической; и Австрия и Америка, соответственно, были (и воспринимались как таковые противоборствующими сторонами) двумя странами, которые наиболее четко воплощали идеи, находящиеся в конфликте друг с другом.¹

Первая мировая война началась как обычный традиционный территориальный спор. Однако с началом участия и окончательного вступления Соединенных Штатов в войну в апреле 1917 года война перешла в новую идеологическую плоскость. Соединенные Штаты были основаны как республика, а демократический принцип, заложенный в идее республики, лишь недавно был воплощен в реальность в результате жесточайшего поражения и разорения сепаратистской Конфедерации центрального правительства Союза. Во время Первой мировой войны эта победоносная идеология экспансионистского демократического республиканства нашла свое воплощение в тогдашнем президенте США Вильсоне. При администрации Вильсона война в Европе стала идеологической миссией – сделать мир безопасным для демократии и избавить его от династических правителей. Когда в марте 1917 года царь Николай II, союзник США, был вынужден отречься от престола и в России было создано новое демократическо-республиканское правительство под руководством Керенского, Вильсон был в восторге. С уходом царя война окончательно превратилась в чисто идеологи-

¹ Блестящее изложение причин и последствий Первой мировой войны см. в книге Ralph Raico «World War I: The Turning Point», в *The Costs of War: America's Pyrrhic Victories*, John V. Denson, ed. (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1999).

дом царя война окончательно превратилась в чисто идеологический конфликт: добра против зла. Вильсону и его ближайшим советникам по внешней политике Джорджу Д. Херрону и полковнику Хаусу не нравилась Германия Кайзера, аристократии и военных элит. Но еще больше они ненавидели Австрию. Как Эрик фон Кюнельт-Леддин охарактеризовал взгляды Вильсона и американских левых: «Австрия была гораздо более порочной, чем Германия. Она существовала в противоречии с мадзианским принципом национального государства, она унаследовала многие традиции и символы Священной Римской империи (двуглавый орел, черно-золотые цвета и т.д.); ее династия когда-то правила Испанией (еще один *bete noire*); она возглавляла Контрреформацию, возглавляла Священный союз, боролась против Рисорджименто, подавила мадьярское восстание при Кошуте (которому установлен памятник в Нью-Йорке) и морально поддерживала монархический эксперимент в Мексике. Габсбург – само это имя пробуждало воспоминания о римском католицизме, Армаде, инквизиции, Меттернихе, Лафайете, заключенном в тюрьму в Ольмюце, и Сильвио Пеллико в крепости Брюнн в Шпильберге. Такое государство должно было быть разрушено, такая династия должна была исчезнуть.»²

Становясь все более идеологически ангажированным конфликтом, война быстро переросла в тотальную войну. Повсеместно вся национальная экономика была милитаризована (военный социализм)³, а проверенное временем различие между участниками и не участниками боевых действий, военной и гражданской жизнью отошло на второй план. По этой причи-

² Erik von Kuehnelt-Leddihn, *Leftism Revisited: From de Sade to Pol Pot* (Washington, D.C.: Regnery, 1990), стр. 210; о Вильсоне и вильсонизме см. далее Murray N. Rothbard, «World War I as Fulfillment: Power and the Intellectuals», *Journal of Libertarian Studies* 9, no. 1 (1989); Paul Gottfried, «Wilsonianism: The Legacy that Won't Die», *Journal of Libertarian Studies* 9, no. 2 (1990); он же, «On Liberal and Democratic Nationhood», *Journal of Libertarian Studies* 10, no. 1 (1991); Robert A. Nisbet, *The Present Age* (New York: Harper and Row, 1988).

³ См. Murray N. Rothbard, «War Collectivism in World War I», в *A New History of Leviathan*, Ronald Radosh and Murray N. Rothbard, eds. (New York: E.P. Dutton, 1972; Robert Higgs, *Crisis and Leviathan* (New York: Oxford University Press, 1987).

не Первая мировая война привела к гораздо большим жертвам среди гражданского населения – жертвам голода и болезней – чем среди солдат, погибших на полях сражений. Более того, из-за идеологического характера войны в ее конце не могло быть компромиссного мира, только полная капитуляция, унижение и наказание. Германии пришлось отказаться от своей монархии, а земля Эльзас-Лотарингия была возвращена Франции, как и до франко-прусской войны 1870-71 годов. Новая Германская республика была обременена тяжелыми долгосрочными репарациями. Германия была демилитаризована, немецкая Сaarская область была оккупирована французами, а на Востоке значительные территории должны были быть уступлены Польше (Западная Пруссия и Силезия). Однако Германия не была расчленена и уничтожена. Вильсон приберег эту судьбу для Австрии. С низложением Габсбургов вся Австро-Венгерская империя была окончательно разгромлена. Венцом внешней политики Вильсона стало образование двух новых искусственно созданных государств: Чехословакии и Югославии. Сама Австрия, на протяжении веков одна из великих держав Европы, уменьшилась в размерах до своего маленького немецкоязычного центра; и, как еще один фрагмент наследия Вильсона, крошечная Австрия была вынуждена передать свою полностью немецкую провинцию Южный Тироль, простирающуюся до перевала Бреннер, Италии.

С 1918 года Австрия исчезла с карты международной политики. Вместо нее ведущей мировой державой стали Соединенные Штаты. Американская эра – *Pax Americana* – началась. Принцип демократического республиканства восторжествовал. Ему суждено было вновь восторжествовать с окончанием Второй мировой войны и еще раз, если так можно выразиться, с распадом Советской империи в конце 1980-х и начале 1990-х годов. Для некоторых современных наблюдателей наступил «конец истории». Американская идея универсальной и глобальной демократии наконец-то окончательно утвердилась.⁴

⁴ См. Francis Fukuyama, *The End of History and the Last Man* (New York: Avon Books, 1992).

Между тем, габсбургская Австрия и прообраз додемократического австрийского опыта представляли не более чем исторический интерес. Конечно, дело было не в том, что Австрия не добилась признания. Даже демократические интеллектуалы и художники из любой области интеллектуальной и культурной деятельности не могли игнорировать огромный уровень продуктивности австро-венгерской и, в частности, венской культуры. Действительно, список великих имен, связанных с Венной конца девятнадцатого и начала двадцатого века, кажется бесконечным.⁵ Однако редко когда эта огромная интеллектуальная и культурная результативность рассматривалась в систематической связи с додемократической традицией монархии Габсбургов. Вместо этого, если это не считалось простым совпадением, продуктивность австрийско-венской культуры была представлена «политически корректно» как доказательство положительных синергетических эффектов многонационального общества и мультикультурализма.⁶

Однако в конце двадцатого века накапливается все больше свидетельств того, что американская система, вместо того чтобы ознаменовать конец истории, сама находится в глубоком

⁵ В список входят Людвиг Больцман, Франц Brentano, Рудольф Карнап, Эдмунд Гуссерль, Эрнст Мах, Алексиус Мейнонг, Карл Поппер, Мориц Шлик и Людвиг Витгенштейн среди философов; Курт Гodel, Ганс Хан, Карл Менгер и Рихард фон Мизес среди математиков; Ойген фон Бём-Баверк, Готфрид фон Хаберлер, Фридрих фон Хайек, Карл Менгер, Фриц Махлуп, Людвиг фон Мизес, Оскар Моргенштем, Йозеф Шумпетер и Фридрих фон Визер среди экономистов; Рудольф фон Еринг, Ганс Кельзен, Антон Менгер и Лоренц фон Штайн среди юристов и теоретиков права; Альфред Адлер, Йозеф Бройер, Карл Бийлер и Зигмунд Фрейд – среди психологов; Макс Адлер, Отто Бауэр, Эгон Фриделл, Генрих Фридбюнг, Пауль Лазарсфельд, Густав Ратценхофер и Альфред Шийц – среди историков и социологов; Герман Брох, Франц Грильпарцер, Гуго фон Хофмансталь, Карл Краус, Фриц Маутнер, Роберт Музиль, Артур Шницлер, Георг Тракль, Отто Вейнингер и Стефан Цвейг среди писателей и литературных критиков; Густав Климт, Оскар Кокошка, Адольф Лоос и Эгон Шиле среди художников и архитекторов; Альбан Берг, Иоганнес Брамс, Антон Брукнер, Франц Легар, Густав Малер, Арнольд Шонберг, Иоганн Штраус, Антон фон Веберн и Хуго Вольф среди композиторов.

⁶ См. Allan Janik and Stephen Toulmin, *Wittgenstein's Vienna* (New York: Simon and Schuster, 1973); William M. Johnston, *The Austrian Mind: An Intellectual and Social History 1848-1938* (Berkeley: University of California Press, 1972); Carl E. Schorske, *Fin-de-Siecle Vienna: Politics and Culture* (New York: Random House, 1981).

кризисе. С конца 1960-х или начала 1970-х годов реальные доходы населения в США и Западной Европе стагнируют или даже падают. В частности, в Западной Европе уровень безработицы неуклонно растет и в настоящее время превышает десять процентов. Государственный долг повсеместно вырос до астрономических высот, во многих случаях превышая годовой валовой внутренний продукт страны. Точно так же системы социального обеспечения во всем мире находятся на грани банкротства или близки к ней. Кроме того, крах Советской империи представлял собой не столько триумф демократии, сколько несостоятельность идеи социализма, и поэтому также являлся обвинительным актом против американской (западной) системы демократического, а не диктаторского социализма. Помимо этого, во всем Западном полушарии растет национальная, этническая и культурная разобщенность, сепаратизм и сепаратизм. Мультикультурные демократические детища Вильсона, Югославия и Чехословакия, распались на части. В США менее чем столетие полномасштабной демократии привело к неуклонно растущему моральному вырождению, распаду семьи и общества, а также культурному упадку в форме постоянно растущих показателей разводов, незаконнорожденности, аборт и преступности. В результате постоянно расширяющегося списка антидискриминационных законов – «позитивных действий» – и недискриминационной, мультикультурной, эгалитарной иммиграционной политики, каждый уголок американского общества подвержен влиянию государственного управления и принудительной интеграции; соответственно, резко возросли социальные противоречия, расовая, этническая и морально-культурная напряженность и враждебность.

В свете этих удручающих событий вновь возникли фундаментальные сомнения в достоинствах американской системы. Что бы произошло, вновь возникает вопрос, если бы в соответствии со своим предвыборным обещанием перед переизбранием, Вудро Вильсон не втянул США в Первую мировую войну? В силу своей контрфактической природы ответ на подобный вопрос никогда не может быть эмпирически подтвержден или

опровергнут. Однако это не делает вопрос бессмысленным, а ответ произвольным. Напротив, основываясь на понимании реальных исторических событий и личностей, вовлеченных в них, на вопрос, касающийся наиболее вероятного альтернативного хода истории, можно ответить подробно и со значительной уверенностью.⁷

Если бы Соединенные Штаты придерживались строгой неинтервенционистской внешней политики, вполне вероятно, что внутриевропейский конфликт закончился бы в конце 1916 или начале 1917 года в результате нескольких мирных инициатив, в первую очередь исходящих от австрийского императора Карла I. Более того, война была бы завершена взаимоприемлемым и сохраняющим лица компромиссным миром, а не фактическим диктатом. Следовательно, Австро-Венгрия, Германия и Россия остались бы традиционными монархиями вместо того, чтобы превратиться в недолговечные демократические республики. При наличии русского царя, немецкого и австрийского кайзера большевикам было бы практически невозможно захватить власть в России, а фашистам и национал-социалистам, в ответ на растущую коммунистическую угрозу в Западной Европе, сделать то же самое в Италии и Германии.⁸ Миллионы жертв коммунизма, национал-социализма и Второй мировой войны были бы спасены. Масштабы государственного вмешательства в частную экономику и контроля над ней в Соединенных Штатах и Западной Европе никогда бы не достигли тех размеров, которые наблюдаются сегодня. И вместо того, чтобы Центральная и Восточная Европа (и, следовательно, половина земного шара) попали в руки коммунистов и более сорока лет подвергались разграблению, опустошению и насильствен-

⁷ Современную коллекцию примеров «контрфактической истории» можно найти в книге *Virtual History: Alternatives and Counterfactuals*, Niall Ferguson, ed. (New York: Basic Books, 1999).

⁸ О связи между коммунизмом и подъемом фашизма и национал-социализма см. Ralph Raico, «Mises on Fascism, Democracy, and Other Questions», *Journal of Libertarian Studies* 12, no. 1 (1996); Ernst Nolte, *Der europäische Bürgerkrieg, 1917-1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus* (Berlin: Propyläen, 1987).

ной изоляции от западных рынков, вся Европа (и весь земной шар) оставались бы экономически интегрированными (как в девятнадцатом веке) во всемирную систему разделения труда и сотрудничества. Уровень жизни в мире мог бы стать намного выше, чем сейчас.

На фоне этого мысленного эксперимента и фактического хода событий американская система и *Rex Americana* кажутся – вопреки «официальной» истории, которая всегда пишется ее победителями, т.е. с точки зрения сторонников демократии – ничем иным, как абсолютной катастрофой; тогда как Австрия Габсбургов и додемократическая эпоха кажутся наиболее привлекательными.⁹ Конечно, в таком случае стоило бы систематически рассмотреть историческую трансформацию от монархии к демократии.

Хотя история будет играть важную роль, нижеизложенное – это работа не историка, а политического экономиста и философа. В ней нет новых или впервые представленных данных. Скорее, она претендует на оригинальность в том смысле, в каком следующие исследования содержат новые и неожиданные *интерпретации* общеизвестных и общепринятых фактов; более того, именно *интерпретация фактов*, а не сами факты, являются главной задачей ученого и предметом большинства споров и дискуссий. Можно, например, легко согласиться с тем фактом, что в Америке девятнадцатого века средний уровень жизни, налоговые ставки и экономическое регулирование были

⁹ В 1951 году Джордж Ф. Кеннан, не меньший истеблишментарий, был близок к тому, чтобы признать это:

Вет, если бы сегодня нам предложили возможность вернуть Германию 1913 года, Германию, управляемую консервативными, но относительно умеренными людьми, без нацистов и коммунистов, энергичную Германию, единую и неоккупированную, полную энергии и уверенности, способную снова играть роль в уравнивании российской власти в Европе... что ж, против этого будут возражения со многих сторон, и это не сделает всех счастливыми; но во многих отношениях это было бы не так уж плохо, по сравнению с нашими сегодняшними проблемами. Теперь подумайте, что это значит. Когда вы подводите общий итог двух войн с точки зрения их мнимых целей, вы обнаруживаете, что если и был какой-то выигрыш, то его довольно трудно определить. (*American Diplomacy 1900-1950* [Chicago: University of Chicago Press, 1951], стр. 55-56)

сравнительно низкими, в то время как в двадцатом веке налоги, регуляции и уровень жизни были достаточно высоки. Но были ли уровень жизни в двадцатом веке выше *из-за* более высоких налогов и регуляций или все-таки *нет*, и он был бы еще выше, если бы налоги и регуляции оставались такими же низкими, как и в девятнадцатом веке? Точно так же можно легко согласиться с тем, что социальные выплаты и уровень преступности были низкими в 1950-х годах, а сейчас оба показателя сравнительно высоки. Увеличилась ли преступность *из-за* роста социальных выплат или все же преступность и социальное обеспечение *не имеют* ничего общего друг с другом, а связь между этими двумя явлениями – просто совпадение? Факты не дают ответа на такие вопросы, и никакие статистические манипуляции с данными не могут изменить *это*. Исторические данные логически совместимы с любой из таких оппонирующих интерпретаций, но у историков, поскольку они всего лишь историки, нет возможности принять решение в пользу той или иной.

Если необходимо сделать рациональный выбор между такими конкурирующими и несочетаемыми интерпретациями, то это возможно только в том случае, если в распоряжении имеется *теория* или, по крайней мере, *теоретическое обоснование*, истинность которого не зависит от исторического опыта, но может быть установлена *априори*, то есть раз и навсегда посредством *интеллектуального познания или понимания природы вещей*. В некоторых кругах такая теория пользуется низким уважением, а некоторые философы, особенно эмпирическо-позитивистского толка, и вовсе объявили бы любую подобную теорию недозволенной или даже невозможной. Но это не философский трактат, посвященный обсуждению вопросов эпистемологии и онтологии. Здесь и далее я не хочу прямо опровергать эмпирико-позитивистский тезис о том, что не существует такой вещи, как *априорная теория*, т.е. пропозиции, которая утверждает что-то о реальности и может быть доказана независимо от результата любого последующего опыта.¹⁰ Однако уместно с самого начала признать, что я считаю этот

¹⁰ См. по этой теме Ludwig von Mises, *Theory and History: An Interpretation of Social and*

тезис – и вообще всю эмпирико-позитивистскую исследовательскую практику, которая может быть интерпретирована как результат применения (эгалитарных) принципов демократии к сфере знаний и исследований, и которая, таким образом, идеологически доминировала на протяжении большей части двадцатого века, – как фундаментально ошибочный и полностью опровергнутый.¹¹ Здесь достаточно привести лишь несколько примеров того, что подразумевается под *априорной теорией*, и, в частности, привести некоторые подобные примеры из области социальных наук, чтобы развеять любые возможные подозрения и зарекомендовать мой теоретический подход как интуитивно убедительный и соответствующий здравому смыслу.¹²

Примеры того, что я подразумеваю под *априорной теорией*, таковы: никакая материальная вещь не может находиться в двух местах одновременно. Никакие два объекта не могут занимать одно и то же место. Прямая линия – это кратчайшая линия между двумя точками. Никакие две прямые линии не могут замкнуть пространство. Какой бы объект ни был красным со всех сторон, он не может быть зеленым (синим, желтым и т.д.) со всех сторон. Какой бы объект ни был цветным, он также является протяженным. Любой объект, имеющий форму, имеет также и размер. Если А является частью В, а В является ча-

Economic Evolution (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1985); он же, *The Ultimate Foundation of Economic Science: An Essay on Method* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1978); Hans-Hermann Hoppe, *Kritik der kausalwissenschaftlichen Sozialforschung. Untersuchungen zur Grundlegung von Soziologie und Ökonomie* (Opladen: Westdeutscher Verlag, 1983); он же, *Economic Science and the Austrian Method* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1995).

¹¹ См. Brand Blanshard, *Reason and Analysis* (LaSalle, Ind.: Open Court, 1964); также Arthur Pap, *Semantics and Necessary Truth* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1958); Saul Kripke, «Naming and Necessity», в *Semantics of Natural Language*, Donald Davidson and Gilbert Harman, eds. (New York: Reidel, 1972); и Paul Lorenzen, *Methodisches Denken* (Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1968).

¹² Даже «хороший эмпирик» должен был бы признать, что, согласно его собственной доктрине, он не может знать *априори*, существуют ли *априорные* теоремы, которые могут быть использованы для принятия решения между несовместимыми интерпретациями одного и того же набора исторических данных; следовательно, ему также пришлось бы занять выжидательную позицию.

стью С, то А является частью С. $4 = 3 + 1$, $6 = 2$ (33-30). Как ни странно, эмпирики должны осуждать такие предложения как простые лингвистическо-синтаксические условности без какого-либо эмпирического содержания, т.е. как «пустые» тавтологии. В противоположность этому мнению и в соответствии со здравым смыслом, я понимаю те же пропозиции как утверждение некоторых простых, но фундаментальных истин о структуре реальности. И в соответствии со здравым смыслом, я бы счел заблуждающимся того, кто захотел бы «проверить» эти пропозиции или сообщить «факты», противоречащие или отклоняющиеся от них. *Априорная теория превосходит и корректирует опыт (а логика превосходит наблюдение), а не наоборот.*

Что еще более важно, примеры *априорной теории* также широко распространены в социальных науках, в частности в областях политической экономии и философии: человеческая деятельность – это целенаправленное стремление субъекта к достижению ценностных целей с помощью дефицитных средств. Никто не может целенаправленно *не* действовать. Любое действие направлено на улучшение субъективного благополучия субъекта по сравнению с тем, каким оно могло бы быть в ином случае. Большее количество блага ценится выше, чем меньшее количество того же блага. Более раннее удовлетворение предпочтительнее более позднего. Производство должно предшествовать потреблению. То, что потребляется сейчас, не может быть потреблено снова в будущем. Если цена товара снижается, то будет куплено либо то же количество, либо больше, чем в противном случае. Цены, установленные ниже рыночных клиринговых цен, приведут к длительному дефициту. Без частной собственности на факторы производства не может быть цен на факторы производства, а без цен на них учет затрат невозможен. Налоги налагаются на производителей и/или владельцев богатства и сокращают производство и/или богатство ниже того уровня, который был бы в противном случае. Межличностный конфликт возможен только в том случае и потому, что ресурсы дефицитны. Никакая вещь или часть вещи не может находиться в исключительной собственности более чем одного

человека одновременно. Демократия (правление большинства) несовместима с частной собственностью (индивидуальное владение и правление). Ни одна форма налогообложения не может быть единой (равной), но любое налогообложение предполагает создание двух различных и неравных классов *налогоплательщиков* и *налогополучателей*. Собственность и право собственности – отдельные сущности, и увеличение последней без соответствующего увеличения первой не приводит к росту общественного богатства, а ведет к перераспределению существующего богатства.

Для эмпириста подобные утверждения должны интерпретироваться либо как не содержащие ничего эмпирического и являющиеся просто речевыми условностями, либо как вечно проверяемые и предположительные гипотезы. Для нас, с точки зрения здравого смысла, они не являются ни тем, ни другим. На самом деле, нам кажется совершенно лукавым представлять эти пропозиции как не имеющие эмпирического содержания. Очевидно, что они говорят что-то о «реальных» вещах и событиях! И столь же сомнительным кажется рассматривать эти пропозиции как гипотезы. Гипотетические предложения, в общепринятом понимании, – это утверждения, подобные следующим: дети предпочитают McDonald's, а не Burger King. Соотношение расходов на говядину и свинину в мире составляет 2:1. Немцы предпочитают Испанию Греции в качестве места отдыха. Более длительное обучение в государственных школах приведет к повышению заработной платы. Объем покупок незадолго до Рождества превышает объем покупок вскоре после Рождества. Католики голосуют преимущественно «демократически». Японцы откладывают четверть своего располагаемого дохода. Немцы пьют больше пива, чем французы. Соединенные Штаты производят больше компьютеров, чем любая другая страна. Большинство жителей США – белые и европейского происхождения. Для подтверждения подобных утверждений требуется сбор исторических данных. И они должны постоянно пересматриваться, потому что утверждаемые взаимосвязи не являются исключительными (но являются «условными»);

иными словами, потому что нет ничего изначально невозможного, немыслимого или просто ошибочного в утверждении обратного: например, что дети предпочитают Burger King а не McDonald's, или что немцы – Грецию Испании и т. д. Это не относится к первым, теоретическим предположениям. Отрицание этих утверждений и предположение, например, что меньшее количество блага может быть предпочтительнее большего количества того же блага, что то, что потребляется сейчас, может быть потреблено снова в будущем, или что учет затрат может быть осуществлен и без цен на факторы производства, кажется абсурдным; и любой, кто занимается «эмпирическим исследованием» и «проверкой», пытаясь определить, какое из двух противоречивых пропозиций, подобных этим, имеет или не имеет место, выглядит либо дураком, либо жуликом.

Согласно принятому нами подходу, теоретические пропозиции, подобные только что приведенным, рассматриваются тем, чем они, очевидно, являются: как утверждения о *необходимых фактах и взаимосвязях*. Как таковые, они могут быть *проиллюстрированы* историческими данными, но исторические данные не могут ни *установить*, ни *опровергнуть* их.¹³ Наоборот. Даже если исторический опыт необходим для того, чтобы первоначально прийти к теоретическому обоснованию, это обоснование касается фактов и связей, которые простираются и логически выходят за рамки любого конкретного исторического опыта. Следовательно, как только теоретическое знание постигнуто, оно может быть использовано в качестве постоянного и бессрочного критерия «критики», т.е. в целях поправки, пересмотра и опровержения, а также для принятия историче-

¹³ Во избежание недоразумений: сказать, что что-то «необходимо» (и может быть признано таковым «*априори*»), не значит утверждать, что это исключительно истинно. Математики и логики тоже утверждают, что рассматривают необходимые взаимосвязи, и все же они не претендуют на полную безошибочность. Скорее, в этом отношении утверждается лишь то, что для опровержения *теоретического* утверждения (в отличие от гипотетического) требуется другой, еще более фундаментальный теоретический аргумент, точно так же, как для опровержения математических или логических теорем требуется другое математическое или логическое доказательство или аргумент (а не «эмпирическое доказательство»).

ских данных и интерпретаций. Например, исходя из теоретических знаний, следует признать невозможным, что более высокие налоги и регуляции могут быть причиной более высокого уровня жизни. Уровень жизни может быть выше только вопреки более высоким налогам и регуляциям. Аналогичным образом, теоретические обоснования позволяют отвергнуть такие утверждения, как то, что увеличение потребления приводит к увеличению производства (экономическому росту), что цены ниже рыночных (предельных) приводят к нереализованным излишкам товаров или что отсутствие демократии стало причиной экономических проблем социализма, как нелепые бессмысленные. С теоретической точки зрения, только увеличение сбережений и накопление капитала и/или повышение производительности могут привести к увеличению производства, только наличие гарантированно высоких цен, превышающих рыночные (минимальные), может привести к продолжительному профициту, и только отсутствие частной собственности несет ответственность за тяжелое экономическое положение при социализме. И, повторюсь, ни одно из этих умозаключений не требует дальнейшего эмпирического изучения или проверки. Пытаться изучать или проверять их – признак непонимания.

Я, очевидно, не считаю недостатком то, что, как я ранее отметил, это работа не историка, а политического экономиста и философа. Совсем наоборот. Как уже указывалось, историки как таковые не могут рационально выбирать между несовместимыми интерпретациями одного и того же набора данных или последовательности событий; следовательно, они не в состоянии дать ответы на наиболее важные социальные вопросы. Главным преимуществом политического экономиста и философа перед простым историком является его знание чистой – *априорной* – социальной теории (и также преимущества, которые можно извлечь из изучения политической экономии и философии), которая позволяет ему избежать неминуемых в противном случае ошибок в интерпретации последовательностей сложных исторических данных и представить теоретически скорректированный или «реконструированный» и реши-

тельно критический или «ревизионистский» взгляд на историю.

Основываясь и руководствуясь фундаментальными теоретическими идеями как политической экономии, так и политической философии (этики), в следующих работах я предлагаю пересмотреть три центральных – фактически почти мифических – убеждения и интерпретации, касающиеся современной истории.

В соответствии с элементарными теоретическими представлениями о природе частной собственности и владения в сравнении с «общественной» собственностью и управлением, а также о фирмах в сравнении с правительствами (или государствами), я предлагаю сначала пересмотреть преобладающий взгляд на традиционные наследственные монархии и вместо этого предложить несвойственно благоприятную интерпретацию монархии и монархического опыта. Короче говоря, монархическое правительство теоретически реконструируется как частное правительство, которое, в свою очередь, описывается как способствующее ориентации на будущее, заботе о капитальных ценностях и экономической целесообразности правителя. Во-вторых, столь же нестандартно, но по тому же теоретическому признаку, демократия и демократический опыт представляются в нетипично неблагоприятном свете. Демократическое правительство реконструируется как государственное, что объясняется тем, что оно способствует ориентации на настоящее и что демократические правители игнорируют или пренебрегают капитальными ценностями, тогда как переход от монархии к демократии интерпретируется соответственно как цивилизационный упадок.

Еще более фундаментальным и нестандартным является предлагаемый третий пересмотр.

Несмотря на сравнительно благоприятный вид монархии, я не являюсь монархистом, и нижеизложенное не является защитой монархии. Скорее, позиция по отношению к монархии такова: *если* необходимо иметь государство, определяемое как орган, который осуществляет обязательную территориальную

монополию на принятие окончательных решений (юрисдикцию) и налогообложение, то экономически и этически выгоднее выбрать монархию, нежели демократию. Но это оставляет открытым вопрос о том, необходимо ли государство вообще или нет, т.е. существует ли альтернатива и тому, и другому – монархии и демократии. История опять же не может дать ответа на этот вопрос. По определению, не может быть такой вещи, как «опыт» контрфактических аргументов и альтернатив; и все, что можно найти в современной истории, по крайней мере, в том, что касается развитого западного мира, – это история государств и этатизма. Ответ может дать только теория, поскольку теоретические пропозиции, как только что было показано, касаются необходимых фактов и взаимосвязей. Соответственно, как они могут быть использованы для исключения определенных исторических выводов и интерпретаций как ложных или невозможных, точно так же они могут быть использованы для исключения некоторых других вещей как конструктивно возможных, даже если эти вещи никогда не были видимы или опробованы.

В полном противоречии с ортодоксальным мнением по этому вопросу, элементарная социальная теория показывает и будет в дальнейшем изложена как показывающая, что ни одно государство, как оно только что было определено, не может быть обосновано, ни экономически, ни этически. Скорее, каждое государство, независимо от его конституции, является экономически и этически дефектным. Каждый монополист, в том числе тот, кто принимает окончательные решения, «плох» с точки зрения потребителя. Монополия здесь понимается в своем классическом значении, как отсутствие свободного входа в определенную линию производства: только одна организация, А, может производить Х. Любой такой монополист «плох» для потребителей, поскольку, огражденный от потенциальных новых игроков в его производственной линии, цена на его продукт будет всегда выше, а качество всегда ниже, чем в любом другом случае. Кроме того, никто не согласился бы с положением, которое позволяет монополисту в принятии окончательных

решений (высшему арбитру и судье) в каждом случае межличностного конфликта, в одностороннем порядке (без согласия всех заинтересованных сторон) определять цену, которую человек должен заплатить за его услуги. Право облагать налогом, а точнее полномочие, является этически неприемлемым. Действительно, монополист, принимающий окончательные решения, наделенный полномочиями по налогообложению, не просто производит правосудие все более низкого качества, но еще будет производить все больше и больше «ошибок», то есть несправедливости и агрессии. Таким образом, выбор между монархией и демократией касается выбора между двумя несовершенными социальными порядками. На самом деле, современная история предоставляет множество иллюстраций экономических и этических недостатков всех государств, будь то монархических или демократических.

Более того, эта же социальная теория позитивно демонстрирует возможность альтернативного социального порядка, свободного от экономических и этических недостатков монархии и демократии (а также любой другой формы государства). Термин, принятый здесь для обозначения социальной системы, свободной от монополии и налогообложения, – «естественный порядок». Другие названия, используемые в других местах или другими авторами для обозначения того же самого, включают термины, как «упорядоченная анархия», «анархия частной собственности», «анархо-капитализм», «автогосударство», «частноправовое общество» и «чистый капитализм».

Помимо монархии и демократии, ниже рассматривается «логика» естественного порядка, где каждый дефицитный ресурс находится в частной собственности, где каждое предприятие финансируется добровольно платящими клиентами или частными донорами, и где вход в каждую сферу производства, включая правосудие, полицию и оборону, является свободным. Именно в контрасте с естественным порядком выявляются экономические и этические ошибки монархии. Именно на фоне естественного порядка очевидны еще большие ошибки демократии, и историческая трансформация от монархии к де-

мократии раскрывается как цивилизационный упадок. Именно в силу логического статуса естественного порядка как теоретического ответа на фундаментальную проблему социального устройства – о том, как защитить свободу, собственность и стремление к счастью, – ниже также широко обсуждаются стратегические вопросы и проблемы, то есть требования социальных изменений и, в частности, радикальной трансформации от демократии к естественному порядку.

Независимо от нетрадиционных интерпретаций и выводов, сделанных в следующих материалах, теории и теоремы, использованные для этого, определенно *не* являются новыми или неортодоксальными. Действительно, если предположить, как это делаю я, что *априорная* социальная теория и теоремы существуют, то следует также ожидать, что большая часть таких знаний довольно старые и что теоретический прогресс идет очень медленно. Это действительно так. Следовательно, даже если мои выводы могут показаться радикальными или экстремальными, как теоретик я, безусловно, консервативен. Я отношу себя к интеллектуальной традиции, которая восходит, по крайней мере, к испанской схоластике шестнадцатого века и которая нашла свое самое яркое современное выражение в так называемой Австрийской школе экономики: традиции чистой социальной теории, представленной прежде всего Карлом Менгером, Ойгеном фон Бём-Баверком, Людвигом фон Мизесом и Мюрреем Ротбардом.¹⁴

Вначале я отметил габсбургскую Австрию и Соединенные Штаты Америки как страны, наиболее тесно связанные со старым монархическим режимом и новой нынешней демократическо-республиканской эпохой, соответственно. Здесь мы снова сталкиваемся с Австрией Габсбургов и обнаруживаем еще одну причину, по которой следующие исследования также можно назвать *австрийским взглядом на американскую эпоху*.

¹⁴ См. Murray N. Rothbard, *Economic Thought Before Adam Smith: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought* (Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1995); он же, *Classical Economics: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought* (Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1995); также *Fifteen Great Austrian Economists*, Randall Holcombe, ed. (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1999).

Австрийская школа экономики входит в число наиболее выдающихся из многих интеллектуальных и художественных традиций, зародившихся в Австрии до Первой мировой войны. Однако, как один из многих результатов разрушения империи Габсбургов, третье поколение школы, возглавляемое Людвигом фон Мизесом, было искоренено в Австрии, а также на европейском континенте и, после эмиграции Мизеса в Нью-Йорк в 1940 году, экспортировано в Соединенные Штаты Америки. И именно в Америке австрийская социальная теория укоренилась наиболее прочно, в частности, благодаря работе выдающегося американского ученика Мизеса Мюррея Ротбарда.

Представленные ниже исследования написаны с точки зрения современной австрийской социальной теории. Во всем этом заметно влияние Людвиг фон Мизеса и в еще большей степени Мюррея Ротбарда. Элементарные теоремы политической экономики и философии, которые используются здесь с целью реконструкции истории и предложения конструктивной альтернативы демократии, нашли свое наиболее подробное изложение в основных теоретических работах Мизеса и Ротбарда.¹⁵ Кроме того, многие из тем, обсуждаемых ниже, также рассматривались в их многочисленных прикладных работах. Следующие исследования разделяют с Мизесом и особенно Ротбардом фундаментальную и прочную антиэтатистскую позицию, выступающую за частную собственность и свободное предпринимательство.

Несмотря на это, следующие исследования могут претендовать на оригинальность в двух отношениях. С одной стороны, они обеспечивают более глубокое понимание современной политической истории. В своих прикладных работах Мизес и Ротбард обсудили большинство центральных экономических и политических проблем и событий двадцатого века: социализм против капитализма, монополии против конкуренции, частная собственность против государственной собственности, произ-

¹⁵ Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, Scholar's Edition (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, [1949] 1999); Murray N. Rothbard, *Man, Economy, and State: A Treatise on Economic Principles* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, [1962] 1993).

водство и торговля против налогообложения, регулирования и перераспределения и т.д.; и оба подробно рассказали о быстром росте государственной власти в двадцатом веке и объяснили его экономические и морально пагубные последствия. Однако, доказав свою исключительную проницательность и дальновидность в этих вопросах (особенно по сравнению с их эмпирико-позитивистскими коллегами), ни Мизес, ни Ротбард не предпринимали систематических попыток найти причину упадка классическо-либеральной мысли и *laissez-faire* капитализма, а также сопутствующего ему роста антикапиталистических настроений и этатизма в двадцатом веке. Конечно, они не думали о демократии как о причине этих событий. На самом деле, хотя и осознавая экономические и этические недостатки демократии, и Мизес, и Ротбард питали слабость к демократии и склонны были рассматривать переход от монархии к демократии как прогресс. Напротив, я объясню быстрый рост государственной власти в течение двадцатого века, о котором сокрушались Мизес и Ротбард, как систематический результат демократии и демократического мышления, т.е. (ошибочной) веры в эффективность и/или справедливость государственной собственности и народного правления (правление большинства).

С другой стороны, основываясь на этом более глубоком «ревизионистском» понимании современной истории, следующие исследования также приводят к «лучшему» – более ясному и четкому – пониманию конструктивной альтернативы демократическому статусу-кво, т.е. естественному порядку. Здесь даются подробные объяснения, касающиеся функционирования естественного порядка как безгосударственной социальной системы, в которой свободно финансируемые страховые агентства выступают в качестве конкурентоспособных поставщиков правопорядка. И столь же подробно обсуждаются стратегические вопросы. В частности, сецессия и приватизация как основные инструменты и средства преодоления демократии и установления естественного порядка.

Каждая из следующих глав является обособленной и мо-

жет быть прочитана отдельно. Хотя это предполагает некоторое тематическое дублирование глав, они объединяются в прогрессирующее и расширяющееся теоретическое целое. С помощью этих работ я хочу, в частности, продвинуть традицию австрийской социальной теории и способствовать укреплению ее репутации не только как бастиона истины, но и как вдохновляющей, захватывающей и освежающей. И в том же ключе, но в более широком смысле, я хочу продвигать традицию обширной социальной теории, охватывающую политическую экономию, политическую философию и историю и включающую как нормативные, так и позитивные вопросы. Подходящим термином для такого рода интеллектуальных усилий, казалось бы, должна быть социология. Но данный термин, пусть иногда и использовавшийся в подобном значении, под доминирующим влиянием эмпиристско-позитивистской философии приобрел совершенно другое значение и репутацию. Согласно эмпирической доктрине, нормативные вопросы вообще не являются «научными», и не существует такой вещи, как *априорная* теория. Это практически с самого начала исключает обширную социальную теорию как «ненаучную». Соответственно, большая часть того, что сегодня выдается за социологию, не просто ложна, но и неактуальна и уныла. В отличие от этого, следующие работы – это все, что, по утверждению хорошего позитивиста, невозможно и не должно таковым быть: междисциплинарным, теоретически ориентированным и затрагивающим как позитивно-эмпирические, так и нормативные вопросы. Я надеюсь продемонстрировать на своем примере, что это подход правильный, а также более интересный.

Ханс-Херман Хоппе
Лас-Вегас, Невада
Сентябрь 2000

§1

Временные предпочтения, правительство и процесс децивилизации

Временные предпочтения

В своих действиях человек неизменно стремится заменять более удовлетворительным менее удовлетворительное положение дел и таким образом демонстрирует предпочтение большему количеству благ, а не меньшему. Кроме того, он неизменно рассматривает, когда в будущем его цели будут достигнуты, т.е. время, необходимое, чтобы достигнуть их, а также длительность полезного эффекта. Таким образом он также демонстрирует универсальное предпочтение более ранним благам, чем более поздним, и более длительным, чем менее длительным. Это – явление временного предпочтения.¹

Каждому человеку требуется определенное количество времени, чтобы достичь своей цели, и поскольку человек должен всегда что-то потреблять и не может полностью прекратить потребление, пока он жив, время всегда находится в дефиците. Таким образом, *при прочих равных условиях*, настоящие или более ранние товары являются и должны неизменно быть оценены более высоко, чем будущие или более поздние. Фактически, если бы человек не был ограничен временными предпочтениями, и если единственным ограничивающим фактором для него было то, что он предпочитал больше благ, чем меньше, он неизменно выбирал бы те производственные процессы, которые обеспечивали наибольший выход на каждый вход, независимо от продолжительности времени, необходимого для получения

¹ См. об этом, в частности, Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, Scholar's Edition (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998), гл. 18 и 19; также William Stanley Jevons, *Theory of Political Economy* (New York: Augustus M. Kelley, 1965); Eugen von Bohm-Bawerk, *Capital and Interest*, 3 vols. (South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1959); Richard von Strigl, *Capital and Production* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 2(01)); Frank Fetter, *Capital, Interest, and Rent* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977); Murray N. Rothbard, *Man, Economy, and State*, 2 vols. (Los Angeles: Nash, 1970).

результата. Он всегда бы сберегал и никогда бы не потреблял. Например, вместо того, чтобы сначала создать рыболовную сеть, Крузо начал бы строить рыболовное судно, так как это экономически наиболее эффективный метод ловли рыбы. То, что никто, включая Крузо, не может действовать таким образом, демонстрирует, что человек не может не «оценивать те же периоды времени по-другому, смотря на то, насколько они отдалены от момента принятия решения». «То, что ограничивает объем сбережения и инвестиций – временные предпочтения».²

Ограниченный временными предпочтениями, человек обменивает существующие блага на будущие, только если он будет ожидать увеличение своего количества благ. Уровень временных предпочтений, который отличается от человека человеку и от одной точки времени к следующей, но всегда принимает положительное значение для каждого человека определяет размер удовлетворения от теперешних благ относительно будущих, а также сумму сбережений и инвестиций. Рыночная процентная ставка – совокупная сумма всех отдельных показателей временных предпочтений, отражающая общественный уровень временного предпочтения и уравнивающая общественные сбережения (т.е. предложение текущих благ, предлагаемых для обмена на будущие блага) и общественные инвестиции (т.е. спрос на существующие блага предполагаемые к получению будущей прибыли).

Инвестиционные фонды не могут существовать без предыдущих сбережений, т.е. без воздержания от возможного потребления существующих товаров (избытка текущего производства по текущему потреблению). И никакой спрос на инвестиционные фонды не существовал бы, если бы никто не чувствовал возможности использовать существующие товары продуктивно, т.е. инвестировать их, чтобы произвести будущую продукцию, которая превысит количество или качество существующей. Действительно, если бы все существующие товары потреблялись и ни один не был инвестирован, процентная ставка была бы бесконечно высока, которая где угодно за

² Mises, *Human Action*, стр. 483 и 491.

пределами Райского Сада, будет эквивалентна существованию на уровне животных, т.е. жить, сталкиваясь с действительностью только с голыми руками и желанием мгновенного удовлетворения.

Спрос на инвестиционные фонды возникает только если сначала признать, что косвенные (более окольные, более длинные) производственные процессы дают большую или лучшую продукцию на выходе, чем прямое и короткое производство.³ Во-вторых, должно быть накоплено количество настоящих (потребительских) благ необходимых для обеспечения необходимых потребностей в течении производства будущих благ.

Пока эти условия выполнены, формирование капитала и накопление будут продолжаться. Земля и труд (первоначальные факторы производства), вместо того, чтобы быть задействованными в краткосрочных производственных процессах, поддерживаются избытком потребительских благ и используются в производстве средств производства. У средств производства нет стоимости кроме стоимости как промежуточных средств в процессе производства конечного, более дальнего продукта, поскольку производство конечных продуктов более продуктивно с промежуточными средствами, чем без них. Цена на инвестиционный товар возникает из-за этой разницы во времени. Это цена, заплаченная за выигрыш времени, за продвижение к завершению конечной цели. По той же причине ценность конечной продукции должна превысить сумму, потраченную на ее факторы производства (цена, заплаченная за инвестиционный товар и все дополнительные трудовые услуги).

Чем ниже уровень временных предпочтений, тем ранее начнется процесс формирования инвестиционного капитала и быстрее производственный процесс будет усовершенствован.

³ Конечно, не все более длинные производственные процессы более продуктивны, чем более короткие, но при условии, что человек, ограниченный временными предпочтениями, будет неизменно (и всегда) выбирать самые кратчайшие из возможных методов производства некоторой заданной продукции, то любое увеличение объема производства может быть достигнуто – праксеологически – только в том случае, если производственный процесс удлиняется, при неизменной технологии.

Факторы, влияющие на временные предпочтения и процесс цивилизации

Среди факторов, влияющих на временные предпочтения, можно выделить внешние, биологические, личные и социальные факторы.

Внешние факторы – события в физической среде действующего человека, результатом которых он не может управлять ни непосредственно, ни косвенно. Такие события затрагивают временное предпочтение настолько, насколько они ожидаются. Они могут быть двух видов. Если ожидается положительное событие, такое как манна, падающая с небес, предельная полезность будущих товаров будет падать по сравнению с нынешними товарами. Ставка временного предпочтения будет повышаться, и потребление будет стимулироваться. После того, как ожидаемое событие произошло, и теперь большее предложение будущих товаров превратилось в большее предложение текущих товаров, произойдет обратное. Ставка временного предпочтения будет снижаться, а сбережения будут увеличиваться.

С другой стороны, если ожидается негативное событие, такое как наводнение, возрастает предельная полезность будущих товаров. Уровень временных предпочтений будет снижаться, а сбережения будут увеличиваться. После такого события из-за уменьшенного предложения текущих товаров ставка будет повышаться.⁴

Биологические процессы технически находятся в пределах досягаемости человека; но для всех практических целей и в обозримом будущем они тоже должны рассматриваться как данность человека, аналогичная внешним событиям.

Это данность, что человек рождается ребенком, что он вырастает, чтобы быть взрослым, что он способен на продол-

⁴ Если ожидается, что с надвигающимися потерями будущих товаров вообще ничего нельзя сделать, так что никакие нынешние попытки смягчить эти потери путем компенсационных сбережений (или страхования) не представляются возможными, поскольку такие сбережения также будут уничтожены, ставка временных предпочтений немедленно повысится и останется высокой после события.

жение рода в течение своей жизни, и что он стареет и умирает. Эти биологические факты имеют прямое отношение к временным предпочтениям. Из-за ограниченного познавательного развития у детей чрезвычайно высокий коэффициент временного предпочтения. Они не обладают четким пониманием личной продолжительности жизни, продолжающейся в течение длительного периода времени, и им не хватает полного понимания производства как способа косвенного потребления. Соответственно, настоящие товары и немедленное удовлетворение крайне предпочтительны относительно будущих товаров и отсроченного удовлетворения. Сберегательно-инвестиционная деятельность редка, а периоды производства и сбережения редко выходят за рамки ближайшего будущего. Дети живут изо дня в день и получают одно мгновенное удовлетворение.⁵

В процессе становления взрослым, изначально чрезвычайно высокая ставка временных предпочтений у человека, как правило, падает. С учетом ожидаемой продолжительности жизни и возможностей производства как средства косвенного потребления возрастает предельная полезность будущих благ. Стимулируются экономия и инвестиции, а сроки производства и обеспечения продлены.

Наконец, становясь старыми и приближаясь к концу своей жизни, ставка временных предпочтений имеет тенденцию к росту. Предельная полезность будущих товаров падает, потому что самого будущего у человека осталось меньше. Экономия и инвестиции уменьшаются, а потребление, включая невозвращение капитала и товаров длительного пользования, возрастет. Однако этот эффект может быть предотвращен и приостановлен. Из-за биологического факта деторождения его ставка предпочтения может оставаться на уровне взрослого до его

⁵ О высоких временных предпочтениях детей, а также о биологических (расовых) и культурных факторах, изменяющих его, см. Walter Mischel, «Preference for Delayed Reinforcement: An Experimental Study of a Cultural Observation», *Journal of Abnormal and Social Psychology* 56 (1958); Mischel, «Preference for Delayed Reinforcement and Social Responsibility» *Journal of Abnormal and Social Psychology* 62 (1961); Mischel, «Father Absence and Delay of Gratification: Cross-Cultural Comparisons», *Journal of Abnormal and Social Psychology* 63 (1961).

смерти, из-за мотивации обеспечить будущими благами своих потомков.

В рамках ограничений, налагаемых внешними и биологическими факторами, человек устанавливает свою ставку предпочтения в соответствии с его субъективными оценками. Насколько высокий или низкий этот показатель и какие изменения он будет испытывать в течение своей жизни, зависят от личных психологических факторов. Один человек может не заботиться ни о чем, кроме настоящего и самого ближайшего будущего. Как ребенок, он может быть заинтересован только в мгновенном или минимально отложенном удовлетворении. В соответствии с его высоким временными предпочтениями он может захотеть быть бродягой, пьяницей, наркоманом, мечтателем или просто счастливым парнем, который любит работать как можно меньше, чтобы наслаждаться каждым днем в полной мере. Другой человек может постоянно беспокоиться о своем будущем и будущем своего потомства и с помощью сбережений может захотеть создать постоянно растущий запас капитала и товаров длительного пользования, чтобы обеспечить все больший запас будущих благ и более длительный положительный эффект от них. Третий человек может чувствовать предпочтение в какой-то степени между этими крайностями, или он может чувствовать разную степень в разное время и, следовательно, выбрать для себя соответствующий образ жизни.⁶

⁶ В отличие от широкого признания феномена временных предпочтений экономистами, в частности экономистами «Австрийской школы», удивительно мало внимания уделяется ему социологами и политологами. За заметным исключением см. Edward Banfield, *The Unheavenly City Revisited* (Boston: Little, Brown, 1974), особ. гл. 3. Банфилд определяет временные предпочтения как основную причину постоянного различия между социальными классами и культурами, в частности между «высшим классом» и «низшим классом». В то время как члены первого класса характеризуются ориентацией на будущее, самодисциплиной и готовностью отказаться от удовлетворения в настоящем в обмен на лучшее будущее, члены «низшего класса» характеризуются ориентацией на настоящее и гедонизмом.

Если [индивид низшего класса] и осознает какое-то будущее, то только как нечто фиксированное, предопределенное, неподвластное ему: вещи происходят с ним, но он не заставляет их происходить. Импульсивность управляет его поведением либо потому, что он не может заставить себя жертв-

Однако, независимо от того, какова первоначальная ставка предпочтения человека или первоначальное распределение таких ставок в пределах определенного населения, как только оно будет достаточно низким, чтобы обеспечить любую экономию, накопление капитала или долговременное сбережение потребительских товаров, тенденция к падению уровня временных предпочтений приводится в движение, сопровождаясь «процессом цивилизации».⁷

Сберегатели обменивают присутствующие (потребительские) товары на будущие (капитальные) товары с ожиданием того, что они будут способствовать увеличению предложения товаров в будущем. Если бы они ожидали иначе, они бы не сберегали. Если эти ожидания окажутся верными, и если все остальное останется прежним, то предельная полезность нынешних товаров по сравнению с будущими будет падать. Его ставка предпочтения будет ниже. Он будет экономить и инве-

вовать настоящим ради удовлетворения в будущем, либо потому, что он не чувствует будущего. Поэтому он в корне непредусмотрителен. ... Он работает только по необходимости, чтобы выжить, и дрейфует от одной неквалифицированной работы к другой, не проявляя никакого интереса к своей работе. ... Он небрежно обращается со своими вещами. ... и даже когда они почти новые, они, скорее всего, навсегда выйдут из строя из-за отсутствия мелкого ремонта. Его тело тоже вещь, «которую нужно дорабатывать, но не ремонтировать». (Banfield, *The Unheavenly City*, стр. 61-62)

Такие явления, обычно ассоциирующиеся с «низшим классом», как распад семьи, беспорядочные половые связи, венерические заболевания, алкоголизм, наркомания, насилие, преступность, высокая детская смертность и низкая продолжительность жизни, имеют общую причину в виде высоких временных предпочтений. Их причина не в безработице или низком доходе. Скорее, отмечает Банфилд, причинно-следственная связь, во всяком случае, обратная: длительная безработица и стабильно низкие доходы также являются следствием лежащих в основе высоких временных предпочтений.

В качестве еще одного важного исключения из общего пренебрежения феноменом временных предпочтений со стороны неэкономистов см. Т. Alexander Smith, *Time and Public Policy* (Knoxville: University of Tennessee Press, 1988).

⁷ Подробное эмпирическое, социально-психологическое описание феномена «процесса цивилизации» см. также: Norbert Elias, *Über den Prozess der Zivilisation* (Frankfurt/M., 1968); English edition, *The Civilizing Process: A History of Manners* (New York: Urizen Books, 1978).

стировать больше, чем в прошлом, и его будущий доход будет еще выше, что приведет к еще одному снижению его ставки предпочтения. Шаг за шагом ставка предпочтений приближается к нулю (но никогда не может его достичь). В денежной экономике, как результат вложения настоящих денег, сберегатель рассчитывает получить более высокий доход реальных денег позже. При более высоком доходе предельная полезность нынешних денег падает относительно будущих денег, доля сбережений возрастает, а будущие денежные доходы будут еще выше.

Более того, в условиях обменной экономики вкладчик-хранитель также способствует снижению ставки временных предпочтений у тех, кто не делал сбережений. При накоплении капитальных благ увеличивается нехватка трудовых услуг, а ставки заработной платы, *при прочих равных условиях*, повысятся. Более высокие ставки заработной платы подразумевают увеличение предложения текущих товаров для предыдущих не хранителей. Таким образом, даже те люди, которые ранее не сберегали, заметят, что их личные ставки временных предпочтений снижаются.

Кроме того, как косвенный результат увеличения реальных доходов, вызванных сбережениями, питание и здравоохранение улучшается, а продолжительность жизни, как правило, возрастает. При более высокой ожидаемой продолжительности жизни более отдаленные цели добавляются к нынешней шкале ценностей человека. Предельная полезность будущих товаров по сравнению с нынешними возрастает, а ставка временных предпочтений снижается.⁸

Этим хранитель-инвестор инициирует «процесс цивилизации». Создавая тенденцию к падению временных предпочтений, он (и каждый, кто прямо или косвенно связан с ним через сеть обменов) созревает от детства до взрослой жизни и от варварства до цивилизации.

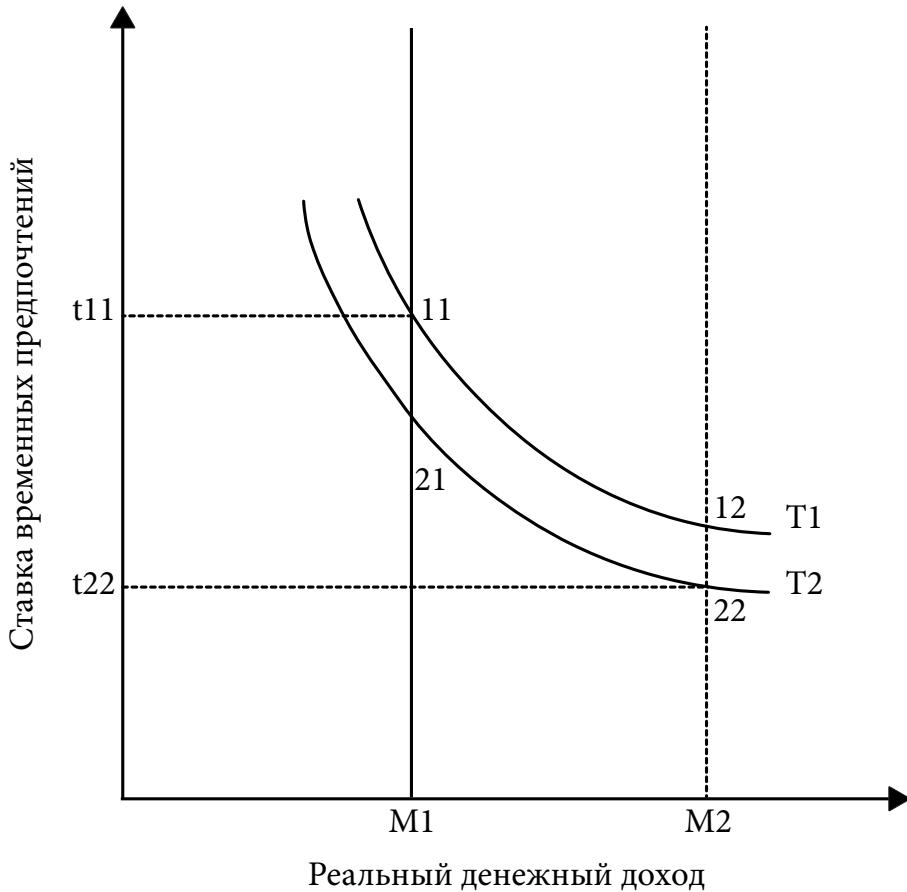
⁸ Дабы избежать любого рода недоразумений, необходимо четко дать понять, что сам факт более продолжительной жизни не влияет на временные предпочтения. Скорее, только личное знание индивида – субъективное ожидание этого факта – приводит к снижению уровня временных предпочтений.

При создании расширяющейся структуры капитала и долговременных потребительских товаров, хранитель-инвестор также неуклонно расширяет диапазон и горизонт своих планов. Число изменчивых факторов, находящихся под его контролем увеличивается. Соответственно, это увеличивает количество и временные горизонты его прогнозов относительно будущих событий. Следовательно, хранитель-инвестор заинтересован в приобретении и неуклонном улучшении своих знаний относительно увеличения числа контролируемых переменных факторов и их взаимосвязей. Однако, как только он приобрел или улучшил свои собственные знания, они отображаются его в действиях, такое знание становится «бесплатным благом», доступным для подражания и использования другими в своих целях. Таким образом, благодаря спасению сберегателя, даже самый кратковременно ориентированный человек будет постепенно превращаться из варвара в цивилизованного человека. Его жизнь перестает быть короткой, жестокой и противной, и она становится длиннее, возрастает, улучшается и становится более комфортной.

На рисунке 1 представлена графическая иллюстрация феноменов временного предпочтения и процесса цивилизации. Она связывает индивидуальные ставки временного предпочтения по вертикальной оси к реальным денежным доходам человека по горизонтали. В соответствии с законом предельной полезности каждая индивидуальная кривая временных предпочтений, такая как T_1 или T_2 , склоняется вниз по мере увеличения предложения настоящих денег. Процесс цивилизации изображается движением из точки 11 – со ставкой временных предпочтений t_{11} до точки 22 – с временным предпочтением t_{22} . Это движение представляет собой составное соотношение между двумя взаимосвязанными изменениями. С одной стороны, это связано с движением по T_1 с точки 11 до 12, что представляет собой падение временных предпочтений, которое возникает, если индивидуум *обладает* большим запасом существующих товаров. С другой стороны, происходит движение от пункта 12 до 22. Это изменение от более высокой до более

низкой кривой временного предпочтения представляет собой *изменения* в личности, которые происходят во время перехода от детства во взрослую жизнь, в процессе роста ожидаемой продолжительности жизни или в результате развития знаний.

Рис. 1
Временные предпочтения и процесс цивилизации

Временные предпочтения, собственность, преступность и правительство

Фактическое количество текущих товаров, предназначенных для производства будущих товаров, зависит от технических знаний человека. Например, без знания того, как построить рыболовную сеть, Крузо, очевидно, не мог бы начать обмен текущими товарами на будущие, то есть сэкономить и инвестировать. С другой стороны, учитывая технические знания человека, размер экономии зависит только от предложения теку-

ровать. С другой стороны, учитывая технические знания человека, размер экономии зависит только от предложения текущих товаров и кривой его предпочтений. Чем меньше его запас существующих товаров и чем выше его кривая предпочтений, тем выше его ставка предпочтений и тем ниже его фактическая экономия.

В начале человечества существовала только «земля» (природные ресурсы и препятствия) и «труд» (человеческие тела). Строго говоря, единственным *источником* любой пользы было тело и время. Поставка всех других товаров – будь то скоропортящиеся или долговечные потребительские товары, такие как ягоды или пещеры, или косвенно полезные товары (производственные факторы), такие, как ягодные кустарники и их окружающие земли даны не были. Это результат чьего-либо действия, присвоения природы конкретным лицом. Разумеется, факты и законы природы и человеческой биологии являются «данностями», и природа как таковая может быть щедрой или скудной. Но только через акт присвоения индивидуумом природа превращается в запас товаров. Еще более очевидно, что поставка всех *произведенных* товаров не «дана». Будь то товары народного потребления, которые хранятся или производятся более долговечными или факторы производства (капитальные товары), все они являются результатом деятельности конкретных лиц. Наконец, технические знания также не являются «данностями». Один картофель, спасенный сегодня, может дать десять картофелей через год, может быть фактом природы, но сначала нужно получить картофель. И все же, даже имея картофель его сохранение было бы неактуальным для человека, если только этот человек не знает правила выращивания картофеля.

Таким образом, ни поставка настоящих товаров, ни технологии не являются предоставленными. Они являются артефактами, созданными с целью улучшения благосостояния их создателя. Ожидания могут оказаться правильными или неправильными, и вместо того, чтобы получать прибыль, действия могут привести к потере. Но никто не мог тратить время на сбор ягод, если только он не ожидал, что ягоды будут съедобными.

Никто не вырастил бы ягодный куст, если бы не подумал, что это усилит его урожай ягод. Никто не хотел бы узнавать о каком-либо факте или законе природы, если бы он не ожидал, что такие знания помогут ему улучшить его обстоятельства.

В социальном контексте на кривую временных предпочтений и, следовательно, на ставку временных предпочтений, могут также влиять действия (и ожидания действий) других людей.⁹

Тенденция к снижению временных предпочтений и сопутствующему процессу цивилизации будет продолжаться до тех пор, пока предполагается, что никто не вмешивается в чужие акты присвоения и производства. До тех пор, пока это так, и каждый человек уважается всеми остальными как владелец его тела, труда и любых товаров, которые он присвоил и произвел таким образом, чтобы каждый мог пользоваться, невзирая на других, существование более чем одного человека либо оставляет тенденцию к падению временных предпочтений неизменным, либо даже ускоряет и усиливает сам процесс. Первый случай имеет место, если А присваивает права собственности на ранее не принадлежащие никому природные блага, или если он превращает такие блага в другие, не причинив какого-либо физического ущерба благам, принадлежащим другому лицу В. Количество текущих товаров, или их стоимость для А увеличивается, и, следовательно, *при прочих равных условиях*, его ставка временного предпочтения будет падать. Поскольку акты А не влияют на количество товаров, принадлежащих В, ставка временного предпочтения В остается неизменной. Кроме того, тенденция снижения ставки предпочтений будет ускорена, поскольку отношения А и В, основанные на взаимном признании собственности друг друга, они участвуют в добровольной торговле или сотрудничестве даже без такого обмена, поскольку они просто наблюдают за деятельностью друг друга и копиру-

⁹ См. об этом Rothbard, *Man, Economy, and State*, стр. 147-59; см. также Rothbard, *Power and Market* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977); Hans-Hermann Hoppe, *Theory of Socialism and Capitalism* (Boston: Kluwer, 1989); он же, *The Economics and Ethics of Private Property* (Boston: Kluwer, 1993).

ют знания друг друга. Для любой добровольной торговли или сотрудничества между А и В увеличивается предложение и/или стоимость, приложенная к товарам *обеих* сторон, и, следовательно, ставка предпочтений А и В упадет. Более того, изучая факты и законы друг от друга, например, что такое картофель, что картофель можно съесть, или что настоящий картофель может дать десять будущих, склонность к падению временных предпочтений распространяется от одного человек к другому.

Однако, если происходят нарушения прав собственности, и товары, присвоенные или произведенные А, украдены, повреждены или экспроприированы В, или если В ограничивает действия, которые А разрешено делать с его товарами каким-либо образом (за исключением того, что ему не разрешено вызывать любое физическое повреждение товаров В), тенденция к падению временных предпочтений будет нарушена, остановлена или даже отменена.

Нарушения прав собственности и влияния, которые они оказывают на процесс цивилизации, могут быть двух видов. Они могут принимать форму преступной деятельности (включая небрежное поведение), или они могут принимать форму институционального или государственного вмешательства.

Характерной чертой криминальных вторжений в имущественные права является то, что такая деятельность считается незаконной или несправедливой не только жертвой, но и собственниками имущества в целом (и, возможно, самим преступником). Следовательно, считается, что жертва имеет право защищаться, если это необходимо, ответной силой, и она может наказать и/или взыскать компенсацию от правонарушителя.

Воздействие преступности двоякое. С одной стороны, преступная деятельность уменьшает количество товаров пострадавшего владельца, тем самым повышая его ставку временных предпочтений. С другой стороны, поскольку люди воспринимают риск будущего вторжения, они соответственно перераспределяют свои ресурсы. Они будут строить стены и заборы, устанавливать замки и системы сигнализации, проектировать или покупать оружие, а также приобретать услуги по

защите и страхованию. Таким образом, наличие преступности означает неудачу в процессе снижения временного предпочтения в отношении реальных жертв, что приводит к расходам фактическими и потенциальными жертвами, которые считаются расточительными без существования преступления.¹⁰

Следовательно, преступность или изменение ее частоты оказывают одинаковое влияние на временные предпочтения, как появление или изменение частоты «естественных» бедствий. Наводнения, штормы, тепловые волны и землетрясения также уменьшают количество благ и тем самым повышают их эффективную ставку временных предпочтений. И воспринимаемое изменение рисков стихийных бедствий также приводит к перераспределению ресурсов и корректировкам расходов, таким как строительство плотин, дамб, приютов или покупка страхования от землетрясений, что было бы ненужным без этих естественных рисков.

Что еще более важно, однако, поскольку фактическим и потенциальным жертвам разрешено защищаться и страховать себя от социальных бедствий, таких как преступность, а также от природных, влияние этих бедствий являются временными и бессистемными. Фактические жертвы будут экономить или инвестировать меньшее количество товаров, потому что они беднее. И изменение восприятия риска среди реальных и потенциальных жертв определяет *направление* их будущих действий. Но до тех пор, пока разрешена физическая защита, существование социальных или стихийных бедствий не означает, что *уровень* предпочтения фактических или потенциальных жертв (их степень ориентации на будущее) будет систематически изменен.¹¹ После принятия рисков ущерба и перенаправления своих дей-

¹⁰ См. также Gordon Tullock, «The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft», *Western Economic Journal* 5 (1967).

¹¹ В соответствии с рисунком 1 выше: Социальные и стихийные бедствия одинаково подразумевают движение вверх и влево на заданной кривой временных предпочтений – в той мере, в какой речь идет о реальных жертвах. Но они не подразумевают изменения структуры характера человека, то есть перехода от более низкой кривой временных предпочтений к более высокой. Однако такой сдвиг происходит при наличии правительственных катастроф.

ствий, тенденция к снижению ставки предпочтения и продолжению процесса цивилизации возобновит свой предыдущий путь. Конечно же, ожидается, что защита как от преступлений, так и от стихийных бедствий будет продолжаться постоянно.¹²

Вопросы коренным образом меняются, и процесс цивилизации постоянно останавливается, когда нарушения прав собственности принимают форму государственного вмешательства. Отличительной чертой государственных нарушений прав частной собственности является то, что вопреки преступной деятельности они считаются законными не только правительственными агентами, которые их инициируют, но и широкой общественностью (и в редких случаях, возможно, даже жертвой). Следовательно, в этих случаях жертва *не* может законно защищаться от таких нарушений.

Наложение государственного налога на имущество или доход нарушает права собственности или доходов производителя так же, как и кража. В обоих случаях поставка товара изготовителем уменьшается без его согласия. Создание прави-

¹² Об эволюции и эффективности систем конкурентных судов и частного обеспечения обороны и правопорядка см. Gustave de Molinari, *The Production of Security* (New York: Center for Libertarian Studies, 1977); William C. Wooldridge, *Uncle Sam the Monopoly Man* (New Rochelle, N.Y.: Arlington House, 1970); Murray Rothbard, *For A New Liberty* (New York: Macmillan, 1978); Hans-Hermann Hoppe, *The Economics and Ethics of Private Property*; Morris and Linda Tannehill, *The Market for Liberty* (New York: Laissez Faire Books, 1984); Terry Anderson and P.J. Hill, *The American Experiment in Anarcho-Capitalism: The Not So Wild, Wild West*, *Journal of Libertarian Studies* (1980); Bruce L. Benson, *Guns for Protection, and other Private Sector Responses to the Government's Failure to Control Crime*, *Journal of Libertarian Studies* (1986); он же, *The Enterprise of Law: Justice Without the State* (San Francisco: Pacific Research Institute, 1990); Roger D. McGrath, *Gunfighters, Highwaymen, and Vigilantes: Violence on the Frontier* (Berkeley: University of California Press, 1984); он же, *Treat Them to a Good Dose of Lead*, *Chronicles* (January 1994).

¹³ О теории государства см., помимо работ, приведенных в сноске 9 выше, Franz Oppenheimer, *The State* (New York: Vanguard Press, 1914); он же, *System der soziologie*, том 2, *Der Staat* (Stuttgart: Gustav Fischer, 1964); Alexander Riistow, *Freedom and Domination* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980); Charles Tilly, «War Making and State Making as Organized Crime», в *Bringing the State Back In*, Peter B. Evans, Dietrich Rueschemeyer, and Theda Skocpol, eds. (Cambridge: Cambridge University Press, 1985); Richard Epstein, *Takings: Private Property and the Power of Eminent Domain* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985).

тельствующих денег или создание «ликвидности» предполагает не менее мошенническую экспроприацию частной собственности, чем операции преступной банды- фальшивомонетчика. Более того, любое правительственное постановление о том, что может и не может делать владелец со своим имуществом, помимо правила, согласно которому никто не может физически повредить имущество других лиц и что все обмены и торговля с другими должны быть добровольными и договорными, подразумевает влияние на чье-либо имущество, аналогичное актам вымогательства, грабежа или разрушения. Но налогообложение, государственное регулирование ликвидности и правительственные постановления, в отличие от их преступных коллег считаются законными, а жертва государственного вмешательства, в отличие от жертвы преступления *не* имеет права на физическую защиту и защиту своего имущества.

Из-за легитимности правительство влияет на индивидуальные временные предпочтения систематически и гораздо глубже, чем преступление. Как и преступление, вмешательство государства в права частной собственности уменьшает чей-то запас существующих товаров и, таким образом, повышает его эффективную ставку предпочтений. Однако правительственные преступления, в отличие от преступлений, одновременно повышают *ставку* предпочтения и реальных, и потенциальных жертв, поскольку они также подразумевают сокращение предложения *будущих* товаров (снижение нормы прибыли на инвестиции). Преступление, потому что оно незаконно, происходит только периодически – грабитель исчезает со сцены с его добычей и оставляет свою жертву в покое. Таким образом, преступность может быть решена путем увеличения потребности в защите товаров и услуг (по сравнению с текущими защитными благами), чтобы восстановить или даже увеличить будущие темпы возврата инвестиций и сделать менее вероятными, что тот же или другой разбойник преуспеет во второй раз с той же или другой жертвой. Напротив, поскольку вмешательство государства является законным, нарушения прав собственности является постоянными. Преступник не скрывается, и жертва

не «вооружается», а должна (по крайней мере, как она обычно думает) оставаться беззащитной.¹⁴ Следовательно, будущие нарушения прав собственности не становятся менее частыми, а становятся институционализированными. Частота, регулярность и продолжительность будущего насилия увеличивается. Вместо того, чтобы улучшить защиту, фактические и потенциальные жертвы нарушений прав собственности государством реагируют, связывая постоянно более высокий риск со всем будущим производством и систематически корректирует свои ожидания относительно нормы прибыли на все будущие инвестиции вниз.

Конкурируя с тенденцией к снижению ставки временного предпочтения, возникает другая противоположная тенденция с существованием правительства. Одновременно сокращая поставки нынешних и (ожидаемых) будущих товаров, нарушение

¹⁴ Лисандр Спунер в *No Treason: The Constitution of No Authority* (Larkspur, Colo.: Pine Tree Press, 1966) пишет:

Правительство, конечно, не выслеживает человека в одиноком месте, не набрасывается на него со стороны дороги и, приставив пистолет к его голове, не обшаривает его карманы. Но грабёж от этого не становится менее грабёжом; он гораздо более подлый и позорный.

Бандит с большой дороги берет на себя всю ответственность, опасность и преступность своего поступка. Он не делает вид, что у него есть законные права на ваши деньги или что он намерен использовать их для вашей собственной выгоды. Он не притворяется никем иным, как грабителем. Он не набрался достаточно наглости, чтобы заявлять, что он просто «защитник», и что он берет деньги людей против их воли, просто чтобы дать ему возможность «защитить» тех влюбленных путешественников, которые чувствуют себя вполне способными защитить себя или не ценят его своеобразную систему защиты. Он слишком разумный человек, чтобы делать подобные заявления. Более того, взяв ваши деньги, он покидает вас, как вы того хотите. Он не продолжает преследовать вас на дороге против вашей воли, считая себя вашим законным «сувереном» из-за «защиты», которую он вам предоставляет. Он не продолжает «защищать» вас, приказывая вам кланяться и служить ему, требуя от вас делать то-то и запрещая вам делать то-то, отнимая у вас все больше денег, когда он находит в этом свой интерес или удовольствие, клеймя вас как мятежника, предателя и врага вашей страны и расстреливая вас без пощады, если вы оспариваете его правоту или сопротивляетесь его требованиям. Он слишком джентльмен, чтобы быть виновным в таких обманных поступках, оскорблениях и злодеяниях, как эти. Короче говоря, он не только не грабит вас, но и не пытается сделать вас своим дуриком или своим рабом, (стр. 17).

прав собственности государством не только повышает ставку временного предпочтения, но и поднимает кривую временных предпочтений. Поскольку производители беззащитны против будущего вторжения со стороны правительственных агентов, их ожидаемый уровень вознаграждения по производству, ориентированному на будущее сокращается повсеместно, и, соответственно, все фактические и потенциальные жертвы становятся менее ориентированными на будущее.

Как будет объяснено в следующем разделе, если нарушения прав собственности станут достаточно обширными, естественная тенденция человечества к созданию растущего объема капитала и товаров длительного пользования может не только зайти в тупик, но и могут быть отменены тенденцией к децивилизации: ранее предусмотрительные поставщики превратятся в пьяниц или мечтателей, взрослые в детей, цивилизованные люди в варваров и производители в преступников.

Правительство, государственный рост и процесс децивилизации: из монархии в демократию

Каждое правительство, а это означает, что каждое агентство, которое занимается постоянными, институционализированными нарушениями прав собственности (экспроприации), по своей природе является территориальным монополистом. В деле экспроприации не может быть «свободного входа»; в противном случае вскоре не осталось бы ничего, что могло бы быть экспроприровано, и любая форма *институционализованной* экспроприации стала бы невозможной. В погоне за личными интересами каждое правительство будет использовать эту монополию экспроприации в свою пользу, чтобы максимизировать свои богатства и доходы. Следовательно, следует ожидать, что для каждого правительства будет присуща тенденция к росту. И, максимизируя свое богатство и доход посредством экспроприации, каждое правительство представляет собой постоянную угрозу процессу цивилизации (росту временных предпочтений и исчезновению более широкого и более длитель-

ного обеспечения), оно является расширяющимся источником децивилизационных сил.

Однако не каждое правительство расширяется одинаково, и они не производят децивилизационные процессы одной, и той же силы. Различные формы правления приводят к разной степени децивилизации.

Учитывая, что экспроприация создает жертву и нельзя полагаться на сотрудничество с ней во время преследования, агентство, которое институционализирует экспроприацию, должно иметь легитимность. Большинство неправительственной общественности должны рассматривать действия правительства как справедливые или, по крайней мере, достаточно справедливые, чтобы не сопротивляться, чтобы сделать жертву беззащитной.¹⁵ Однако получение легитимности непростая задача. По этой причине, например, вряд ли может в один момент возникнуть одно мировое правительство. Вместо этого все правительства должны начинать с малой территории. Маловероятно, что в таком маленьком формировании, как клан, племя, деревня или город, правительство сначала будет демократиче-

¹⁵ О фундаментальной важности благоприятного общественного мнения для осуществления государственной власти см. классическую трактовку у Etienne de la Boétie, *The Politics of Obedience: The Discourse of Voluntary Servitude* (New York: Free Life Editions, 1975), с введением Мюррея Ротбарда; см. также David Hume, «The First Principles of Government» в *Essays Moral, Political, and Literary* (Oxford: Oxford University Press, 1971). Таким образом, Юм пишет:

Для тех, кто рассматривает человеческие дела с философской точки зрения, нет ничего более удивительного, чем та легкость, с которой многие управляются немногими, и та беспрекословная покорность, с которой люди подчиняют свои собственные чувства и страсти чувствам и страстям своих правителей. Когда мы спросим, какими средствами осуществляется это чудо, мы обнаружим, что, поскольку сила всегда на стороне управляемых, то у правителей нет ничего, что могло бы их поддержать, кроме мнения. Поэтому правительство основано только на мнении, и эта максима распространяется как на самые деспотические и военные правительства, так и на самые свободные и народные.. Султан Египта или император Рима могли бы гнать своих безобидных подданных, как диких зверей, вопреки их чувствам и склонностям. Но он должен был, по крайней мере, вести за собой своих мамалюков или преторианцев, как людей, в соответствии с их мнениями. (*Essays*, стр. 19)

См. также Mises, *Human Action*, стр. 863-64.

ским, в котором нужно доверять не определенному известному человеку, особенно в таком чувствительном вопросе, как территориальная монополия экспроприации, а анонимному демократически выбранному человеку. В малой, первоначальной форме правления, как правило, устанавливается *единоличное* управление правительственным аппаратом принуждения (монархия).¹⁶

В каждом обществе любой степени сложности конкретные люди быстро приобретают элитный статус в результате наличия разных талантов. Благодаря достижению превосходного богатства, мудрости, храбрости или их сочетания, отдельные люди владеют уважением, а их мнения и суждения обладают естественным авторитетом. Как результат этой власти, члены элиты скорее всего преуспеют в установлении законной территориальной монополии принуждения, как правило, посредством монополизации судебных услуг (суды и законодательство) и правоохранительных органов (полиции).¹⁷ И поскольку

¹⁶ О длительном историческом процессе приобретения государственной власти и примате монархического правления см. Bertrand de Jouvenel, *Sovereignty: An Inquiry into the Political Good* (Chicago: University of Chicago Press, 1957), особенно глава II. 10; он же, *On Power: The Natural History of its Growth* (New York: Viking, 1949); он же, «The Principate» в его же *The Nature of Politics* (New York: Schocken Books, 1987); Rüstow, *Freedom and Domination*, особ. стр. 101-05.

¹⁷ О повсеместности естественной власти см. де Жувенель, *Sovereignty*, гл. 2.

Все, что было необходимо [для образования ассоциаций], это чтобы какой-то один человек почувствовал в себе естественное восхождение и затем вдохновил других доверием к себе. ... когда мы видим, как каждый день вокруг нас образуются ассоциации, почему мы должны представлять, что в далеком прошлом они образовывались как-то иначе? То, что делает лидеров, сейчас, как и всегда, – это естественное восхождение – авторитет как таковой. Мы видим, как они возникают на наших глазах всякий раз, когда нужно организовать спасение или потушить пожар. (стр. 31-32)

И о переходе от авторитета к власти де Жувенель продолжает:

Власть, однако, сильно отличается от авторитета. Отличительным признаком последней является то, что она осуществляется только над теми, кто добровольно принимает ее: если правители имеют власть только над частью своих подданных, они могут получить от этой части силу, достаточную для подчинения остальных своей власти. ... Власть заканчивается там, где заканчивается добровольное согласие. В каждом государстве существу-

лицами, которые *не* считаются владельцами правительства, а приняты как его временные *опекуны* или *попечители*, как правило, следует только после единоличной формы владения правительством. Поскольку массы или большинство людей не могут обладать никакими естественными полномочиями (это личная, индивидуальная черта), демократическое правительство может приобретать легитимность только неестественно, наиболее типично через войну или революцию. Только в таких действиях, как война и революция, массы действуют сообща, а победа и поражение зависят от массовых усилий. И только в исключительных обстоятельствах, таких как эти, массовое большинство может получить легитимность, необходимую для превращения правительства в *общественную* собственность.

Эти две формы государственного управления – частное и общественное владение правительством (монархия и демократия) имеют систематически различные последствия для общественного временного предпочтения и сопутствующего процесса цивилизации, и с переходом от личного (монархического) в демократическое (общественное) правление, вопреки распространенному мнению, децивилизационные процессы систематически укрепляются.¹⁸

Определяющая характеристика частной государственной собственности и причина относительно более низкой степени предпочтения личного правителя (по сравнению с преступниками и демократическими правительствами) заключается в том, что конфискованные ресурсы и монопольная привилегия экспроприации в будущем принадлежат индивидуально. Конфискованные ресурсы добавляются в частную собственность правителя и рассматриваются, как если бы они были его

ет предел послушания, который можно завоевать только с помощью силы или угрозы силы: именно этот предел нарушает свободу и демонстрирует несостоятельность власти. У свободных народов этот перевес очень мал, потому что там власть очень велика. (стр. 32-33)

¹⁸ См. также литературу о «трагедии общин», например, *Managing The Commons*, Garrett Hardin and John Baden, eds. (San Francisco: W.H. Freeman, 1977). См. также Mancur Olson, «Dictatorship, Democracy, and Development», *American Political Science Review* 87, no. 3 (1993).

частью, и монополярная привилегия будущей экспроприации прилагается в качестве титула на это имущество и приводит к мгновенному увеличению его нынешней стоимости («капитализация» монополярной прибыли). Самое главное, как частный собственник государственного имущества, правитель имеет право передать свое имущество наследнику. Он может продавать, сдавать в аренду или отдавать часть, или все его привилегированное имущество, и он может лично назначить или уволить каждого управленца и работника своего имения.¹⁹

Институт частной государственной собственности систематически формирует структуру стимулирования, с которой сталкивается правитель, и явно влияет на его поведение в государственных делах. Предполагается, что в собственных интересах правителя попытаться максимизировать свое общее бо-

¹⁹ Согласно этой характеристике монархии, современные «монархии», такие как Великобритания, Нидерланды, Бельгия, Швеция, Норвегия, Дания или Испания, явно являются монархиями только на бумаге. На самом деле, они представляют собой примеры того, что здесь и далее называется демократиями. Термин «монархия», как он определен здесь, наиболее уместно применять к форме правления, которая была характерна для Европы до конца восемнадцатого века: Старый порядок, когда под влиянием американской и, в частности, Французской революции и в ходе процесса, который не был полностью завершен до конца Первой мировой войны, монархии были постепенно преобразованы в демократии.

Действительно, монархию и демократию можно аналитически представить как две конечные точки континуума, с различными возможными формами правления, расположенными на большем или меньшем расстоянии от одной или другой крайности. Выборные монархии, существовавшие в течение определенного времени в Польше, Богемии и Венгрии, очевидно, менее монархичны, чем наследственные монархии. Аналогичным образом, «конституционные» монархии менее монархичны, чем доконституционные. И «парламентские» монархии вполне могут быть расположены ближе к демократии, чем к монархии, или, при всеобщем избирательном праве, они могут вообще не быть монархией. С другой стороны, в то время как республиканская форма правления по определению подразумевает, что государственный аппарат находится не в частной, а в государственной собственности (у «народа»), республика, таким образом, обладает врожденной тенденцией тяготеть к принятию всеобщего избирательного права, т. е. к демократическому республиканизму; но не все республики на самом деле одинаково близки к демократии. Например, аристократическая «республика», такая как республика Объединенных провинций Нидерландов до 1673 года (когда Вильгельм Оранский был избран наследственным *штатгальтером*), может быть классифицирована как квазимонархия, а не демократия.

О различии между монархией, республикой и демократией и их различных исторических проявлениях см. Erik von Kuehnelt-Leddihn, *Leftism Revisited: From de Sade and Marx to Hitler and Pol Pot* (Washington, D.C.: Regnery Gateway, 1990).

гатство, то есть, увеличить стоимость его недвижимости и его доходов. Он *не* хочет увеличивать доход большей ценой, чем пропорционального снижения текущей стоимости его активов. Кроме того, поскольку акты текущего приобретения доходов неизменно влияют на ценность текущих активов (отражающих стоимость всех будущих ожидаемых доходов от активов, на которые было снижено временное предпочтение), частная собственность сама по себе приводит к экономическому расчету и тем самым способствует дальновидности.

Хотя это справедливо в отношении частной собственности в целом, в частном случае частной собственности на *правительство* подразумевается определенная умеренность в отношении стремления правителя использовать его монополистическую привилегию экспроприации, поскольку акты экспроприации по своей природе паразитируют на предшествующих актах производства неправительственной общественностью. Там, где ничего не было создано, ничто не может быть экспроприровано, и там, где все было экспроприровано, все последующее производство придет к критической остановке. Следовательно, частный собственник правительства (король) избежал бы обложения налогом своих подданных настолько сильно, что уменьшил бы свой будущий потенциал заработка до такой степени, что нынешняя стоимость его имущества (его королевства) фактически упадет. Вместо этого, чтобы сохранить или даже повысить ценность его личной собственности, он будет систематически сдерживать себя в своей политике налогообложения, поскольку чем ниже степень налогообложения, тем продуктивнее будет население, и чем продуктивнее население, тем выше будет размер экспроприаций. Конечно, правитель будет использовать свою монополистическую привилегию. Он *не* будет не облагать налогами. Но, будучи частным владельцем правительства, в его интересах паразитировать на растущей, все более производительной и процветающей неправительственной экономике, поскольку это всегда и без каких-либо усилий с его стороны также увеличивало бы его собственное богатство и процветание. Таким образом, ставки налогов будут

низкими.²⁰

Кроме того, в интересах единоличного правителя использовать свою монополию на закон (суды) и порядок (полицию) для обеспечения соблюдения установленного закона о частной собственности. Для негосударственной общественности и всех ее внутренних отношений он захочет обеспечить соблюдение принципа, согласно которому все имущество и доход должны приобретаться производством и/или на договорной основе, и, соответственно, он захочет угрожать всем частным преступным группировкам наказанием. Чем *меньше* частного преступления будет существовать, тем больше будет частного богатства, и тем выше будет ценность монополии *правительского* налогообложения и экспроприации. Фактически, частный правитель не хочет ориентироваться исключительно на налоговые поступления, чтобы финансировать свои собственные расходы. Скорее, он также захочет полагаться на производственную деятельность и распределить часть своего имущества на производство и предоставление «нормальных» товаров и услуг с целью получения своим владельцем «нормального» (рыночного) дохода от *продаж*.²¹

²⁰ Carlo M. Cipolla, *Before the Industrial Revolution: European Society and Economy, 1000-1700* (New York: W.W. Norton, 1980), стр. 48, заключает: «В целом, следует признать, что доля доходов, получаемых государственным сектором, безусловно, увеличилась с XI века по всей Европе, но трудно представить, что, за исключением отдельных времен и мест, государственная власть когда-либо получала более 5-8 процентов национального дохода». Далее он отмечает, что эта доля систематически превышалась только во второй половине девятнадцатого века. См. также два следующих примечания.

²¹ О признании монархами ранее существовавшего права частной собственности см. Bertrand de Jouvenel, *Sovereignty*, особенно главы 10 и 11.

Отношение государя к правам выражено в клятве первых французских королей: «Я буду чтить и оберегать каждого из вас, и я буду поддерживать для каждого закон и справедливость, относящиеся к нему». Когда короля называли «должником справедливости», это была не пустая фраза. Если его долг был *suum cuique tribuere*, то *suum* был фиксированной точкой отсчета. Речь шла не о том, чтобы дать каждому то, что он, в силу полноты своих знаний, считал лучшим для него, а о том, что принадлежало ему по обычаю. Субъективные права не основывались на ненадежном владении грантом, а являлись собственностью, находящейся в свободном владении. Право суверена также было правом свободного владения. Это было такое же субъективное

Более того, частная собственность на правительство подразумевает умеренность по еще одной систематической причине. Вся частная собственность по определению является исключительной собственностью. Тот, кто владеет имуществом, имеет право исключить всех остальных из пользования им, и он вправе выбирать, с кем он хочет поделиться своим использованием. Как правило, владелец частной собственности будет включать свою семью и исключать всех остальных. Имущество становится семейной собственностью, и каждый человек вне семьи будет исключен из пользования семейного имущества, за исключением приглашенных гостей, оплачиваемых сотрудников или подрядчиков. В случае с правительством этот ис-

право, как и другие права, хотя и более высокого достоинства, но оно не могло отнять другие права. (стр.172-73)

Де Жувенель добавляет:

Часто цитируемый анекдот о Фридрихе Великом и мельнике Санс-Суси верно отражает античное положение дел. Права короля несравненно шире прав мельника; но в том, что касается прав мельника, они не хуже королевских; на своей территории мельник имеет право задержать короля. Действительно, существовало глубоко укоренившееся чувство, что все позитивные права существовали или исчезали вместе; если король пренебрег правом мельника на свою землю, то и право короля на его трон может быть проигнорировано. Глубокая, хотя и неясная концепция легитимности установила солидарность всех прав. (стр. 189)

А по поводу финансирования королей де Жувенель отмечает следующее:

Государственные расходы, как мы их теперь называем, в феодальные времена считались собственными расходами короля, которые он нес в силу своего положения. Когда он вступал в должность, он одновременно вступал в «поместье» (в современном смысле этого слова); т.е. он оказывался наделенным правами собственности, обеспечивающими доход, достаточный для удовлетворения потребностей «короля». Это похоже на то, как если бы правительство нашего времени должно было покрывать свои обычные расходы за счет доходов государственных предприятий. (стр. 178)

Однако стоит подчеркнуть, что любая монополизация правопорядка все равно подразумевает более высокие цены и/или более низкое качество продукции, чем в условиях конкуренции, и что даже король все равно будет использовать свою монополию на наказание в своих интересах: все больше переходя от принципа возмещения и компенсации жертве нарушенного права к принципу компенсации себе, королю. См. по этому вопросу Bruce L. Benson, «The Development of Criminal Law and Its Enforcement», *Journal des Economistes et des Etudes Humaines* 3 (1992).

ключительный характер частной собственности приобретает особое значение. В данном случае это означает, что все, кроме правителя и его семьи, не могут пользоваться выгодами от производственного приобретения имущества и дохода. Только правящая семья (и в меньшей степени ее друзья, сотрудники и деловые партнеры) разделяет пользование налоговыми поступлениями и может вести паразитную жизнь. Позиция главы правительства и владельца правительственного имущества обычно передается внутри правящей семьи, так что никто не из членов королевской семьи не может реально надеяться стать следующим королем. Хотя вход в правящую семью не может быть полностью закрыт, он весьма ограниченный. Возможно, можно стать членом семьи через брак. Однако, чем больше правящая семья, тем меньше будет доля каждого члена в общем экспроприированном имуществе. Следовательно, брак обычно ограничивается членами расширенной семьи правителя. Только в исключительных случаях член правящей семьи может заключить брак с полным «аутсайдером»; даже если это произойдет, член семьи по браку обычно не станет главой правящей семьи.

Из-за этих ограничений в отношении входа в правительство и исключительного статуса отдельного правителя и его семьи (как короля и дворян) частная государственная собственность (монархизм) стимулирует развитие «классового сознания» со стороны управляемой общественности и это способствует противостоянию расширению власти правительства. Есть четкое различие между несколькими правителями и многими управляемыми, и вероятность того, что человек перейдет от одного класса к другому очень низкая. Столкнувшись с почти непреодолимым препятствием для «восходящей» мобильности, солидарность между управляемыми укрепляется, растет их взаимная идентификация как реальных или потенциальных жертв правительственных нарушений, и риск правящего класса потерять свою легитимность в результате увеличения налогообложения соответственно увеличивается.²²

²² Бертран де Жувенель пишет: «Человек нашего времени не может представить себе отсут-

знания» со стороны управляемой общественности и это способствует противостоянию расширению власти правительства. Есть четкое различие между несколькими правителями и многими управляемыми, и вероятность того, что человек перейдет от одного класса к другому очень низкая. Столкнувшись с почти непреодолимым препятствием для «восходящей» мобильности, солидарность между управляемыми укрепляется, растет их взаимная идентификация как реальных или потенциальных жертв правительственных нарушений, и риск правящего класса потерять свою легитимность в результате увеличения налогообложения соответственно увеличивается.²²

На самом деле классовое сознание среди управляемых оказывает смягчающее влияние не только на внутреннюю политику правительства, но и на его поведение во внешних делах.

ствие реальной власти, характерное для средневекового короля, из чего, естественно, следовало, что для обеспечения исполнения решения ему необходимо было привлечь других лидеров, чье мнение подкрепляло его собственное», Bertrand de Jouvenel, «On the Evolution of Forms of Government» в его же *The Nature of Politics*, стр. 113. В другом месте де Жувенель отметил:

Король не мог требовать пожертвований, он мог только запрашивать «субсидии». При этом подчеркивалось, что его верноподданные оказывали ему помощь по своей доброй воле, и они часто пользовались этим случаем, чтобы оговорить условия. Например, они предоставили субсидии Джону Доброму (из Франции) при условии, что отныне он должен воздерживаться от чеканки денег с дефектом по весу. Чтобы пополнить свою казну, король мог отправиться в нищенское путешествие из города в город, излагая свои требования и получая местные субсидии, как это было сделано накануне Столетней войны; или он мог бы собрать со всех концов страны тех, чья финансовой поддержки он жаждал. Было бы серьезной ошибкой путать такое собрание с современным заседанием парламента, хотя последнее явление возникло из первого. Парламент является суверенным и может взимать взносы. Старые собрания скорее следует рассматривать как собрание директоров современных компаний, согласившихся передать в казначейство часть своей прибыли, с некоторыми присутствующими профсоюзными лидерами, согласившимися отдать часть взносов своих профсоюзов на общественные цели. Каждая группа была призвана получить грант, и каждая из них, таким образом, имела все возможности для создания условий. Современный парламент не может быть таким, он будет навязывать свою волю большинством голосов. (*Sovereignty*, стр. 178-79)

См. также Douglass C. North and Robert P. Thomas, *The Rise of the Western World: A New Economic History* (Cambridge: Cambridge University Press, 1973), стр. 96.

От каждого правительства следует ожидать экспансионистской внешней политики. Чем больше территория и чем больше населения, в котором распространяется монополия на конфискацию, тем богаче будут те, кто отвечает за эту монополию. Поскольку на любой данной территории может существовать только одна монополия на экспроприацию, следует ожидать, что эта экспансионистская тенденция будет идти рука об руку с тенденцией к централизации (в конечном итоге остается только одно правительство во всем мире). Более того, поскольку централизация подразумевает сокращение возможностей для межтерриториальной миграции (голосования против своего правительства в пользу другого) следует ожидать, что процесс межгосударственного соревнования, из-за экспансивного устранения, приведет к тенденции к все более высоким темпам правительственной экспроприации и налогообложения.²³

Однако частное правительство существенно влияет на форму и темпы этого процесса. Благодаря своему исключительному характеру и соответственно развитому классовому сознанию управляемых, правительственные попытки территориальной экспансии, как правило, рассматривается общественностью как частное дело правительства, которое финансируется и осуществляется за счет его собственных средств. Добавленная территория принадлежит королю, и поэтому она, а не общественность, должна заплатить за эти растраты. Следовательно, из двух возможных методов расширения царства, войны и военного завоевания или контрактного приобретения частный правитель имеет тенденцию отдавать предпочтение последнему. Нельзя полагать, что он против войны, поскольку

²³ О политической децентрализации – политической анархии – как ограничении государственной власти и фундаментальной причине эволюции рынков и капитализма, а также о тенденции к политической централизации – экспансивной элиминации – и сопутствующей тенденции к увеличению налоговых и регулирующих полномочий правительств см. Jean Baechler, *The Origins of Capitalism* (New York: St. Martin's Press, 1976), особ. гл. 7; Hans-Hermann Hoppe, *The Economics and Ethics of Private Property*, особ. главы 3 и 4; он же, «Migrazione, centralismo e secessione nell'Europa contemporanea», *Biblioteca della liberta* 118 (1992); он же, «Nationalism and Secession», *Chronicles* (November 1993); также Nathan Rosenberg and Luther E. Birdzell, *How the West Grew Rich* (New York: Basic Books, 1986).

он может использовать военные средства, если имеет таковую возможность. Но война, как правило, требует больших ресурсов, и поскольку более высокие налоги и/или увеличенный призыв к финансированию войны, воспринимаемой общественностью, как чужой, будут сталкиваться с немедленным народным сопротивлением и, таким образом, представляют угрозу для внутренней легитимности правительства, правитель должен будет нести все или большую часть расходов на военное предприятие лично. Соответственно, он, как правило, предпочитает второй, мирный вариант, как менее дорогостоящий. Вместо того, чтобы завоевать его, он захочет продвигать свои экспансионистские желания путем покупки земли или, что еще менее дорогостояще и еще лучше, путем проведения смешанных браков между членами разных правящих семей. Поэтому для монархического правителя внешняя политика в значительной степени зависит от семейной и брачной политики, а территориальная экспансия обычно осуществляется через договорное соединение изначально независимых королевств.

В отличие от внутренней и внешней умеренности монархии, демократическое (общественное) правительство предполагает увеличение несдержанности, и следует ожидать, что

²⁴ В качестве яркого примера такого рода внешней политики можно привести случай австрийских Габсбургов, поведение которых характеризовалось девизом «*bella gerunt alii; tu, felix Austria, nubes*».

Максимилиан I (1493-1519) женился на наследнице герцогов Бургундских, которые за прошедшее столетие приобрели ряд провинций на западных окраинах [Священной Римской] империи – Нидерланды и Свободное графство Бургундия, граничащее с Францией. У Максимилиана в этом браке родился сын Филипп, которого он женил на Джоанне, наследнице Фердинанда и Изабеллы Испанских. У Филиппа и Джоанны родился сын Карл. Карл объединил наследство своих четырех бабушек и дедушек: Австрии от Максимилиана, Нидерландов и Свободного графства от Марии Бургундской, Кастилии и Испанской Америки от Изабеллы, Арагона и его средиземноморских и итальянских владений от Фердинанда. Кроме того, в 1519 году он был избран императором Священной Римской империи и таким образом стал символическим главой всей Германии. (Robert R. Palmer and Joel Colton, *A History of the Modern World* [New York: Alfred Knopf, 1992], стр. 74).

Об ограниченном и умеренном характере монархических войн см. обсуждение демократической войны ниже.

переход от правления короля к демократически избранного президента приведет к систематическому увеличению интенсивности и расширению государственной власти и значительно усилит тенденцию к децивилизации.

Демократический правитель может использовать правительственный аппарат в своих личных интересах, но он не владеет им. Он не может продавать правительственные ресурсы и в частном порядке получать выручку от таких продаж, а также не может передать владение властью своему личному наследнику. Ему принадлежит *нынешнее* использование государственных ресурсов, но не их капитальная стоимость. В отличие от короля, президент будет стремиться максимизировать не общее государственное богатство (капитальные и текущие доходы), а текущий доход (независимо от стоимости капитала). Действительно, даже если бы он хотел действовать по-другому, он *не мог бы*, поскольку государственная собственность, государственные ресурсы не продаются, и без рыночных цен экономический расчет *невозможно*. Соответственно, следует признать неизбежным, что государственная собственность ведет к постоянному потреблению капитала. Вместо того, чтобы поддерживать или даже повышать ценность правительственного имущества, как это сделал бы король, президент (временный сторож правительства или попечитель) будет использовать как можно больше государственных ресурсов в как можно более *сжатый срок*. В частности, президент (в отличие от короля) не заинтересован в том, чтобы не разрушить его страну. Почему бы ему не захотеть увеличить свой доход, если преимущество политики умеренности – более высокая капитальная стоимость государственного имущества не может быть получена в частном порядке, тогда как преимущество противоположной политики более высоких налогов *увеличит* текущий доход? Для президента, в отличие от короля, умеренность предлагает только недостатки.²⁵

²⁵ О природе государственной собственности и присущей ей иррациональности см. также Rothbard, *Power and Market*, стр. 172-84; Hoppe, *A Theory of Socialism and Capitalism*, гл. 9.

Фундаментальное различие между частной собственностью правительства

Более того, с публичной, а не с частной властью государством, также исчезла вторая причина умеренности: ясное и развитое сознание класса управляемых. Не может быть более одного верховного правителя, будь то король или президент. Когда получение должности короля и продвижение в звание дворянства систематически реорганизуется из монархии в общественное правительство, любой, теоретически, может стать членом правящего класса или даже президентом. Различие между правителями и управляемыми размыто, а классовое сознание управляемых становится нечетким. Возникает

(и низкими временными предпочтениями) и государственной собственностью правительства (и высокими временными предпочтениями) можно дополнительно проиллюстрировать, противопоставив частную собственность на рабов, которая существовала, например, в Америке времен *ante bellum*, и общественную собственность на рабов, которая существовала, например, в бывшем Советском Союзе и его восточноевропейской империи.

Точно так же, как частным рабам в Америке угрожали наказанием за побег, во всей бывшей Советской империи эмиграция была объявлена вне закона и рассматривалась как уголовное преступление, при необходимости расстреливая тех, кто пытался бежать. Более того, повсюду существовали законы о борьбе с тунеядством, а правительство могло поручить любое задание и назначить любые и наказания любому гражданину. Отсюда и классификация советской системы как рабства. Однако, в отличие от частного рабовладельца, восточноевропейские рабовладельцы – от Ленина до Горбачева – не могли продавать или сдавать своих подданных в аренду на рынке труда и присваивать доходы от продажи или аренды их «человеческого капитала». Отсюда классификация системы как государственного (или социалистического) рабства.

Без рынков рабов и рабского труда дела для раба обстоят хуже, а не лучше, поскольку без цен на рабов и их труд рабовладелец больше не может рационально распределять свой «человеческий капитал». Он не может определить стоимость дефицита своих различных, неоднородных частей человеческого капитала, и он не может ни определить альтернативные издержки использования этого капитала в какой-либо конкретной сфере занятости, ни сравнить их с соответствующим доходом. Соответственно, результатом является постоянное нерациональное использование, растрата и «потребление» человеческого капитала.

Об этом свидетельствуют эмпирические данные. Если частный рабовладелец иногда убивал своего раба, что является предельным «потреблением» человеческого капитала, социалистическое рабство в Восточной Европе привело к убийству миллионов гражданских лиц. При частной рабовладельческой собственности здоровье и продолжительность жизни рабов, как правило, увеличивались. В Советской империи стандарты здравоохранения неуклонно ухудшались, а продолжительность жизни в последние десятилетия фактически сократилась. Уровень практической подготовки и образования частных рабов в целом повышался. У социалистических рабов он снизился. Показатели репродукции среди частных рабов был положительным.

иллюзия, что такого различия больше не существует: что с демократическим правительством никто не управляется кем-либо, и все вместо этого сами собой управляют. Действительно, в значительной степени это связано иллюзией, что переход от монархии к демократии можно интерпретировать как прогресс и, следовательно, как явление, заслуживающее общественной поддержки.

Соответственно, общественное сопротивление государственной власти систематически ослабляется. Хотя экспроприация и налогообложение до этого, возможно, казались явно угнетающими и злобными для публики, они кажутся гораздо меньше, так как любой может получить место получателя экспроприруемого имущества.

Следовательно, налоги будут увеличиваться, будь то непосредственно в виде более высоких налоговых ставок или косвенно в виде «создания» правительственных денег (инфляции). Аналогичным образом, государственная занятость и соотношение государственных служащих к частным работникам имеют тенденцию к росту, привлечению и продвижению людей с высокой степенью временного предпочтения и низкой и ограниченной дальновидностью.²⁶

Среди рабов Восточной Европы они были в целом отрицательными. Среди частных рабов были высоки показатели самоубийств, самокаптации, распада семей, беспорядочных половых связей, «незаконнорожденных» детей, врожденных дефектов, венерических заболеваний, аборт, алкоголизма, тупого или жестокого поведения. Но все эти показатели «потребления человеческого капитала» были еще выше у социалистических рабов бывшей советской империи. Аналогично, если морально бессмысленное и жестокое поведение среди частных рабов имело место после их освобождения, то огрубление социальной жизни после отмены социалистического рабства было намного хуже, обнаруживая еще большую степень морального вырождения. См. также Hans-Hermann Hoppe's «Note on Socialism and Slavery» в *Chronicles* (August 1993): 6.

²⁶ Как объясняет Бертран де Жувенель:

С XII по XVIII век государственная власть непрерывно росла. Этот процесс был очевиден всем, кто видел, как это происходило; это вызвало у них непрекращающийся протест и бурную реакцию. В более поздние времена его рост продолжался ускоренными темпами, и его расширение привело к соответствующему расширению войны. И теперь мы больше не понимаем этот процесс, мы больше не протестуем, мы больше не реагируем. Наше

Сочетание этих взаимосвязанных факторов («публичной» собственности на правительство и свободный вход в него) значительно изменяет поведение правительства как во внутренних, так и во внешних делах. Внутри правительство скорее всего проявит повышенную склонность брать на себя долги. Хотя король ни в коем случае не выступает против долгов, он сдерживается в этой «естественной» склонности тем фактом, что как частный владелец правительства он и его наследники считаются лично ответственными за выплату всех государ-

спокойствие – это нечто новое, за что власть должна благодарить дымовую завесу, в которую она себя завернула. Раньше ее можно было увидеть, она проявлялась в лице короля, который не отрицал того, что он был хозяином, и в котором были заметны человеческие слабости. Теперь, замаскированный под анонимность, он утверждает, что не имеет собственного существования и является всего лишь безличным и бесстрастным инструментом общей воли, но это явно вымысел – сегодня, как и всегда, власть находится в руках группы людей, которые контролируют центр власти. Все, что изменилось — это то, что теперь управляемым стало легко менять персонал ведущих носителей власти. С одной стороны, это ослабляет власть, потому что воля, управляющая жизнью общества, может, по желанию общества, быть заменена другой волей, в которой оно чувствует себя более уверенно. Но, открывая возможность получить власть для всех амбициозных талантов, эта система значительно облегчает распространение власти. При «Старом порядке» подвижные элементы общества, не имевшие, как они знали, шансов на долю во власти, быстро осуждали малейшие посягательства на нее. Теперь, с другой стороны, когда каждый потенциально является министром, никто не озабочен тем, чтобы сократить должность, на которую он сам претендует, или насыпать песок в машину, которую он собирается использовать сам, когда придет его время. Отсюда следует, что в политических кругах современного общества существует широкое соучастие в расширении власти. (*On Power*, стр. 9-10)

Фактически, в течение всей монархической эпохи вплоть до второй половины девятнадцатого века, которая представляет собой поворотный момент в историческом процессе демонархизации и демократизации, начиная с Французской революции и заканчивая Первой мировой войной, налоговое бремя редко превышало 5 процентов национального продукта (см. также сноску 20 выше). С тех пор оно постоянно увеличивается. В Западной Европе после Первой мировой войны оно составляло от 15 до 20 процентов национального продукта, а за это время вырос примерно до 50 процентов. Аналогичным образом, в течение всей монархической эпохи, вплоть до второй половины девятнадцатого века, занятость в правительстве редко превышала 2 процента рабочей силы. С тех пор она неуклонно росла, и сегодня обычно составляет 15-20 процентов. Подробнее см. Peter Flora, *State, Economy, and Society in Western Europe 1815-1975: A Data Handbook* (London: Macmillan, 1983), том 1, главы 5 и 8.

ственных долгов (он может буквально стать банкротом или вынужденной оплатой кредитов ликвидировать государственные активы). В отличие от этого, смотритель президентского правительства не несет ответственности за долги, возникшие в период его пребывания в должности. Скорее, его долги считаются «публичными», которые подлежат погашению будущими (равнозначными) правительствами. Однако если человек не несет личной ответственности за свои долги, долговая нагрузка будет расти, и нынешнее потребление правительства будет расширяться за счет будущего государственного потребления. Чтобы погасить растущий государственный долг, уровень будущих налогов (или денежной инфляции), наложенных на будущую публику, должен будет расти. И с ожиданием более высокого налогового бремени на будущее, неправительственная общественность также подвергается воздействию бремени роста возрастающих временных предпочтений, поскольку с более высокими ставками будущих налогов нынешнее потребление и краткосрочные инвестиции оказываются относительно более привлекательными по сравнению с экономией и долгосрочным инвестициям.²⁷

²⁷ Трудности, с которыми сталкиваются монархические правители при получении кредитов, печально известны (см. также сноску 22 выше); и королям, как правило, приходилось платить проценты выше среднего, что отражало их сравнительно высокий риск дефолта. См. об этом North and Thomas, *The Rise of the Western World*, стр. 96. В отличие от них, демократические правительства, расцвет которых пришелся на конец Первой мировой войны, действительно продемонстрировали постоянную тенденцию к дефицитному финансированию и увеличению долгов. Сегодня «национальные долги» в Западной Европе и «Западном мире» редко составляют менее 30 процентов национального продукта и часто превышают 100 процентов.

Подобным образом, что напрямую с этим связано, монархический мир в целом характеризовался существованием товарных денег – как правило, золота или серебра – и установлением единого, интегрированного мирового рынка в течение семнадцатого и восемнадцатого веков на основе международного золотого стандарта. Стандарт товарных денег затрудняет правительству раздувание денежной массы. Монополизировав монетный двор и занимаясь систематической «обдиркой монет» (обесцениванием валюты), короли делали все возможное, чтобы обогатиться за счет общественности. Но как бы они ни старались, им не удалось установить монополию на чистые фиатные валюты: на необеспеченные национальные бумажные деньги, которые могут быть созданы практически из воздуха практически без каких-либо затрат. Ни одному конкретному человеку, даже королю, нельзя было доверить такую исключительную монополию, как эта! Только в условиях демократического респу-

Что еще более важно, поведение правительства как монополиста правопорядка будет подвергаться систематическим изменениям. Как объяснялось выше, король захочет обеспечить соблюдение ранее существовавшего закона о частной собственности и, несмотря на его исключительный статус по отношению к некоторым его ключевым положениям, он также примет понятия частной собственности для себя и своего имущества (по крайней мере, в отношении *международных* отношений между королями). Он не создает новый закон, а просто занимает привилегированное положение в рамках существующей всеобъемлющей системы частного права. Напротив, при «публичном» владении и управлении правительством возникает новый тип «закона»: «публичное» право, которое освобождает государственных агентов от личной ответственности и удерживает «публичные» ресурсы от экономического управления. С созданием «публичного права» (включая конституционное и административное право) происходит постепенная эрозия частного права; то есть растет подчинение и смещение частного права публичному праву.²⁸

бликанизма после Первой мировой войны золотой стандарт был отменен и в конце концов заменен всемирной системой необеспеченных национальных бумажных денег в 1971 году. С тех пор предложение денег и кредитов резко возросло. Появилась, казалось бы, постоянная «светская» тенденция к инфляции и обесцениванию валюты. Финансирование государственного дефицита превратилось в простую банковскую формальность, а процентные ставки – как показатель социальной ставки временных предпочтений – которые непрерывно снижались на протяжении веков и к концу девятнадцатого века упали примерно до 2 процентов, с тех пор демонстрируют систематическую тенденцию к росту.

См. также Murray N. Rothbard, *What Has Government Done to Our Money?* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1992); он же, *The Mystery of Banking* (New York: Richardson and Snyder, 1983); об истории процентных ставок см. Sidney Homer and Richard Sylla, *A History of Interest Rates* (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1991), особенно гл. 23, стр. 553-58.

²⁸ На самом деле, хоть и подорванное Ренессансом и протестантскими революциями, на протяжении всей монархической эпохи преобладало представление о том, что короли и их подданные управлялись единым, универсальным законом – «сводом правил, предшествующих суверену и сосуществующих с ним – правил нематериальных и неизменных» (de Jouvenel, *Sovereignty*, стр. 193). Закон считался чем-то, что должно быть открыто признано вечно «данным», а не чем-то, что должно быть «сделано». Считалось, что «закон не может быть законодательным, а только применяться

Вместо того, чтобы отстаивать частное право среди неправительственной общественности и использовать свою юридическую монополию исключительно в целях перераспределения богатства и доходов от гражданского общества на себя, правительство, «регулируемое» публичным правом, будет также использовать свою власть все чаще в целях законодательства, т.е. для создания нового, «позитивного» гражданского права, с целью перераспределения богатства и доходов *в рамках* гражданского общества, поскольку смотритель правительства (не владелец) мало или совсем не беспокоится о том, что любое такое перераспределение может только снизить производительность

как нечто, что всегда существовало» (Bernhard Rehfeld, *Die Wurzeln des Rechts* [Berlin 1951], стр. 67). Действительно, еще в начале двадцатого века Альберт В. Дэйси (Лекции о связи между законом и общественным мнением в Англии в XIX веке [London: Macmillan, 1903]) все еще мог утверждать, что в Великобритании публичного или административного права, в отличие от частного права, не существовало: правительственные агенты в своих отношениях с частными гражданами по-прежнему считались связанными теми же правилами и подчинялись тем же законам, что и любой частный гражданин. И снова только после Первой мировой войны, при демократическом республиканстве, государственные агенты получают «иммунитет» от положений частного права, и такая точка зрения, как мнение ведущего социалистического теоретика права Густава Радбруха, нашла всеобщее признание:

для индивидуалистического порядка публичного права государство – это лишь узкий защитный пояс, окружающий частное право и частную собственность. В отличие от этого, для социального [демократического республиканского) правового порядка частное право следует рассматривать только как временный и постоянно сокращающийся диапазон частной инициативы, временно сохраняемый в рамках всеобъемлющей сферы публичного права. (*Der Mensch im Recht* [Gottingen: Vandenhoeck, 1957], стр. 40)

Тем временем,

в наши дни мы привыкли к тому, что наши права изменяются суверенными решениями законодателей. Домовладелец больше не удивляется тому, что его заставляют содержать арендатора; работодатель не менее привык к тому, что ему приходится повышать заработную плату своим работникам в силу указов власти. В настоящее время понятно, что наши субъективные права шатки и зависят от благоволения власти. (de Jouvenel, *Sovereignty*, стр.189)

О различии между законом и законодательством см. Bruno Leoni, *Freedom and the Law* (Princeton, N.J.: D. Van Nostrand, 1961); Friedrich A. Hayek, *Law, Legislation, and Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1973), том 1, главы 4 и 6.

труда в будущем. Однако, несмотря на массовые выборы и свободный вход в правительство, пропаганда и принятие политики перераспределения являются необходимыми действиями для тех, кто хочет достичь или сохранить позицию зрителя правительства. Соответственно, в отличие от «государства потребления» (чем является типичная монархия), общественная государственная власть, дополняя и усиливая общую тенденцию к росту налогов (и/или инфляции), занятости и задолженности правительства, государство будет все более трансформироваться в «государство всеобщего благосостояния».²⁹ И вопреки его типичному изображению как «прогрессивному» развитию, при таком преобразовании повышение степени временного предпочтения будет установлено в гражданском обществе, и начнется процесс децивилизации.³⁰

²⁹ До конца девятнадцатого века основная часть государственных расходов – часто более 50 процентов – обычно направлялась на финансирование армии (что при условии, что государственные расходы составляют 5 процентов национального продукта, равнялось военным расходам в размере 2,5 процента национального продукта). Остальное шло в государственную администрацию. Расходы на социальное обеспечение или «общественную благотворительность» не играли почти никакой роли. Напротив, при демократической республике военные расходы, как правило, увеличивались до 5-10 процентов национального продукта. Но с учетом того, что государственные расходы составляют 50 процентов национального продукта, военные расходы в настоящее время составляют лишь 10-20 процентов от общего объема государственных расходов. Основная часть государственных расходов, обычно больше 50 процентов от общего объема расходов — и 25 процентов национального продукта — в настоящее время поглощается расходами на социальное обеспечение. См. также Cipolla, *Before the Industrial Revolution*, стр. 54-55; Flora, *State, Economy, and Society in Western Europe*, гл. 8.

³⁰ Наиболее важным среди мер, влияющих на социальные временные предпочтения, является введение законодательства о «социальном обеспечении», как это было сделано в 1880-х годах в Германии Бисмарка, а затем стало всеобщим в западном мире после Первой мировой войны. Освобождая индивида от необходимости самостоятельно обеспечивать свою старость, диапазон и временной горизонт частного обеспечения будет сокращен. В частности, снижается ценность брака, семьи и детей, поскольку они становятся менее необходимыми, если можно рассчитывать на «общественную» помощь. Действительно, с начала демократическо-республиканской эпохи все показатели «семейной дисфункции» имеют систематическую тенденцию к росту: число детей сократилось, численность эндогенного населения стагнирует или даже падает, а показатели разводов, незаконнорожденности, одинокого родительства, холостячества и абортуют растут. Более того, уровень личных сбережений начал стагнировать или даже снижаться, а не расти пропорционально или даже

Законодательно принятое перераспределение доходов и богатства в гражданском обществе может по существу принимать три формы. Оно может принимать форму простых трансфертных платежей, в которых доход и/или богатство берется у Питера («имущие») и передается Павлу («неимущие»). Оно может принимать форму «бесплатного» или недорогого предоставления товаров и услуг (таких, как образование, здравоохранение и развитие инфраструктуры) со стороны правительства, в котором доходы и/или богатство конфискованы у одной группы лиц – налогоплательщиков, и передается другому, неидентичному пользователю соответствующих товаров и услуг. Или оно может принимать форму деловых и/или потребительских правил, или «законов о защите» (таких, как контроль над ценами, тарифы или требования к лицензированию), в соответствии с которыми богатство членов одной группы бизнесменов или потребителей увеличивается за счет соответствующей потери для другой, конкурирующей группы (путем введения юридических ограничений на пользование своей частной собственностью).

Однако, независимо от его конкретной формы, любое такое перераспределение имеет двойное влияние на гражданское общество. Во-первых, простой акт законодательной власти (демократического законотворчества) увеличивает степень неопределенности. Вместо того, чтобы быть неизменным и, следовательно, предсказуемым, закон становится все более гибким и непредсказуемым. То, что правильно и неправильно сегодня, завтра может таковым не быть. Таким образом, будущее становится более беспорядочным. Следовательно, повысятся общие

падает, а показатели разводов, незаконнорожденности, одинокого родительства, холостячества и абортуют растут. Более того, уровень личных сбережений начал стагнировать или даже снижаться, а не расти пропорционально или даже сверхпропорционально росту доходов. См. Allan C. Carlson, *Family Questions: Reflections on the American Social Crises* (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1992); он же, «What Has Government Done to Our Families?», *Essays in Political Economy* 13 (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1991); Bryce J. Christensen, «The Family vs. the State», *Essays in Political Economy* 14 (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1992); а также о Joseph A. Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy* (New York: Harper, 1942), гл. 14.

временные предпочтения, будет стимулироваться потребление и краткосрочная ориентация, и в то же время уважение ко всем законам будет систематически подорвано и преступность повысится (если нет неизменяемого стандарта «права», то также и нет четкого определения «преступления»)³¹.

³¹ О взаимосвязи между временными предпочтениями и преступностью см. James Q. Wilson and Richard J. Herrnstein, *Crime and Human Nature* (New York: Simon and Schuster, 1985), стр. 49-56 и 416-22; Edward C. Banfield, *The Unheavenly City Revisited*; он же, «Present-Orientedness and Crime», в книге *Assessing the Criminal: Restitution, Retribution, and the Legal Process*, Randy E. Barnett and John Hagel, eds. (Cambridge, Mass.: Ballinger, 1977). Хотя высокие временные предпочтения ни в коем случае не равносильны преступлению – оно также может выражаться в таких вполне законных формах, как личное безрассудство, бесчувственность, грубость, ненадежность или ненадежность, – систематическая связь между ними все же существует, поскольку для получения рыночного дохода требуется определенный минимум планирования, терпения и жертв: сначала нужно поработать некоторое время, прежде чем получать зарплату. В отличие от этого, конкретные преступные действия, такие как убийство, нападение, изнасилование, грабеж, кража или кража со взломом, не требуют такой дисциплины: награда для агрессора ощутима и незамедлительна, но его жертва – возможное наказание – находится в будущем и является неопределенным. Соответственно, если уровень социальных временных предпочтений будет увеличен, можно ожидать, что частота агрессивных действий возрастет. Как объясняет Банфилд:

Угроза наказания со стороны закона вряд ли удержит человека, ориентированного на настоящее. Выгоды, которые он ожидает от преступления, очень близки к настоящему, в то время как наказание, которое он возможно понесет находится в будущем, слишком отдаленном для него, чтобы принимать его во внимание. Для нормального человека, конечно, существуют и другие риски, помимо уголовного преследования, которые являются сильными сдерживающими факторами: бесчестие, потеря работы, тяготы для жены и детей, если человека отправят в тюрьму, и так далее. Человек, ориентированный на настоящее, не идет на такие риски. В его кругу считается само собой разумеющимся, что время от времени кто-то «попадает в неприятности» с полицией; ему не нужно бояться потерять работу, так как он работает с перерывами или вообще не работает, а что касается его жены и детей, то он практически ничего не вносит в их обеспечение, и им вполне может быть лучше без него. (*The Unheavenly City Revisited*, стр. 140-41)

О масштабах роста преступности, вызванного деятельностью демократического республиканства в течение последних ста лет, как следствие неуклонного ужесточения законодательства и все более расширяющегося круга «социальных», а не частных обязанностей, см. McGrath, *Gunfighters, Highwaymen, and Vigilantes*, особ. гл. 13. Сравнивая преступность в некоторых из самых диких мест американского «Дикого Запада» (два пограничных города и шахтерские лагеря в Калифорнии и Неваде) с преступностью в некоторых более диких местах нынешнего века, McGrath («Treat

Во-вторых, любое перераспределение доходов или богатства в рамках гражданского общества подразумевает, что получатели экономической выгоды не производят товаров и услуг больше или качественней, в то время как другим из-за экспроприации приходится производить товар и услуги хуже или в меньшем количестве. Не производить, не производить ничего стоящего или неправильно прогнозировать будущее, таким образом, становится относительно более привлекательным (или попросту менее запретительным) по сравнению с производством ценного товара и прогнозированием будущего спроса и обмена правильно. Следовательно, и независимо от конкретного законодательного намерения, будь то «помогать» или «защищать» бедных, безработных, больных, молодых или старых, необразованных или глупых, фермеров, сталелитейщиков или дальнбойщиков, незастрахованных, бездомных, белых или чернокожих, замужних или не состоящих в браке, с детьми или без них и т. д., станет больше людей, производящих меньше и демонстрирующих плохую дальновидность, и меньше людей,

them to a good Dose of Lead», стр. 17-18) подводит итог, заявляя, что пограничные городки Боди и Орора на самом деле редко страдали от грабежей. ... В современных городах, таких как Детройт, Нью-Йорк и Майами, на душу населения приходится в 20 раз больше грабежей. В США в целом в среднем на душу населения приходится в три раза больше грабежей, чем в Боди и в Ороре. Кражи со взломом и кражи также были нечастым явлением в шахтерских городах. В большинстве американских городов сегодня в среднем в 30-40 раз больше краж со взломом и краж на душу населения, чем в Боди и Ороре; национальный показатель в десять раз выше... Ни в Ороре, ни в Боди не было зарегистрировано случаев изнасилования. Сегодня изнасилование происходит каждые пять минут. Более 4100 из них происходят только в округе Лос-Анджелес. Уровень изнасилований в Соединенных Штатах на 100 000 жителей составляет 42 [насилие, включая убийства, было частым явлением в Боди и Ороре], но при этом мужчины, участвовавшие в этом, были молоды, здоровы и вооружены. ... Да, мужчины (и некоторые женщины) ходили вооруженными, а мужчины-бойцы убивали друг друга, в основном в драках, где шансы были несколько «равны». С другой стороны, молодежь, старики, женщины и те, кто предпочитал не пить в кабаках и не демонстрировать безрассудную браваду, редко становились жертвами преступлений или насилия. Более того, грязные, подлые негодяи получили по заслугам. ... В начале 1950-х годов в Лос-Анджелесе совершалось в среднем около 70 убийств в год. Сегодня в городе в среднем совершается более 90 убийств в месяц... В 1952 году в полицию Лос-Анджелеса было зарегистрировано 572 изнасилования. В 1992 году было зарегистрировано 2 030 изнасилований. За те же годы число ограблений увеличилось с 2 566 до 39 508, а число автомобильных краж – с 6 241 до 68 783.

производящих больше и хорошо предсказывающих будущее. Из-за этого те, кто не принимает участия в получении благ путем экспроприации все чаще будут принимать указанные роли. Они будут более бедные, безработные, незастрахованные, неконкурентоспособные, бездомные и т.д., чем в противном случае.

Даже если такой сдвиг невозможен, (в случае перераспределения доходов по признаку пола, расы или возраста), стимул быть продуктивным и дальновидным будет по-прежнему снижаться. Поскольку членам привилегированного пола, расы или возрастной группы присуждается незаработанный доход, у них меньше стимулов зарабатывать в будущем, а также потому, что члены дискриминации по признаку пола, расы или возрастной группы наказываются за обладание богатством или получение дохода, они тоже будут менее продуктивными в будущем. В любом случае укрепится менее продуктивная деятельность, уверенность в себе и ориентация на будущее, а также распространятся паразитизм, зависимость и близорукость. От перераспределения проблем будет еще больше проблем, так как, соответственно, стоимость поддержания существующего уровня распределения благосостояния будет выше, чем раньше, и для ее финансирования должны быть наложены еще более высокие налоги и необходима еще больше конфискация богатства оставшихся производителей. Тенденция к переходу от производства к непроизводственной деятельности будет еще более укреплена, что приведет к постоянному повышению ставок временных предпочтений и прогрессивной децивилизации (инфантилизации и деморализации) гражданского общества.³²

Кроме того, при общественной государственной ответственности и свободном вступлении в демократическое респу-

³² О «логике» государственного интервенционизма – его контрпродуктивности, нестабильности и «прогрессивном» характере – см. Ludwig von Mises, *Critique of Interventionism* (New Rochelle, N.Y.: Arlington House, 1977); см. также он же, *Human Action*, часть 6: «The Hampered Market Economy».

Эмпирические иллюстрации децивилизующего и деморализующего воздействия политики перераспределения см. Banfield, *The Unheavenly City Revisited*; Charles Murray, *Losing Ground* (New York: Basic Books, 1984).

бликанское правительство меняется и внешняя политика. Как ожидается, все правительства будут экспансионистскими, как объяснялось выше, и нет оснований предполагать, что экспансионистские желания президента будут меньше, чем у короля. Однако, хотя король может удовлетворить это желание через брак, этот маршрут по существу исключается для президента. Он не владеет контролируемой государством территорией; следовательно, он не может договориться об объединении отдельных территорий. И даже если он заключит межправительственные договоры, они не будут обладать статусом контрактов, в лучшем случае они представляют собой только временные пакты или союзы, поскольку они могут быть отозваны в любое время другими будущими правительствами. Если демократический правитель и демократически избранная правящая элита хотят расширить свою территорию и, следовательно, свою налоговую базу, то для них открыт только военный вариант завоевания и господства. Следовательно, вероятность войны будет значительно увеличена.³³

³³ До и долгое время после начала демократическо-республиканской трансформации Европы с участием Французской (и Американской) революцией, большинство выдающихся социальных философов – от Монтескье, Руссо, Канта, Сэя, вплоть до Милля – по существу утверждали, что «только правящие классы [король, дворянство] хотели войны, и что “народ”, если бы только ему позволили говорить за себя, с энтузиазмом выбрал бы мир», Michael Howard, *War and the Liberal Conscience* (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1978) главы 1 и 2, стр. 45. Действительно, Иммануил Кант в своем «К вечному миру» (1795) утверждал, что республиканская конституция является необходимым условием для вечного мира. Ведь при республиканской конституции

когда для решения вопроса о том, будет война или нет, необходимо согласие граждан, нет ничего более естественного, чем то, что, поскольку им придется решать вопрос о возложении всех тягот войны на самих себя, они будут очень колебаться, начинать ли такое злое приключение. Напротив, при конституции, где подданный не является гражданином, которая, таким образом, не является республиканской, это самая простая вещь в мире, потому что государь – не гражданин государства, а его владелец, его обеды, охота, замки, вечеринки и т.д. нисколько не пострадают от войны, и он может, таким образом, идти на войну по бессмысленным причинам, как если бы это была прогулка для удовольствия, (*Gesammelte Werke in zwölf Bänden*, Wilhelm Weischedel, ed. [Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1964], том 11, стр. 205f.).

На самом деле все наоборот: замена республики на монархию не подразумевает

Более того, изменится не только вероятность, но и форма войны. Как правило, монархические войны возникают из-за споров о наследствах, вызванных сложной сетью междистастических браков и нерегулярным, но постоянным исчезновением определенных династий. Как насильственные споры о наследовании, монархические войны характеризуются территориальными целями. Они не являются идеологически мотивированными ссорами, это споры о материальных вещах. Более того, поскольку они являются междинастическими спорами о собственности, общественность рассматривает войну частным делом короля, который должен финансироваться своими деньгами и вооруженными силами.

Кроме того, из-за того, что общественность принимает это как частные конфликты между различными правящими семьями, короли чувствуют себя вынужденными признать четкое различие между сражающимися и несражающимися и нацелить свои военные действия конкретно друг на друга и на соответствующую частную собственность. Еще в восемнадцатом веке, военный историк Майкл Ховард отмечал,

на континенте торговля, путешествия, культурное и научное общение продолжались в военное время почти беспрепятственно. Войны были царскими войнами. Роль хорошего гражданина заключалась в том, чтобы платить налоги, а здравая политическая экономия диктовала, что он должен быть оставлен в одиночестве, чтобы заработать деньги, из которых он будет платить эти налоги. Он не должен был участвовать в решении, из которого возникали войны, ни участвовать в них, как только они вспыхнули, если только

меньшей государственной власти или даже самоуправления. Она подразумевает замену плохого частно-государственного управления худшим общественно-государственным управлением. Об иллюзорном характере противоположных взглядов Канта и других, а также «положительной» исторической корреляции между демократией и ростом милитаризации и войн см. Michael Howard, *War in European History* (New York: Oxford University Press, 1976); John F. C. Fuller, *War and Western Civilization 1832-1932* (Freeport, N.Y.: Books for Libraries, 1969); он же, *The Conduct of War, 1789- 1961* (New York: Da Capo Press, 1992); также Ekkehard Krippendorff, *Staat und Krieg* (Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1985).

это не было вызвано духом юного приключения. Эти вопросы были только заботой суверена.³⁴

Фактически, пишет Гульельмо Ферреро про восемнадцатый век,

война стала ограниченной системой точных правил. Это определенно рассматривалось как своего рода единоборство между двумя армиями, гражданское население было всего лишь зрителями. Паломничество, поборы и акты насилия в отношении населения были запрещены как на родине, так и в стране противника. Каждая армия создавала склады в тылу в тщательно подобранных городах, перемещая их по мере продвижения; ... Воинская обязанность существовала только в рудиментарной и несистемной форме ... Солдаты были труднодоступными, все было сделано для обеспечения их долгим, терпеливым и тщательным обучением, но поскольку это было дорогостояще, это делало их очень ценным, и нужно было как можно больше их сохранить в живых. Чтобы экономить своих людей, генералы пытались избежать битв. Объектом войны было исполнение умелых маневров, а не уничтожение противника; кампания без битв и без потерь, победа, полученная умным сочетанием движений, считалась завершающим достижением этого искусства, идеальной картины совершенства³⁵ ... Это была скупость и расчет, которые сделали войну более гуманной ... Война стала своеобразной игрой между государями. Война была игрой с ее правилами и ее долями – территорией,

³⁴ Howard, *War in European History*, стр. 73. Схожую оценку см. в Fuller, *The Conduct of War*:

Гражданская жизнь была настолько полностью отделена от войны, что в своей книге «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Лоуренс Стерн рассказывает, что во время Семилетней войны [1756-1763] он выехал из Лондона в Париж с таким волнением, что «мне и в голову не приходило, что мы находимся в состоянии войны с Францией», и что по прибытии в Дувр он вдруг обнаружил, что у него нет паспорта. Однако это не помешало его путешествию, и когда он прибыл в Версаль, герцог Шуазель, министр иностранных дел Франции, приказал выслать ему паспорт. В Париже его приветствовали французские поклонники, а во Фронтиньяке английская колония пригласила его на театральные представления. (стр. 22-23)

наследством, престолом, договором. Проигравший платил, но справедливая стоимость всегда сохранялась между стоимостью ставки и рисками, которые должны были быть приняты, и стороны всегда были настороже упрямства, которое заставляет игрока потерять голову. Они пытались сохранить игру игрой и знать, когда остановиться.³⁶

Напротив, демократические войны, как правило, являются полномасштабными войнами. Размывая различие между правителями и управляемыми, демократическая республика укрепляет идентификацию общественности с определенным государством. Действительно, династическое правительство способствует идентификации со своей собственной семьей и сообществом и развитию «космополитического» мировоззрения,³⁷ тогда как демократическое республиканство неизбежно

³⁵ См. об этом также Fuller, *The Conduct of War*, гл. 1. Фуллер здесь (стр. 23) цитирует Даниэля Дефо о том, что часто «армии по пятьдесят тысяч человек с одной стороны стоят на расстоянии видимости друг друга и проводят целую кампанию, уклоняясь, или, как это принято называть, наблюдая друг за другом, а затем уходят в зимние кварталы»; и аналогичным образом цитируется сэр Джон Фонтескью с замечанием, что:

Заставить врага израсходовать свои запасы – немало, заставить его снабжать своих противников еще лучше, но занять зимние позиции на его территории это почти полный успех. Таким образом, войти в расположение врага и заставить его маршировать взад и вперед в течение нескольких недель, не давая ему шанса нанести удар, само по себе было немалым успехом. (стр. 25)

³⁶ Guglielmo Ferrero, *Peace and War* (Freeport, N.Y.: Books for Libraries Press, 1969), стр. 5-7. См. также Fuller, *The Conduct of War*, стр. 20-25; он же, *War and Western Civilization*, стр. 26-29; Howard, *War in European History*, гл. 4; Palmer and Colton, *A History of the Western World*, стр. 274-75. В восемнадцатом веке они отмечают:

Никогда еще война не была такой безобидной... Это была одна из причин, по которой правительства так легко вступали в войну. С другой стороны, правительства выходили из войны гораздо легче, чем в более поздние времена. Их казна могла быть истощена, их обученные солдаты израсходованы; на карту были поставлены только практические и рациональные вопросы; не было военной истерии или давления мнения масс; сегодняшний враг мог стать союзником завтра. Заключить мир было почти так же легко, как и войну. Мирные договоры заключались путем переговоров, а не навязывались. Таким образом, в восемнадцатом веке произошла серия войн и договоров, еще больше войн, договоров и перестановок в альянсах, возникавших по

ведет к национализму, т.е. эмоциональной идентификации общности с большими анонимными группами людей, характеризуется общим языком, историей, религией и/или культурой, отличимых от других иностранных государств. Таким образом, межгосударственные войны превращаются в национальные войны. Вместо того, чтобы представлять «просто» насильственные династические споры о собственности, которые могут быть «разрешены» посредством актов территориальной оккупации, они становятся битвами между различными формами жизни, которые могут быть «разрешены» только

практически тем же причинам и с теми же силами, присутствовавшими в конце, что и в начале. (там же)

³⁷ В результате браков, завещаний, наследований и т. д. королевские территории часто были неоднородными, и короли часто управляли языковыми и культурными группами населения. Соответственно, в их интересах было говорить на нескольких языках: универсальных, таких как латынь, затем французский, а также местных, таких как английский, немецкий, итальянский, русский, голландский, чешский и т.д. (См. Malcolm Vale, «Civilization of Courts and Cities in the North, 1200-1500», в *Oxford History of Medieval Europe*, George Holmes, ed. [Oxford: Oxford University Press, 1988], стр. 322-23.) Аналогичным образом, небольшие социальные и интеллектуальные элиты обычно владели несколькими языками и тем самым демонстрировала свою одновременно местную и наднациональную, или космополитическую, интеллектуальную позицию. Это космополитическое мировоззрение проявилось в том, что на протяжении всей монархической эпохи до 1914 года Европа характеризовалась почти полной свободой миграции. «Человек мог путешествовать вдоль и поперек континента без паспорта, пока не достигнет границ России и Османской империи. Он мог поселиться в чужой стране на время работы или отдыха без формальностей, за исключением, иногда, некоторых медицинских требований. Каждая валюта была так же хороша, как золото» (A.J.P. Taylor, *From Sarajevo to Potsdam* [New York: Harcourt, Brace and World, 1966], стр. 7). Напротив, сегодня, в эпоху демократического республиканизма, стало немыслимым, что кем-то может править «иностранец» или что государства могут быть чем-то иным, кроме как сопредельными территориями. Государства определяются своими гражданами, а граждане, в свою очередь, определяются своими государственными паспортами. Международная миграция строго регулируется и контролируется. Политические правители и интеллектуальная элита, ставшие гораздо более многочисленными, все больше не знают иностранных языков. Не случайно, что из всех членов Европейского парламента только Отто фон Габсбург, нынешний глава семьи бывших правителей Габсбургов, владеет всеми официальными деловыми языками парламента.

Выдающееся, весьма апологетическое историческое исследование перехода от космополитизма к национализму в Германии девятнадцатого века см. Friedrich Meinecke, *Cosmopolitanism and the National State* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1970).

посредством культурного, лингвистического или религиозного господства и подчинения (или истребления). Членам обществу становится все более и более трудным оставаться нейтральными. Сопrotивление более высоким налоговым ставкам для финансирования войны все чаще считается предательством. Военная обязанность становится правилом, а не исключением. И с массовыми армиями дешевых и, следовательно, легкодоступных призывников, борющихся за национальное превосходство (или против национального подавления), поддерживаемых экономическими ресурсами всей нации, все различия между сражающимися и несражающимися падают на обочину, а войны становятся все более жестокими. «Как только государство перестало считаться имуществом династических князей», отмечает Майкл Ховард,

и стало вместо этого инструментом мощных сил, посвященных таким абстрактным понятиям, как «Свобода», «Гражданство» или «Революция», которые позволили большому числу населения видеть в этом состоянии воплощение какого-то абсолютного блага, для которого цена жертвы не была уже слишком высокой, чтобы не платить её; тогда «умеренные и нерешительные соревнования» эпохи рококо появились как абсурдные анахронизмы.³⁸

³⁸ Howard, *War in European Civilization*, стр. 75-76. См. также Marshal Ferdinand Foch, *The Principles of War* (Chapman and Hall, 1918):

Началась новая эпоха, эпоха национальных войн, войн, которым предстояло принять бешеный темп; ибо этим войнам было суждено бросить в бой все ресурсы нации; они должны были поставить перед собой цель не династического интереса, не завоевания или владения провинцией, а защиты или распространения философских идей в первую очередь, а затем принципов независимости, единства, нематериальных преимуществ различного рода. Наконец, они поставили на карту интересы и состояние каждого отдельного частного лица. Отсюда и рост страстей, то есть элементов силы, до сих пор в основном неиспользованных. (стр. 30)

Аналогичным образом заключает Фуллер (*War and Western Civilization*, стр. 26-27):

Началась новая эпоха, эпоха национальных войн, войн, которым предстояло принять бешеный темп; ибо этим войнам было суждено бросить в бой все ресурсы нации; они должны были поставить перед собой цель не династического интереса, не завоевания или владения провинцией, а защиты или распространения философских идей в первую очередь, а затем прин-

В отличие от ограниченной войны старого режима, новая эра демократично-республиканской войны, начавшаяся с французской революции и наполеоновских войн, которая далее демонстрируется в девятнадцатом веке американской войной за независимость южных штатов, и которая достигает своей вершины в двадцатом веке с Первой мировой и Второй мировой войнами и продолжается до настоящего времени, является эпохой тотальной войны. Как подвел итог Уильям А. Ортон:

Войны девятнадцатого века были сохранены в рамках традиции, хорошо признанной в международном праве, что гражданская собственность и бизнес были вне сферы боевых действий. Гражданские активы не подвергались произвольному аресту, и кроме территориальных и финансовых положений, которые одно государство могло бы навязать другому, экономическому и культурному миру воюющих сторон, как правило, разрешалось продолжать в значительной степени быть такими, какими они были и до войны. Практика двадцатого века изменила это. Во время обеих мировых войн односторонняя декларация морского права поставила под угрозу все виды торговли и сделала макулатуру со всех прецедентов. Завершение первой войны ознаменовалось решительными и успешными усилиями по ос-

ципов независимости, единства, нематериальных преимуществ различного рода. Наконец, они поставили на карту интересы и состояние каждого отдельного частного лица. Отсюда и рост страстей, то есть элементов силы, до сих пор в основном неиспользованных. (стр. 30)

А о последствиях призыва, в частности, Фуллер отмечает (*Conduct of War*, стр. 33 и 35):

Призыв в армию изменил основу ведения войны. До сих пор солдаты стоили дорого, теперь они были дешевы; сражений избегали, теперь их искали, и какими бы тяжелыми ни были потери, их можно было быстро восполнить с помощью переключки. ... Начиная с августа [1793 года, когда парламент Французской республики издал декрет о всеобщей обязательной военной службе] и далее, война не только становилась все более и более неограниченной, но, наконец, тотальной. В четвертом десятилетии двадцатого века жизнь обходилась так дешево, что массовое убийство гражданского населения на оптовых линиях стало такой же общепринятой стратегической целью, как сражения в предыдущих войнах. За 150 лет воинская повинность вернула мир к племенному варварству.

лаблению экономического подъема основных проигравших сил. Вторая война рассматривала продолжение этой политики до такой степени, что международное право на войне перестало существовать. На протяжении многих лет правительство Германии, насколько могло, основывало политику конфискации на расовой теории, которая не имела гражданское право, международное право и христианскую этику; и когда началась война, это нарушение совести оказалось разным. Англо-американское руководство, выступая как в речи, так и в действии, начало крестовый поход, который не допускал ни правовых, ни территориальных ограничений для осуществления принуждения. Концепция нейтралитета была осуждена как в теории, так и в практике. Не только активы и интересы противника, но и активы и интересы любых сторон, даже в нейтральных странах, подвергались любым ограничениям, которые могли бы обеспечить воюющие державы; активы и интересы нейтральных государств и их гражданских лиц, находящихся на воюющих территориях или под контролем воюющих сторон, подвергались практически такому же принуждению, как и вражеских граждан. Таким образом, «тотальная война» стала своего рода войной, от которой ни одно гражданское сообщество не могло убежать.³⁹

Ретроспектива и перспективы

Процесс цивилизации, приведенной в движение отдельной экономией, инвестициями и накоплением товаров народного потребления и средств производства может быть временно расстроен преступлением. Но потому что человеку разрешено защитить себя от преступления, существование преступной деятельности не изменяет направление процесса. Это просто приводит к большему количеству расходов на оборону и меньшему количеству невоенных расходов.

Вместо этого, изменение в направлении стагнации или

³⁹ William A. Orton, *The Liberal Tradition: A Study of the Social and Spiritual Conditions of Freedom* (Port Washington, N.Y.: Kennikat Press, 1969), стр. 251-52.

даже возрастание временных предпочтений может быть вызвано только в том случае, если нарушения прав собственности становятся *институционализированными*; т.е. в среде правительства. В то время как все правительства должны иметь тенденцию к внутреннему росту, а также территориальной экспансии (политическая централизация), можно ожидать, что не все формы правления будут одинаково успешными в своих начинаниях. Если правительство находится в частной собственности (в соответствии с монархическим правилом), структура стимулирования, стоящая перед правителем, такова, что он в своей самоотдаче является относительно дальновидным и занимается только умеренным налогообложением и войной. Скорость процесса цивилизации будет замедляться систематически. Однако можно ожидать, что децивилизационные силы, вытекающие из монархического правления, будут недостаточно сильными, чтобы преодолеть фундаментальную, уравновешивающую тенденцию к снижению временных предпочтений и постоянно расширяющихся частных предложений. Скорее, только тогда, когда правительство *открыто* (в соответствии с демократично-республиканским правлением), можно ожидать, что децивилизующие последствия правительства будут достаточно сильными, чтобы фактически остановить цивилизационный процесс или даже изменить его направление и вызвать противоположную тенденцию к децивилизации: потребление капитала, сокращающиеся горизонты планирования, а также прогрессирующая инфантилизация и жестокость общественной жизни.

В ретроспективе, в свете этих теоретических выводов, многие современные европейские и западные истории могут быть рационально реконструированы и поняты. В течение полутора веков, начиная с американских и французских революций и продолжая нынешней Европой, весь западный мир претерпел эпохальную трансформацию. Везде монархическое правление и суверенные короли были заменены демократично-республиканским правлением и суверенными «народами».⁴⁰

⁴⁰ Об историческом значении и революционном характере этой трансформации см.

Первое прямое нападение республиканства и народного суверенитета на монархический принцип было отражено военным поражением Наполеона и восстановлением власти Бурбонов во Франции. В результате наполеоновского опыта республиканизм был широко дискредитирован на протяжении большей части девятнадцатого века. «Республиканство по-прежнему считалось насильственным воинственным в своей внешней политике, беспокойным в его политической деятельности, недружелюбным к церкви, социалистическим или, по крайней мере, уравнительным с точки зрения собственности и частного богатства».⁴¹ Тем не менее демократично-республиканский дух Французской революции оставил неизменный отпечаток. От восстановления монархического порядка в 1815 году до начала Первой мировой войны в 1914 году политическое участие и представительство в политической жизни систематически расширялось по всей Европе. Повсюду расширялось право голоса, постепенно расширялись полномочия всенародно избранных парламентов.⁴²

Тем не менее все более выхолощенный принцип монархического правления оставался доминирующим до катастрофических событий Первой мировой войны. До войны в Европе существовали только две республики: Швейцария и Франция. Четыре года спустя, после того как правительство Соединенных Штатов вступило в европейскую войну и решительно определило ее исход, монархии почти что исчезли, и Европа обратилась к демократическому республиканству. С привлечением США война приобрела новое измерение. Вместо того,

Guglielmo Ferrero, *Peace and War*, стр. 155ff; он же, *Macht* (Берн: А. Франке, 1944); Robert R. Palmer and Joel Colton, *A History of the Modern World*, в частности главы 14 и 18; также Reinhard Bendix, *Kings or People* (Berkeley: University of California Press, 1978).

Об интеллектуальных дебатах по поводу идеи народного суверенитета и всеобщего избирательного права, в частности в Великобритании, см. Elie Halevy, *The Growth of Philosophical Radicalism* (Boston: Beacon Press, 1955), стр. 120-50.

⁴¹ Palmer and Colton, *A History of the Modern World*, стр. 606.

⁴² О деталях этого процесса см. Flora, *State, Economy, and Society in Western Europe*, гл. 3.

чтобы быть старомодным территориальным спором, как это было до 1917 года, она превратилась в идеологическую войну. США были созданы как республика, и демократический принцип, в частности, присущий идее республики, только недавно был перенесен на побежденных в результате поражения и разрушения сепаратистской конфедерации со стороны централистского правительства. Во время Первой мировой войны эта победоносная идеология экспансионистского демократического республиканства нашла свое воплощение в президенте США Вудро Вильсоне. Под руководством Вильсона европейская война стала идеологической миссией – сделать мир безопасным для демократии и убрать династических правителей.⁴³ Следовательно, побежденные Романовы, Гогенцоллерны и Габсбурги должны были отречься или уйти в отставку, а Россия, Германия и Австрия должны были стать демократическими республиками со всеобщим мужским и женским правом и парламентскими правительствами. Аналогичным образом, все вновь созданные государства – Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Венгрия и Чехословакия приняли демократично-республиканские конституции, причем единственным исключением стала Югославия. В Турции и Греции монархии были свергнуты. И даже там, где сохранились монархии, как в Великобритании, Италии, Испании, Бельгии, Нидерландах и скандинавских странах, монархи больше не пользовались какой-либо государственной властью. Всюду вводилось всеобщее избирательное право для взрослых, и вся государственная власть была инвестирована в парламенты и «публичные» должностные лица. Началась новая эра – демократично-республиканская эпоха под эгидой господствующего правительства США.⁴⁴

⁴³ Об участии США в войне см. Fuller, *The Conduct of War*, гл. 9; о роли Вудро Вильсона, в частности, см. Murray N. Rothbard, «World War I as Fulfillment: Power and the Intellectuals», *Journal of Libertarian Studies* 9, no. 1 (1989); Paul Gottfried, «Wilsonianism: The Legacy that Won't Die», *Journal of Libertarian Studies* 9, no. 2 (1990).

⁴⁴ Интересно, что Швейцарская республика, которая была первой страной, твердо установившей институт всеобщего избирательного права для мужчин старше 20 лет (1848), была последней страной, распространившей избирательное право также и на женщин (1971).

С точки зрения экономической теории конец Первой мировой войны можно определить, как момент времени, когда частная государственная собственность полностью сменилась общественной властью, из которой выходит тенденция к повышению степени временных предпочтений общества, росту правительства и процессу децивилизации. Действительно, как было подробно указано выше, таковой была грандиозная страница западной истории двадцатого века.⁴⁵ С 1918 года практически все показатели высоких или растущих временных предпочтений проявляли систематическую тенденцию к повышению: касательно правительства, демократический республиканизм породил коммунизм (с его общественным рабством и правительством, спонсируемым массовыми убийствами даже в мирное время), фашизм, национал-социализм и, наконец, и наиболее устойчивую, социал-демократию («либерализм»)⁴⁶. Обязательная военная служба стала почти всеобщей, внешние и гражданские войны увеличились в жестокости, а процесс политической централизации продвинулся еще больше, чем когда-либо. В результате демократично-республиканский процесс привел к постоянному росту налогов, долгов и государственной занятости, что привело к разрушению золотого стандарта, беспрецедентной бумаге – денежной инфляции, а также усилению протекционизма и контроля за миграцией. Даже самые фундаментальные положения частного права были извращены неуклонным потоком законодательства и регулирования. Одновременно в отношении гражданского общества институты

⁴⁵ О мировом росте этатизма после Первой мировой войны см. Paul Johnson, *Modern Times: The World from the Twenties to the Eighties* (New York: Harper and Row, 1983); о росте правительства США и его связи с войной см. Robert Higgs, *Crisis and Leviathan: Critical Episodes in the Growth of American Government* (New York: Oxford University Press, 1987).

⁴⁶ Об общих исторических корнях советского коммунизма, а также фашизма и национал-социализма как «тираний» (буквально: «произвольная власть, носители которой утверждают, что используют ее для народа, а на самом деле обращаются к народу за поддержкой») в Первой мировой войне, а также о «первичном» характере первого и «производном» последнего см. Elie Halevy, *The Era of Tyrannies* (Garden City, N.Y.: Anchor Books, 1965).

новременно в отношении гражданского общества институты брака и семьи все более ослабевали, число детей сократилось, а темпы разводов, одиночного воспитания, одиночества и абортов увеличились. Вместо того, чтобы повышаться с ростом доходов, темпы сбережений застопорились или даже упали. По сравнению с девятнадцатым столетием когнитивная доблесть политической и интеллектуальной элиты и качество государственного образования сократились. И темпы преступности, структурная безработица, зависимость от государства благосостояния, паразитизм, халатность, безрассудство, невосприимчивость, психопатия и гедонизм увеличились.

В конечном счете ход человеческой истории определяется идеями, истинными или ложными. Подобно тому, как короли не могли осуществлять свое господство, если общественное мнение не допускало их правомерность, демократические правители в равной степени зависят от общественного мнения, чтобы поддерживать свою политическую власть. Поэтому общественное мнение должно измениться, если мы хотим, чтобы процесс цивилизации не поменял курс. И так же, как монархия когда-то была признана легитимной, но сегодня она считается неммыслимым решением нынешней ситуации, не исключено, что идея демократического правления может когда-нибудь начать считаться нелегитимной и политически неммыслимой. Такая делегитимитация является необходимой предпосылкой для предотвращения окончательной социальной катастрофы. Не правительство (монархическое или демократическое) является источником человеческой цивилизации и социального мира, а частная собственность, а также признание и защита прав частной собственности, договорных отношений и индивидуальной ответственности.

§2

О монархии, демократии и идее естественного порядка

Теория: сравнение экономики частной и общественно-государственной собственности

Правительство является территориальным монополистом на принуждение – органом, который может заниматься постоянными, институционализированными нарушениями прав собственности и эксплуатацией в форме экспроприации, налогообложения и регулирования деятельности владельцев частной собственности. Правительственные агенты преследуют не более, чем корыстные интересы, и следует ожидать, что все правительства будут активно использовать монополию на принуждение и проявлять тенденцию к *увеличению* эксплуатации.¹ Однако нельзя ожидать, что все формы правления будут одинаково успешными в этом и будут действовать одинаковым образом. Скорее, в свете элементарной экономической теории можно ожидать, что поведение правительства и влияние государственной политики на гражданское общество будут систематически различаться в зависимости от того, частный правительственный аппарат, или публичный.²

Определяющей характеристикой частной государственной собственности является то, что экспроприированные ресурсы и монопольная привилегия будущей экспроприации

¹ О теории государства см. Murray Rothbard, *For A New Liberty* (New York: Macmillan, 1978); он же, *Ethics of Liberty* (New York: New York University Press, 1998); он же, *Power and Market* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977); Hans-Hermann Hoppe, *Eigentum, Anarchie und Staat* (Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987); он же, *Theory of Socialism and Capitalism* (Boston: Kluwer, 1989); он же, *The Economics and Ethics of Private Property* (Boston: Kluwer, 1993); также Albert J. Nock, *Our Enemy, the State* (Delevan, Wise.: Hallberg Publishing, 1983); Franz Oppenheimer, *The State* (New York: Vanguard Press, 1914); он же, *System der Soziologie*, vol., *Der Staat* (Stuttgart: Gustav Fischer, 1964).

² См. также следующие главы 1, 3 и 13.

находятся в индивидуальных руках. Присвоенные ресурсы добавляются к частному имуществу правителя, а монопольная привилегия будущей экспроприации рассматривается как титул к этому имуществу и приводит к мгновенному увеличению его текущей стоимости («капитализации» монопольной прибыли). Главное, что, будучи частным владельцем правительственного имущества, правитель имеет право передать свое имущество своему личному наследнику; он может продавать, сдавать в аренду или отдавать часть, или все свое привилегированное имущество и в частном порядке получать прибыль от продажи или аренды; и он может лично нанимать или увольнять каждого администратора и сотрудника своего имени.

Напротив, с общественным правительством контроль над государственным аппаратом лежит в руках опекуна или смотрителя. Смотритель может использовать аппарат в своих личных интересах, но он не владеет им. Он не может продавать правительственные ресурсы и частным образом присваивать поступления, а также не может передавать государственные владения своему личному наследнику. Ему принадлежит *нынешнее право на использование* государственных ресурсов, но не их капитальная стоимость. Более того, когда вход в должность частного владельца правительства ограничен личным усмотрением владельца, вход в должность правителя-смотрителя открыт. Любой, в принципе, может стать смотрителем.

Из этих предположений можно сделать вывод о двух центральных взаимосвязанных прогнозах: (1) Владелец частного правительства будет иметь тенденцию к систематически более длинному горизонту планирования, т.е. степень его временного предпочтения будет ниже, и, соответственно, степень его экономической эксплуатации будет иметь тенденцию быть меньше, чем у государственного смотрителя; и (2), при более высокой степени эксплуатации неправительственная общественность будет сравнительно более ориентирована на краткосрочные перспективы в рамках системы общественного управления, чем при режиме частной государственной собственности.

(1) Владелец частного правительства будет предсказуемо

стремиться максимизировать свое общее богатство; то есть текущую стоимость его недвижимости и его текущий доход. Он не хочет увеличивать доход большей ценой, чем пропорционального снижения текущей стоимости его активов. Кроме того, поскольку акты текущего приобретения доходов неизменно влияют на ценность текущих активов (отражающих стоимость всех будущих ожидаемых доходов от активов, на которые было снижено временное предпочтение), частная собственность сама по себе приводит к экономическому расчету и тем самым способствует дальновидности. В случае частной собственности на *правительство* подразумевается определенная умеренность в отношении стимула правителя использовать его монопольные привилегии экспроприации, так как акты экспроприации по своей природе паразитируют на предыдущих актах производства со стороны негосударственной общественности. Там, где ничего не было создано, ничто не может быть экспроприровано, и там, где все было экспроприровано, все последующее производство придет к критической остановке. Следовательно, частный собственник правительства избегает обложения налогом своих подданных настолько сильно, что уменьшается потенциал будущей прибыли. Вместо этого, чтобы сохранить или даже повысить ценность его личной собственности, он будет систематически сдерживать себя в своей политике налогообложения, поскольку чем ниже степень налогообложения, тем продуктивнее будет население, и чем продуктивнее население, тем выше будет размер экспроприаций. Конечно, правитель будет использовать свою монополистическую привилегию. Он не будет не облагать налогами. Но, будучи частным владельцем правительства, в его интересах паразитировать на растущей, все более производительной и процветающей неправительственной экономике, поскольку это всегда и без каких-либо усилий с его стороны также увеличивало бы его собственное богатство и процветание. Таким образом, ставки налогов будут низкими.

Более того, частная собственность на правительство подразумевает умеренность и дальновидность по еще одной причине. Вся частная собственность по определению является ис-

ключительной собственностью. Тот, кто владеет имуществом, имеет право исключить всех остальных из пользования ею; и он вправе выбирать, с кем он готов поделиться своим использованием. Как правило, он будет включать свою семью и исключать всех остальных, за исключением приглашенных гостей или оплачиваемых сотрудников и подрядчиков. Только правящая семья и, в меньшей степени, ее друзья, сотрудники и деловые партнеры участвуют в пользовании экспроприированными ресурсами и, таким образом, могут вести паразитическую жизнь. Из-за этих ограничений в отношении вступления в правительство и исключительного статуса отдельного правителя и его семьи частная собственность на правительство стимулирует развитие ясного «классового сознания» со стороны негосударственной общественности, и способствует оппозиции и сопротивлению любому расширению эксплуатационной власти правительства. Существует четкое различие между (немногими) правителями, с одной стороны, и (многими) управляемыми с другой, и переход между этими классами малодоступен. Столкнувшись с почти непреодолимым препятствием на пути перехода между классами, солидарность между управляемыми укрепляется, и их взаимная идентификация как реальных или потенциальных жертв нарушений прав правительством и риск для правящего класса потерять легитимность в результате увеличения эксплуатации увеличивается.³

В отличие от этого, смотритель правительства будет пытаться максимизировать не общее государственное богатство (размер капитала и текущий доход), а текущий доход (независимо от стоимости капитала). Действительно, даже если смотритель захочет действовать по-другому, он *не сможет*, поскольку общественные ресурсы правительства не могут быть проданы, а без рыночных цен экономический расчет *невозможен*. Соответственно, следует признать неизбежным, что общественное владение правительством приведет к постоянному потреблению капитала. Вместо того, чтобы поддерживать

³ См. также Bertrand de Jouvenel, *On Power: The Natural History of its Growth* (New York: Viking, 1949), особенно стр. 9-10.

или даже повышать ценность правительственного имущества, как это обычно делает частный владелец, временный сторож правительства быстро использует как можно больше государственных ресурсов, поскольку то, что он *сейчас* может потребовать он *никогда* не сможет потребовать в будущем. В частности, смотритель, в отличие от частного владельца правительства, не заинтересован в том, чтобы не разрушить его страну. Почему бы ему не захотеть увеличить свой доход, если преимущество политики умеренности – более высокая капитальная стоимость государственного имущества не может быть получена в частном порядке, тогда как преимущество противоположной политики более высоких налогов *увеличит* текущий доход? Для президента, в отличие от короля, умеренность предлагает только недостатки.⁴

Кроме того, с общественным государственным правительством любой, в принципе, может стать членом правящего класса или даже главой власти. Различие между правителями и управляемым, а также классовое сознание управляемых становятся размытыми. Возникает даже иллюзия, что различия больше не существует: что с общественным управлением никто не управляется кем-либо, и что каждый управляет сам собой. Соответственно, общественное сопротивление государственной власти систематически ослабляется. В то время как эксплуатация и экспроприация до этого, возможно, казались явно угнетающими и злобными для публики, они теперь кажутся гораздо меньше, так как кто угодно может свободно входить в ряды тех, кто получает доход от эксплуатации. Следовательно, не только будет увеличиваться эксплуатация, открыто в виде более высоких налогов или скрытно, как увеличение количества правительственных денег («инфляция»), а также будет увеличиваться законодательное регулирование. Аналогично, число государственных служащих также будет расти относительно частной занятости, будет стимулироваться про-

⁴ См. Rothbard, *Power and Market*, стр. 188-89; также *Managing the Commons*, Garret Hardin and John Baden, eds. (San Francisco: W.H. Freeman, 1977); и Mancur Olson, «Dictatorship, Democracy, and Development», *American Political Science Review* 87, no. 3 (1993).

движение людей с высокой степенью временных предпочтений и ограниченностью дальновидности.

(2) В отличие от права на самооборону в случае криминального нападения, жертва правительственных нарушений прав частной собственности не может законно защищаться от таких нарушений.⁵

Наложение государственного налога на имущество или доход нарушает права собственника и доходы производителя, что является кражей. В обоих случаях поставка товара владельцем-производителем уменьшается не по его воле и без его согласия. Создание правительственных денег подразумевает не менее мошенническую экспроприацию у владельцев частной собственности, чем операции преступной банды. Также любое государственное постановление о том, что владелец имущества может и не может делать с его собственностью, находится за пределами правила о том, что никто не может физически повредить имущество других лиц и что все обмены и торговля являются добровольными и договорными подразумевает «захват» чьей-либо собственности наравне с актами вымогательства, грабежа или разрушения. Но налогообложение, положение правительства о государственных деньгах и правительственные постановления, в отличие от их преступных эквивалентов, считаются законными, а жертва вмешательства правительства, в отличие от жертвы преступления, не имеет права физически защищать свое имущество.

В силу своей легитимности правительственные нарушения прав собственности влияют на индивидуальные временные предпочтения систематически иным и гораздо более глубоким путем, чем преступление. Как и преступление, все вмешательство государства в права частной собственности уменьшает чье-то предложение существующих товаров и, таким образом, повышает его эффективную ставку временного предпочтения. Однако правительственные преступления, в отличие от обычных преступлений, одновременно повыша-

⁵ Помимо работ, процитированных в примечании 1 выше, см. Lysander Spooner, *No Treason: The Constitution of No Authority* (Larkspur, Colo.: Pine Tree Press, 1966), стр. 17.

ют *степень* временных предпочтений и фактических, и потенциальных жертв, поскольку те также ожидают сокращение предложения *будущих* товаров (снижение нормы прибыли на инвестиции). Преступление, потому что оно незаконно, происходит только периодически, грабитель исчезает со сцены с его добычей и оставляет свою жертву в покое. Таким образом, преступность может быть решена путем увеличения спроса на защитные товары и услуги, с тем, чтобы восстановить или даже увеличить будущие темпы возврата инвестиций и сделать менее вероятным, что тот же или другой разбойник преуспеет во второй раз. Напротив, поскольку нарушение прав собственности государством является законным, оно имеет постоянную форму. Преступник не скрывается, а остается рядом, и жертва не вооружается, а должна оставаться беззащитной. Фактические и потенциальные жертвы нарушений прав собственности государством связывают постоянный более высокий риск со всем будущим производством и систематически корректируют свои ожидания относительно нормы прибыли на все будущие инвестиции вниз. Поскольку владельцы-производители считают себя беззащитными перед будущей атакой со стороны правительственных агентов, их ожидаемая норма прибыли на производственные, ориентированные на будущее действия сокращаются повсеместно, и, соответственно, все фактические и потенциальные жертвы становятся более ориентированными на кратковременное производство.⁶

Более того, поскольку степень эксплуатации сравнительно выше при общественном государственном управлении, то эта тенденция, соответственно, будет значительно более выраженной, если правительство будет публичным владением, чем если оно будет принадлежать частному лицу.⁷

⁶ О феномене и теории предпочтения времени см. в частности Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, Scholar's Edition (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998), главы 18 и 19; также William Stanley Jevons, *Theory of Political Economy* (New York: Augustus M. Kelley, 1965); Eugen von Böhm-Bawerk, *Capital and Interest*, 3 vols. (South Holland, 111.: Libertarian Press, 1959); Frank Fetter, *Capital, Interest, and Rent* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977); Murray N. Rothbard, *Man, Economy, and State*, 2 vols. (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1993).

⁷ См. также главы 1, 3 и 13.

Переход от монархии к демократии (1789-1918)

Наследственные монархии представляют собой исторический пример правительств, находящихся в частной собственности, а демократические республики являются примером общественной власти над правительством.

На протяжении большей части своей истории человечество, поскольку оно подвергалось государственному контролю, находилось под монархической властью. Были исключения: афинская демократия, Рим в период ее республиканской эпохи до 31 года до нашей эры, республики Венеции, Флоренции и Генуи в эпоху Возрождения, швейцарские кантоны с 1291 года, Объединенные провинции с 1648 по 1673 год и Англия под Кромвелем с 1649 года до 1660 года. Но это были редкие случаи в мире, в котором доминировали монархии. За исключением Швейцарии, они были недолговечными явлениями. Стесненные монархическим окружением, все старые республики удовлетворялись лишь несовершенными условиями открытого входа в правительство, хоть и республиканская форма правления подразумевает по определению, что правительство не является частным, а является общественным, и республике присуща тенденция к принятию всеобщего избирательного права, во всех ранних республиках вход в правительство ограничивался относительно небольшими группами «дворян».

С окончанием Первой мировой войны человечество покинуло монархическую эпоху. В течение полутора столетий со времен Французской революции, Европа, а вслед за ней весь мир претерпел фундаментальную трансформацию. Везде монархическое правление и суверенные короли были заменены демократично-республиканским правлением и суверенными «народами».

Первое нападение республиканства и идеи народного суверенитета над доминирующим монархическим принципом было отбито военным поражением Наполеона и восстановлением правящего режима Бурбонов во Франции; в результате революционного террора и наполеоновских войн республика-

низм был широко дискредитирован на протяжении большей части девятнадцатого века.⁸ Однако демократично- республиканский дух французской революции оставил в истории сильный отпечаток. От восстановления монархического порядка в 1815 году до начала Первой мировой войны в 1914 году по всей Европе систематически расширялось популярное политическое участие и представительство. Всеобщее право голоса последовательно расширялось, и во всем мире расширялись полномочия всенародно избранных парламентов.⁹

С 1815 по 1830 год право голоса во Франции по-прежнему строго ограничивалось реставрированными Бурбонами. Из населения в 30 миллионов человек электорат включал в себя только самых крупных владельцев недвижимости Франции – около 100 000 человек (менее пол процента населения старше двадцати лет). В результате июльской революции 1830 года, отречения Карла X и коронация герцога Орлеанского, Луи-Филиппа, число избирателей увеличилось примерно до 200 000 человек. В результате революционных потрясений 1848 года Франция снова стала республиканской, и было введено всеобщее и неограниченное избирательное право для всех граждан-мужчин старше двадцати одного года. Наполеон III был избран почти 5,5 миллионами голосов из более, чем 8 миллионов избирателей.

В Соединенном Королевстве после 1815 года электорат состоял из примерно 500 000 обеспеченных собственников (около 4 процентов населения старше 20 лет). Законопроект о реформе 1832 года снизил требования к владельцам собственности и расширил всеобщее право голосования до примерно 800 000 человек. Следующее расширение, от примерно 1 мил-

⁸ См. об этом Guglielmo Ferrero, *Peace and War* (Freeport, N.Y.: Books for Libraries Press, 1969), особ. гл. 3; он же, *Macht* (Bern: A. Francke, 1944); Erik von Kuehnelt Leddihn, *Leftism Revisited* (Washington D.C.: Henry Regnery, 1990); Reinhard Bendix, *Kings or People* (Berkeley: University of California Press, 1978).

⁹ Подробную документацию см. в Peter Flora, *State, Economy, and Society in Western Europe 1815-1975* (Frankfurt/M.: Campus, 1983), том 1, гл. 3; также Robert R. Palmer and Joel Colton, *A History of the Modern World* (New York: Alfred Knopf, 1992), особ. главы 14 и 18.

лиона до 2 миллионов, пришло со вторым законопроектом о реформе 1867 года. В 1884 году ограничения собственников были смягчены еще больше, а электорат увеличился примерно до 6 миллионов 7 (почти третья часть населения старше 20 лет и более, чем три четверти взрослых мужчин).

В Пруссии, как наиболее важном из тридцати девяти независимых немецких государств, признанных после Венского конгресса, демократизация началась с революции 1848 года и конституции 1850 года. Нижняя палата прусского парламента была, следовательно, избрана всеобщим мужским избирательным правом. Однако до 1918 года электорат оставался разделенным на три категории с разной степенью силы голоса. Например, самые богатые люди, которые вносили треть всех налогов, избирали треть членов нижней палаты. В 1867 году была основана Северогерманская Конфедерация, включая Пруссию и еще двадцать немецких государств. Ее конституция предусматривает всеобщее неограниченное избирательное право для всех мужчин старше 25 лет. В 1871 году, после победы над Наполеоном III, конституция Северогерманской Конфедерации в основном была принята в своем виде в уже созданной Германской Империи. Из общей численности населения около 35 миллионов человек почти 8 миллионов человек (или около трети населения старше 20 лет) избрали первый Немецкий Рейхстаг.

После политического объединения Италии под руководством Королевства Сардиния и Пьемонт в 1861 году голосование было предоставлено только примерно 500 000 человек из примерно 25 миллионов человек (около 3,5 процента населения старше двадцати лет). В 1882 году требования к собственникам были смягчены, а минимальный возраст голосования был снижен с двадцати пяти до двадцати одного года. В результате итальянский электорат увеличился до более, чем 2 миллионов человек. В 1913 году было введено почти всеобщее и неограниченное избирательное право для всех мужчин старше тридцати и минимально ограниченное избирательное право для мужчин старше двадцати одного года, что привело к увеличению числа итальянских избирателей до более чем 8 миллионов (более 40 процентов населения старше двадцати).

В Австрии ограниченное и неравное избирательное право мужчин было введено в 1873 году. Электорат, состоящий из четырех классов или *курий* с неравным правом голоса, составил 1,2 миллиона избирателей из примерно 20 миллионов человек (10 процентов населения старше 20 лет). В 1867 году была добавлена пятая *курия*. Спустя сорок лет система классов была упразднена, и было принято всеобщее и равное избирательное право для мужчин старше 24 лет, в результате чего число избирателей приблизилось к 6 миллионам (почти 40 процентов населения старше 20 лет).

В России с 1864 года были выборы в провинциальные и районные советы-*земства*; в 1905 году, как следствие проигрыша войны против Японии, был создан парламент – *Дума*, выборы в которую являлись универсальным, хотя косвенным и неравным, мужским избирательным правом.

Что касается незначительных стран Европы, то с 1848 года в Швейцарии установлено всеобщее равное мужское избирательное право. Также оно было принято между 1890 и 1910 годами в Бельгии, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Испании, Греции, Болгарии, Сербии и Турции.

Несмотря на рост выхолащивания, монархическая власть доминировала до катастрофических событий Первой мировой войны. До 1914 года в Европе существовали только две республики – Франция и Швейцария. Из всех основных европейских монархий только Соединенное Королевство можно было классифицировать, как парламентскую систему, в которой верховная власть возложена на избранный парламент. Только четыре года спустя, после того как Соединенные Штаты, где демократический принцип, подразумеваемый в идее республики, совсем недавно был воплощен в реальность в результате уничтожения сепаратистской Конфедерации центральным правительством Союза¹⁰, вступили в европейскую войну и решительно опреде-

¹⁰ Об аристократическом (недемократическом) характере ранних США см. lord Acton, «Political Causes of the American Revolution» в он же, *The Liberal Interpretation of History* (Chicago: University of Chicago Press, 1967); также Chris Woltermann, «Federalism, Democracy and the People», *Telos* 26, no. 1 (1993).

лили ее исход, монархии почти исчезли, и Европа повернулась к демократическому республиканству.¹¹

В Европе побежденные Романовы, Гогенцоллерны и Габсбурги должны были отречься или уйти в отставку, а Россия, Германия и Австрия стать демократическими республиками с универсальными избирательными округами и парламентскими правительствами. Аналогичным образом, все вновь созданные государства-преемники – Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Венгрия и Чехословакия (за исключением Югославии) – приняли демократично-республиканские конституции. В Турции и Греции монархии были свергнуты. Даже там, где монархии оставались номинально существующими, как в Великобритании, Италии, Испании, Бельгии, Нидерландах и скандинавских странах, монархи больше не имели реальной власти. Было введено всеобщее избирательное право для взрослых, и вся государственная власть была инвестирована в парламенты и «публичные» должностные лица.¹² Начался новый мировой порядок – демократично-республиканская эпоха под эгидой господствующего правительства США.

Доказательства и иллюстрации: эксплуатация и краткосрочная ориентированность при монархии и демократическом республиканстве

С точки зрения экономической теории конец Первой мировой войны можно определить, как момент времени, когда частная государственная собственность полностью сменилась

¹¹ Об участии США в войне см. John F.C. Fuller, *The Conduct of War* (New York: Da Capo, 1992), гл. 9; о роли Вудро Вильсона и его политике стремления «сделать мир безопасным для демократии» см. Murray N. Rothbard, «World War I as Fulfillment: Power and the Intellectuals», *Journal of Libertarian Studies* 9, no. 1 (1989); Paul Gottfried, «Wilsonianism: The Legacy that Won't Die», *Journal of Libertarian Studies* 9, no. 2 (1990); Kuehnelt-Leddihn, *Leftism Revisited*, гл. 15.

¹² Интересно, что Швейцарская Республика, которая была первой страной, установившей всеобщее избирательное право для мужчин (в 1848 году), была последней страной, распространившей избирательное право также и на женщин (в 1971 году). Аналогичным образом, Французская Республика, где всеобщее избирательное пра-

общественной властью, а отсюда систематическая тенденция к увеличению эксплуатации – рост правительства и рост временных предпочтений. Действительно, такова была грандиозная, основная страница истории западных стран после Первой мировой войны: с 1918 года практически все показатели государственной эксплуатации и временных предпочтений демонстрируют систематическую тенденцию к росту.

Показатели эксплуатации

Нет сомнений в том, что сумма налогов, взимаемых с гражданского общества, росла в течение монархической эпохи.¹³ Однако на протяжении всего монархического периода доля государственных доходов оставалась чрезвычайно стабильной и низкой. Экономический историк Карло М. Чипола заключает,

В целом, надо признать, что часть доходов, получаемая государственным сектором, безусловно, увеличилась с XI века во всей Европе, но трудно себе представить, что, помимо отдельных времен и мест, государственная власть когда-либо занимала более 5-8% национального дохода.

Затем он далее отмечает, что это систематически не превышалось до второй половины девятнадцатого века.¹⁴ В феодальные времена, отмечает Бертран де Жувенель,

государственные расходы, как мы их теперь называем, считались ... как собственные расходы короля, которые он несет в силу своего положения. Когда он вошел в свое положение, он одновременно вошел в «имение», то есть он оказался

во для мужчин существовало с 1848 года, распространила избирательное право на женщин только в 1945 году.

¹³ См. Hans Joachim Schoeps, Preussen. *Geschichte eines Staates* (Frankfurt/M.: Ullstein, 1981), стр. 405 о данных по Англии, Пруссии и Австрии.

¹⁴ Carlo M. Cipolla, *Before the Industrial Revolution: European Society and Economy, 1000-1700* (New York: W.W. Norton, 1980), стр. 48.

обеспеченным правами собственности адекватными «потребностям короля». Это, как если бы правительство нашего времени должно было покрывать свои расходы из поступлений от государственных предприятий.¹⁵

В ходе политической централизации в течение шестнадцатого и семнадцатого веков были открыты дополнительные источники государственных доходов: таможенные пошлины, акцизы и земельные налоги. Однако до середины девятнадцатого века со всех западноевропейских стран только Соединенное Королевство, например, облагало подоходным налогом (с 1843 года). Впервые Франция ввела подобный налог в 1873, Италия в 1877 году, Норвегия в 1892 году, Нидерланды в 1894 году, Австрия в 1898 году, Швеция в 1903 году, США в 1913 году, Швейцария в 1916 году, Дания и Финляндии в 1917 году, Ирландия и Бельгия в 1922 году и Германия в 1924 году.¹⁶ Однако даже во время Первой мировой войны общие государственные расходы в процентах от Валового Внутреннего Продукта (ВВП) обычно не превышали 10 процентов и лишь в редких случаях,

¹⁵ Bertrand de Jouvenel, *Sovereignty: An Inquiry into the Political Good* (Chicago: University of Chicago Press, 1957), стр. 178. «Король», – продолжает де Жувенель,

не мог требовать взносов, он мог только просить «субсидии». Подчеркивалось, что его верноподданные оказывали ему помощь по собственной воле, и они часто пользовались этим случаем, чтобы оговорить условия. Например, они предоставили субсидии Иоанну Доброму [Франции], при условии, что он впредь будет воздерживаться от чеканки денег с дефектами веса. ... Чтобы пополнить свою казну, король мог бы отправиться в путешествие с просьбой о подаянии из города в город, излагая свои требования и получая местные субсидии, как это было сделано накануне Столетней войны; или он мог бы собрать со всех концов страны тех, в чьей финансовой поддержке он нуждался. Серьезная ошибка – путать такое собрание с современным заседающим парламентом, хотя последнее явление возникло на основе первого. Парламент является суверенным и может требовать взносов. Старые собрания скорее следует рассматривать как собрание директоров современных компаний, согласившихся передать в казначейство часть своей прибыли, а некоторые лидеры профсоюзов согласились отдать часть взносов своих профсоюзов на общественные нужды. К каждой группе обращались за грантом, и каждая из них, таким образом, имела все возможности для создания условий. С современным парламентом нельзя так обращаться, он будет навязывать свою волю большинством голосов. (стр. 178-79)

¹⁶ См. Flora, *State, Economy, and Society in Western Europe*, том 1, стр. 258-59.

как в случае с Германией, превысили 15 процентов. В поразительном контрасте, с наступлением демократично-республиканской эпохи, общие государственные расходы в процентах от ВВП увеличились до 20-30 процентов в течение 1920-х и 1930-х годов, а к середине 1970-х годов, как правило, достигали 50 процентов.¹⁷

Кроме того, нет сомнений в том, что общая *государственная занятость* увеличивалась в течение монархической эпохи. Но до самого конца девятнадцатого века государственная занятость редко превышала 1 процента от общей численности рабочей силы. Королевские министры и парламентарии, как правило, не получали зарплату, финансируемую государством, ожидалось, что они будут поддерживать себя за счет своих частных доходов. Напротив, с продвижением процесса демократизации они стали наемными чиновниками; и с тех пор государственная занятость постоянно увеличивается. Например, в Австрии занятость правительства в процентах от рабочей силы увеличилась с менее чем 3 процентов в 1900 году до более чем 8 процентов в 1920-х годах и почти 15 процентов к середине 1970-х годов. Во Франции она выросла с 3 процентов в 1900 году до 4 процентов в 1920 году и около 15 процентов в середине 1970-х годов. В Германии она выросла с 5 процентов в 1900 году, приблизилась к 10 процентам к середине 1920-х годов и к 15 процентам в середине 1970-х годов. В Соединенном Королевстве она увеличилась с менее чем 3 процентов в 1900 году до более чем 6 процентов в 1920-х годах и приблизилась к 15 процентам к середине 1970-х годов. Тенденция в Италии и почти во всем мире была сходной, и к середине 1970-х годов только в небольшой Швейцарии государственная занятость по-прежнему составляла менее 10 процентов рабочей силы.¹⁸

¹⁷ Там же, гл. 8. Предсказуемо, что государственные расходы обычно растут во время войны. Однако описанная выше закономерность применима и к военным временам. В Великобритании, например, в разгар наполеоновских войн государственные расходы в процентах от ВВП выросли почти до 25 процентов. Напротив, во время Первой мировой войны этот показатель достиг почти 50 процентов, а во время Второй мировой войны – значительно превысил 60 процентов. См. там же, стр. 440-41.

¹⁸ Там же, гл. 5. На самом деле, текущую долю государственной занятости,

Аналогичная картина возникает из проверки *инфляции* и данных о *денежной массе*. Монархический мир в целом характеризовался наличием *товарных* денег, обычно серебра или золота, и, наконец, мировым рынком по международному золотому стандарту. Стандарт товарных денег затрудняет, если не делает вообще невозможным, раздувание денежной массы. Монополизируя монетный двор и участвуя в «чеканке монет», короли сделали все возможное, чтобы обогатиться за счет общества. Также предпринимались попытки ввести нетоварную валюту. История Банка Англии показывает, например, что с момента его создания в 1694 году, он в 1696, 1720, 1745 и в период с 1797 по 1821 годы приостанавливал выплаты платежей металлическими монетами. Но эти эксперименты с денежными деньгами, связанные в частности с Банком Амстердама, Банком Англии, а также с Джоном Ло и Королевским Банком Франции, были региональными событиями, которые быстро заканчивались финансовыми катастрофами, такими как крах голландской «Тюльпаномании» в 1637 году и крахи «Миссисипского пузыря» и «Пузыря Компании Южного Моря» в 1720 году. Монархическим правителям не удалось создать монополии *нетоварных государственных фиатных денег*, которые могут быть созданы из воздуха практически бесплатно. Ни одному индивидууму, даже королю, не может быть доверена такая экстраординарная монополия.

Только в условиях демократического республиканства – анонимного и безличного правления это было достигнуто. Во время Первой мировой войны, как во время предыдущих войн, воюющие правительства сошли с золотого стандарта. Повсюду в Европе результатом этого стало резкое увеличение предложения бумажных денег. В побежденной Германии, Австрии и, в частности, в Советской России, гиперинфляционные условия возникли сразу же после войны. Однако, в отличие от предыду-

составляющую около 15 процентов рабочей силы, следует считать систематически заниженной, поскольку помимо всех военнослужащих в нее не входит персонал больниц, учреждений социального обеспечения, агентств социального страхования и национализированных отраслей промышленности.

щих войн, Первая мировая война не закончилась возвратом к золотому стандарту. Вместо этого, с середины 1920-х и до 1971 года был псевдо-золотой стандарт – золотодевизный стандарт, прерванный серией международных валютных кризисов. По сути, только США могли производить обмен бумажных долларов на золото (и то, с 1933 года, после того, как они отошли от золотого стандарта на внутреннем рынке, только в иностранных центральных банках). Британия могла обменивать фунты на доллары (или, реже, на золотые слитки, а не золотые монеты), а остальная Европа могла обменивать свои валюты на фунты. Правительство США раздуло предложение бумажных долларов сверх золотого запаса, Великобритания раздула фунты сверх раздутых долларов, а другие европейские страны раздули свои бумажные валюты сверх раздувания долларов или фунтов. Наконец, в 1971 году, когда в европейских центральных банках накопились долларовые сбережения, и была неизбежная опасность европейского «пробега» по запасам золота в США, последний остаток международного золотого стандарта был отменен. С тех пор и впервые в истории весь мир принял чистую денежную систему свободно колеблющихся государственных бумажных валют.¹⁹

В результате с начала демократично-республиканской эпохи, первоначально под псевдо-золотым стандартом, и с ускоренными темпами с 1971 года под государственным бумажным денежным стандартом, существовала постоянная тенденция к инфляции и обесцениванию валюты.

В монархическую эпоху товарных денег, в значительной степени неконтролируемых государством, «уровень» цен вообще падал, а покупательная способность денег увеличивалась, за исключением войны или открытий новых месторождений золота. Различные индексы цен Великобритании, например,

¹⁹ См. также Murray N. Rothbard, *What Has Government Done to Our Money?* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1990); Henry Hazlitt, *From Bretton Woods to World Inflation* (Chicago: Regnery, 1984); Hans-Hermann Hoppe, «Banking, Nation States, and International Politics: A Sociological Reconstruction of the Present Economic Order», *Review of Austrian Economics* 4 (1990); он же, «How is Fiat Money Possible? or, The Devolution of Money and Credit», *Review of Austrian Economics* 7, no. 2 (1994).

указывают на то, что цены были значительно ниже в 1760 году, чем сто лет назад; и в 1860 году они были ниже, чем они были в 1760 году.²⁰ Под влиянием международного золотого стандарта ситуация в других странах была аналогичной.²¹ Однако, в демократично-республиканская эпоха, мировой финансовый центр переместился из Великобритании в США, были заданы совершенно другие денежные тенденции и возникла совершенно другая экономическая модель. До первой мировой войны индекс оптовых цен на товары США упал со 125, вскоре после окончания войны между штатами в 1868 году, до уровня ниже 80 в 1914 году. Тогда он был ниже, чем в 1800 году.²² В отличие от этого, в ближайшее время после Первой мировой войны, в 1921 году, индекс оптовых цен на товары в США составил 113. После Второй мировой войны, в 1948 году, он вырос до 185. В 1971 году он достиг 255, к 1981 году он достиг 658, а в 1991 году он был близок к 1000. В течение всего двух десятилетий нетоварных денежных средств индекс потребительских цен в США вырос с 40 в 1971 году до 136 в 1991 году, в Соединенном Королевстве он поднялся с 24 до 157, во Франции с 30 до 137, а в Германии с 56 до 116.²³

Аналогичным образом, в течение более семидесяти лет, с 1845 года до конца Первой мировой войны в 1918 году, британская денежная масса увеличилась примерно в шесть раз.²⁴ В отличие от этого, в течение семидесяти трех лет с 1918 года по 1991 год денежная масса США увеличилась более, чем в шестьдесят четыре раза.

²⁰ См. B.R. Mitchell, *Abstract of British Historical Statistics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1962), стр. 468ff.

²¹ B.R. Mitchell, *European Historical Statistics 1750-1970* (New York: Columbia University Press, 1978), стр. 388ff.

²² 1930 = 100; см. Ron Paul and Lewis Lehrmann, *The Case for Gold: A Minority Report to the U.S. Gold Commission* (Washington, D.C.: Cato Institute, 1982), стр. 165f.

²³ 1983 = 100; см. *Economic Report of the President* (Washington D.C.: Government Printing Office, 1992).

²⁴ См. Mitchell, *Abstract of British Historical Statistics*, стр. 444f.

В дополнение к налогообложению и инфляции правительство может прибегнуть к *долговым обязательствам* для финансирования своих текущих расходов. Как и в случае налогообложения и инфляции, нет сомнения в том, что государственный долг увеличивался в течение монархической эпохи. Однако, как и показано теоретически, в этой области монархи также продемонстрировали значительно большую умеренность и дальновидность, чем демократично-республиканские надзиратели.

На протяжении всей монархической эпохи государственные долги были в основном военными долгами. В мирное время монархи характерно *сокращали* свои долги. Британский пример довольно показателен. В течение восемнадцатого и девятнадцатого веков увеличился государственный долг. Это было 76 миллионов фунтов после испанской войны в 1748 году, 127 миллионов после Семилетней войны в 1763 году, 232 миллиона после американской войны за независимость в 1783 году и 900 миллионов после наполеоновских войн в 1815 году. Однако в течение каждого мирного периода – с 1727-1739 гг., с 1748-1756 гг., и с 1762 по 1775 г. общий долг фактически уменьшился. С 1815 по 1914 год британский национальный долг упал с 900 до 700 миллионов фунтов.

Однако при наступлении демократично-республиканской эпохи²⁵ британский долг только увеличивался, как на войне, так и в мире. В 1920 году он составлял 7,9 млрд. фунтов стерлингов, в 1938 году – 8,3 млрд., в 1945 году – 22,4 млрд., в 1970 году – 34 млрд., и с тех пор он увеличился до более, чем 190

²⁵ См. Milton Friedman and Anna Schwartz, *A Monetary History of the United States, 1867-1960* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1963), стр. 704-22; и *Economic Report of the President*, 1992.

Замечательное различие между монархической и демократическо-республиканской эпохой также существует в отношении развития и признания денежной теории. Ранний теоретик фиатных денег и кредита Джон Лоу, в свою очередь, проводивший денежную реформу в 1711-1720 годах, тайно покинул Францию и нашел убежище в Венеции, где умер обедневшим и забытым. В отличие от этого, преемник Джона Лоу в двадцатом веке, Джон Мейнард Кейнс, который нес ответственность за упадок классического золотого стандарта в эпоху после Первой мировой войны и который оставил Бреттон-Вудскую систему, рухнувшую в 1971 году, был удостоен

млрд. фунтов стерлингов в 1987 году.²⁶ Аналогичным образом, государственный долг США увеличивался и в войне, и в мире. Федеральный долг правительства после Первой мировой войны составлял около 25 миллиардов долларов. В 1940 году он составлял 43 миллиарда, а после Второй мировой войны, в 1946 году, он составлял около 270 миллиардов. К 1970 году он вырос до 370 миллиардов, а с 1971 года, в условиях режима чисто бумажных денег, он буквально взорвался. В 1979 году он составлял около 840 миллиардов, а в 1985 году – более 1,8 триллиона. В 1988 году он достиг почти 2,5 трлн., к 1992 году он превысил 3 триллиона долларов, а в настоящее время (на момент 1990 года) он составляет около 6 триллионов долларов.²⁷

чести при жизни и до сих пор почитается как выдающийся экономист мира. (По крайней мере, личная философия Кейнса о гедонизме и ориентации на настоящее, которая кратко изложена в его знаменитом изречении о том, что «в долгосрочной перспективе мы все мертвы», действительно отражает сам дух демократической эпохи). Точно так же Милтона Фридмана, который несет большую ответственность за денежно-кредитный порядок после 1971 года и, следовательно, за самый инфляционный мирный период во всей истории человечества, приветствуют как одного из великих экономистов. См. далее об этом Joseph T. Salerno, «Two Traditions in Modern Monetary Theory: John Law and A.R.J. Turgot», *Journal des Economistes et des Etudes Humaines* 2, no. 2/ 3 (1991).

26 См. Sidney Homer and Richard Sylla, *A History of Interest Rates* (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1991), стр. 188 и 437.

27 См. Jonathan Hughes, *American Economic History* (Glenview, 111.: Scott, Foresman, 1990), стр. 432, 498, и 589.

Кроме того, ограниченные товарным денежным стандартом, монархи не могли «монетизировать» свой долг. Когда король продавал облигации частным финансистам или банкам, при золотом стандарте это никак не влияло на общую денежную массу. Если бы в результате король тратил больше, другим пришлось бы тратить меньше. Соответственно, кредиторы были заинтересованы в правильной оценке риска, связанного с их кредитами, и короли, как правило, выплачивали процентные ставки, значительно превышающие ставки, выплачиваемые коммерческими заемщиками. Homer and Sylla, *A History of Interest Rates*, стр. 84 и стр. 5, 99, 106, и 113f. В отличие от этого, при стандарте обмена золотом с очень косвенной привязкой бумажных денег к золоту, и особенно при режиме чистых фиатных денег, вообще не привязанных к золоту, финансирование государственного дефицита превращается в простую банковскую формальность. В настоящее время, продавая свой долг банковской системе, правительства могут фактически создавать новые деньги для оплаты своего долга. Когда министерство финансов продает облигации коммерческой банковской системе, банки не платят за эти облигации из своих существую-

Наконец, при рассмотрении государственного законодательства и регулирований возникает та же тенденция к увеличению государственной эксплуатации и краткосрочной ориентации, а не на будущее. В монархический век, с четким разграничением между правителем и управляемыми, король и его парламент считались с законом. Они применяли предписанный закон в качестве судьи или присяжных. Они не создавали закон. Бертран де Жувенель пишет:

Монарх рассматривался только как судья, а не как законодатель. Он сам принимал субъективные права и уважал их; он обнаруживал эти права в бытие и не оспаривал, что они были до его власти ... Субъективные права были в свободном владении. Право суверена также было свободным. Это было субъективное право, равно как и другие права, хотя и более возвышенного достоинства, но оно не могло отнять другие права... Действительно, было глубоко укоренившееся чувство, что все положительные права были вместе; если бы царь проигнорировал титул гражданина на свою землю, то можно было бы игнорировать титул короля на свой трон. Глубокая концепция легитимности установила солидарность всех прав. Никакие изменения в этих правах не могут быть осуществлены без согласия их владельцев.²⁸

Разумеется, монополизация управления законом привела к повышению цен и/или снижению качества продукции, чем в конкурентных условиях, и с течением времени короли все чаще

щих денежных депозитов; с помощью покупок на открытом рынке государственным центральным банком они создают дополнительные депозиты до востребования из воздуха. Банковская система тратит меньше не из-за того, что правительство тратит больше. Скорее, правительство тратит больше, а банки тратят (кредитуют) столько же, сколько и раньше. Кроме того, они получают процентную прибыль от своих недавно приобретенных облигаций. См. Murray N. Rothbard, *The Mystery of Banking* (New York: Richardson and Snyder, 1983), особенно глава. 11. Соответственно, банки практически без колебаний покупают государственные облигации даже по ставкам ниже рыночных, а рост государственного долга и рост инфляции, таким образом, идут рука об руку.

²⁸ De Jouvenel, *Sovereignty*, стр. 172-73 и 189; см. также Fritz Kern, *Kingship and Law in the Middle Ages* (Oxford: Blackwell 1948), особ. стр. 151; Bernhard Rehfeld, *Die Wurzeln des Rechts* (Berlin, 1951), особ. стр. 67.

использовали монополию в свою пользу. Например, с течением времени цари все чаще использовали монополию закона и порядка для извращения идеи наказания. Первоначальной целью наказания вначале была компенсация *жертве* правонарушителем. С монархическим правлением цель наказания все чаще переводилась на компенсацию *королю*.²⁹ Однако, хотя эта практика подразумевала расширение государственной власти, она не предполагала какого-либо перераспределения богатства и доходов в рамках гражданского общества, а также не подразумевала, что сам король был освобожден от стандартных положений частного права. Частный закон все еще был верховным. И действительно, еще в начале двадцатого века можно было утверждать, что, например, в Великобритании публичного законодательного права не существовало. Закон, регулирующий отношения между частными лицами, по-прежнему считался фиксированным и неизменным, а правительственные агенты в их отношениях с частными гражданами считались связанными теми же законами, что и любой частный гражданин.³⁰

В условиях демократии, с использованием власти, скрытой анонимностью, президенты и парламенты быстро поднялись *над* законом. Они стали не только судьями, но и законодателями, создателями нового закона.³¹ Сегодня, отмечает Жувенель,

мы привыкли к тому, что наши права были изменены суверенными решениями законодателей. Хозяин больше не чувствует удивления тому, что вынужден удерживать арендатора; работодатель не менее привык повышать заработную плату своих сотрудников в силу указаний власти. В настоящее время принято, что наши субъективные права неустой-

²⁹ См. Bruce L. Benson, «The Development of Criminal Law and Its Enforcement», *Journal des Economistes et des Etudes Humaines* 3, no. 1 (1992).

³⁰ См. Albert V. Dicey, *Lectures on the Relation Between Law and Public Opinion in England During the Nineteenth Century* (London: Macmillan, 1903); также Friedrich A. Hayek, *Law, Legislation, and Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1973), том I, главы 4 и 6.

³¹ См. Robert Nisbet, *Community and Power* (New York: Oxford University Press, 1962), стр. 110-11.

чивы и находятся в воле властей.³²

В процессе развития, подобном демократизации денег – замещении правительственными бумажными деньгами частных товарных денег и возникающей в результате инфляции, и усиление финансовой неопределенности, демократизация закона и правовое управление привели к неуклонно растущему потоку законодательства. В течение одного года количество законодательных актов и правил, принятых парламентами в течение одного года, составляет десятки тысяч, и даже сотни тысяч страниц, затрагивая все аспекты гражданской и коммерческой жизни и приводя к устойчивому обесцениванию всех прав и повышению юридической неопределенности. Как типичный пример, в 1994 году *Кодекс федеральных правил*, ежегодный сборник всех действующих в настоящее время федеральных правительственных постановлений США, состоит из 201 книги, занимающей около 26 футов пространства библиотеки. Только состав составляет 754 страницы. В Кодексе содержатся положения, касающиеся производства и распространения практически всего, что можно себе представить: от сельдерея, грибов, арбузов, ремешков, ламп накаливания, чулочно-носочных изделий, прыжков с парашютом, производства железа и стали, сексуальных преступлений в университетских городках до приготовления луковых колец, сделанные из нарезанного кубиками лука, раскрывающие почти тоталитарную власть демократического правительства.³³

³² Bertrand de Jouvenel, *Sovereignty*, стр. 189; см. также Nisbet, *Community and Power*, гл. 5:

Возможно, временами король правил с такой степенью безответственности, которая присуща немногим современным правительственным чиновникам, но сомнительно, что с точки зрения эффективных полномочий и услуг любой король даже «абсолютных монархий» XVII века обладал такой властью, которая сегодня присуща многим высокопоставленным чиновникам в демократических странах. (стр. 103)

³³ См. Donald Boudreaux, «The World's Biggest Government», *Free Market* (November 1994).

Индикаторы высоких временных предпочтений

Феномен общественного временного предпочтения более неуловим, чем феномен экспроприации и эксплуатации, и сложнее определить подходящие показатели текущей ориентации. Более того, некоторые показатели являются менее прямыми, чем эксплуатационные. Но все они указывают в одном направлении и вместе дают ясную иллюстрацию второго теоретического предсказания: демократическое правление способствует близорукости (краткосрочной ориентации) в рамках гражданского общества.³⁴

Наиболее прямым показателем общественных временных предпочтений является *процентная ставка*. Процентная ставка – это соотношение стоимости существующих товаров по сравнению с будущими товарами. В частности, это указывает на вознаграждение, за которое настоящие деньги торгуются против будущих денег. Высокая процентная ставка подразумевает большую «краткосрочную ориентацию», а низкая процентная ставка предполагает большую «ориентацию на будущее». В нормальных условиях (в условиях повышения уровня жизни и реальных денежных доходов) можно ожидать, что процентная ставка упадет и, в конечном счете, приблизится, но никогда не достигнет нуля, поскольку с ростом реальных доходов предельная полезность нынешних денег падает по сравнению с будущими деньгами, и, следовательно, в соответствии с предположением о *приостановке* данного временного предпочтения процентная ставка должна падать. Следовательно, сбережения и инвестиции увеличатся, будущие реальные доходы будут еще выше и т.д.

На самом деле тенденция к снижению процентных ставок характеризует чрезвычайное развитие человечества. Минимальные процентные ставки по «нормальным безопасным кредитам» составляли около 16 процентов в начале греческой финансовой истории в шестом веке до н.э., и в эллинистиче-

³⁴ См. также T. Alexander Smith, *Time and Public Policy* (Knoxville: University of Tennessee Press, 1988).

ский период упали до 6 процентов. В Риме минимальные процентные ставки снизились с более чем 8 процентов в течение раннего периода Республики до 4 процентов в течение первого века империи. В Европе тринадцатого века самые низкие процентные ставки по «безопасным» кредитам составляли 8 процентов. В четырнадцатом веке они снизились примерно до 5 процентов. В пятнадцатом веке они упали до 4 процентов. В семнадцатом веке они снизились до 3 процентов. И в конце девятнадцатого века минимальные процентные ставки дополнительно снизились до менее 2,5 процента.³⁵

Эта тенденция отнюдь не была гладкой. Ее часто прерывали периоды, иногда до столетий, растущих процентных ставок. Однако такие периоды были связаны с крупными войнами и революциями, такими как Столетняя война в XIV веке, религиозные войны с конца шестнадцатого по семнадцатый век, американская и французская революции и наполеоновские войны с позднего восемнадцатого по начало девятнадцатого века и две мировые войны в двадцатом веке. Кроме того, в то время, как высокие или растущие минимальные процентные ставки указывают на периоды вообще низкого или понижающегося уровня жизни, преобладающая противоположная тенденция к низким и падающим процентным ставкам отражает общий прогресс человечества – его переход от варварства к цивилизации. В частности, тенденция к снижению процентных ставок отражает подъем западного мира, растущее процветание их народов, дальновидность, интеллект и моральную силу, и беспрецедентный рост европейской цивилизации девятнадцатого века.

На этом историческом фоне и в соответствии с экономической теорией следует ожидать, что процентные ставки в двадцатом веке будут еще *ниже*, чем ставки девятнадцатого века. Действительно, существуют только два возможных объяснения, почему это *не* так. Первое объяснение заключается в том, что реальные доходы в двадцатом веке не превышали или даже

³⁵ См. Homer and Sylla, *A History of Interest Rates*, стр. 557-58.

упали ниже доходов девятнадцатого века. Однако это объяснение можно исключить на эмпирических основаниях, поскольку кажется довольно бесспорным, что доходы двадцатого века на самом деле выше. Тогда остается только второе объяснение. Реальные доходы стали выше, но процентные ставки не стали ниже, и кривая общественных временных предпочтений *была* сдвинута вверх. То есть, характер общества изменился. Люди в среднем, должно быть, потеряли моральную и интеллектуальную силу и стали более краткосрочно-ориентированными.

Начиная с 1815 года, по всей Европе и Западному миру минимальные процентные ставки неуклонно снижались до исторического минимума в ниже 3 процентов в среднем за столетие. С наступлением демократично-республиканской эпохи эта тенденция остановилась и, похоже, изменила направление, сделав Европу и США XX века падающими цивилизациями. Например, проверка самых низких десятилетних средних процентных ставок для Великобритании, Франции, Нидерландов, Бельгии, Германии, Швеции, Швейцарии и США показывает, что в течение всей послевоенной эры процентные ставки в Европе никогда не были такими же низкими или ниже, чем они были во второй половине девятнадцатого века. Только в США, в 1950-х годах, процентные ставки падали ниже ставок позднего девятнадцатого века. Тем не менее это было лишь кратковременным явлением, и даже тогда процентные ставки в США были не ниже, чем в Британии во второй половине девятнадцатого века. Вместо этого ставки двадцатого века были значительно *выше*, чем ставки девятнадцатого века повсеместно.³⁶ Эта тенденция существенно не меняется, даже если учесть, что современные процентные ставки, в частности с 1970-х годов, включают в себя поправку на систематическую инфляцию. После корректировки недавних номинальных процентных ставок по значению инфляции, чтобы дать оценку *реальных* процентных ставок, современные ставки по-прежнему были значительно выше, чем они были сто лет назад. В среднем, минимальные долгосрочные процентные ставки в Европе и США в настоящее

³⁶ См. там же, стр. 554-55.

время, как было показано, значительно превышают 4 процента и, возможно, достигают 5 процентов, что выше процентных ставок в Европе семнадцатого века. Аналогичным образом, текущие накопительные ставки в США в размере около 5 процентов располагаемого дохода такие же, как они были более трехсот лет назад в гораздо более бедной Англии семнадцатого века.³⁷

Параллельно этому ходу дел отражается более конкретный аспект феномена высоких или растущих общественных временных предпочтений – показатели *разрушенных* (неблагополучных) *семей* демонстрируют систематический рост.

До конца девятнадцатого века основная часть государственных расходов (превышающая 50 процентов) направлялась на финансирование военной сферы. Предполагая, что государственные расходы составляют примерно 5 процентов национального продукта, получаем военные расходы в размере 2,5 процента от национального продукта. Остальные деньги шли в правительство. Расходы на социальное обеспечение или «общественную благотворительность» практически не играли никакой роли. Страхование считалось находящимся в области индивидуальной ответственности, а сокращение масштабов нищеты рассматривалось как задача добровольной благотворительности. Напротив, в качестве отражения эгалитаризма, присущего демократии, с самого начала демократизации в конце девятнадцатого века продолжалась коллективизация индивидуальной ответственности. Военные расходы, как правило, возросли до 5-10 процентов национального продукта в течение двадцатого века. Но если государственные расходы в настоящее время составляют 50 процентов национального продукта, военные расходы теперь составляют лишь 10-20 процентов от общих государственных расходов. Основная часть государственных расходов (приблизительно 25 процентов национального продукта) теперь поглощается расходами на общественное благосостояние: обязательным государственным «страхованием» от болезней, профессиональных травм, старости, безрабо-

³⁷ См. Cipolla, *Before the Industrial Revolution*, стр. 39.

благосостояние: обязательным государственным «страхованием» от болезней, профессиональных травм, старости, безработицы, и постоянно расширяющегося списка других видов недееспособности.³⁸

Следовательно, все большее и большее освобождение отдельных лиц от необходимости обеспечивать их собственное здоровье, безопасность и старость, горизонт частных мероприятий по обеспечению безопасности был систематически сокращен. В частности, снизилась ценность брака, семьи и детей, поскольку можно положиться на «общественную» помощь. Таким образом, с наступлением демократично- республиканской эпохи число детей сократилось, а численность детородного населения застопорилась или даже упала. На протяжении многих веков, до конца девятнадцатого века, рождаемость была почти постоянной: где-то 30-40 детей на 1000 человек населения (обычно несколько выше в преимущественно католических и ниже в протестантских странах). Резко контрастируя, в течение двадцатого века рождаемость в Европе и США испытала резкое снижение – примерно 15-20 детей на 1000 населения.³⁹ В то же время темпы разводов, бросания, одиночного воспитания и абортс неуклонно возрастали, в то время как ставки личных сбережений начали застаиваться или даже падать, а не повышаться пропорционально или даже чрезмерно-пропорционально доходам.⁴⁰

Кроме того, в результате обесценивания закона, вытекающего из государственного законодательства и коллективизации ответственности, в частности в соответствии с законода-

³⁸ См, там же, стр. 54-55; Flora, *State, Economy, and Society in Western Europe*, гл. 8 и стр. 454.

³⁹ См. Mitchell, *European Historical Statistics 1750-1970*, стр. 16ff.

⁴⁰ См. Allan C. Carlson, *Family Questions: Reflections on the American Social Crises* (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1988); он же, *The Swedish Experiment in Family Politics* (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1990); он же, «What Has Government Done to Our Families?», *Essays in Political Economy* 13 (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1991); Charles Murray, *Losing Ground* (New York: Basic Books, 1984); для ранней оценки диагноза см. Joseph A. Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy* (New York: Harper, 1942), гл. 14.

тельством о социальном обеспечении, уровень преступлений серьезного характера, таких как убийство, нападение, грабеж и кража, также показал систематическую восходящую тенденцию.

В «нормальном» курсе событий, то есть с повышением уровня жизни, можно было бы ожидать, что защита от социальных бедствий, таких как преступность, будет претерпевать постоянное улучшение, как можно было бы ожидать на фоне улучшения защиты от стихийных бедствий, таких как наводнения, землетрясения и ураганы. Действительно, во всем западном мире это, по-видимому, имело место в большинстве случаев, до недавнего времени, когда во второй половине двадцатого века уровень преступности начал неуклонно расти вверх.⁴¹

Безусловно, существует ряд факторов, помимо повышения безответственности и близорукости, вызванных законодательством и политикой «всеобщего благосостояния», которые могут способствовать преступности. Мужчины совершают больше преступлений, чем женщины, молодые больше, чем старые, чернокожие больше, чем белые, и жители городов больше, чем жители деревни.⁴² Можно ожидать изменений в составе полов, возрастных групп, рас и степени урбанизации как систематического воздействия на преступность. Однако все эти факторы относительно стабильны и, следовательно, не могут объяснить каких-либо систематических изменений в долгосрочной тенденции снижения уровня преступности. Что касается европейских стран, то их популяция была и является сравнительно однородной; и в США доля чернокожих оставалась стабильной. Половой состав в значительной степени явля-

⁴¹ См. James Q. Wilson and Richard J. Herrnstein, *Crime and Human Nature* (New York: Simon and Schuster, 1985), стр. 408-09; о масштабах роста криминальной активности, вызванного демократическим республиканизмом и вельфаризмом в течение последних ста лет, см. также Roger D. McGrath, *Gunfighters, Highwaymen, and Vigilantes* (Berkeley: University of California Press, 1984), особ. гл. 13; он же, «Treat Them to a Good Dose of Lead», *Chronicles* (January 1994).

⁴² См. J. Philippe Rushton, *Race, Evolution, and Behavior* (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1995); Michael Levin, *Why Race Matters* (Westport, Conn.: Praeger, 1998).

ется биологической константой; в результате войн только доля мужчин периодически падала, тем самым фактически усиливая «нормальную» тенденцию к снижению уровня преступности. Аналогично, состав возрастных групп изменялся медленно; из-за снижения рождаемости и увеличения продолжительности жизни средний возраст населения фактически увеличился, что помогает еще больше снизить уровень преступности. Наконец, степень урбанизации начал резко возрастать с 1800 года. Период повышения уровня преступности в начале девятнадцатого века можно отнести на этот первоначальный рывок урбанизации. Однако после периода адаптации к новому явлению урбанизации, начиная с середины девятнадцатого века, уравнивающая тенденция к снижению уровня преступности снова укрепилась, несмотря на то, что процесс быстрой урбанизации продолжался около ста лет. И когда уровень преступности начал систематически повышаться, начиная с середины двадцатого века процесс урбанизации на самом деле остановился. «нормальную» тенденцию к снижению уровня преступности. Аналогично, состав возрастных групп изменялся медленно; из-за снижения рождаемости и увеличения продолжительности жизни средний возраст населения фактически увеличился, что помогает еще больше снизить уровень преступности. Наконец, степень урбанизации начал резко возрастать с 1800 года. Период повышения уровня преступности в начале девятнадцатого века можно отнести на этот первоначальный рывок урбанизации. Однако после периода адаптации к новому явлению урбанизации, начиная с середины девятнадцатого века, уравнивающая тенденция к снижению уровня преступности снова укрепилась, несмотря на то, что процесс быстрой урбанизации продолжался около ста лет. И когда уровень преступности начал систематически повышаться, начиная с середины двадцатого века процесс урбанизации на самом деле остановился.

за снижения рождаемости и увеличения продолжительности жизни средний возраст населения фактически увеличился, что помогает еще больше снизить уровень преступности. Наконец,

⁴³ См. Wilson and Herrnstein, *Crime and Human Nature*, стр. 411.

степень урбанизации начал резко возрастать с 1800 года. Период повышения уровня преступности в начале девятнадцатого века можно отнести на этот первоначальный рывок урбанизации.⁴³ Однако после периода адаптации к новому явлению урбанизации, начиная с середины девятнадцатого века, уравнивающая тенденция к снижению уровня преступности снова укрепилась, несмотря на то, что процесс быстрой урбанизации продолжался около ста лет. И когда уровень преступности начал систематически повышаться, начиная с середины двадцатого века процесс урбанизации на самом деле остановился.

Таким образом, феномен повышения уровня преступности нельзя объяснить иначе, как ссылкой на процесс демократизации: растущая степень общественных временных предпочтений, растущая потеря индивидуальной ответственности, интеллектуальное и моральное падение, а также снижение уважения ко всем законам стимулируется неослабевающим потоком законодательства.⁴⁴ Конечно, «высокие временные

⁴⁴ По сути, к такому же выводу приходит и там же, стр. 414-15:

По мере того как общество становится более эгалитарным в своих взглядах, оно начинает скептически относиться к утверждениям о том, что вклад одних людей по сути превосходит вклад других, и, таким образом, его члены становятся более склонными описывать результаты других как несправедливо заработанные. Мы думаем, что не может быть никаких сомнений в том, что тенденция мышления в современных странах была направлена на более эгалитарные взгляды, подкрепляемые в некоторых случаях растущей верой обездоленных расовых, этнических и религиозных меньшинств в то, что уважение, которое они когда-то оказывали, больше не нужно оказывать; напротив, теперь группа большинства должна им что-то в качестве компенсации за прошлые несправедливости. Конечно, люди могут приобрести более эгалитарные или даже более стремящиеся к возмещению взгляды, не становясь более преступными. Но на периферии некоторые люди – возможно, те импульсивные, которые ценят продукты богатого общества, – обнаруживают, что эта ценность внезапно возрастает, когда они поддаются убеждению, что нынешний владелец автомобиля имеет на него не больше (т.е. не более справедливые) права, чем они. ... Данные об изменениях во внутренних запретах на преступность практически отсутствуют. ... [Однако] один дразнящий, но единичный факт может свидетельствовать о том, что интернализированные запреты действительно изменились, по крайней мере, в некоторых обществах. Уолпин обнаружил, что в Англии соотношение убийц, совершивших самоубийство до ареста, ко всем осужденным убийцам более или менее стабильно снижалось с

предпочтение» ни в коем случае не эквивалентно «преступлению». Высокое временное предпочтение также может найти выражение в таких совершенно законных действиях, как безрассудство, ненадежность, плохие манеры, лень, глупость или гедонизм. Тем не менее систематическое отношение между высокими временными предпочтениями и преступностью существует, поскольку для того, чтобы заработать рыночный доход, требуется определенный минимум планирования, терпения и жертвования. Сначала нужно работать некоторое время, прежде чем получить деньги. Напротив, наиболее серьезные преступные действия, такие как убийство, нападение, изнасилование, грабеж, кража и кража со взломом не требуют такой дисциплины. Награда агрессора является немедленной и осязаемой, тогда как возможное наказание лежит в будущем и неопределенно. Соответственно, если общественная степень временных предпочтений была увеличена, то частота агрессивного поведения будет расти.⁴⁵

Заключение: монархия, демократия и идея естественного порядка

С точки зрения элементарной экономической теории и в свете исторических фактов, возникает ревизионистский взгляд

примерно трех из четырех в 1929 году до примерно одного из четырех в 1967 году.

⁴⁵ О связи между временными предпочтением и преступностью см. также Edward C. Banfield, *The Unheavenly City Revisited* (Boston: Little, Brown, 1974), особ. главы 3 и 8; он же, «Present-Orientedness and Crime», в *Assessing the Criminal*, Randy E. Barnett and John Nagel, eds. (Cambridge, Mass.: Ballinger, 1977). Объяснение Банфилда (*The Unheavenly City Revisited*, стр. 140-41):

Угроза наказания со стороны закона вряд ли остановит человека, ориентированного на настоящее. Выгоды, которые он ожидает от незаконного деяния, очень близки к настоящему, в то время как наказание, которое он понесет – в маловероятном случае, если его поймают и накажут, – лежит в будущем, слишком отдаленном для него, чтобы принимать его во внимание. Для нормального человека, конечно, существуют и другие риски, помимо наказания со стороны закона, которые являются сильными сдерживающими факторами: позор, потеря работы, трудности для жены и детей,

на современную историю. Вигская историография, согласно которой человечество марширует постоянно вперед к все более высоким уровням прогресса, неверна. С точки зрения тех, кто предпочитает меньше эксплуатации, чем больше, и тех, кто ценит дальновидность и индивидуальную ответственность выше близорукости и безответственности, исторический переход от монархии к демократии представляет собой не прогресс, а цивилизационный спад. И этот приговор не меняется из-за других факторов. Совсем наоборот. Несомненно, самым важным показателем эксплуатации и краткосрочной ориентированности, о котором *не* говорилось выше, является *война*. Но если бы этот фактор был принят, относительная эффективность демократично-республиканского правительства, похоже, была бы еще хуже, а не лучше. В дополнение к усилению эксплуатации и социального распада переход от монархии к демократии привел к переходу от ограниченной войны к полной войне, а двадцатый век, эпоха демократии, должен быть также включен в число самых смертоносных периодов за всю историю.⁴⁶

Таким образом, неизбежно возникают два последних вопроса. Нынешнее положение дел вряд ли может быть «концом истории». Чего мы можем ожидать? И что мы можем сделать? Что касается первого вопроса, ответ краток. В конце двадцатого века демократический республиканизм в США и во всем западном мире, по-видимому, исчерпал резервный фонд, унаследованный от прошлого. На протяжении десятилетий, вплоть до 1990-х годов, реальные доходы застопорились или даже упа-

если кого-то отправят в тюрьму, и так далее. Человек, ориентированный на настоящее, не подвергается таким рискам. ... ему не нужно бояться потерять работу, так как он работает с перерывами или вообще не работает, а что касается его жены и детей, он мало или вообще ничего не делает для их поддержки, и им вполне может быть лучше без него.

⁴⁶ О контрасте между монархической и демократической войной см. Fuller, *The Conduct of War*, особ. главы 1 и 2; он же, *War and Western Civilization* (Freeport, N.Y.: Books for Libraries, 1969); Michael Howard, *War in European History* (Oxford: Oxford University Press, 1978), особ. гл. 6; он же, *War and the Liberal Conscience* (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1978); de Jouvenel, *On Power*, гл. 8; William A. Orton, *The Liberal Tradition* (Port Washington, Wash.: Kennikat Press, 1969), стр. 25ff.; Ferrero, *Peace and War*, гл. 1; см. также гл. 1 выше.

ли.⁴⁷ Государственный долг и стоимость систем социального обеспечения несут серьезную угрозу перспективам неизбежного экономического кризиса. В то же время социальный распад и социальные конфликты поднялись до опасных высот. Если тенденция к увеличению эксплуатации в будущем продолжится по нынешнему пути, западные демократические государства всеобщего благосостояния рухнут, как это сделали восточно-европейские социалистические республики в конце 80-х годов. Следовательно, остается второй вопрос: что мы можем сделать сейчас, чтобы предотвратить процесс цивилизации от экономической и социальной катастрофы?

Прежде всего, идея демократии и правления большинства должна быть делегитимирована. В конечном счете, ход истории определяется *идеями*, будь они истинными или ложными. Точно так же, как короли не могли осуществлять свое правление, если большинство общественного мнения не признавало такое правление законным, так и демократические правители не продержатся без идеологической поддержки в общественном мнении.⁴⁸ Точно так же переход от монархического правления к демократическому должен быть объяснен в основном не чем иным, как *изменением* общественного мнения. Фактически, до конца Первой мировой войны подавляющее большинство населения Европы признавало монархическое правление законным.⁴⁹ Сегодня вряд ли кто-нибудь сделал бы это. Напротив, идея монархического правления считается смехотворной. Следовательно, возвращение к *Старому порядку* должно рассматриваться как невозможное. Легитимность монархического

⁴⁷ Показательный анализ данных по США см. в Robert Batemarco, «GNP, PPR, and the Standard of Living», *Review of Austrian Economics* 1 (1987).

⁴⁸ О связи между правительством и общественным мнением см. классические работы Etienne de la Boétie, *The Politics of Obedience: The Discourse of Voluntary Servitude* (New York: Free Life Editions, 1975); David Hume, *Essays: Moral, Political, and Literary* (Oxford: Oxford University Press, 1963), особ. Essay 4: «Of the First Principles of Government».

⁴⁹ Например, уже в 1871 году, при всеобщем мужском избирательном праве, в Национальном собрании Французской республики было всего около 200 республиканцев из более чем 600 депутатов. А восстановление монархии удалось предотвратить только потому, что сторонники Бурбонов и Орлеанов зашли в тупик.

правления, по-видимому, была безвозвратно утрачена. И такое возвращение не было бы подлинным решением. Ибо монархии, каковы бы ни были их относительные достоинства, *также* эксплуатируют и способствуют ориентации на настоящее. Скорее, идея демократическо-республиканского правления должна быть представлена в равной степени, если не более смехотворной, ни в коей мере не путем определения ее как источника продолжающегося процесса децивилизации.

Но в то же время и, что еще важнее, позитивная *альтернатива* монархии и демократии, идея естественного порядка – должна быть очерчена и понята. С одной стороны, нужно признать то, что она не предполагает эксплуатации, ни монархической, ни демократической, а частная собственность, производство и добровольный обмен являются источниками человеческой цивилизации. С другой стороны, нужно признать фундаментальную социологическую проницательность (которая, кстати, также помогает точно определить, где историческая оппозиция монархии пошла не так): что сохранение частной экономики, основанной на обмене, требует в качестве своего социологического предположения существования добровольно признанной природной элиты – *a nobilitas naturalis*.⁵⁰

Естественный результат добровольных сделок между разными владельцами частной собственности определенно нелогичен, иерархичен и элитарен. В результате широко разнообразных человеческих талантов, в каждом обществе любой степени сложности несколько человек быстро приобретают статус элиты. Благодаря превосходным достижениям богатства, мудрости, храбрости или их сочетания, некоторые люди приобретают «естественную власть», и их мнения и суждения пользуются широким почтением. Более того, из-за избирательного брака и законов гражданского и генетического наследования позиции естественной власти чаще всего передаются в нескольких благородных семьях. Именно к руководителям этих семей с давними отчетами о превосходных достижениях, дальновидностью

⁵⁰ См. также Wilhelm Röpke, *A Humane Economy* (Indianapolis, Ind.: Liberty Fund, 1971), стр. 129-36; de Jouvenel, *On Power*, гл. 17.

и образцовым личностным поведением, люди обращаются с их конфликтами и жалобами друг на друга, и именно эти лидеры естественной элиты обычно выступают в качестве судей и миротворцев, зачастую бесплатно, из чувства долга, требуемого и ожидаемого от лица власти или даже из принципиальной озабоченности в отношении гражданского правосудия, в роли частных производителей «общественного блага».⁵¹

Фактически, естественное происхождение монархии (в отличие от ее неестественного происхождения *через* завоевание)⁵² можно понять только на фоне прежнего порядка естественных элит. Небольшой, но решающий шаг в переходе к монархическому управлению заключался именно в *монополизации* функции судьи и миротворца. Этот шаг был предпринят одним из членов добровольно признанной природной элиты – король настоял против оппозиции других членов социальной элиты, чтобы все конфликты на определенной территории предстали перед ним, а конфликтующие стороны больше не выбирали каких-либо других судей или миротворцев, кроме него. С этого момента закон и правоохранительные органы стали дороже: вместо того, чтобы предлагаться бесплатно или по добровольному платежу, они финансировались с помощью обязательного налога. В то же время качество закона ухудшилось: вместо того, чтобы отстаивать существующий закон и применять универсальные и неизменные принципы справедливости, монополистический судья, которому не нужно было опасаться потерять клиентов в результате того, что он был менее беспристрастным в своем суждении, мог бы последовательно изменить существующий

⁵¹ См. также Marvin Harris, *Cannibals and Kings: The Origins of Culture* (New York: Vintage Books, 1977), стр. 104ff., о частном предоставлении общественных благ «большими людьми».

⁵² Сравнительную оценку теорий эндогенного и экзогенного происхождения государства и историческую критику последних как неверных или неполных см. в Wilhelm Mühlmann, *Rassen, Ethnien, Kulturen* (Neuwied: Luchterhand, 1964), стр. 248-319, особ. стр. 291-96.

О сторонниках теорий экзогенного происхождения правительства см. Friedrich Ratzel, *Politische Geographic* (Munich, 1923); Oppenheimer, *Der Staat*; Alexander Rüstow, *Freedom and Domination* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1976).

ющий закон в свою пользу.

Во многом это была завышенная цена правосудия и извращения древнего закона королями, которые мотивировали историческую оппозицию монархии. Однако преобладала путаница в понимании причин этого явления.⁵³ Были те, кто правильно признавал, что проблема связана с *монополией*, а не с элитой или благородством. Но их численность намного превосходили те, кто ошибочно обвиняли элитарный характер правителей, и предлагали просто заменить короля и видимую королевскую власть «народом» и предполагаемой скромностью, и порядочностью «обычного человека». Отсюда и вытекает исторический успех демократии.

По иронии судьбы, монархия была разрушена теми же социальными силами, которые сначала побуждали королей, когда они стали исключать конкурирующие естественные власти из судей. Чтобы преодолеть сопротивление, короли обычно присоединялись к людям, обычным людям.⁵⁴ Обращаясь к популярному настроению зависти, цари обещали людям справедливость, дешевле и лучше, за счет налогообложения. Когда обещания королей оказались пустыми, как и должно было быть предсказано, те же эгалитарные чувства, которые они ранее вынашивали, теперь повернулись против них. В конце концов, сам царь был членом дворянства, и в результате исключения всех других судей его позиция стала только более возвышенной и элитарной, а его поведение стало более наглым. Соответственно, казалось логичным то, что и короли тоже должны быть свергнуты, и что эгалитарная политика, начатая монархами, должна быть доведена до ее окончательного исхода: моно-

⁵³ См., например, Gustave de Molinari, *The Production of Security* (New York: Center for Libertarian Studies, 1977), первоначально опубликованная на французском языке в 1849 году.

⁵⁴ См. об этом Henri Pirenne, *Medieval Cities* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974). «Явный интерес монархии», – пишет Пиренн,

заклучался в поддержке противников высокого феодализма. Естественно, помощь оказывалась всякий раз, когда это было возможно, не становясь при этом обязанным этим [городским] средним классам, которые, восстав против своих лордов, боролись, по сути, в интересах королевских прерогатив. Принять короля в качестве арбитра в их ссоре означало для конфликту-

полистический контроль над судом обычным человеком.

Как и следовало ожидать, как объяснено и подробно проиллюстрировано выше, демократизация закона и применения права привела только к худшему. Цена правосудия и мира возросла астрономически и качество закона неуклонно ухудшалось до такой степени, что идея права как совокупности универсальных и неизменных принципов справедливости почти исчезла из общественного мнения и была заменена на идею законодательного закона (правительственного закона). В то же время демократия преуспела там, где монархия только сделала скромное начало: в конечном разрушении природных элит. Судьба великих семей рассеялась, и их традиции культуры и экономической независимости, умственной дальновидности, морального и духовного лидерства были забыты. Богатые люди все еще существуют сегодня, но чаще всего они обязаны своим состоянием прямо или косвенно государству. Следовательно, они часто больше зависят от постоянных милостей государства, чем от людей с гораздо меньшим богатством. Они, как правило, больше не являются лидерами давно сложившихся *ведущих семей*. Их поведение не отмечено особой добродетелью, достоинством или вкусом, а является отражением той же пролетарской массовой культуры современности, оппортунизма и гедонизма, которой богатые теперь делятся со всеми; следовательно, их мнение не имеет большего общественного мнения, чем чье-либо.

Следовательно, когда демократическое правление окончательно исчерпает свою легитимность, возникшая проблема будет значительно сложнее, чем, когда короли потеряли свою легитимность. Тогда было достаточно отменить монополию ко-

ющих сторон признать его суверенитет. Выход бюргеров на политическую сцену имел следствием ослабление договорного принципа феодального государства в пользу принципа власти монархического государства. Было невозможно, чтобы королевская власть не учла этого и не воспользовалась каждым шансом проявить свою добрую волю к коммунаам, которые, не намереваясь этого делать, так плодотворно трудились в ее интересах. (стр. 179-80)

См. также там же, стр. 227f. и de Jouvenel, *On Power*, гл. 17.

роля на закон и правоохранительные органы и заменить ее естественным порядком конкурирующих юрисдикций, поскольку остатки естественных элит, которые могли бы взять на себя эту задачу, все еще существовали. Теперь этого больше не будет. Если монополия права и правоохранительной деятельности демократических правительств будет распущена, по-видимому, не будет других уполномоченных, к которым можно обратиться за справедливостью, и хаос кажется неизбежным. Таким образом, в дополнение к отстаиванию отказа от демократии, в настоящее время центральное стратегическое значение имеет то, что идеологическая поддержка должна предоставляться всем децентрализованным или даже сепаратистским социальным силам. Тенденция к политической централизации, которая характеризовала Западный мир на протяжении многих веков, сначала под монархическим правлением, а затем под демократической эгидой, должна систематически меняться.⁵⁵ Даже если в результате сепаратистской тенденции возникшие новые правительства, демократические или нет, будут территориально меньше и усиленная политическая конкуренция будет стимулировать умеренность в отношении эксплуатации. В любом случае только в небольших регионах, общинах или районах будет возможность снова для нескольких людей, отличившихся общественным признанием их экономической независимости, выдающихся профессиональных достижений, морально безупречной личной жизни, превосходных суждений и вкуса, чтобы подняться до звания естественных, добровольно признанных и легитимных по естественному порядку⁵⁶ конкурирующих судей и параллельных юрисдикций – «анархического» частного правового общества, как ответа на монархию и демократию.

⁵⁵ О политической экономии политической централизации и обосновании децентрализации и сепаратизма см. Hans-Hermann Hoppe, «The Economic and Political Rational for European Secessionism», в *Secession, State, and Liberty*, David Gordon, ed. (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1998); Jean Baechler, *The Origins of Capitalism* (New York: St. Martin's Press, 1976), особ. гл. 7; см. также гл. 5 ниже.

⁵⁶ «В здоровом обществе», – пишет Вильгельм Рёпке,

| лидерство, ответственность и образцовая защита руководящих принци-

пов и ценностей общества должны быть возвышенной обязанностью и неоспоримым правом меньшинства, которое формируется и с готовностью и уважением признается вершиной социальной пирамиды, иерархически структурированной по результатам деятельности. Массовому обществу ... должно противодействовать индивидуальное лидерство – не со стороны оригинальных гениев, эксцентриков или волевых интеллектуалов, а, напротив, со стороны людей, обладающих мужеством отвергнуть эксцентричную новизну ради «старых истин», которых Гёте призывает нас придерживаться, и ради исторически доказанных, нерушимых и простых человеческих ценностей. Другими словами, мы нуждаемся в лидерстве ... «аскетов цивилизации», так сказать, секуляризованных святых, которые в наш век занимают место, которое не должно долго оставаться вакантным в любое время и в любом обществе. Именно это имеют в виду те, кто говорит, что «восстанию масс» должно быть противопоставлено другое восстание, «восстание элиты». ... Что нам нужно, так это истинное благородство природы (*nobilitas naturalis*). Без него не может обойтись ни одна эпоха, и в первую очередь наша, когда так много сотрясается и рушится. Нам нужна природная аристократия, чей авторитет, к счастью, легко признается всеми людьми, элита, получающая свой титул исключительно благодаря высочайшей производительности и несравненному моральному примеру и несущая в себе моральное достоинство такой жизни. Лишь немногие из всех слоев общества могут подняться в этот тонкий слой природного благородства. Путь к нему – образцовая и медленно созревающая жизнь, полная самоотверженных усилий на благо всех, безупречной честности, постоянного сдерживания нашей общей жадности, доказанной здравости суждений, безупречной личной жизни, неукротимого мужества в отстаивании истины и закона и, как правило, высочайшего примера. Вот как немногие, пользуясь доверием народа, постепенно достигают положения выше классов, интересов, страстей, зла и глупости людей и, наконец, становятся совестью нации. Принадлежать к этой группе моральных аристократов должно быть высшей и наиболее желанной целью, рядом с которой все остальные триумфы жизни бледны и безвкусны. ... Ни одно свободное общество, и в первую очередь наше, которое рискует выродиться в массовое общество, не может существовать без такого класса цензоров. Дальнейшее существование нашего свободного мира в конечном счете будет зависеть от того, сможет ли наш век произвести достаточное количество таких аристократов общественного духа. (*A Humane Economy*, стр. 130-31)

§3

О монархии, демократии, общественном мнении и делегитимизации

I

Уместно начать с нескольких наблюдений за Людвигом фон Мизесом и его идеей о свободном обществе. «Программа либерализма», – писал Мизес,

если ее выражать словом, то это слово должно было бы значить: собственность, то есть частная собственность на средства производства (поскольку в отношении товаров, готовых к употреблению, частная собственность является само собой разумеющейся и не оспаривается даже социалистами и коммунистами). Все остальные требования либерализма вытекают из этого фундаментального запроса.

Основываясь на частной собственности, объяснил Мизес, возникновение общественно-человеческого сотрудничества было результатом естественного многообразия людей, их собственности и признания того, что работа, выполняемая при разделении труда, более продуктивна, чем работа, выполняемая в самодостаточной изоляции. Он объяснял:

В той мере, в какой работа под разделением труда более продуктивна, чем изолированный труд, и в той мере, насколько человек способен осознать этот факт, настолько человеческая деятельность сама стремится к сотрудничеству и объединению; ... Опыт учит, что это условие существования производительности, достигнутой при разделении труда, вызвано причиной его возникновения во врожденном неравенстве людей и неравенстве в географическом распределении природных факторов производства. Таким образом, мы

¹ Ludwig von Mises, *Liberalism: In the Classical Tradition* (Irvington-on-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education, 1985), стр. 19.

в состоянии понять ход социальной эволюции.²

Если возникновение человеческого общества в рамках разделения труда может быть объяснено как результат корыстных действий, то также верно, что человечество будет таким, каким оно является, убийцы, грабители, воры, головорезы и мошенники всегда будут существовать, и жизнь в обществе будет невыносимой, если только им не грозит физическое наказание. «Либерал хорошо понимает», – писал Мизес,

что не прибегая к принуждению, существование общества будет поставлено под угрозу и что за правилами поведения, соблюдение которых необходимо для обеспечения мирного человеческого сотрудничества, должна стоять угроза силы, если все сооружение общества не должно постоянно находиться в полной власти любого из его членов. Нужно быть в состоянии заставить человека, который не будет уважать жизнь, здоровье, личную свободу или частную собственность других согласиться на соблюдение правил жизни в обществе. Это функция, которую либеральная доктрина присваивает государству: защита собственности, свободы и мира.³

Если это будет принято, как организовать правительство, чтобы гарантировать, что оно фактически сделает то, что оно должно делать: защитит ранее существовавшие права частной собственности? Ввиду того, что я скажу позже в пользу института монархии, здесь следует отметить либеральную оппозицию Мизеса против старого режима абсолютных царей и князей. Цари и принцы были привилегированными людьми. Почти по определению они выступали против либеральной идеи единства и универсальности права. Таким образом, утверждает Мизес, либеральная теория государства враждебна князьям.

² Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics* (Chicago: Regnery, 1966), стр. 160-61.

³ Mises, *Liberalism*, стр. 37.

У княжеского государства нет естественных границ. Быть расширителем его семейного поместья является идеалом принца; он стремится оставить своему преемнику больше земли, чем он унаследовал от своего отца. Продолжать приобретать новые владения до тех пор, пока не будет столкновения с таким же или более сильным противником – это стремление царей ... Князья относятся к странам не иначе как к владельцам недвижимости, которые включают его леса, луга и поля. Они продают их, они обменивают их (например, «округляют» границы); и каждый раз управление жителями тоже передается. ... Земли и народы в глазах князей – только объекты княжеской собственности; первые составляют основу суверенитета, а последние – принадлежности землевладения. От людей, которые живут на «своей» земле, принц требует послушания и верности; он воспринимает их почти как свою собственность.⁴

Если Мизес отверг княжеское государство как несовместимое с защитой прав частной собственности, то что должно заменить его? Его ответом была демократия и демократическое правительство. Однако определение демократического правительства Мизеса принципиально отличается от его разговорного значения. Мизес вырос в многонациональном государстве и болезненно воспринимал антилиберальные результаты правления большинства в этнически смешанных территориях.⁵ Вместо обычного правления большинства, демократия Мизеса означала буквально «самоопределение, своя власть, самоуправление»⁶ и, соответственно, демократическое правительство должно быть по существу добровольной организацией с

⁴ Ludwig von Mises, *Nation, State, and Economy: Contributions to the Politics and History of Our Time* (New York: New York University Press, 1983), стр. 32-33. Далее Мизес отмечает,

княжеское государство неустанно стремится к расширению своей территории и увеличению числа своих подданных. С одной стороны, оно стремится к приобретению земель и поощряет иммиграцию, с другой – устанавливает строжайшие наказания против эмиграции. Чем больше земли и чем больше подданных, тем больше доходов и тем больше солдат. Только размер государства гарантирует его сохранение. Более мелкие государства всегда находятся в опасности быть поглощенными более крупными. (стр. 39)

вольным членством. «Либерализм», объяснил Мизес,

никого не заставляет против его воли быть частью структуры государства. Тот, кто хочет эмигрировать, не должен сдерживаться. Когда часть людей государства хочет отказаться от союза, либерализм не мешает ему делать это. Колонии, которые хотят стать независимыми, должны удовлетворить свою нужду. Нация как органическая сущность не может быть ни увеличена, ни уменьшена из-за изменений в государствах; мир в целом не может ни побеждать, ни проигрывать от них.⁷

Таким образом, право на самоопределение в отношении вопроса о членстве в государстве означает: когда жители конкретной территории, будь то одна деревня, целый район или ряд соседних районов, сообщают свободно проводимым плебисцитом, что они больше не хотят оставаться объединенными с государством, к которому они принадлежат, их желание должно соблюдаться. Это единственный возможный и эффективный способ предотвращения революций и международных войн ... Если бы каким-либо образом это право могло быть предоставлено на самоопределение каждому отдельному человеку, это нужно было бы сделать.⁸

⁵ На полиглотных территориях», – пишет Мизес, – «применение принципа большинства ведет не к свободе всех, а к господству большинства над меньшинством. ... Правление большинства означает ... для части народа ... не народное, а иностранное правление» (там же, стр. 55 и 50). В особых обстоятельствах Габсбургской Австрии как многонационального и в то же время в основном немецкого государства применение мажоритарных принципов не только способствовало бы распаду империи. В частности, независимо от того, будет ли распущена империя или нет, демократия будет систематически работать против немцев и в конечном итоге приведет к немецкому «национальному самоубийству», (стр. 117). Таково, по словам Мизеса, было «трагическое положение» немецких либералов в Австрии, (стр. 115). «Демократизация в Австрии была идентична дегерманизации», (стр. 126).

⁶ Там же, стр. 46.

⁷ Там же, стр. 39-40.

⁸ Mises, *Liberalism*, стр. 109-10. Возражения Мизеса против неограниченной сецессии носят исключительно технический характер (экономия масштаба и т.д.). Так, например, Мизес признает, что ему трудно представить, как «в национально сме-

Следовательно, ответ Мизеса о заверении того, что правительство будет защищать права собственности, состоит из угрозы неограниченного разделения и его собственной характеристики добровольного членства.

II

Я не хочу дальше исследовать идею Мизеса о демократическом правительстве, а вместо этого перейду к современному определению демократии и вопросу о ее совместимости с основанием либерализма: частной собственностью и ее защитой.

Можно было бы утверждать, что определение демократического правительства Мизеса применимо к США до 1861 года. До этого в целом считалось, что право на отделение существует и что Союз является не чем иным, как добровольной ассоциацией независимых государств. Однако после сокрушительного поражения и разрушения сепаратистской Конфедерации Линкольном и Союзом стало ясно, что права на отделение уже не существует и что демократия означает абсолютное и неограниченное правление большинства. Также можно утверждать, что с тех пор ни одно государство не встретило определение демократического правительства Мизеса. Вместо этого, как и их американская модель, все современные демократии являются организациями с обязательным членством.

шанном городе создать две полиции, возможно, немецкую и чешскую, каждая из которых могла бы действовать только против представителей своей национальности». *Nation, State, and Economy*, стр. 53. С другой стороны, Мизес отмечает, что

политические идеи современности позволяют продолжать существование малых государств сегодня в большей безопасности, чем в предыдущие века. ... Не может быть и речи о проверке экономической самодостаточности при формировании государств в то время, когда разделение труда охватывает обширные территории, целые континенты, да и весь мир. Не имеет значения, удовлетворяют ли жители государства свои потребности прямо или косвенно за счет производства у себя дома; важно лишь то, что они вообще могут их удовлетворить. ... Даже в то время, когда государственная структура была единой, они [отделившиеся жители] не получали [импортируемые ими] товары даром, а только за стоимость, предоставляемую взамен, и эта стоимость не становится больше, когда политическое сообщество распадается. ... Поэтому размер территории государства не имеет значения, (стр. 81-82).

Удивительно, что Мизес никогда не подвергал эту современную модель демократии тому же систематическому анализу, который он применил к княжескому правительству. Разумеется, никто не был более дальновидным относительно разрушительных последствий социальной и экономической политики современных правительств, чем Мизес, и никто более четко не осознал резкое увеличение государственной власти в течение двадцатого века, но Мизес никогда не связывал эти явления с современной обязательной демократией. Нигде он не предположил, что упадок либерализма и господство антикапиталистических политических идеологий в этом столетии социализма, социал-демократии, демократического капитализма, экономики социального рынка или любого другого ярлыка были связаны с различными антилиберальными программами и политикой, находит свое систематическое объяснение в мажоритарной демократии.

То, что я предлагаю сделать здесь, состоит в том, чтобы заполнить пробел, оставленный Мизесом, и проанализировать логику мажоритарной демократии, тем самым сделать современную историю понятной и предсказуемой.

III

Без права на отделение, демократическое правительство, экономически говоря, является обязательным территориальным монополистом защиты и окончательной инстанцией принятия решений (юрисдикцией), и в этом отношении неотлично от княжеского правительства. Так же, как князья не разрешали отделение, оно объявлено вне закона в демократическом государстве. Кроме того, как подразумевается для обязательного монополиста, как демократическое правительство, так и принцы имеют право на налоговые льготы. То есть, оба имеют право определять в одностороннем порядке без согласия сумму, которую защищенные должны платить за свою собственную защиту.

Из этой общей классификации обязательных монополий можно вывести фундаментальное сходство как княжеского, так

и демократического правительства:⁹ при монопольном покровительстве цена правосудия и защиты будет постоянно расти, а количество и качество правосудия и защиты падают. Через экспроприацию собственности защищенного, налоговое финансирование агентства неизбежно приведет к большему количеству налогов и меньшему количеству защиты. Даже если, как говорят либералы, правительство ограничивает свою деятельность исключительно защитой ранее существовавших имущественных прав, возникает еще один вопрос о том, насколько дорогое производство защиты. Мотивированный (как каждый человек) личными интересами и нежеланием трудиться, но с уникальной способностью собирать налоги, ответ ответственного агента неизменно будет одинаковым: максимально увеличить расходы на защиту, и, возможно, можно будет потреблять почти все богатство страны по стоимости защиты, и в то же время свести к минимуму фактическое производство защиты. Чем больше денег можно потратить на потребление, тем меньше нужно работать.

Более того, монополия юрисдикции неизбежно приведет к неуклонному ухудшению качества защиты. Если кто-то сможет обратиться к правительству за правосудием, оно будет искажено в пользу правительства, конституционных и апелляционных судов. Конституционными и апелляционными судами являются правительственные агентства, и любые ограничения на действия правительства неизменно решаются агентами одного и того же учреждения. Как и ожидалось, определение собственности и защиты будет постоянно изменяться, а правила юрисдикции будут сведены в сторону преимуществ правительства.

⁹ Об экономической теории монополии см. Murray N. Rothbard, *Man, Economy, and State: A Treatise on Economic Principles*, 2 vols. (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1993), гл. 10; о монопольном производстве безопасности, в частности см. он же, *For A New Liberty* (New York: Collier, 1978), главы 12 и 14; Gustave de Molinari, *The Production of Security* (New York: Center for Libertarian Studies, 1977); Morris and Linda Tannehill, *The Market for Liberty* (New York: Laissez Faire Books, 1984); и Hans-Hermann Hoppe, *The Private Production of Defense* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998).

IV

Хотя оба они несовместимы с защитой жизни и собственности, княжеское и демократическое правительство также отличаются одним фундаментальным правилом. Решающее различие заключается в том, что вход в княжеское правительство систематически ограничивается личным усмотрением князя, в то время как при вступлении в демократическое и участие в правительстве открыто для всех на равных условиях. Любому, не только наследственному классу дворян, разрешено стать государственным чиновником и выполнять любую правительственную функцию, вплоть до премьер-министра или президента.

Как правило, это различие между ограниченным и свободным вступлением в правительство и переход от княжеского к демократическому правительству было истолковано как продвижение к либерализму: от общества статуса и привилегии до равенства перед законом. Но эта интерпретация основывается на фундаментальном недопонимании. С классико-либеральной точки зрения демократическое правительство должно считаться регрессией от княжеского правительства.

Свободное и равное участие в правительстве демократического толка – это нечто совершенно иное и несовместимое с классически-либеральной концепцией одного универсального закона, одинаково применимого ко всем, везде и во все времена. Либерализм, отметил Мизес, «стремится к максимально возможному объединению закона, в конечном счете, к мировому единству закона».¹⁰ Однако свободный вход в правительство не достигает *этой* цели. Напротив, нежелательное неравенство высшего права князей против закона обычных людей сохраняется под демократией в разделении общественного и частного права и верховенства первого над последним. В условиях демократии все равны, поскольку вхождение в правительство открыто для всех на одинаковых условиях. В условиях демократии нет *личных* привилегий или привилегированных лиц. Однако

¹⁰ Mises, *Nation, State, and Economy*, стр. 38.

существуют *функциональные* привилегии и привилегированные функции. До тех пор, пока они действуют, демократические правительственные агенты регулируются и защищаются общественным правом, и, тем самым, занимают привилегированное положение *по отношению* к лицам, действующим под простым частным правом (наиболее принципиально то, что общественному правительству разрешено поддерживать свою собственную деятельность посредством налогов, взимаемых с субъектов частного права). Привилегии, дискриминация и протекционизм не исчезают. Наоборот, вместо того, чтобы ограничиваться князьями и дворянами, привилегии, дискриминация и протекционизм могут осуществляться всеми.

Как и ожидалось, в демократических условиях усиливается тенденция каждой принудительной монополии к повышению стоимости и снижению качества своих услуг. Будучи наследственным монополистом, принц рассматривает территорию и людей, находящихся под его юрисдикцией, как свою личную собственность и участвует в монопольной эксплуатации его «собственности». В условиях демократии эксплуатация не исчезает. Даже если каждому разрешено входить в правительство, это не устраняет различия между правителями и управляемыми. Правительство и управляемые не являются одним и тем же лицом. Вместо принца, который считает страну своей частной собственностью, временный и взаимозаменяемый смотритель ставится в монополистическое правление. Смотритель не владеет страной, но до тех пор, пока он находится на своем посту, ему разрешено использовать его в своих интересах. Ему принадлежит его нынешнее пользование, *узурфрукт*, но не его основной капитал. Это не устраняет эксплуатацию. Скорее, это делает эксплуатацию менее расчетливой и недальновидной.¹¹

Как наследственные принцы, так и демократические опекуны могут увеличить свои текущие расходы за счет более высоких налогов. Тем не менее принц склонен избегать увеличения

¹¹ Об этом и следующем см. Murray N. Rothbard, *Power and Market: Government and the Economy* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977), гл. 5; и Hans-Hermann Hoppe, «The Political Economy of Monarchy and Democracy, and the Idea of a Natural Order», *Journal of Libertarian Studies* 11, no. 2 (1995).

налогов, если это приводит к потреблению капитала – снижению нынешней стоимости основного капитала, владельцем которого он является. Напротив, смотритель не проявляет такого нежелания. Хотя он владеет нынешним налоговым доходом, он не владеет капиталом, из которого он получен. Соответственно, в демократических условиях налогообложение значительно превышает его уровень под княжеским правлением.

Кроме того, как принцы, так и опекуны могут увеличить свои текущие расходы за счет долгов, как и за счет налогов, и они, как правило, имеют больше долгов, чем частные граждане. Однако, в то время как принц берет на себя ответственность за свое личное имущество всякий раз, когда он заимствует (продает облигации) от неправительственной общественности (и нынешняя стоимость его имущества падает), демократический смотритель свободен от такого. Он может пользоваться всеми преимуществами более высоких текущих расходов, в то время как ответственность и одновременное падение стоимости имущества ложится на других. Соответственно, правительственные долги растут быстрее в демократических условиях, чем при княжеском правлении.

Наконец, как принцы, так и опекуны могут использовать свою принудительную монополию, чтобы получить контроль над денежной массой, поэтому оба могут также увеличить свои собственные текущие расходы за счет раздувания денег. Однако принц, который раздувает денежную массу, будет сталкиваться с двумя факторами: его непосредственное обогащение и тот факт, что в качестве неизбежного результата будущая покупательная способность денег и его собственные будущие налоги будут ниже. В отличие от принца, демократический смотритель озабочен только своим непосредственным обогащением, поскольку у него нет будущих налоговых поступлений. Он владеет только нынешним налоговым доходом, поэтому он исключительно озабочен нынешней покупательной способностью денег. Увеличивая денежную массу, он может увеличить свою нынешнюю покупательную способность, в то время как сопутствующая более низкая покупательная способность денег и налоговых поступлений должна представиться в будущем

другим. Соответственно, денежная инфляция будет также более распространена в демократических условиях, чем при княжеском правительстве.

V

При свободном вступлении в правительство и участии в нем искажение справедливости и защиты (законности и порядка) будет развиваться только быстрее. Понятие универсальных и неизменных прав человека, в частности прав собственности, по существу, исчезает и заменяется понятием закона как права правительства, а также прав, предоставляемых правительством.¹²

Вместо того, чтобы просто перераспределять доходы и богатство от гражданского общества к правительству посредством налогообложения, финансирования дефицита и инфляции денег, как наследственные принцы, так и демократические опекуны могут также использовать свою монополию юрисдикции для перераспределения доходов и богатства *внутри* гражданского общества. Однако стимулы, с которыми сталкиваются здесь принцы и опекуны, отличаются друг от друга.

Поучительно еще раз взглянуть на княжеское правительство. Что касается перераспределения, то князя сталкиваются с двумя препятствиями. Первое логическое: несмотря на то, что принц стоит выше всех остальных, его права также являются частными правами, хотя и несколько привилегированными. Если принц берет собственность одного человека и распределяет ее другому, он подрывает свое собственное положение и безопасность в отношении к другим князьям.¹³ Во-вторых, с

¹² О фундаментальном различии между законом и законодательством см. Bruno Leoni, *Freedom and the Law* (Indianapolis: Liberty Fund, 1991); Friedrich A. Hayek, *Law, Legislation and Liberty*, 2 vols. (Chicago: University of Chicago Press, 1973), том 1: *Rules and Order*; Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty* (New York: New York University Press, 1998).

¹³ См. также Bertrand de Jouvenel, *Sovereignty: An Inquiry into the Political Good* (Chicago: University of Chicago Press, 1957), стр. 172-73, 189.

экономической точки зрения перераспределение от «имущих» до «неимущих» является контрпродуктивным и снижает общую стоимость владения. Это не означает, что принцы полностью воздерживаются от перераспределительной политики, но их политика имеет совершенно иную форму. С одной стороны, они должны действовать в соответствии с идеей прав *частной* собственности; с другой стороны, они должны *повысить* производительность труда в будущем и, следовательно, нынешнюю ценность страны. Соответственно, принцы обычно предоставляют личные, а не групповые привилегии; они дают привилегии имущим вместо неимущих, и участвуют в так называемых «социальных проблемах» путем перераспределения труда, а не перераспределения доходов и богатства.

Напротив, демократический опекун не сталкивается с логическим препятствием на пути перераспределения частной собственности. Вместо того, чтобы вовлекаться в сохранение и совершенствование капитальных ценностей, он будет в первую очередь заботиться о защите и продвижении своей собственной позиции против конкуренции новых членов правительства.

Такая легитимность опекуна не зависит от легитимности частной собственности. Он основан на легитимности «социальной» или «общественной» собственности. Таким образом, если он берет собственность у одного человека и отдает ее другому, как смотритель, он не противоречит своей идеологической основе. Скорее, он подтверждает верховенство принципа социальной собственности. Следовательно, в демократических условиях частное право – закон собственности и договор, лежащий в основе гражданского общества исчезает как самостоятельная область права и поглощается всеобъемлющим государственным законом (законодательством). Как отметил немецкий социалистический теоретик- юрист Густав Радбрух, с точки зрения демократического смотрителя «частное право следует рассматривать только как временный и постоянно уменьшающийся диапазон частной инициативы, временно сохраненный во всеохватывающей сфере общественного права».¹⁴ В конечном счете, все имущество является государственным

собственностью. Каждое установленное право частной собственности является временно действующим и может быть изменено в соответствии с односторонним определением сторожем требований «общественной безопасности» и «социального обеспечения».

Во-вторых, поскольку опекуны не владеют капиталом страны, контрпродуктивные последствия перераспределения доходов и богатства практически их не затрагивают. Долгосрочные последствия перераспределительных мер для них неважны, в то время как непосредственных и краткосрочных последствий почти нет. Смотритель всегда находится под давлением политической конкуренции со стороны других, желающих заменить его. Принимая во внимание правила демократического правления, смотритель должен присуждать или обещать присудить привилегии *группам*, а не отдельным лицам, и учитывая, что всегда существуют больше неимущих, чем имущих, его перераспределение будет скорее эгалитарным, чем элитарным. Соответственно, в результате демократического состязания структура общества будет постепенно деформироваться.

Независимо от критериев, на которых оно основано, все перераспределение подразумевает «взятие» у первоначального владельца и/или производителя благ и передачу другому «невладельцу» и/или «непроизводителю». Это побуждает к уменьшению желания быть владельцем благ, и увеличению желания быть неимущим. Следовательно, количество владельцев и производителей снижается, а неимущих и непроизводителей – растет. Это приведет к развитию негативных качеств характера человека в противовес позитивным, и жизнь в обществе станет намного хуже. Вместо колонизации, культивирования и аккультурации демократия приведет к социальному вырождению, коррупции, и распаду.

Более того, свободная конкуренция не всегда хороша. Свободная конкуренция в производстве блага хороша, но свободная конкуренция в производстве вреда – нет. Например, свободная конкуренция в пытках и убийствах невинных или

¹⁴ Gustav Radbruch, *Der Mensch im Recht* (Göttingen: Vandenhoeck, 1927), стр. 40.

свободная конкуренция в подделках или мошенничестве не является хорошей. Уже объяснено, почему правительство как организация с обязательным членством, наделенная полномочиями принятия окончательного решения и налогообложения, должно считаться плохим, по крайней мере, с либеральной точки зрения. Требуется другой взгляд, чтобы понять, что демократическая конкуренция действительно плохая.

В каждом обществе, до тех пор, пока человечество является тем, чем оно является, люди, жаждущие собственности другого человека, будут существовать.¹⁵ Некоторые люди больше страдают от этой жажды, чем другие. Но люди обычно учатся не реагировать на такие чувства или даже стыдиться их испытывать. Как правило, лишь немногие люди неспособны успешно подавить свое желание в собственности других, и их рассматривают как преступников и подавляют физическим наказанием.

При княжеском правлении только принц может реализовать это желание, и именно это делает его потенциальной опасностью. Однако, помимо уже отмеченных логических и экономических препятствий, принц также сдерживается в своих перераспределительных желаниях тем обстоятельством, что все члены общества научились рассматривать взятие и перераспределение чужого имущества как постыдное и безнравственное дело и, соответственно, наблюдать за каждым действием принца с предельным подозрением. В отличие от этого, освобождая вход в правительство, каждому разрешается открыто выражать свое желание собственности других людей. То, что раньше считалось аморальным и, соответственно, подавленным, теперь считается законным чувством. Каждый может открыто желать чужой собственности, пока он обращается к демократии; и каждый может действовать по своему желанию чужого имущества, при условии, что он найдет вход в правительство. Следовательно, в условиях демократии каждый становится угрозой.

¹⁵ См. об этом Helmut Schoeck, *Envy: A Theory of Social Behavior* (New York: Harcourt, Brace and World, 1970).

В демократических условиях систематически укрепляется аморальное и антисоциальное стремление к чужой собственности. Каждое требование является законным, если оно открыто объявляется под особой защитой «свободы слова». Все можно сказать и заявить, и все захватить. Даже само по себе наиболее безопасное право частной собственности не освобождается от требований перераспределения. Хуже того, при массовых выборах те члены общества, которые не налагают на себя моральных запретов на получение чужого имущества, привычные антиморалисты, которые наиболее талантливо в сборе самых раскованных в моральном плане народных требований, эффективные демагоги, будут иметь тенденцию получить вход и подняться на вершину правительства. Следовательно, плохая ситуация становится еще хуже.¹⁶

Исторически сложилось так, что выбор принца происходит из-за случая его благородного рождения, и его единственная личная квалификация, как правило, является квалификацией принца и хранителя династии, ее статуса и владений. Это не гарантирует, что принц не будет плохим и опасным. Однако стоит помнить, что любой принц, который потерпел неудачу в своей главной обязанности по сохранению династии, разрушившую страну, вызвавшую гражданские беспорядки или иным образом поставившую под угрозу положение династии, сталкивается с непосредственным риском быть нейтрализованным или убитым другим членом его собственной семьи. Однако, в любом случае, даже если случай благородного рождения и воспитания не мог исключить, что принц может быть плохим и опасным, этот факт также не исключал, что он может быть безвредным дилетантом или даже хорошим и моральным человеком. Напротив, выбор правительственных правителей посредством народного голосования делает практически невозможным то, чтобы любой хороший или безвредный человек мог подняться на вершину. Премьер-министры и президенты избираются за их доказанную эффективность, как морально раскованных де-

¹⁶ См. также Hans-Hermann Hoppe, *Eigentum, Anarchie und Staat. Studien zur Theorie des Kapitalismus* (Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987), стр. 182ff.

магогов. Таким образом, демократия практически устанавливает то, что *только* плохие и опасные люди придут на вершину правительства¹⁷; действительно, в результате свободной политической конкуренции и отбора власти, правители становятся *все более* плохими и опасными людьми, но как временные и взаимозаменяемые опекуны они редко рискуют быть убитыми.

VI

После более чем столетия обязательной демократии предсказуемые результаты легко увидеть невооруженным глазом.

¹⁷ Политики, отмечает Х.Л. Менкен со свойственным ему остроумием,

редко, если вообще когда-либо, попадают туда [на государственные должности] только благодаря своим заслугам, по крайней мере, в демократических государствах. Иногда, конечно, это случается, но только каким-то чудом. Обычно их выбирают по совершенно другим причинам, главной из которых является их способность впечатлять и очаровывать интеллектуально отсталых людей. ... Осмелится ли кто-нибудь из них сказать чистую правду, всю правду и ничего, кроме правды, о положении страны, внешнем или внутреннем? Воздержится ли кто-нибудь из них от обещаний, зная, что он не может выполнить, и которые не может выполнить ни один человек? Произнесет ли кто-нибудь из них хоть слово, пусть даже очевидное, которое встревожит и оттолкнет кого-нибудь из огромной стаи идиотов, столпившихся у общественного корыта, барахтавшихся в паперосах, которые становятся все тоньше и тоньше, надеясь на авось? Ответ: возможно, на несколько недель в самом начале. ... Но не после того, как вопрос будет решен, и борьба начнется всерьез. ... Все они будут обещать каждому мужчине, женщине и ребенку в стране все, что он, она или оно захочет. Все они будут бродить по стране в поисках шансов сделать богатых бедными, исправить непоправимое, помочь несчастным, разгадать неподдающееся разгадке, дефлогизировать неподдающееся дефлогизации. Все они будут лечить бородавки, произнося над ними слова, и выплачивать государственный долг деньгами, которые никому не придется зарабатывать. Когда один из них докажет, что дважды два это пять, другой докажет, что это шесть, шесть с половиной, десять, двадцать, n. Короче говоря, они откажутся от своего статуса разумных, откровенных и правдивых людей и станут просто кандидатами на должность, нацеленными только на получение голосов. К тому времени все они будут знать, даже если некоторые из них не знают этого сейчас, что голоса при демократии набираются не с помощью здравого смысла, а с помощью чепухи, и они примутся за дело с большим энтузиазмом. Большинство из них, прежде чем закончится шум, действительно убедят себя в этом. Победителем будет тот, кто пообещает больше всего, но с наименьшей вероятностью что-то выполнит. (*A Mencken Chrestomathy* [New York: Vintage Books, 1982], стр. 148-51)

Налоговая нагрузка, наложенная на собственников и производителей сильнее даже экономического бремя рабов и крепостных. Государственный долг поднялся до захватывающих высот. Золото было заменено бумагой, сделанной правительством, как деньги, и их ценность постоянно сокращалась. Каждая деталь частной жизни, собственности, торговли и контракта регулируется все более высокими горами бумажных законов. Во имя социальной, общественной или национальной безопасности наши опекуны «защищают» нас от глобального потепления и охлаждения, а также от исчезновения животных и растений, от мужей и жен, родителей и работодателей, от бедности, болезней, от бедствий, невежества, предрассудков, расизма, сексизм, гомофобии и множества других общественных врагов и опасностей. И с огромными запасами оружия массового уничтожения они «защищают» нас, даже за пределами США, от всех новых Гитлеров и всех подозреваемых гитлеровских сторонников.

Тем не менее единственную задачу, которую когда-либо предполагало правительство – защитить нашу жизнь и собственность наши опекуны не выполняют. Напротив, чем выше расходы на социальную, общественную и национальную безопасность, тем больше наши права на частную собственность подорваны, тем больше наша собственность экспроприируется, конфискуется, уничтожается и обесценивается, и тем больше мы лишены самой основы всей защиты: личной независимости, экономической мощи и частного богатства. Чем больше бумажных законов, тем выше юридическая неопределенность и беззаконие вытесняет закон и порядок. И когда мы становимся все более беспомощными, обедневшими и уязвимыми угрозам, наши правители становятся все более коррумпированными, опасно вооруженными и высокомерными.

В этот момент возникает вопрос о будущем либерализма. Уместно вернуться к моему началу: Людвигу фон Мизесу и идее либерального общественного порядка. Подобно Этьену де ла Боэти и Дэвиду Юму, Мизес признал, что власть каждого правительства, будь то принцев или опекунов, доброжелательных мужчин или тиранов, покоится в конечном счете на мнении, а

не на физической силе. Агенты правительства всегда составляют лишь небольшую часть от общей численности населения, находящегося под их контролем, будь то под княжеским или демократическим правлением. Еще меньше – доля агентов центрального правительства. Но это означает, что правительство, и в частности центральное правительство, не может навязывать свою волю всему населению, если оно не находит широкой поддержки и добровольного сотрудничества в рамках негосударственной общественности. Как сказал Ла Боэти:

Тот, кто таким образом властвует над вами ... имеет не что иное, как силу, которую вы ему даете, чтобы уничтожить вас. Где он приобрел достаточно глаз, чтобы шпионить за вами, если вы ему не дадите? Как у него может быть так много рук, чтобы бить вас, если он не возьмет их у вас? Ноги, которые топчут ваши города, где он их получает, если они не ваши? Как у него есть власть над вами, кроме как через вас? Как он посмел бы напасть на вас, если бы у него не было сотрудничества с вами? Что бы он сделал с тобой, если бы ты сам не потворствовал вору, который грабит тебя, если бы ты не был противником «мудреца», который убил тебя, если бы ты не стал предателем? Вы сеете урожай, чтобы он мог его разорить, вы устанавливаете и снабжаете свои дома, чтобы дать ему товар для грабежа; вы растите своих дочерей, чтобы он мог удовлетворить свою похоть; вы воспитываете своих сыновей, чтобы он мог наделить их величайшей привилегией, которую, как он решил, нужно получить в сражении, будучи поставленными на бой, чтобы стать слугами его жадности и орудиями его отмщения; вы приносите свои тела на каторгу, чтобы он потворствовал своим похотям и валялся в своих грязных наслаждениях; вы ослабеваете, чтобы сделать его сильнее и сильнее, чтобы держать вас под контролем.¹⁸

Однако, если власть каждого правительства основывается только на мнении и консенсусном сотрудничестве, то, как объяснил главный ученик Мизеса и еще один наш интеллек-

¹⁸ Etienne de la Boétie, *The Politics of Obedience: The Discourse of Voluntary Servitude* (New York: Free Life Editions, 1975), стр. 52.

туальный наставник, Мюррей Ротбард, в своем введении к трактату XVI века Ла Боэти, тогда также следует, что каждое правительство может быть снято простым изменением мнений и осуществлением явной воли. «Ибо, если тирания действительно основывается на массовом согласии, то очевидным средством ее свержения является просто массовое изъятие этого согласия». То есть, чтобы лишить правительство своих полномочий и вернуть его до статуса добровольной членской организации (как и было до 1861 года в США), нет необходимости свержать его, участвовать в насильственной битве против него или даже провозглашать своих правителей. Фактически, этим только подтверждается принцип принуждения и агрессивного насилия, лежащий в основе нынешней системы, и это неизбежно приведет к замене одного правительства или тирана другим. Напротив, необходимо только то, чтобы кто-то решился выйти из принудительного союза и восстановил свое право на самозащиту. Действительно, важно, чтобы никто не шел иначе, чем путем мирного отделения и отказа от сотрудничества. изменением мнений и осуществлением явной воли. «Ибо, если тирания действительно основывается на массовом *согласии*, то очевидным средством ее свержения является просто массовое изъятие этого согласия».¹⁹ То есть, чтобы лишить правительство своих полномочий и вернуть его до статуса добровольной членской организации (как и было до 1861 года в США), нет необходимости свержать его, участвовать в насильственной битве против него или даже провозглашать своих правителей. Фактически, этим только подтверждается принцип принуждения и агрессивного насилия, лежащий в основе нынешней системы, и это неизбежно приведет к замене одного правительства или тирана другим. Напротив, необходимо только то, чтобы кто-то решился выйти из принудительного союза и восстановил свое право на самозащиту. Действительно, важно, чтобы никто не шел иначе, чем путем мирного отделения и отказа от сотрудничества.²⁰

¹⁹ Там же, стр. 15

²⁰ Ротбард объясняет в своем предисловии к книге Ла Боэти (там же, стр. 17):

Этот совет кажется сначала наивным (какая разница, если вы или я решу отделиться от союза?), его статус как подлинной стратегии социальной революции становится очевидным после того, как будут изложены полные последствия акта личного отделения. Решение об отделении подразумевает, что центральное правительство считается незаконным, и, следовательно, к нему и его агентам относятся как к агенту вне закона и «иностранным» оккупационным силам. То есть, даже будучи принуждаемым, один человек, соблюдая свое самосохранение, не идет ни на какое дополнительное сотрудничество с оккупантом. Один пытается сохранить как можно больше своей собственности и сдать как можно меньше налоговых денег. Им рассматриваются все федеральные законы, законодательство и нормативные акты как недействительны и игнорируются по возможности. Он не участвует в политике центрального правительства и ничем не способствует функционированию федерального политического механизма. Он не поддерживает какую-либо национальную политическую партию или политическую кампанию, или какую-либо организацию, учреждение, фонд, институт, сотрудничающий с какой-либо ветвью федерального Левиафана.

Вместо этого, поскольку большая часть собственности остается на руках этого человека, она обеспечивает новые инвестиции в свою защиту и скрытие от изъятия государством. Так же, как существование частного преступления требует соответствующей защиты, такой как замки, орудия, ворота, стражи и страховка, существование правительства требует конкретных защитных мер: один инвестирует в такие формы собственности и в такие места, где можно скрыть свое богат-

Оправдывать тираноубийство несправедливых правителей, нарушающих божественный закон, было средневековой традицией, но доктрина Ла Боэти, хотя и ненасильственная, в глубочайшем смысле была гораздо более радикальной. Ибо в то время как убийство тирана – это просто изолированный единичный акт в рамках существующей политической системы, массовое гражданское неповиновение, будучи прямым актом со стороны больших масс людей, является гораздо более революционным в запуске преобразования самой системы. В теоретическом плане он также более элегантен и глубок, поскольку сразу же вытекает из идеи Ла Боэти о том, что власть обязательно опирается на согласие народа; ведь тогда средство против власти – просто отозвать это согласие.

ство, насколько это возможно, от глаз и рук правительства. Но защитных мер недостаточно. Чтобы получить полную защиту своего имущества от досягаемости правительства, необходимо не оставаться изолированным в своем решении отделиться. Конечно, не каждый должен следовать этому примеру. Действительно, даже не обязательно, чтобы это делало большинство населения. Однако необходимо, чтобы по крайней мере большинство населения во многих отдельных населенных пунктах делали это, и для достижения этого критического уровня *массового* изъятия необходимо дополнять свои защитные меры с помощью наступательной стратегии: инвестировать в идеологическую кампанию делегитимизации идеи и института демократического правления среди общественности.

Масса людей, как признавали Ла Боэти и Мизес, всегда и везде состоит из «скотоводов», «тупиц», «дураков», легко обманываемых и погруженных в привычное подчинение. Таким образом, сегодня, вырастая с раннего детства государственной пропагандой в государственных школах и учебных заведениях легионами публично сертифицированных интеллектуалов, большинство людей бездумно принимают и повторяют глупости, такие как «демократия – это самоуправление», а «правительство – народное и для людей». Даже если они могут видеть сквозь этот обман, большинство до сих пор беспрекословно принимает демократическое правительство в связи с тем, что оно предоставляет им множество товаров и преимуществ. Такие «дураки», наблюдая за Ла Боэти, не понимают, что они «просто восстанавливают часть своей собственности и что их правитель не мог дать им то, что они получали, не отобрав это у них».²¹ Таким образом, каждая социальная революция обязательно должна начинаться с нескольких необычных людей: естественной элиты.

Вот как Ла Боэти описывает эту элиту и ее роль:

Всегда есть немногие, более одаренные, чем другие, которые чувствуют вес ига и не могут сдерживаться от попыток сотрясать его: это люди, которые никогда не становятся при-

²¹ Там же, стр. 70.

рученными под покровительством и которые всегда, как и Улисс, на земле и на море постоянно пытаюсь найти дым своего дымохода, не могут не желать своих естественных привилегий. На самом деле люди, обладающие ясными умами и дальновидным духом, не удовлетворены, как зверская масса, видеть только то, что находится у их ног, а скорее оглядываются на них, и вспоминают состояние прошлого, чтобы судить о будущем, и сравнить его с нынешним состоянием. Это те, кто, имея собственные умы, дополнительно обучил их изучением. Даже если бы свобода полностью погибла на Земле, такие люди бы ее снова изобрели. Для них рабство не несет никакого удовлетворения, независимо от того, насколько хорошо оно замаскировано.²²

Однако, как не может быть революции без либерально-либертарианской элиты, так может быть и революции без какой-либо формы массового участия. То есть, элита не может достичь своей собственной цели восстановления прав частной собственности и правопорядка, если ей не удастся передать свои идеи общественности, открыто, если это возможно, и тайно, если это необходимо, и пробудить массы от подчиненного сна, по крайней мере временно, их естественный инстинкт желания быть свободным. Как сказал Мизес: «Цветение человеческого общества зависит от двух факторов: интеллектуальной силы выдающихся людей, чтобы зачать здоровые социальные и экономические теории и способности тех или иных людей сделать эти идеологии приемлемыми для большинства».²³

Следовательно, решение членов элиты отделиться от правительства и не сотрудничать с ним должно всегда включать в себя решимость участвовать в постоянной идеологической борьбе или способствовать ей, и если власть правительства основывается на широко распространенном принятии ложных, действительно абсурдных и глупых идей, то единственной подлинной защитой является систематическая атака этих идей и распространение истинных. Но также, как всегда, нужно быть

²² Там же, стр. 65.

²³ Mises, *Human Action*, стр. 864.

осторожным и в отношении своих материальных инвестиций, не менее важно, чтобы человек был вечно бдительным и избирательным в своих идеологических инвестициях.

В частности, недостаточно просто критиковать или поддерживать критику конкретной государственной политики или личностей, поскольку даже если она правильная и популярная, такая критика не проникает в корень проблемы. В терминологии «новых левых» она «имманентна системе» и, таким образом, безвредна с точки зрения правительства. Соответственно, любая поддержка, предоставляемая такими усилиями, как бы она ни была хорошо продуманна, в лучшем случае расточительна и в худшем случае еще больше увеличивает власть правительства. В то время как критика правительства может *начинаться* с конкретных законов или личностей, или даже если она *должна* сделать это, чтобы привлечь внимание масс, всегда нужно идти дальше. Каждый критик и критика, заслуживающие поддержки, должны продолжать объяснять, что каждое конкретное правительство терпит неудачу из-за сути самого правительства (и, в частности, демократического правления). Другими словами, ни один критик или критика не заслуживает чьей-либо поддержки, если он не раскрывает в качестве интеллектуального мошенничества два столпа, на которых лежит вся государственная власть: убеждение в том, что защита частной собственности, уникальная среди всех товаров, требует обязательной монополии (недобровольной членской организации), и что частная собственность и защита наилучшим образом обеспечены, если вхождение в управление этой монополией правопорядка является бесплатным и ее директора избираются демократически.

На самом деле никогда не должно быть ни малейшего колебания в приверженности бескомпромиссному идеологическому радикализму («экстремизму»). Мало того, что что-то меньшее будет контрпродуктивным, но что более важно, *только* радикальные, действительно радикально простые идеи могут возбуждать эмоции скучных и ленивых масс. И нет ничего более эффективного в том, чтобы убедить массы прекратить сотрудничество с правительством, чем постоянные и неустан-

ные насмешки над правительством и его представителями, как над моральными и экономическими мошенниками и самозванцами: как над голыми королями, подверженными презрению.

Если, и только если члены естественной либерально-либертарианской элиты полностью поймут это и начнут действовать соответственно, у либерализма будет будущее. Только тогда они сделают то, что Ла Боэти посоветовал нам всем делать:

Решите, что вы больше не служите, и вы сразу освободитесь. Я не прошу, чтобы вы свергли тирана, а просто, чтобы вы его больше не поддерживали; тогда вы увидите его, как великого Колосса, чей пьедестал, будучи отброшенным, падет и разбивается на куски.²⁴

²⁴ Там же, стр. 65. La Boétie, *The Politics of Obedience*, стр. 52-53.

§4

О демократии, перераспределении и уничтожении собственности

Представьте себе мировое правительство, демократически избранное по принципу один человек – один голос во всемирном масштабе. Каким будет вероятный исход выборов? Скорее всего, мы получим китайско-индийское коалиционное правительство. И что бы это правительство, скорее всего, решило сделать, чтобы удовлетворить своих сторонников и быть переизбранным? Правительству следовало бы увидеть, что так называемый западный мир имеет слишком много богатств, а остальной мир, в частности Китай и Индия – слишком мало, поэтому необходимо ввести закон о перераспределении богатства.¹ Или представьте, что в вашей собственной стране право голоса было расширено до семилетнего возраста. Хотя правительство вряд ли будет укомплектовано детьми, его политика будет более определенно решать «законные проблемы» детей, например, «адекватный и равный» доступ к «бесплатному» картофелю фри, лимонаду и видео.²

¹ Совокупное население Китая и Индии составляет около 2,2 миллиарда человек (из нынешнего мирового населения около 6 миллиардов). Для сравнения, совокупное население Западной Европы и Северной Америки составляет примерно 700 миллионов человек.

² В середине девятнадцатого века средняя продолжительность жизни в Западной Европе и Северной Америке составляла примерно сорок лет. В то время, помимо того, что право голоса ограничивалось исключительно мужчинами, а также значительными минимальными имущественными требованиями, оно было ограничено минимальным возрастным требованием, обычно составляющим двадцать пять лет (в некоторых местах, таких как Великобритания и Швеция, этот ценз составлял всего двадцать один год, а в других, таких как Франция и Дания, он достигал тридцати лет). В настоящее время, в то время как средняя продолжительность жизни в Западной Европе и Северной Америке превысила семьдесят лет, избирательное право повсеместно распространяется на мужчин и женщин, все имущественные цензы отменены, а минимальный возраст для голосования, как правило, снижен до восемнадцати лет. Если бы первоначальные требования к «зрелости» были сохранены, вместо этого следовало бы повысить минимальный возраст: в среднем с двадцати пяти лет до примерно пятидесяти лет!

Проведя эти «мысленные эксперименты» не может быть никаких сомнений в последствиях процесса демократизации, который начался в Европе и США во второй половине девятнадцатого века и завершился с концом Первой мировой войны. Последовательное расширение всеобщего права голосования и, наконец, установление всеобщего избирательного права для взрослых *сделали* в каждой стране то, что мировая демократия делает для всего земного шара: она привела в движение, по-видимому, постоянную тенденцию к перераспределению богатства и доходов.³

«Один человек – один голос» в сочетании со «свободным входом» в правительственную демократию подразумевает, что каждый человек и его личная собственность находятся под риском захвата кого угодно. Возникает «трагедия общин».⁴ Стоит ожидать, что большинство «неимущих» будут неустанно пытаться обогатиться за счет «имущих» меньшинств. Это не озна-

³ В качестве приблизительного показателя этой тенденции можно связать последовательное расширение электората в конце девятнадцатого и начале двадцатого века с ростом явки избирателей социалистов и социал-демократов (и параллельным снижением классическо-либеральных партий). Здесь будет достаточно нескольких примеров. (1) *Германия*. За 1871, 1903 и 1919 годы общее число поданных голосов составило 4,1, 9,5 и 30,5 миллиона соответственно; явка избирателей-социалистов составила 3, 32 и 46 процентов соответственно; явка избирателей-либералов составила 46, 22 и 23 процента соответственно. (2) *Италия*: За 1895, 1913 и 1919 годы общее число голосов составило 1,3, 5,1 и 5,8 миллиона соответственно; явка избирателей-социалистов составила 7, 18 и 32 процента соответственно; явка избирателей-либералов составила 80, 56 и 35 процентов соответственно. (3) *Соединенное Королевство*: За 1906 и 1918 годы общее число голосов составило 7,3 и 21,4 миллиона соответственно; явка избирателей-социалистов составила 5 и 21 процент соответственно; явка избирателей-либералов составила 49 и 25 процентов соответственно. (4) *Швеция*: За 1905, 1911 и 1921 годы общее число поданных голосов составило 0,2, 0,6 и 1,7 миллиона соответственно; явка избирателей-социалистов составила 9, 28 и 36 процентов соответственно; явка избирателей-либералов составила 45, 40 и 19 процентов соответственно. (5) *Нидерланды*: За 1888, 1905 и 1922 годы общее количество поданных голосов составило 0,3, 0,8 и 3,3 миллиона соответственно; явка избирателей-социалистов составила 3, 17 и 27 процентов соответственно; явка избирателей-либералов составила 40, 28 и 9 процентов соответственно.

⁴ «Трагедия общин» относится к чрезмерному использованию, растрате или истощению ресурсов, находящихся в общем пользовании (как товаров, находящихся в общественной собственности). См. *Managing the Commons*, Garrett Hardin and John Baden, eds. (San Francisco: W.H. Freeman, 1977).

чает, что будет только один класс неимущих и один класс имущих, и что перераспределение будет происходить равномерно от богатых к бедным. В то время как перераспределение от богатых к бедным будет играть важную роль, было бы социологической ошибкой предположить, что это будет единственная или даже преобладающая форма перераспределения.⁵ В конце концов, «постоянно» богатые и «постоянно» бедные, как правило, богатые или бедные по причине. Богатые зачастую характеризуются яркостью и трудолюбием, а бедные обычно люди скучные и ленивые.⁶ Маловероятно, что бездари, даже если они составляют большинство, будут систематически обогащаться за счет меньшего количества ярких и энергичных людей. Скорее, большинство перераспределений будет происходить в группе «небедных», и зачастую перераспределение будет от худших к лучшим. Рассмотрим, например, почти универсальную практику предоставления «бесплатного» университетского образования, в соответствии с которой рабочий класс, чьи дети редко посещают университеты, оплачивает налоги за обучение детей среднего класса.⁷ Более того, можно ожидать, что будет много конкурирующих групп и коалиций, пытающихся обеспечить себя за счет других. Будут различные критерии, определяющие, кто имеет право «грабить» других, а кто не имеет.

⁵ См. об этом Joseph A. Pechman, «The Rich, the Poor, and the Taxes They Pay», *Public Interest* (Fall 1969); Murray N. Rothbard, *For A New Liberty* (New York: Collier, 1978), стр. 157-62.

⁶ См. Об этом Edward C. Banfield, *The Unheavenly City Revisited* (Boston: Little, Brown, 1974), особенно гл. 3. Как правило, объясняет Банфилд, бедность – это всего лишь переходный этап, ограниченный ранним этапом трудовой карьеры человека. «Постоянная» бедность, напротив, вызвана специфическими культурными ценностями и установками: ориентацией человека на настоящее или, с экономической точки зрения, его высокой степенью временных предпочтений (что сильно коррелирует с низким интеллектом, и оба из них, по-видимому, имеют общую генетическую основу). В то время как первый – временно бедный, но продвигающийся вверх, – индивид характеризуется ориентацией на будущее, самодисциплиной и готовностью отказаться от удовлетворения сейчас в обмен на лучшее будущее, последний – постоянно бедный – индивид характеризуется ориентацией на настоящее и гедонизмом. Банфилд пишет:

Если [последний] и имеет какое-то представление о будущем, то это нечто фиксированное, предопределенное, неподвластное его контролю: с ним что-то происходит, он не заставляет это случаться с ним. Импульсивность

Признание демократии как механизма «народного богатства» и перераспределения доходов в сочетании с одним из самых основополагающих принципов всей экономики, который гласит, что самостоятельно любой человек получит больше того, чего он хочет, чем с помощью субсидий, является ключом к пониманию нынешней эпохи.⁸

Все перераспределение, независимо от критериев, на которых оно основывается, подразумевает «изъятие» у первоначальных владельцев и/или производителей и «передачу» несобственникам и непроизводителям. Стимул быть первоначально собственником или производителем уменьшается, а стимул не быть собственником и производителем растет. Соответственно, в результате субсидирования будет расти нищета. Посредством субсидирования безработных людей будет создано больше безработицы. Поддержка одиноких матерей из налоговых фондов приведет к увеличению числа матерей-одиночек, незаконных детей и разводов.⁹ В результате запрета детского

управляет его поведением либо потому, что он не может заставить себя пожертвовать настоящим ради будущего удовлетворения, либо потому, что у него нет чувства будущего. Поэтому он в корне недалёковиден. ... Он работает только по необходимости, чтобы выжить, и дрейфует от одной неквалифицированной работы к другой, не проявляя никакого интереса к своей работе. Он крайне небрежен со своими вещами; даже когда они почти новые, они, скорее всего, навсегда выйдут из строя из-за отсутствия мелкого ремонта. Его тело тоже является вещью, «которую нужно отработать, но не ремонтировать». (стр. 61-62).

⁷ См. Об этом Armen Alchian, «The Economic and Social Impact of Free Tuition», в он же, *Economic Forces at Work* (Indianapolis, Ind.: Liberty Fund, 1977); Rothbard, *For A New Liberty*, глава 7. Другими примерами, связанными с этим типом перераспределения, являются сельскохозяйственные субсидии, выгодные, в частности, крупным богатым фермерам или минимальная заработная плата, выгодная более высокооплачиваемым квалифицированным (и объединенным в профсоюз) работникам за счет неквалифицированных (и не объединенных в профсоюз) работников, и, конечно, все формы законов о «защите бизнеса» (защитные тарифы), выгодные богатым владельцам корпораций за счет массы сравнительно бедных потребителей.

⁸ Об экономике перераспределения см. Ludwig von Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis* (Indianapolis, Ind.: Liberty Fund, 1981), особ. гл. 34; Murray N. Rothbard, *Power and Market: Government and the Economy* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977), стр. 169ff.; он же, *For A New Liberty*, стр. 8.

⁹ Подробное эмпирическое исследование этих и многих смежных вопросов см. в

труда доходы передаются от семей с детьми к бездетным лицам (в результате роста их ставки заработной платы из-за юридических ограничений на поставку труда). Соответственно, рождаемость будет падать. С другой стороны, субсидированием образования детей создается противоположный эффект. Доходы передаются от бездетных и семей с несколькими детьми к многодетным семьям. В результате рождаемость вырастет. Тем не менее ценность детей все равно упадет, а рождаемость будет снижаться в результате так называемой системы социального обеспечения, поскольку субсидирование пенсионеров (пожилых людей) из налогов, взимаемых с нынешних лиц, получающих доходы (молодежи), межпоколенческая семейная связь будет систематически ослабляться. Пожилые в своих потребностях больше не будут полагаться на помощь своих детей, если они не предусмотрели свою собственную старость, и молодая часть населения (с типично меньшими накоплениями богатств) будет должна поддерживать пожилую часть (у которой обычно больше накоплений), а не наоборот, как это типично для семьи. В результате, желание родителей заботиться о детях и желание рожать будет сокращаться, семейные проблемы и неблагополучные семьи будут разрастаться, меры экономии и накопления капитала сократятся, а потребление капитала увеличится.¹⁰

В результате субсидирования симулянтов, невротиков, невнимательных, алкоголиков, наркоманов, ВИЧ-инфицированных, а также физически и психически «сомнительных» людей через страховое регулирование и обязательное медицинское страхование приведет к тому, что будет больше болезней, симуляции, невротиков, беспечности, алкоголизма, наркомании, ВИЧ-инфицированных, физически и умственно отсталых.¹¹ Принуждение непроступников, в том числе жертв

Charles Murray, *Losing Ground* (New York: Basic Books, 1984).

¹⁰ О влиянии «социального страхования», законов об обязательном посещении школы и запрета детского труда на прогрессирующее разрушение семей см. Allan C. Carlson, *What Has Government Done to Our Families?* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1991); также Bryce J. Christensen, *The Family vs. the Slate* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1992).

¹¹ Один из самых ранних, наиболее глубоких и дальновидных анализов этого см.

чтобы преступники выплачивали компенсацию своим жертвам и оплачивали полную стоимость их собственного задержания и лишения свободы), будет увеличивать преступность.¹² От принуждения бизнесменов нанимать больше женщин, гомосексу-

Mises, *Socialism*, стр. 429-32 и 438-41. Писавший в начале 1920-х годов Мизес описывал последствия «социального страхования» следующим образом:

Ослабляя или полностью разрушая волю к благополучию и трудоспособности, социальное страхование плодит болезни и инвалидность; оно порождает привычку жаловаться, что само по себе является неврозом, и другие формы неврозов. Короче говоря, это установление, которое множит болезни и травмы и существенно ухудшает их психофизиологические последствия. Институт страхования делает людей больными телесно и психически или, по крайней мере, удлинняет и утяжеляет течение болезней. (стр. 432)

Более того, Мизес переходит к сути вопроса и объясняет, почему страхование от большинства рисков здоровья и несчастных случаев, и в особенности от риска безработицы, экономически невозможно:

Ценность системы страхования здоровья и несчастных случаев потому проблематична, что застрахованный может быть заинтересован в создании или обострении ситуации, с которой связана выплата страховки. В случае страхования по безработице страхуемая ситуация наверняка не может возникнуть, если застрахованный сам этого не захочет. Если бы он не вел себя как член профсоюза, а снизил бы требования, изменил место жительства или профессию в согласии с требованиями рынка труда, то тогда смог бы найти работу. Пока мы живем в реальном мире, а не в стране беспредельной мечты, труд остается редким благом. Иными словами, спрос на труд будет всегда. Безработица – проблема заработной платы, а не работы. От безработицы так же нельзя застраховать, как, например, от затруднений со сбытом товаров. Страхование от безработицы – это определенно неправильное название. Для такого страхования никогда не может быть никакой статистической основы». (стр. 439)

О логике риска и страхования см. далее Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics, Scholar's Edition* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998), гл. 6; о дегенетических последствиях социального «страхования» см. Seymour W. Itzkoff, *The Road to Equality: Evolution and Social Reality* (Westport, Conn.: Praeger, 1992); он же, *The Decline of Intelligence in America* (Westport, Conn.: Praeger, 1994).

¹² О преступлении и наказании см. Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty* (New York: New York University Press, 1998), гл. 13; *Assessing the Criminal*, Randy E. Barnett and John Hagel, eds. (Cambridge, Mass.: Ballinger, 1977); *Criminal justice? The Legal System vs. Individual Responsibility*, Robert J. Bidinotto, ed. (Irvington-on Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education, 1994).

алистов, чернокожих или других «меньшинств», чем они хотели бы, станет больше трудоустроенных меньшинств и меньше трудоустроенных мужчин, гетеросексуалов и белых рабочих.¹³ Принуждение к тому, чтобы частные землевладельцы субсидировали («защищали») «находящиеся под угрозой исчезновения виды», проживающие на своей земле через экологическое законодательство, приведет к большему обеспечению животных, и к худшему обеспечению людей.¹⁴

Самое главное, убеждение частных собственников и/или рыночных получателей доходов (производителей) субсидировать «политиков», «политические партии» и «государственных служащих» (политики и государственные служащие не платят налоги, а оплачиваются налогами)¹⁵ приведет к тому, что будет меньше богатства, меньше производителей и меньше производительности, и все больше растрат, «паразитов» и паразитизма.

¹³ О праве и экономике «позитивной деятельности» и дискриминации см. Richard A. Epstein, *Forbidden Grounds* (Chicago: University of Chicago Press, 1992); *Discrimination, Affirmative Action, and Equal Opportunity*, Walter Block and Michael Walker, eds. (Vancouver: Fraser Institute, 1982).

¹⁴ О сохранении природы и экологии см. Murray N. Rothbard, «Conservation in the Free Market», в он же, *Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays* (Washington, D.C.: Libertarian Review Press, 1974); он же, *Power and Market*, стр. 63-70; он же, «Law, Property Rights, and Air Pollution», в он же, *The Logic of Action Two* (Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1997); Llewellyn Rockwell, Jr., *The Anti-Environmentalist Manifesto* (Burlingame, Calif.: Center for Libertarian Studies, 1993).

¹⁵ См. Об этом Rothbard, *Power and Market*, глава 2, и стр. 84ff. Чтобы осознать эту важную истину, необходимо всего лишь поставить вопрос: «Что было бы, если бы все налоги были отменены»? Означает ли это, например, что доход каждого человека увеличится с чистого (после уплаты налогов) дохода до валового (до уплаты налогов)? Ответ очевиден – нет. Ведь в настоящее время с собранными налогами что-то делается. Они используются, например, для выплаты заработной платы государственным служащим. Их зарплаты не смогли бы вырасти, если бы налоги были отменены. Скорее всего, их зарплаты упадут до нуля, что свидетельствует о том, что они вообще не платят никаких налогов. Как объясняет Ротбард: «Если бюрократ получает зарплату в размере 5000 долларов в год и платит 1000 долларов «налогов» правительству, совершенно очевидно, что он просто получает зарплату в размере 4000 долларов и вообще не платит налогов. Главы правительств просто выбрали сложное и вводящее в заблуждение бухгалтерское устройство, чтобы создать впечатление, что он платит налоги так же, как и любые другие люди, получающие такой же доход», (там же, стр. 278, также стр. 142). Если это осознать, то становится очевидным, почему определенные группы, такие как школьные учителя и профес-

Предприниматели (капиталисты) и их сотрудники не могут получать доход, если они не производят товары или услуги, которые продаются на рынке. Покупки покупателей являются добровольными. Покупая товар или услугу, покупатели (потребители) демонстрируют, что они *предпочитают* этот товар или услугу сумме денег, которую они должны сдать, чтобы приобрести его. Напротив, политики, партии и государственные служащие не производят ничего, что продается на рынке. Никто *не покупает* правительственные «товары» или «услуги». Они производятся, и затраты на них присутствуют, но они не продаются и не покупаются. С одной стороны, это означает, что невозможно определить их ценность и выяснить, оправдывают ли затраты их стоимость. Поскольку никто не покупает их, никто на самом деле не демонстрирует, что он считает, что государственные товары и услуги стоят затрат, и что вообще у них есть какая-либо стоимость. С точки зрения экономической теории, таким образом, совершенно нелегитимно предполагать, как это всегда делается в национальном подоходном учете, что государственные товары и услуги чего-то стоят, а затем просто *добавлять* эту ценность к ценности «нормальных», частных товаров (купленных и проданных) товаров и услуг для получения валового внутреннего (или национального) продукта. Можно также предположить, что государственные товары и услуги ничего не стоят вообще, или даже то, что они не являются «багами», а являются «вредом», и, следовательно, стоимость политиков и всей гражданской службы должна быть *вычтена* из общей стоимости товаров и услуг, произведенных частным образом. Действительно, предположение об *этом* было бы гораздо более оправданным. С другой стороны, что касается практических последствий, то субсидирование политиков и государственных служащих означает субсидию на «производство» с малым или

сора университетов, почти всегда и единодушно выступают за повышение налогов. Тем самым они не просто принимают великодушно большее бремя, возложенное на них. Вместо этого более высокие налоги являются средством, с помощью которого они увеличивают свои собственные зарплаты, финансируемые за счет налогов. По вопросу о соотношении налогоплательщиков и потребителей налогов (или пожирателей налогов) см. также John C. Calhoun, *A Disquisition on Government* (New York: Liberal Arts Press, 1953), стр. 16-18.

абсолютным учетом благосостояния «производителей», т.е. политиков и государственных служащих. Их зарплаты остаются неизменными, независимо от того, удовлетворяет ли их продукция потребителей или нет. Соответственно, в результате расширения «государственного» сектора занятости, будет возрастать лень, беспечность, некомпетентность, плохие услуги, жестокое обращение, расточительство и даже разрушение, и в то же время станет больше высокомерия, демагогии и лжи («мы работаем ради общественного блага»). большим или абсолютным учетом благосостояния «производителей», т.е. политиков и государственных служащих. Их зарплаты остаются неизменными, независимо от того, удовлетворяет ли их продукция потребителей или нет. Соответственно, в результате расширения «государственного» сектора занятости, будет возрастать лень, беспечность, некомпетентность, плохие услуги, жестокое обращение, расточительство и даже разрушение, и в то же время станет больше высокомерия, демагогии и лжи («мы работаем ради общественного блага»)¹⁶.

После менее чем ста лет демократии и перераспределения видны ожидаемые результаты. «Резервный фонд», который был унаследован от прошлого, по-видимому, исчерпан. В течение нескольких десятилетий (с конца 1960-х или начала 1970-х годов) реальный уровень жизни на Западе застыл или даже упал.¹⁷ «Общественный» долг и стоимость существующей системы социального обеспечения и здравоохранения привели к перспективам неизбежного экономического кризиса.¹⁸ В то же время почти каждая форма нежелательного поведения,

¹⁶ О фундаментальных ошибках, связанных со стандартными процедурами учета национального дохода, и конструктивной альтернативе см. Murray N. Rothbard, *America's Great Depression* (Kansas City: Sheed and Ward, 1975), стр. 296-304; он же, *Power and Market*, стр. 199-202.

¹⁷ Поучительное исследование с использованием предложений Ротбарда по альтернативному методу учета национального дохода см. Robert Batemarco, «GNP, PPR, and the Standard of Living», *Review of Austrian Economics* 1 (1987).

¹⁸ Краткий обзор см. в статье Victoria Curzon Price, «The Mature Welfare State: Can It Be Reformed?» в *Can The Present Problems of Mature Welfare States Such as Sweden Be Solved?*, Nils Karlson, ed. (Stockholm: City University Press, 1995), особ. стр. 15-19.

безработица, зависимость от «всеобщего благосостояния», небрежность, безрассудство, невежливость, психопатия, гедонизм и преступность увеличились, а социальные конфликты и социальный распад поднялись до опасных высот.¹⁹ Если текущие тенденции продолжатся, то можно смело говорить, что западное государство всеобщего благосостояния (социал-демократия) рухнет так же, как восточный (российский) социализм рухнул в конце 1980-х годов.

Однако экономический коллапс автоматически не приведет к улучшению. Дела могут стать хуже, а не лучше. К тому же, помимо кризиса, нужны правильные идеи, и люди, способные понять и реализовать их, как только появится такая возможность. В конечном счете, ход истории определяется идеями, будь то истинными или ложными, а также людьми, действующими и вдохновляющимися истинными или ложными идеями. Нынешний беспорядок также является результатом идей. Это результат подавляющего принятия общественным мнением идеи демократии. Пока это принятие преобладает, катастрофа неизбежна, и нет надежды на улучшение даже после его ухода. С другой стороны, как только идея демократии признается ложной и порочной (а идеи могут, в принципе, меняться почти мгновенно) можно будет избежать катастрофы.

Главной задачей тех, кто хочет предотвратить прямой распад, является «делегитимация» идеи демократии как первопричины нынешнего состояния прогрессивной «децивилизации». С этой целью следует прежде всего указать, что в истории политической теории трудно найти большого количества сторонников демократии. Почти все крупные мыслители не имели ничего, кроме презрения к демократии. Даже отцы-основатели США, которых в настоящее время считают создателями модели демократии, были категорически против этого. Без единого исключения они думали о демократии как о самосуде. Они счи-

¹⁹ В США, например, в период с 1960 по 1990 год число убийств удвоилось, число изнасилований выросло в четыре раза, число ограблений увеличилось в пять раз, а вероятность стать жертвой нападения при отягчающих обстоятельствах увеличилась на 700 процентов. См. Об этом Seymour Itzkoff, *The Decline of Intelligence in America*; Roger D. McGrath, «Treat Them to a Good Dose of Lead», *Chronicles* (January 1994).

тали себя членами «естественной аристократии», а не демократией, и они защищали аристократическую республику.²⁰ Более того, даже среди немногих теоретических защитников демократии, таких как Руссо, например, почти невозможно найти кого-либо, кто защищает демократию для чего угодно, кроме крайне малых общин (деревень или городов). Действительно, в небольших сообществах, где все знают всех остальных лично, большинство людей должны признать, что позиция «имущих» обычно основана на их превосходных личностных достижениях, а позиция «неимущих» находит свое типичное объяснение в их личных недостатках и неполноценности. В этих условиях гораздо труднее избежать наказания, пытаясь ограбить других людей и использовать их личную собственность в своих интересах. В отличие от этого, на больших территориях, охватывающих миллионы или даже сотни миллионов людей, где потенциальные мародеры не знают своих жертв, и наоборот,

²⁰ См. Об этом Erik von Kuehnelt-Leddihn, *Leftism Revisited* (Washington D.C.: Regnery Gateway, 1990), особенно глава. 6. Из американских отцов-основателей Александр Гамильтон был монархистом. Аналогичным образом губернатор Пенсильвании Роберт Моррис имел сильные монархические наклонности. Джордж Вашингтон выразил свое глубокое отвращение к демократии в письме Джеймсу Макгенри от 30 сентября 1798 года. Джон Адамс был убежден, что в каждом обществе вырастают аристократы так же неизбежно, как на кукурузном поле вырастут одни большие колосья, а другие маленькие. В письме Джону Тейлору он настаивал, подобно Платону и Аристотелю, на том, что демократия в конечном счете перерастет в деспотизм, а в письме Джефферсону он заявил, что «демократия будет завидовать всем, бороться со всеми, стремиться свергнуть всех, и когда случайно она одержит верх на короткое время, она будет мстительной, кровавой и жестокой». Джеймс Мэдисон в письме Джареду Парксу жаловался на трудности «защиты прав собственности против духа демократии». И даже Томас Джефферсон, вероятно, самый «демократичный» из отцов-основателей, признался в письме Джону Адамсу, что он считал, что

естественная аристократия ... как самый драгоценный дар природы, для обучения, доверия и управления обществом. И действительно, было бы непоследовательно с точки зрения сотворения формирования людей для социального государства и не обеспечить их добродетелью и мудростью, достаточными для управления заботами общества. Не можем ли мы даже сказать, что наилучшей формой правления является та, которая обеспечивает наиболее эффективный отбор этих природных аристократов на государственные должности?

Таким образом, характеризуя общее отношение отцов-основателей, наиболее подходящим высказыванием является высказывание Джона Рэндольфа из Роанока: «Я аристократ: я люблю свободу, я ненавижу равенство».

человеческое желание обогатиться за счет другого человека практически не ограничено.²¹

Что еще более важно, необходимо еще раз подчеркнуть, что идея демократии *безнравственна* и *неэкономична*. Что касается морального статуса правила большинства, то следует отметить, что он позволяет А и В объединиться, чтобы ограбить С, С и А, чтобы ограбить В, а затем В и С сговориться против А и т.д. Это не справедливость, а моральный произвол, и вместо того, чтобы относиться к демократии и демократам с уважением, к ним следует относиться с открытым презрением и высмеивать как моральных мошенников.²²

С другой стороны, что касается экономического качества демократии, необходимо неустанно подчеркивать, что не демократия, а частная собственность, производство и добровольный обмен являются конечными источниками человеческой

²¹ Общественный договор Руссо, появившийся в 1762 году, на самом деле должен был стать теоретическим комментарием к политической ситуации в его родном городе Женеве, на тот момент независимом городе-государстве с населением менее 30 000 жителей, которым, по сути, управляла крошечная наследственная олигархия глав ведущих аристократических семей Женевы, контролировавшая Малый совет и Совет Двухсот. Апелляция Руссо к «народу» и «народному суверенитету» была задумана как атака на эту олигархию, но ни в коем случае не как защита прямой демократии и всеобщего политического участия, как это понимается в настоящее время. Скорее, когда Руссо писал в поддержку «суверенного народа», он имел в виду членов другого политического органа Женевы – Большого совета, который состоял примерно из 1500 членов и включал в себя, помимо высшей аристократической верхушки Женевы, также и низшую наследственную аристократию.

²² К сожалению, несмотря на неустанную пропаганду, распространяемую финансируемыми и контролируемыми правительством школьными учителями – вроде «демократия означает, что мы все правим сами» – а также знаменитыми лауреатами Нобелевской премии, такими как Джеймс Бьюкенен и его экономическая школа «общественного выбора» – например, «правительства являются добровольными учреждениями, как и фирмы» (James M. Buchanan and Gordon Tullock, *The Calculus of Consent* [Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962], стр. 19) – все еще остается достаточно здравого смысла, как в академических кругах, так и среди широкой общественности, чтобы найти сочувствующее сердце для такой критики. Что касается академических кругов, такой известный экономист, как Джозеф Шумпетер, относительно взглядов Бьюкенена заметил бы, что «теория, которая истолковывает налоги по аналогии с клубными взносами или покупкой услуг, скажем, медицинских, только доказывает, насколько далека эта часть социальных наук от научных привычек разума» (Joseph A. Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy* [New York: Harper, 1942], стр. 198). А что касается широкой общественности, то можно найти утешение

цивилизации и процветания. В частности, вопреки распространенным мифам, необходимо подчеркнуть, что отсутствие демократии практически не связано с банкротством социализма российского стиля. Причина была не в принципах, выбранных политиками, которые решали проблемы социализма. Это были политики и политические решения как таковы. Вместо того, чтобы каждый частный производитель самостоятельно определял, что делать с конкретными ресурсами, как при режиме частной собственности и договорного отношения, с полностью или частично обобщенными средствами производства каждое решение требует чужого разрешения. Для производителей не имеет значения, как выбираются те, кто дает разрешение. Для него важно то, что разрешение нужно получать вообще. Пока это происходит, стимул производителей к производству сокращается, и обнищание растет. Частная собственность так же несовместима с демократией, как и с любой другой формой политического правления.²³ Вместо демократии справедливость

в замечаниях великого американского журналиста и писателя Х. Л. Менкена, который писал:

Средний человек, какими бы ни были его заблуждения в других вопросах, по крайней мере, ясно видит, что правительство – это нечто, лежащее вне него и вне общей массы его собратьев, что это отдельная, независимая и враждебная сила, лишь частично находящаяся под его контролем и способная причинить ему огромный вред. ... Разве не имеет значения тот факт, что правительственный грабёж повсеместно рассматривается как преступление меньшего масштаба, чем ограбление отдельного человека или даже корпорации? ... Когда грабят частного гражданина, достойный человек лишается плодов своего труда и бережливости; когда грабят правительство, самое худшее, что происходит, это то, что некоторые мошенники и бездельники имеют меньше денег для игры, чем у них было раньше. Мысль о том, что они заработали эти деньги, никогда не возникает; большинству здравомыслящих людей это покажется смехотворным. Они просто негодяи, которые в силу закона имеют сомнительное право на долю в доходах своих товарищей. Когда эта доля уменьшается благодаря частному предпринимательству, бизнес в целом становится гораздо более благородным, чем нет. (*A Mencken Chrestomathy* [New York: Vintage Books, 1949], стр. 146-47; см. также H. L. Mencken, *Notes on Democracy* (New York: Knopf, 1926).

²³ См. об этом Hans-Hermann Hoppe, *A Theory of Socialism and Capitalism* (Boston: Kluwer, 1989); он же, «Desocialization in a United Germany», *Review of Austrian Economics* 5, no. 2 (1991); Murray N. Rothbard, «The End of Socialism and the Calculation Debate Re-

и экономическая эффективность требуют, чтобы чистое и неограниченное общество частной собственности было «анархией производства», в которой никто не управляет кем-либо, и все отношения производителей являются добровольными и, следовательно, взаимовыгодными.²⁴

Наконец, что касается стратегических соображений, для того, чтобы приблизиться к цели ненасильственного социального порядка, т.е. анархии частной собственности, идея мажоритаризма должна быть повернута против самого демократического правления. При любой форме правительственного правления, включая демократию, «правлящий класс» (политики и государственные служащие) составляет лишь небольшую часть от общей численности населения. Хотя возможно, что сто паразитов могут вести комфортную жизнь на продуктах одной тысячи хозяев, тысяча паразитов не может жить на сотни хозяев. Основываясь на признании этого факта, представляется возможным убедить большинство избирателей в том, что они навредят тем, кто живет за счет налогов других людей, сказать, насколько высоки эти налоги, и таким образом решить, демократически, забрать право голоса от всех государственных служащих и всех, кто получает правительственные льготы, независимо от того, являются ли они получателями пособий или государственными подрядчиками.

Кроме того, в сочетании с этой стратегией необходимо признать подавляющее значение сепаратистских движений. Если решения большинства «правильны», то решения наибольшего из всех возможных большинства, мирового большинства и демократического мирового правительства должны считаться в конечном счете «правильным»,²⁵ с последствиями, пред-

visited», в он же, *The Logic of Action One* (Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1997); он же, «How and How Not To Desocialize», *Review of Austrian Economics* 6, no. 1 (1992).

²⁴ См. об этом Rothbard, *The Ethics of Liberty*; Hans-Hermann Hoppe, *The Economics and Ethics of Private Property* (Boston: Kluwer, 1993) особ. часть 2; также Anthony de Jasay, *Choice, Contract, Consent: A Restatement of Liberalism* (London: Institute of Economic Affairs, 1991).

²⁵ См. об этом также Murray N. Rothbard, *Power and Market*, стр. 189ff.

сказанными в начале этой главы. Напротив, отделение всегда связано с отрывом меньших групп от более крупного населения. Таким образом, это голосование против принципа демократии и мажоритаризма. Когда процесс отделения переходит к уровню малых регионов, городов, городских округов, городов, деревень и, в конечном счете, индивидуальных домашних хозяйств и добровольных ассоциаций частных домашних хозяйств и фирм, становится труднее поддерживать текущий уровень политики перераспределения. В то же время, чем меньше территориальные единицы, тем больше вероятность того, что несколько человек, поддержанных народным признанием своей экономической независимости, выдающихся профессиональных достижениях, морально безупречной личной жизни, превосходном суждении, мужестве и вкусе, будут подниматься в ранг естественных, добровольно признанных элит и придавать законность идее естественного порядка конкурирующих (немонополистических) и свободно (добровольно) финансируемых миротворцев, судей и дублирующих друг друга юрисдикций, которые существуют даже сейчас на арене международной торговли и передвижения. Чистое частное правовое общество – ответ на демократию и любую другую форму политического (принудительного) правления.

²⁶ О праве и экономике сецессии см. *Secession, State and Liberty*, David Gordon, ed. (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1998), с эссе Donald W. Livingston, Stephen Yates, Scott Boykin, Murray N. Rothbard, Clyde N. Wilson, Joseph R. Stromberg, Thomas DiLorenzo, James Ostrowski, Hans-Hermann Hoppe, Pierre Desrochers and Eric Duhaime, and Bruce L. Benson; также HansHermann Hoppe, «The Western State as a Paradigm: Learning From History», *Politics and Regimes: Religion and Public Life* 30 (1997); Robert W. McGee, «Secession Reconsidered», *Journal of Libertarian Studies* 11, no. 1 (1994).

§5

О централизации и отделении

Государство является территориальным монополистом принуждения – агентом, который может заниматься постоянными, институционализированными нарушениями прав собственности и эксплуатацией в форме экспроприации, налогообложения и регулирования владельцев частной собственности.¹ Предполагая, что правительственные агенты мотивированы своими личными интересами, все государства (правительства) будут использовать эту монополию в своих целях и, следовательно, проявлять тенденцию к увеличению эксплуатации. С одной стороны, это означает увеличение внутренней эксплуатации (и внутреннего налогообложения). С другой стороны, этот аспект также указывает на рост территориального экспансионизма. Государства всегда будут пытаться расширить свою эксплуатационную и налоговую базу. Однако при этом они вступают в конфликт с другими конкурирующими государствами. Конкуренция между государствами, являющимися территориальными монополистами принуждения, по своей природе является отборочной конкуренцией. То есть в любой области может существовать только один монополист эксплуатации и налогообложения; таким образом, следует ожидать, что конкуренция между различными государствами будет способствовать тенденции к усилению политической централизации и, в конечном счете, формированию одного единственного

¹ О теории государства см. Murray N. Rothbard, *For A New Liberty* (New York: Macmillan, 1978); он же, *The Ethics of Liberty* (New York: New York University Press, 1998); он же, *Power and Market* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977); Hans-Hermann Hoppe, *Eigentum, Anarchie und Staat* (Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987); он же, *A Theory of Socialism and Capitalism* (Boston: Kluwer, 1989); он же, *The Economics and Ethics of Private Property* (Boston: Kluwer, 1993); также Albert J. Nock, *Our Enemy, the State* (Delevan, Wise.: Hallberg Publishing, 1983); Franz Oppenheimer, *The State* (New York: Vanguard Press, 1914); он же, *System der Soziologie*, том 2: *Der Staat* (Stuttgart: G. Fischer, 1964); Anthony de Jasay, *The State* (Oxford: Blackwell, 1985).

мирового государства.

Достаточно взглянуть на историю Запада, чтобы проиллюстрировать справедливость этого вывода. Например, в начале этого тысячелетия Европа состояла из тысяч независимых политических единиц. Сейчас осталось всего несколько десятков таких единиц. Разумеется, децентрализованные силы также существовали. Происходил постепенный распад Османской империи с XVI века до Первой мировой войны и создание современной Турции. Несравненная Империя Габсбургов постепенно расчленилась со времени ее наибольшего расширения под Карлом V, пока она не исчезла, и современная Австрия была основана в 1918 году. И только недавно на наших глазах бывшая Советская империя распалась. В настоящее время на территории бывшего Советского Союза насчитывается более десятка независимых государств. Бывшая Югославия состоит теперь из Словении, Хорватии, Сербии, Македонии и Боснии. И чехи, и словаки разделились и сформировали независимые страны. Однако преобладающая тенденция была в обратном направлении. Например, во второй половине семнадцатого века Германия насчитывала около 234 стран, 51 свободный город и 1500 независимых рыцарских усадеб. К началу девятнадцатого века общее число этих троих категорий упало ниже, чем 50, и к 1871 году была достигнута унификация. Сценарий в Италии был схожим. Даже небольшие государства имеют историю расширения и централизации. Швейцария началась в 1291 году как конфедерация трех независимых кантональных государств. К 1848 году это было одно (федеральное) государство с несколькими дюжинами кантональных провинций.

Более того, с глобальной точки зрения человечество подошло ближе, чем когда-либо, к созданию мирового правительства. Еще до роспуска Советской империи Соединенные Штаты достигли гегемонического статуса над Западной Европой (в первую очередь над Западной Германией) и странами Тихоокеанского региона (в первую очередь над Японией), о чем свидетельствуют присутствие американских войск и военных баз, пакты НАТО и СЕАТО, роль американского доллара как конечной международной резервной валюты и Федеральной

резервной системы США как «кредитора» или «поставщика ликвидности» средств для всей западной банковской системы, а также создание таких международных организаций как Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк и недавно созданная Всемирная торговая организация (ВТО).² Кроме того, под американской гегемонией политическая интеграция Западной Европы неуклонно продвигалась вперед. С недавним созданием Европейского центрального банка и европейской валюты (ЕВРО), Европейское сообщество почти объединено. В то же время с Североамериканским соглашением о свободной торговле (НАФТА) был сделан значительный шаг к политической интеграции американского континента. В отсутствие Советской империи и ее военной угрозы, США стали единственной и бесспорной мировой военной сверхдержавой и «всемирным полицейским».

Согласно общепринятой точке зрения, централизация, как правило, является «добрым» и прогрессивным движением, тогда как распад и отделение, даже если они иногда неизбежны, представляют собой анахронизм. Предполагается, что более крупные политические единицы и, в конечном счете, одно мировое правительство – подразумевают более широкие рынки и, следовательно, рост богатства. В качестве свидетельства этого указывается, что экономическое процветание резко возросло с увеличением централизации. Однако, вместо того, чтобы отражать какую-либо правду, этот ортодоксальный взгляд более наглядно иллюстрирует тот факт, что история обычно написана ее победителями, и что временное совпадение не доказывают причинности. Фактически, связь между экономическим

² О роли «фиатных» (бумажных) денег, центрального банка и международного (межгосударственного) денежно-кредитного сотрудничества как средства политического объединения и инструмента экономического империализма, т.е. эксплуатации «периферийных» «доминирующими» государствами, см. Hans-Hermann Hoppe, «Banking, Nation States, and International Politics: A Sociological Reconstruction of the Present Economic Order», в он же, *The Economics and Ethics of Private Property*; Jörg Guido Hülsmann, «Political Unification: A Generalized Progression Theorem», *Journal of Libertarian Studies* 13, no. 1 (1977); также Murray N. Rothbard, *Wall Street, Banks, and American Foreign Policy*, (Burlingame, Calif.: Center for Libertarian Studies, 1995). См. также примечания 18 и 19 ниже.

процветанием и централизацией сильно отличается от этого, и даже почти противоположна тому, что утверждает общепринятое мнение.³

Политическая интеграция (централизация) и экономическая (рыночная) интеграция – это два совершенно разных явления. Политическая интеграция предполагает территориальное расширение полномочий государства в области налогообложения и регулирования собственности (экспроприация). Экономическая интеграция – это расширение межличностного и межрегионального разделения труда и участия в рынке.⁴ В принципе, при налогообложении и регулировании владельцев частной собственности и лиц, получающих рыночный доход, все правительства являются контрпродуктивными. Они *сокращают* участие на рынке и формирование экономического богатства.⁵ Однако, как только предполагается существование правительства, прямой связи между размером территории и экономической интеграцией не существует. Швейцария и Албания – обе небольшие страны, но Швейцария демонстрирует высокую степень экономической интеграции, в то время как Албания – нет. И США, и бывший Советский Союз велики. Тем не менее, хотя в США существует значительное разделение труда и участие на рынке, в Советском Союзе почти не было экономической интеграции, где практически не существовало частной собственности на капитал.⁶ Таким образом, централи-

³ О следующем см. Jean Baechler, *The Origins of Capitalism* (New York: St. Martin's Press, 1976), особ. гл. 7; Hans-Hermann Hoppe, «The Economic and Political Rationale for European Secessionism», в *Secession, State, and Liberty*, David Gordon, ed. (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1998); также Eric L. Jones, *The European Miracle* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981); Nathan Rosenberg and L.E. Birdzell, *How the West Grew Rich* (New York: Basic Books, 1986); David S. Landes, *The Wealth and Poverty of Nations* (New York: Norton, 1998).

⁴ О возникновении разделения труда и экономической интеграции см. Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, Scholar's Edition (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998), гл. 8; Murray N. Rothbard, «Freedom, Inequality, Primitivism, and the Division of Labor», в он же, *Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 2000).

⁵ См. об этом Rothbard, *Power and Market*.

⁶ См. об этом там же.

зация может идти рука об руку либо с экономическим прогрессом, либо с регрессом. Прогресс достигается всякий раз, когда менее налоговое и регулирующее правительство расширяет свою территорию за счет более эксплуататорского. Если происходит обратное, централизация подразумевает экономическую дезинтеграцию и регресс.

Однако существует очень важная косвенная связь между размером и экономической интеграцией. Центральное правительство, управляющее крупными территориями, и тем более единым мировым правительством не может существовать с самого начала. Вместо этого, все институты, имеющие право облагать налогом и регулировать владельцев частной собственности, должны начинаться с малого. Однако малость способствует умеренности. У небольшого правительства есть много близких конкурентов, и если оно налагает налоги и регулирует свои собственные субъекты заметно больше, чем его конкуренты, оно должно страдать от эмиграции рабочей силы и капитала и соответствующей потери будущих налоговых поступлений. Рассмотрим, например, одно домашнее хозяйство или деревню как независимую территорию. Мог ли отец поступать с его сыном или мэр с его деревней так, как правительство Советского Союза делало со своим подданным (т.е. лишить их права на частную собственность) или то, что делают правительства всех стран Западной Европы и США для их граждан (т.е. экспроприировать до 50 процентов их продукции)? Очевидно, что нет. Было бы либо немедленное восстание, и правительство было бы свергнуто, или возникла бы эмиграция в другое соседнее владение или деревню.⁷

⁷ Таким образом, политическая конкуренция является гораздо более эффективным средством ограничения естественного желания правительства расширить свои эксплуататорские полномочия, чем внутренние конституционные ограничения. Действительно, попытки некоторых теоретиков общественного выбора и «конституционной экономики» разработать либеральные модели конституций должны казаться безнадежно наивными. Ибо конституционные суды и судьи верховного суда являются неотъемлемой частью государственного аппарата, полномочия которого они должны ограничивать. С какой стати они должны хотеть ограничить власть той самой организации, которая обеспечивает их работой, деньгами и престижем? Предполагать это не только теоретически непоследовательно, то есть несовместимо с предположением о личных интересах. Такое предположение не только теоретиче-

Вопреки распространенному мнению, именно тот факт, что Европа обладала децентрализованной структурой власти, состоящей из бесчисленных независимых политических единиц, объясняет происхождение капитализма – расширение участия на рынке и экономический рост в западном мире. Это не случайно, что капитализм сначала процветал в условиях крайней политической децентрализации: в северных городах Италии, на юге Германии и в сепаратистских Нижних Странах (Нидерланды).

Конкуренция между малыми государствами в отношении налогооблагаемых субъектов приводит их в конфликт друг с другом. В результате межгосударственных конфликтов, исторически затянувшихся на протяжении столетий, несколько го-

ски непоследовательно, т.е. несовместимо с предположением о собственной выгоде. Это предположение также не имеет под собой исторического основания. Несмотря на явное ограничение полномочий центрального правительства, содержащееся, например, в Десятой поправке к Конституции США, именно толкование Верховного суда США сделало поправку по существу недействительной. Аналогичным образом, несмотря на конституционную гарантию частной собственности конституцией (Западной) Германии, например, верховный суд Германии после воссоединения Германии в 1990 году объявил все коммунистические экспроприации до основания восточногерманского государства в 1949 году «правомерными». Таким образом, более 50 процентов земель бывшей Восточной Германии, используемых для сельского хозяйства, были присвоены (западногерманским) государством (вместо того, чтобы быть возвращенными первоначальному частным владельцам, как того требует буквальное толкование конституции).

Важность международной «анархии» для подъема европейского капитализма справедливо подчеркивал Жан Бехлер. Так, он пишет в книге «Истоки капитализма»:

Постоянное расширение рынка, как в масштабах, так и по интенсивности, было результатом отсутствия политического порядка, распространяющегося на всю Западную Европу, (стр. 73). Экспансия капитализма обязана своим происхождением и смыслом существованию политической анархии. ... Коллективизм и государственное управление преуспели только в школьных учебниках, (стр. 77). Всякая власть стремится к абсолюту. Если она не абсолютна, то это потому, что существуют какие-то ограничения. ... те, кто находится у власти, постоянно пытаются разрушить эти ограничения. Им это никогда не удавалось, в том числе по причине, которая, как мне кажется, также связана с международной системой: ограничение власти для действий вовне и постоянная угроза нападения извне [две характеристики многополярной системы] подразумевают, что власть также ограничена внутри и должна полагаться на автономные центры принятия решений и поэтому может использовать их крайне экономно, (стр. 78).

сударств преуспевают в расширении своих территорий, в то время как другие устраняются или включаются. Какие государства выигрывают в этом процессе отборочной конкуренции, конечно, зависит от многих факторов, но в конечном итоге решающим фактором является относительный объем экономических ресурсов.⁹ Благодаря налогообложению и регулированию правительства не оказывают положительного вклада в создание экономического богатства. Вместо этого они паразитически используют существующее богатство. Однако они могут и позитивно влиять на количество существующих богатств. При прочих равных условиях, чем ниже налоговое и регулирующее бремя, налагаемое правительством на его внутреннюю экономику, тем больше его население имеет тенденцию к росту (из-за внутренних причин, а также факторов иммиграции), и тем больше объем произведенного на внутреннем рынке богатства, что может привести к конфликтам с соседними конкурентами. По этой причине централизация часто прогрессирует. Государства, которые мало взимают налоги и регулируют свою экономику не сильно, склонны побеждать и расширять свои территории за счет нелиберальных государств.¹⁰ Это объясняет начало «промышленной революции» в Англии и Франции. Это объясняет, почему в течение девятнадцатого века Западная Европа стала доминировать над остальным миром (а не наоборот) и почему колониализм был в целом прогрессивным. Кроме того, он объясняет рост США к рангу сверхдержавы в течение двадцатого века.

⁹ См. об этом Paul Kennedy, *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000* (New York: Vintage Books, 1987).

¹⁰ См. об этом Hans-Hermann Hoppe, «Marxist and Austrian Class Analysis» в он же, *The Economics and Ethics of Private Property*; он же, «Banking, Nation States, and International Politics»; о требовании либеральной рыночной экономики, т.е. внутреннего *laissez-faire*, для успешного ведения войны см. Ludwig von Mises, *Nationalökonomie. Theorie des Handelns und Wirtschaftens* (Munich: Philosophia Verlag, 1980), часть 6, гл. 9; он же, *Interventionism: An Economic Analysis* (Irvington-on-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education, 1998), гл. 6; об обратной тенденции государств использовать войны в качестве предлог для разрушения внутреннего *laissez-faire* и внедрения все более интервенционистских или социалистических экономических систем см. Robert Higgs, *Crisis and Leviathan* (New York: Oxford University Press, 1987).

Тем не менее чем дальше идет процесс победы более либеральных правительств над менее либеральными, т.е. чем больше территорий, тем меньше оставшихся конкурентов и, следовательно, ниже стимул правительства продолжать его внутренний либерализм. Когда кто-то приближается к пределу единственного мирового правительства, исчезает возможность проголосовать против него уйдя из него. Куда человек не пойдет, там применяется такая же структура налогообложения и регулирования. Таким образом, освободившись от проблемы эмиграции, появляется основа для расширения государственной власти. Это объясняет события XX века: с Первой мировой войны, а тем более со Второй мировой войной, США достигли гегемонии над Западной Европой и стали наследниками ее огромных колониальных империй. Решающий шаг в направлении глобального объединения был сделан с созданием *рэх Americana*. И действительно, на протяжении всего периода существования США, Западная Европа и большинство остального мира страдали от устойчивого и драматического роста государственной власти, налогообложения и экспроприации.¹¹

В свете социальной и экономической теории и истории в такой ситуации можно рассмотреть случай отделения.¹²

Первоначально отделение – это не что иное, как переход контроля над национализированным богатством от более крупного центрального правительства к более мелкому, региональному. Является ли это результатом большей или меньшей экономической интеграции и процветания, во многом зависит от политики нового регионального правительства. Однако акт отделения сам по себе оказывает положительное влияние на производство, поскольку одной из наиболее важных причин для отделения является, как правило, убеждение со стороны сепаратистов в том, что они и их территория эксплуатируют-

¹¹ На эту тему см. также Paul Johnson, *Modern Times* (New York: Harper and Row, 1983); Robert Nisbet, *The Present Age* (New York: Harper and Row, 1988).

¹² По этому вопросу см. также *Secession, State, and Liberty*, Gordon, ed.; Robert McGee, «Secession Reconsidered», *Journal of Libertarian Studies* 11, no. 1 (1994); Ludwig von Mises, *Liberalism: In the Classical Tradition* (Irvington-on-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education, 1985), особ. стр. 108-10.

ся другими. Словенцы справедливо чувствовали, что их систематически ограбили сербы и сербское центральное югославское правительство; балтийский народ возмущался тем, что им пришлось отдать дань уважения россиянам и правительству России, имеющему господство в Советском Союзе.¹³ В силу отделения, гегемонистские внутренние отношения заменяются договорными взаимовыгодными и внешними отношениями. Вместо принудительной интеграции происходит добровольное разделение. Принудительная интеграция, также иллюстрируемая такими мерами, как управление арендной платой, позитивные действия, антидискриминационные законы и, как будет объяснено в ближайшее время, «свободной иммиграцией», неизменно создает напряженность, ненависть и конфликты. Напротив, добровольное разделение ведет к гармонии и миру.¹⁴ При принудительной интеграции любая ошибка может быть возложена на «инострannую» группу или культуру, и все успехи утверждаются как собственные, поэтому нет никакой причины, чтобы какая-либо культура училась у другой.

Находясь под «единым» режимом нужно противостоять не только культурному разнообразию, но, в частности, явно различных рангов культурного развития. Если сепаратистский народ хочет улучшить или сохранить свою позицию по отношению к конкурирующему, ничто иное, как дискриминационное обучение, не поможет. Он должен подражать, ассимилироваться и, по возможности, улучшать навыки, черты, практики и правила, характерные для более развитых обществ, и должен

¹³ Аналогичным образом, одной из решающих причин попытки выхода Южной Конфедерации из состава Американского Союза стал Тарифный закон Моррилла 1861 года, который ввел 47-процентный налог на стоимость всех импортируемых товаров. В то время американский Юг экспортировал три четверти своей сельскохозяйственной продукции и, в свою очередь, импортировал большую часть промышленных товаров из-за рубежа. По сути, этот тариф означал, что Юг был вынужден платить более высокие налоги, которые шли на Север для субсидирования неэффективных северных производителей и промышленных рабочих.

¹⁴ См. об этом Murray N. Rothbard, «Nations by Consent: Decomposing the Nation-State» в *Secession, State, and Liberty*, David Gordon, ed.; Ludwig von Mises, *Nation, State, and the Economy* (New York: New York University Press, 1983), особ. стр. 31-77; также гл. 7 ниже.

избегать черт, характерных менее развитым обществам. Не продвижение выравнивания культур принудительной интеграцией, а отделение стимулирует совместный процесс культурного отбора и продвижения.¹⁵

Более того, хотя все остальное зависит от внутренней политики нового регионального правительства и отсутствия прямой взаимосвязи между размером и экономической интеграцией, существует важная косвенная связь. Так же, как политическая централизация в конечном счете имеет тенденцию способствовать экономической дезинтеграции, отделение стремится к интеграции и экономическому развитию. Во-первых, отделение всегда связано с отрывом меньшего от более крупного населения и, таким образом, является голосованием против принципа демократии и мажоритарного правления в пользу частной децентрализованной собственности. Что еще более важно, отделение всегда предполагает расширение возможностей для межрегиональной миграции, а сепаратистское правительство немедленно сталкивается с угрозой эмиграции.

¹⁵ Несмотря на эгалитарную пропаганду, существуют огромные различия в степени культурного развития, например, в бывшей Югославии между словенцами, хорватами, сербами и косовскими албанцами и/или католиками, православными и мусульманами; или в бывшем Советском Союзе между латышами, эстонцами, литовцами, немцами, поляками, украинцами, русскими, грузинами, румынами, армянами, чеченцами, азербайджанцами, туркменами, казахами и так далее. Непосредственным результатом политического разделения этих культурно различных народов будет просто увеличение разнообразия правительств и форм социальной организации. Однако следует ожидать, что некоторые из этих новых независимых правительств и их социальная политика будут хуже (с точки зрения экономической интеграции и процветания), чем те, которые преобладали бы, если бы прежнее центральное правительство оставалось у власти, в то время как другие окажутся лучше. Например, для азербайджанцев вполне может быть хуже, если ими будет управлять местное правительство, чем правительство, состоящее из русских, или если косовские албанцы попадут в руки кого-то из своих, а не сербского правительства. В то же время социальная политика, например, в Эстонии, Латвии и Литве, скорее всего, будет лучше, чем то, что было бы у российского правительства, и хорваты будут процветать больше при самоуправлении, чем если бы они оставались под контролем Сербии. Сецессия, таким образом, не устранит культурные различия и ранговые порядки; и более того, она может их усилить. И все же, именно в том, что касается культурных различий и различных уровней социально-экономического развития различных народов, сецессия со временем станет лучшим стимулом для культурного и экономического прогресса всех людей, как развитых, так и неразвитых.

Но этого легко избежать, приняв сравнительно либеральную внутреннюю политику, разрешив более частную собственность и наложив более низкое налоговое и регулирующее бремя, чем соседи.¹⁶ В конечном счете, на столько же территорий, сколько существует отдельных домохозяйств, деревень или городов, возможности для экономически мотивированной эмиграции максимизируются, а государственная власть над внутренней экономикой сводится к минимуму.

В частности, чем меньше страна, тем больше будет давление на выбор свободной торговли, а не протекционизма. Все вмешательство правительства во внешнюю торговлю насильственно ограничивает круг взаимовыгодных межтерриториальных обменов и, следовательно, ведет к обнищанию как дома, так и за рубежом. Но чем меньше территория и ее внутренние рынки, тем более драматичным будет этот эффект. Например, страна, размером США, может достичь сравнительно высокого уровня жизни, даже если она откажется от всей внешней торговли, если она обладает неограниченным внутренним капиталом и рынком потребительских товаров. Напротив, если серб-

¹⁶ Прекрасным примером давления реформ, вызванного эмиграцией, является случай бывшей Восточной Германии. Попав под контроль Советского Союза и став социалистической после Второй мировой войны, Восточная Германия с самого начала страдала от массового оттока людей, уезжающих в более либеральную и, следовательно, процветающую интервенционистскую (социал-демократическую) Западную Германию. К началу 1960-х годов число эмигрантов возросло примерно до 1000 человек в день. В ответ на это 13 августа 1961 года правительство Восточной Германии почувствовало себя вынужденным возвести пограничную систему со стенами, колючей проволокой, заборами под напряжением, минными полями, автоматическими стрелковыми устройствами и сторожевыми башнями длиной почти в девятьсот миль с единственной целью – не допустить бегства восточных немцев от социализма. Таким образом, с 1961 года до весны 1989 года проблему можно было сдерживать. Однако, когда союзная социалистическая Венгрия начала ослаблять пограничный контроль по отношению к Австрии, в чем ее убедили, как теперь выясняется, члены Паневропейского союза во главе с Отто фон Габсбургом, волна восточногерманской эмиграции немедленно возобновилась. Фактически, всего за несколько дней число восточных немцев, бежавших на Запад через Венгрию, выросло до более чем 2000 в день. Именно эти события, прежде всего, привели сначала к свержению режима Хонеккера в Восточной Германии, затем, навсегда памятного 9 ноября 1989 года, к демонтажу Берлинской стены и, наконец, в следующем году, к воссоединению Германии. См. Об этом Hans-Hermann Hoppe, «De-Socialization in a United Germany», *Review of Austrian Economics* 5, no. 2 (1991).

ские города или уезды отделены от соседней Хорватии и, если они будут придерживаться такого же протекционизма, это, вероятно, вызовет у них катастрофу. Рассмотрим одно домашнее хозяйство как наименее маленькую сепаратистскую единицу. Участвуя в неограниченной свободной торговле, даже самая маленькая территория может быть полностью интегрирована на мировой рынок и использовать все преимущества разделения труда, ее владельцы могут стать самыми богатыми людьми на земле. Живым доказательством этого является существование одного богатого человека. С другой стороны, если бы те же домашние владельцы решили отказаться от всей межтерриториальной торговли, это привело бы к крайней нищете или смерти. Соответственно, чем меньше территория и ее внутренние рынки, тем более вероятно, что она сделает выбор в пользу свободной торговли.

Более того, сецессия также способствует *денежно-кредитной* интеграции. Процесс централизации также привел к дезинтеграции в денежной сфере: разрушению прежнего международного товарного (золотого) денежного стандарта и его замене доминирующей в долларах системой свободно колеблющихся правительственных бумажных денег, т.е. глобальным, возглавляемым США фальсифицированным картелем. Однако система свободно колеблющихся бумажных валют – фридманско-монетаристский идеал – строго говоря, не представляет никакой денежной системы вообще.¹⁸ Эта система частичного *бартера* противоположна самой цели денег, как средства облегчения, а не усложнения обмена. Это становится очевидным, когда признается, что с точки зрения экономической теории нет особой связи этого с тем как формируются национальные границы. И все же, если затем вообразить предложение Фридмана, что распространение все меньших национальных тер-

¹⁸ См. также Murray N. Rothbard, *The Case for a 100 Percent Gold Dollar* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1991); он же, «Gold vs. Fluctuating Fiat Exchange Rates», в он же, *The Logic of Action One* (Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1997); он же, *The Case Against the Fed* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1995); Hans-Hermann Hoppe, «How is Fiat Money Possible?— or, The Devolution of Money and Credit», *Review of Austrian Economics* 7, no.2 (1994).

риторий, в конечном счете продвинется до такой степени, что каждое домохозяйство формирует свою собственную страну, это становится абсурдом. Ибо, если бы каждое домашнее хозяйство выпустило свою собственную бумажную валюту, мир вернулся бы к бартеру. Никто не согласился бы на чью-либо бумагу, экономический расчет был бы невозможен, и торговля пошла бы в застой.¹⁹ Это не происходит только из-за многовековой политической централизации и того факта, что остается лишь относительно небольшое число стран и национальных валют; следовательно, дезинтегративные последствия и вычислительные трудности гораздо менее строги, и это можно упустить. Из этого теоретического понимания следует, что отделение, если оно будет действовать достаточно сильно, фак-

¹⁹ См. об этом, в частности, Rothbard, *The Case for a 100 Percent Gold Dollar*. «Одна из проблем», – объясняет Ротбард,

с которой не сталкиваются все монетарные этатисты и националисты – это географическая граница каждой валюты. Если должны существовать национальные колеблющиеся фиатные деньги, каковы должны быть границы «нации»? Несомненно, политические границы имеют мало или вообще не имеют экономического значения. ... Логично, что концом свободно колеблющихся фиатных денег являются другие деньги, выпущенные каждым индивидом. ... Я думаю, было бы поучительно, если бы какой-нибудь экономист посвятил себя интенсивному анализу того, как будет выглядеть такой мир. Я думаю, можно с уверенностью сказать, что мир вернется к чрезвычайно сложной и хаотичной форме бартера. ... Ибо больше не было бы никакого денежного средства для обмена. Для каждого отдельного обмена потребовались бы разные «деньги». На самом деле, поскольку деньги означают общее средство обмена, сомнительно, что само понятие денег вообще будет применяться. ... Короче говоря, колеблющиеся фиатные деньги разрушают саму функцию денег как таковых. ... Они противоречат сущности денежной функции. (стр. 55-61)

Отсюда Ротбард делает вывод:

Чем более универсальны деньги, тем больше возможностей для разделения труда и межрегионального обмена товарами и услугами, которые вытекают из рыночной экономики. Поэтому денежный носитель имеет решающее значение для свободного рынка, и чем шире использование этих денег, тем обширнее рынок и тем лучше он может функционировать. Короче говоря, истинная свобода торговли требует международных товарных денег... золота и серебра. Любое разрушение такого международного средства платежа фиатной бумагой неизбежно калечит и дезинтегрирует свободный рынок и лишает мир плодов этого рынка». (стр. 58-61)

тически будет способствовать денежной интеграции. В мире сотен тысяч независимых политических единиц каждая страна должна будет отказаться от нынешней денежной системы, которая несет ответственность за наибольшую инфляцию во всей человеческой истории и вновь принять международную систему товарных денег, такую как золотой стандарт.

Сецессионизм и рост сепаратистских и регионалистских движений во всем мире представляют собой не анахронизм, а потенциально самые прогрессивные исторические силы, особенно в свете того, что с падением Советского Союза мы стали ближе, чем когда-либо, к созданию «нового мирового порядка». Сецессия увеличивает этническое, языковое, религиозное и культурное разнообразие, а столетия централизации вытесняют сотни различных культур.²⁰ Сецессия закончит вынужденную интеграцию, вызванную централизацией, и вместо того, чтобы стимулировать социальную борьбу и культурное выравнивание, она будет способствовать мирному, совместному соревнованию территориально разных культур. В частности, она устраняет проблему иммиграции, которая все чаще преследует страны Западной Европы, а также США. В настоящее время, когда центральное правительство разрешает иммиграцию, оно позволяет иностранцам приходить дорогами, принадлежащими государству, к порогу любого из его резидентов, независимо от того, хочет ли он такой близости к иностранцам. Таким образом, в значительной степени «свободная иммиграция» является вынужденной интеграцией. Сецессия решает эту проблему, позволяя небольшим территориям иметь свои собственные стандарты приема и самостоятельно определять, с кем они будут общаться на своей собственной территории, и с кем они предпочитают сотрудничать на расстоянии.²¹

Наконец, отделение способствует экономической инте-

²⁰ См. об этом теме также Adolf Gasser, *Gemeindefreiheit als Rettung Europas* (Basel: Verlag Bücherfreunde, 1943).

²¹ См. об этом также Murray N. Rothbard, «Nations by Consent: Decomposing the Nation State»; Peter Brimelow, *Alien Nation* (New York: Random House, 1995); *Immigration and the American Identity*, Thomas Fleming, ed. (Rockford, 111.: Rockford Institute, 1995); также главы 7, 9, и 10 ниже.

грации и развитию. Процесс централизации привел к формированию международного правительственного картеля управляемой миграции, торговли и бумажных денег, который становится только более агрессивным, обременительным и глобализированным государством общественного благосостояния и приводит к экономической стагнации или даже снижению уровня жизни. Сецессия, если она достаточно обширна, может изменить все это. Мир будет состоять из десятков тысяч отдельных стран, регионов и кантонов, а также сотен тысяч независимых свободных городов, таких как нынешние «чудаки» Монако, Андорра, Сан-Марино, Лихтенштейн, Гонконг и Сингапур. Как только возможности миграции по экономическим причинам значительно увеличатся, мир станет состоять из множества небольших либеральных правительств, экономически интегрированных посредством свободной торговли и международных товарных денег, таких как золото. Это будет мир неслыханного процветания, экономического роста и культурного развития.²²

²² Что касается культурного прогресса, которого можно ожидать от этого развития, то в заключение уместно привести несколько уместных наблюдений величайшего немецкого писателя и поэта Иоганна Вольфганга фон Гёте (1749-1832). 23 октября 1828 года, когда Германия все еще была расколота на тридцать девять независимых государств, Гёте в беседе с Иоганном Петером Экерманом (*gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens*) говоря о желательности политического единства Германии, говорил, что

Я не боюсь, что Германия не будет единой; ... она едина, потому что немецкий талер и грош имеют одинаковую стоимость во всей империи, и потому что мой чемодан может проехать через все тридцать шесть государств, не будучи открытым. ... Германия едина в области мер и весов, торговли и миграции, и еще в сотне подобных вещей. ... Однако ошибается тот, кто думает, что единство Германии должно быть выражено в форме одной большой столицы, и что этот большой город может принести пользу массам так же, как он может принести пользу развитию нескольких выдающихся личностей. ... Один вдумчивый француз, кажется, Дюпен, составил карту состояния культуры во Франции, обозначив более высокий или низкий уровень просвещенности различных «департаментов» более светлыми или более темными цветами. Там мы находим, особенно в южных провинциях, вдали от столицы, некоторые департаменты, окрашенные полностью в черный цвет, что указывает на полную культурную темноту. Было бы так, если бы в прекрасной Франции было десять центров, а не только один, из которого исходили свет и жизнь? ... Что делает Германию великой, так это ее восхитительная народная культура, которая равномерно проникла во все ча-

сти империи. И разве не из разных княжеских резиденций берет начало эта культура и не они являются ее носителями и хранителями? Предположим, что на протяжении веков в Германии существовали только две столицы – Вена и Берлин, или даже только одна. Интересно, что бы случилось с немецкой культурой и повсеместным процветанием, которое идет рука об руку с культурой? ... В Германии двадцать университетов, разбросанных по всей империи, более ста публичных библиотек и столько же художественных коллекций и прородных музеев; ведь каждый князь хотел привлечь к себе такую красоту и добро. Гимназии, технические и промышленные школы существуют в изобилии; действительно, едва ли найдется немецкая деревня без собственной школы. Как обстоят дела в этом отношении во Франции! ... Кроме того, посмотрите на количество немецких театров, которое превышает семьдесят. ... Ценители музыки, песен и их исполнения нигде так не распространены, как в Германии. ... Затем подумайте о таких городах, как Дрезден, Мюнхен, Штутгарт, Кассель, Брауншвейг, Ганновер и им подобных; подумайте об энергии, которую представляют эти города; подумайте о влиянии, которое они оказывают на соседние провинции, и спросите себя, существовало ли бы все это, если бы такие города долгое время не были резиденциями князей. ... Франкфурт, Бремен, Гамбург, Либек – большие и блестящие города, их влияние на процветание Германии неизмеримо. Однако останутся ли они такими, какие они есть, если потеряют свою независимость и будут включены в качестве провинциальных городов в одну великую Германскую империю? У нас есть основания сомневаться в этом.

§6

О социализме и десоциализации

I

Богатство может быть создано или увеличено тремя и только тремя способами: воспринимая определенные природные блага как скудные и активно преобразуя их в свое владение, прежде чем кто-либо еще это сделает (гомстед); путем производства товаров с помощью своего труда и ранее присвоенных ресурсов; или путем приобретения товара добровольной, контрактной передачей от предыдущего владельца или производителя. Акты первоначального присвоения превращают то, что раньше никто не считал благом в доходный актив; акты производства по своей природе направлены на превращение менее ценных активов в более ценные; и каждый контрактный обмен касается обмена и перенаправления конкретных активов из рук тех, кто ценит свое владение меньше в руки тех, кто ценит их больше.¹

¹ Следует отметить, что каждый из этих видов деятельности отвечает требованиям так называемого Превосходства Парето, т.е. повышения благосостояния хотя бы одного человека без снижения благосостояния другого. Следовательно, даже при отсутствии возможности межличностного сравнения полезности, можно сказать, что каждый из этих видов деятельности увеличивает социальное благосостояние. О строгости Вильфредо Парето в отношении осмысленного использования термина «социальное благосостояние» см. его *Manual of Political Economy* (New York: Augustus M. Kelley, 1971), где он пишет:

Рассмотрим любую позицию и предположим, что мы отклоняемся от нее на очень малую величину, в соответствии с ограничениями [достижения максимально возможного благосостояния индивидов коллектива]. Если при этом благосостояние всех индивидов коллектива увеличивается, то очевидно, что новая позиция более выгодна для каждого из них; и наоборот, она менее выгодна, если благосостояние всех индивидов уменьшается. Более того, благосостояние некоторых из них может оставаться неизменным, не меняя этих выводов. Но, с другой стороны, если это небольшое движение увеличивает благосостояние одних индивидов и уменьшает благосостояние других, мы уже не можем положительно утверждать, что осуществле-

Отсюда следует, что социализм может только привести к обнищанию.

Прежде всего, при социализме собственность на производственные активы присваивается коллективом лиц независимо от действий или бездействия каждого члена в отношении принадлежащих ему активов. По сути, социалистическая собственность благоприятствует несобственнику, производителю, а также неконтрактным отношениям и не благоприятствует собственникам, производителям и подрядчикам. Соответственно, будет меньше первоначальных присвоений природных ресурсов, на которые присутствует дефицит, будет меньше производство новых и меньше запас старых факторов производства, и будет меньше контрактов, поскольку все эти виды деятельности связаны с расходами. При режиме коллективной собственности стоимость выполнения работы повышается, а невыполнения работы – снижается.²

| ние этого движения выгодно всему коллективу. (стр. 451)

Теперь, если человек использует свое тело («труд») для того, чтобы присвоить, то есть взять под свой контроль, какие-то другие данные природой вещи (бесхозную «землю»), это действие демонстрирует, что он дорожит этими вещами. Следовательно, он, должно быть, получил пользу, присвоив их. В то же время его действия не делают хуже никому другому, поскольку при присвоении ранее не принадлежащих ресурсов у других ничего не отнимается. Другие тоже могли бы присвоить эти ресурсы, если бы сочли их ценными. Тем не менее, они явно этого не сделали. Действительно, отказ присвоить их демонстрирует их предпочтение не присваивать этих благ. Таким образом, нельзя сказать, что они потеряли какую-либо полезность в результате чужого присвоения. Исходя из актов первоначального присвоения, любое дальнейшее действие, будь то производство или потребление, в равной степени превосходит по Парето на основании продемонстрированных предпочтений, при условии, что оно не влияет на физическую целостность ресурсов, присвоенных или произведенных с помощью присвоенных другими средств. Производитель-потребитель оказывается в лучшем положении, в то время как все остальные остаются при том же количестве благ, что и раньше. В результате ни о ком нельзя сказать, что ему стало хуже. Наконец, каждый добровольный обмен товарами, исходя из этой основы, также является изменением по принципу Парето, поскольку он может иметь место только в том случае, если обе стороны обмена ожидают от него выгоды, в то время как предложение благ, контролируемых в процессе действия (принадлежащих) другим, остается неизменным. См. далее об этом Murray N. Rothbard, «Toward a Reconstruction of Utility and Welfare», в он же, *The Logic of Action One* (Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1997); Jeffrey Herbener, «The Pareto Rule and Welfare Economics», *Review of Austrian Economics* 10, no. 1(1997).

² См. Hans-Hermann Hoppe, *A Theory of Socialism and Capitalism: Economics, Politics,*

Во-вторых, поскольку средства производства не могут быть проданы при социализме, рыночные цены на факторы производства не существуют. Без таких цен учет затрат невозможен. Затраты не могут сравниваться с результатами, и невозможно решить, стоит ли их использование для данной цели или же это приводит к разбазариванию скудных ресурсов на проекты, маловажные или вовсе неважные для потребителей. Поскольку ему не разрешено принимать предложения от частных лиц, которые могли бы увидеть альтернативный способ использования данного средства производства, социалистический смотритель капитальных товаров не знает, каковы их возможности. Следовательно, будет возникать неэффективное размещение производственных факторов.³

В-третьих, даже при некотором первоначальном *распределении* факторов, стимулы каждого отдельного производителя к увеличению количества и/или качества его индивидуального выпуска систематически уменьшаются и его стимул использовать входные факторы так, чтобы избежать их чрезмерное использование или недоиспользование тоже уменьшается. Вместо этого выгоды и потери социалистического предприятия обобществляются, а не приписываются конкретным индивидуальным производителям, систематически поощряя склонность каждого к лени и халатности. Следовательно, будет произведено низкое качество товаров и/или низкое количество, и начнется постоянное потребление капитала.⁴

and Ethics (Boston: Kluwer, 1989).

³ См. Ludwig von Mises, *Economic Calculation in the Socialist Commonwealth* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1980); он же, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis* (Indianapolis, Ind.: Liberty Fund, 1981); он же. *Human Action: A Treatise on Economics*, Scholar's Edition (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998); Murray N. Rothbard, *Man, Economy, and State*, 2 vols. (Auburn Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1993), особ. стр. 544-50, 585-86; он же, «Ludwig von Mises and Economic Calculation under Socialism», и «The End of Socialism and the Calculation Debate Revisited» в он же, *The Logic of Action One*; Joseph Salerno, «Ludwig von Mises as Social Rationalist», *Review of Austrian Economics* 4 (1990).

⁴ См. далее об этом Hans-Hermann Hoppe, «Desocialization in a United Germany», *Review of Austrian Economics* 5, no. 2 (1991); Murray N. Rothbard, *Power and Market* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977) особ. стр. 172-89; Ludwig von Mises, *Bureaucra-*

В-четвертых, при режиме частной собственности лицо, владеющее ресурсом, может самостоятельно определять, что с ним делать. Если он хочет увеличить свое богатство и/или повысить социальный статус, он может сделать это только за счет более эффективного удовлетворения самых насущных потребностей добровольных потребителей за счет использования его имущества. При наличии коллективных факторов производства присутствуют механизмы коллективного принятия решений. Каждое решение о том, что, как и для кого производить, за сколько продавать и кого поощрять или отвергать, – это политическое дело. Любое несогласие должно решаться путем наложения воли одного человека на чужой взгляд, и это неизменно создает победителей и проигравших. Следовательно, если человек хочет подняться по лестнице при социализме, ему нужно прибегнуть к своим политическим талантам. Это не таланты предпринимать, работать и отвечать потребностям потребителей, которые обеспечивают успех. Скорее, только посредством убеждений, демагогии и интриг посредством обещаний, взяток и угроз можно подняться на вершину. Излишне говорить, что эта политизация общества, подразумеваемая любой системой коллективной собственности, еще больше способствует обнищанию.⁵

су (New Rochelle, N.Y.: Arlington House, 1969), особ. гл. 3.

⁵ См. Далее об этом Friedrich A. Hayek, *The Road to Serfdom* (Chicago: University of Chicago Press, 1944), особенно глава. 10; также *The Politicization of Society*, Kenneth S. Templeton, ed. (Indianapolis, Ind.: Liberty Fund, 1979). Здесь следует особо подчеркнуть, что, вопреки широко распространенному мнению, отсутствие демократии, по сути, не имеет ничего общего с неэффективностью социализма. Проблема заключается не в том, по каким правилам выбирают политиков на должность. Дело в политике и принятии политических решений как таковых. Вместо того, чтобы каждый производитель самостоятельно решал, что делать с конкретными ресурсами, как это происходит при режиме частной собственности и контрактации, при обобществлении факторов производства каждое решение требует разрешения коллектива. Для производителя не имеет значения, как выбираются те, кто дает разрешение. Что для него важно, так это то, что разрешение вообще должно быть испрошено. Пока это так, стимулы для производителей к производству снижается, и обнищание будет продолжаться. Таким образом, частная собственность так же несовместима с демократией, как и с любой другой формой политического правления. Напротив, с институтом частной собственности устанавливается «анархия производства», в которой никто никем не управляет, и все отношения производителей являются добровольными и, следовательно, взаимовыгодными.

II

Явное банкротство социализма по всей Восточной Европе с конца 1980-х годов, после семидесяти лет «социальных экспериментов», представляет собой печальную иллюстрацию обоснованности экономической теории. Что за теория, которая давно предсказала этот результат как неизбежный,⁶ может наиболее быстро подняться Восточную Европу из руин социализма? Поскольку главной причиной ее экономического несчастья является коллективная собственность на факторы производства, решение и ключ к процветающему будущему – это приватизация. Однако, как мы должны приватизировать общественную собственность?⁷

Перед ответом на этот вопрос должно предшествовать элементарное, но фундаментальное моральное наблюдение.⁸ Поскольку социализм не может возникнуть без экспроприации активов, первоначально «созданных» и принадлежащих отдельным домохозяйствам, производителям и/или подрядчи-

⁶ См., в частности, Mises, *Socialism*; также *Collectivist Economic Planning*, Friedrich A. Hayek, ed. (London: Routledge and Sons, 1935); Trygve J.B. Hoff, *Economic Calculation in a Socialist Society* (Indianapolis, Ind.: Liberty Fund, 1981).

⁷ В то время как существует огромное количество литературы, посвященной социализации частной собственности, мало написано о том, как ее десоциализировать. Причина такого пренебрежения, как можно предположить, кроется в постоянном явном или неявном пристрастии большинства западных интеллектуалов к социализму. Учитывая это, любое рассмотрение проблемы десериализации должно казаться просто неуместным; ибо зачем кому-либо когда-либо хотеть вернуться от якобы «более высокой стадии социальной эволюции», т.е. социализма, к более низкой, т.е. капитализму? Даже в рамках школы Мизеса в лучшем случае можно найти лишь косвенные советы по этой самой насущной проблеме, стоящей перед народами Восточной Европы. Одно из немногих исключений см. Murray N. Rothbard, «How To Desocialize?» и «A Radical Prescription for the Socialist Bloc», в *The Economics of Liberty*, Llewellyn H. Rockwell, Jr., ed. (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1990); он же, «How and How Not To Desocialize», *Review of Austrian Economics* 6, no. 1 (1992); Jeffrey Herbener, «The Role of Entrepreneurship in Desocialization», *Review of Austrian Economics* 6, no. 1 (1992).

⁸ Об этической теории, лежащей в основе приведенных ниже рассуждений, см. в частности Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty* (New York: New York University Press, 1998); Hans-Hermann Hoppe, *The Economics and Ethics of Private Property* (Boston: Kluwer, 1993).

кам, всякая социалистическая собственность, с самого начала порожденная «плохими» методами, должна быть конфискована. Ни одно правительство, даже если оно свободно избирается, не может считаться владельцем какой-либо социалистической собственности, поскольку наследник преступника, даже если он невиновен, не становится законным владельцем незаконно приобретенных активов. Из-за его личной невиновности он по-прежнему освобождается от судебного преследования, но все его «унаследованные» выгоды должны немедленно возвращаться к первоначальным жертвам, и возвращение социалистической собственности должно происходить без обязанности ими выплачивать что-либо.⁹

Более конкретно, все оригинальные владения собственностью должны быть немедленно распознаны, независимо от того, кто в настоящее время имеет это владение. Поскольку претензии первоначальных частных владельцев или их наследников сталкиваются с претензиями пользователей текущих активов, первые должны заместить последних. Только если текущий владелец сможет доказать, что требование первоначального владельца-наследника является незаконным, то есть что право собственности на указанное имущество первоначально было приобретено принудительным или мошенническим способом, только тогда он должен быть признан законным владельцем.¹⁰

⁹ Эмпирически, конечно, именно это в основном и делали посткоммунистические правительства. Особенно примечателен в этом отношении случай Германии. После воссоединения Германии в 1991 году (консервативное) правительство Германии при поддержке верховного суда отказалось возвращать какую-либо собственность, которая была экспроприирована с 1946 по 1949 год под советско-российским руководством в бывшей Восточной Германии (более 50 процентов всех земель, используемых в сельском хозяйстве!), ее первоначальным владельцам. Вместо этого правительство продало эту землю своим привилегированным «клиентам», в число которых во многих случаях входили бывшие коммунистические экспроприаторы, ставшие капиталистами. Напротив, по сей день первоначальные владельцы или их наследники не получили ни копейки компенсации.

¹⁰ В тех случаях, когда нынешние пользователи фактически купили экспроприированные активы у правительства, они должны требовать компенсации от тех, кто ответственен за эту продажу, а правительственные чиновники, ответственные за это, должны быть вынуждены возместить стоимость покупки. По вопросу о преступном

Что касается социалистической собственности, владение на которую нельзя восстановить таким образом, следует реализовать синдикалистские идеи; то есть собственность на активы должна быть немедленно передана тем, кто их использует, – сельскохозяйственные угодья фермерам, фабрики рабочим, улицы уличным рабочим и жителям, школы учителям, бюро бюрократам, и т. д.¹¹ Чтобы разбить таким образом сверхогромные социалистические конгломераты производства, синдикалистский принцип должен применяться к тем производственным единицам, в которых фактически осуществляется работа данного человека, т.е. к отдельным офисным зданиям, школам, улицам или кварталам улиц, фабрикам и фермам. В отличие от синдикализма, но с исключительной важностью, приобретенные таким образом доли собственности должны быть свободно продаваемыми, а фондовый рынок должен быть создан таким образом, чтобы обеспечить четкое разделение функций собственников-капиталистов и неимущественных работников и организовать плавную и непрерывную передачу активов от

владении, реституции, бремени доказывания и другим смежным вопросам см. Rothbard, *The Ethics of Liberty*, esp. главы 9-11; Hans-Hermann Hoppe, *Eigentum, Anarchie und Staat* (Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987), особенно гл. 4.

¹¹ Ссылка на «синдикалистские идеи» здесь не должна быть истолкована как одобрение программы синдикализма. См. также следующее примечание 12. Напротив, синдикалистский лозунг «железные дороги – железнодорожникам, шахты – шахтерам, фабрики – фабрикантам» изначально подразумевался как программа экспроприации предприятий частных капиталистических собственников. «Синдикализм как социализм», – пишет Мизес,

Подобно социализму синдикализм стремится к тому, чтобы устранить отчуждение работника от средств производства, правда, иными методами. Не все работники станут владельцами всех средств производства; работники конкретного этого предприятия или отрасли получают средства производства именно этого производства или отрасли. (*Socialism*, стр. 240)

Использование синдикалистских идей здесь предлагается с прямо противоположным эффектом, т.е. как средство приватизации ранее обобществленных факторов производства в тех случаях, когда не выявлен первоначальный частного владельца этих факторов. Кроме того, этическое обоснование применения синдикалистского лозунга в этих — и только в этих — случаях заключается в том, что такая схема приватизации наиболее близко соответствует методу, описанному Джоном Локком о первом (первоначальном) справедливом присвоении ранее не принадлежащих ре-

менее до более продуктивных рук.¹²

С этой приватизационной стратегией связаны две проблемы. Во-первых, что должно быть сделано в случае возведенных структур, которые согласно предлагаемой схеме будут принадлежать их нынешним производительным пользователям, но построенными на земле, которая должна вернуться к другому первоначальному владельцу? Хотя это может показаться достаточно простым, нужно присудить каждому дей-

сурсов. Железнодорожники фактически «смешали свой труд» с железными дорогами, а шахтеры – с шахтами. Следовательно, их притязания на эти ресурсы должны считаться более обоснованными, чем у кого-либо другого.

¹² Согласно первоначальной синдикалистской программе, целью которой является окончательная отмена отделения рабочего от средств производства [см. примечание 11 выше], любая торговля или продажа рабочим своей «доли собственности» должна быть исключена. «Если синдикалистская реформа должна значить что-то большее, чем простое перераспределение производительных благ», – объясняет Мизес,

тогда нельзя допустить сохранения капиталистической организации собственности на средства производства. Придется изъять из оборота производительные блага. Придется запретить отдельным гражданам отчуждение выделенных им долей в средствах производства. При синдикализме эта долевая собственность будет намного более тесно связана с личностью владельца, чем в либеральном обществе. (*Socialism*, стр. 242)

По сути, при синдикализме рабочий не является «собственником» в обычном смысле этого слова; ведь собственность, как отмечает Мизес, «всегда находится там, где находится власть распоряжаться ею». ... Частная собственность существует только там, где человек может распоряжаться своей частной собственностью на средства производства так, как он считает наиболее выгодным». (стр. 244-45) На самом деле, если бы рабочим разрешили распоряжаться своими долями, условия быстро вернулись бы к раннему капиталистическому *статус-кво* с четким разделением собственников-капиталистов (собственность) с одной стороны и рабочих (труд) с другой. Однако если такое не разрешить, объясняет Мизес, то возникают непреодолимые трудности, если только нереалистично предположить, что

не будет никаких изменений ни в методах производства, ни в структуре спроса и предложения, ни в технике, ни в населении, тогда все окажется в полном порядке. ... Если изменения в направлении и объеме спроса или в технике производства вызывают изменения в структуре производства, которые требуют перевода работников из одного концерна в другой или из одной отрасли производства в другую, немедленно возникает вопрос, что делать с долями этих работников в средствах производства. Нужно ли позволить рабочим и их наследникам сохранить право собственности на долю в тех предприятиях, на которых они трудились в начальный момент синдикализации, а на других производствах быть простыми работниками, получающими свой заработок и не имеющими никакого права на долю в

ствующему производителю равную долю собственности,¹³ но сколько акций должно быть у владельца земли? Постройки и земля не могут быть физически разделены. Что касается экономической теории, то они являются абсолютно специфическими факторами производства, относительный вклад которых в их совместный ценный продукт нельзя определить. В этом случае нет альтернативы, кроме как заключить сделку.¹⁴ Это, в отличие от первого впечатления, что это может привести к постоянному, неразрешимому конфликту, вряд ли вызовет много головной боли, так как неизменно существуют только две стороны и строго ограниченные ресурсы, задействованные в таком споре. Более того, найти быстрый, взаимоприемлемый компромисс в интересах обеих сторон, и, если какая-либо сторона обладает более слабой переговорной позицией, то это явно землев-

доходе? Либо при таком переходе у них следует отбирать прежнюю долю и наделять их новой собственностью на средства производства на новом предприятии, равной тому, чем владеют новые коллеги? Любое решение ведет к быстрому разрушению принципов синдикализма. ... Если работник при переходе с места на место будет менять одновременно и свою долю в средствах производства, тогда те работники, кому предстоит потерять от такого перехода, будут, вполне естественно, со всей энергией сопротивляться любому изменению производства. Внедрение новинок, ведущих к повышению производительности труда, будет встречено сопротивлением, если оно чревато перемещением работников с места на место. В то же время работники каждого производства или отрасли будут сопротивляться любым изменениям, влекущим за собой появление новых работников и как следствие сокращение дохода от собственности. Короче говоря, синдикализм сделает практически невозможным любое изменение производства. Там, где он воцарится, не может быть и речи об экономическом прогрессе. (стр. 242-44)

См. дальше о синдикализме Mises, *Human Action*, гл. 23; он же, *Money, Method, and the Market Process* (Boston: Kluwer, 1990), гл. 18.

¹³ Вместо присуждения равных долей собственности всем нынешним производителям, для торжества справедливости на самом деле было бы предпочтительнее присуждать неравные доли в соответствии со временем, которое работник отработал в данной производственной единице. Это также позволило бы включить ныне вышедших на пенсию работников в предлагаемую схему приватизации и тем самым решить так называемую пенсионную проблему.

¹⁴ Об экономической теории торга см. Rothbard, *Man, Economy, and State*, стр. 308-12; также Mises, *Human Action*, стр. 336.

ладелец (потому что он не может продать землю без согласия владельца структуры, в то время как он может демонтировать структуру без разрешения землевладельца).

Во-вторых, стратегия синдикалистской приватизации означает, что производители в капиталоемких отраслях будут иметь относительное преимущество по сравнению с теми, кто работает в трудоемких отраслях. Стоимость акций, полученных первым, превысит богатство, присуждаемое последним, и это неравное распределение богатства потребует оправдания. На самом деле это легко обосновать. Вопреки широко распространенным «либеральным» (т.е. социал-демократическим) убеждениям, нет ничего с этической точки зрения плохого в отношении неравенства.¹⁵ Действительно, проблема приватизации ранее социализированной собственности почти полностью аналогична проблеме установления частной собственности в «состоянии природы», т.е. когда ресурсы ранее никем не использовались. В этой ситуации, согласно центральной идее Локка о естественных правах, которая совпадает с естественным чувством справедливости большинства людей, частная собственность устанавливается посредством акта гомстеда: смешивания своего труда с ресурсами, данными природой, прежде чем кто-либо еще это сделает.¹⁶ Поскольку существу-

¹⁵ См. Murray N. Rothbard, *Egalitarianism As a Revolt Against Nature and Other Essays* (Washington, D.C.: Libertarian Review Press, 1974); также: Robert Nozick, *Anarchy, State, and Utopia* (New York: Basic Books, 1974), гл. 8; Helmut Schoeck, *Envy: A Theory of Social Behavior* (New York: Harcourt, Brace and World, 1970); он же, *Das Recht auf Ungleichheit* (Munich: Herbig, 1979); он же, *Ist Leistung Unanständig?* (Osnabrueck: Fromm, 1978); Erik von Kuehnelt-Leddihn, *Liberty or Equality* (Front Royal, Va.: Christendom Press, 1993).

¹⁶ См. John Locke, *Two Treatises of Government*, книга 2, секция 27, где он писал:

Хотя земли и все низшие существа принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что труд его тела и работа его рук по самому строгому счету принадлежат ему. Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим трудом и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей собственностью. Так как он выводит этот предмет из того состояния общего владения, в которое его

ют разнообразные различия между качеством природных ресурсов, результат «этического» гомстеда скорее будет неравенством, чем равенством. Синдикалистский подход к приватизации – это просто применение этого принципа гомстеда к слегка изменившимся обстоятельствам. Социализированные факторы производства уже укомплектованы частными людьми. Только их имущественное право в отношении конкретных производственных факторов до сих пор игнорировалось, и все, что произойдет в рамках предлагаемой схемы, заключается в том, что эта неоправданная ситуация, наконец, будет устране-

поместила природа, то благодаря своему труду он присоединяет к нему что-то такое, что исключает общее право других людей. Ведь, поскольку этот труд является неоспоримой собственностью трудящегося, ни один человек, кроме него, не может иметь права на то, к чему он однажды его присоединил, по крайней мере в тех случаях, когда достаточное количество и того же самого качества [предмета труда] остается для общего пользования других.

См. также примечание 11 выше. Чтобы предотвратить любое недопонимание, одобрение Локка здесь относится исключительно к его центральной идее «гомстеда». Это не включает в себя одобрение первого утверждения только что процитированного отрывка, пресловутой «оговорки», которая завершает этот отрывок. Напротив, первое утверждение относительно «общего» владения природой требует ненужных и необоснованных теологических предпосылок. До акта первоначального присвоения природа является и должна рассматриваться как просто бесхозная. Таким образом, оговорка явно не согласуется с основной идеей Локка и должна быть отменена. Смотрите также об этом Richard A. Epstein, *Takings* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985), стр. 10-12. Из отказа от исходной посылки Локка следует, что критика локковской теории первоначального присвоения, такая как критика Герберта Спенсера в «Социальной статике», гл. 9-10, также должна быть отвергнута как несостоятельная. Спенсер соглашается с исходной оговоркой Локка, но на основании этого делает вывод, что она запрещает любую частную собственность на землю. Земля, по словам Спенсера, может быть арендована у «общества» только путем уплаты «арендной платы за землю» за ее использование. Для критики этого предложения и аналогичных предложений, сделанных Генри Джорджем и его последователями, см. Rothbard, *Power and Market*, стр. 122-35.

Сторонников современных вариантов оговорки Локка и/или земельного эгалитаризма Спенсера см. в Nozick, *Anarchy, State, and Utopia*, стр. 178ff., и Hillel Steiner, «The Natural Right to the Means of Production», *Philosophical Quarterly*, 27 (1977); опровержение этих теоретических вариантов как самопротиворечивых см. в Jeffrey Paul, «Historical Entitlement and the Right to Natural Resources», в *Man, Economy and Liberty. Essays in Honor of Murray N. Rothbard*, Walter Block and Llewellyn H. Rockwell, Jr., eds. (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1988), и Fred D. Miller, «The Natural Right to Private Property», в *The Libertarian Reader*, Tibor R. Machan, ed. (Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield, 1982).

на. Если такое исправление приводит к неравенству, то это не более несправедливо, чем неравенства, которые возникают в случае присвоения природных благ.¹⁷

Более того, наше синдикалистское предложение экономически более эффективно, чем единственная мыслимая альтернатива приватизации, соответствующая основному требованию справедливости (признание того, что правительство не является законным владельцем социализированной экономики; следовательно, о ее продаже или аукционе не может быть и речи). Согласно последней альтернативе, все население получит равные доли во всех активах страны, не возвращенных первоначальным, экспроприированным собственником. Помимо сомнительного морального качества такой политики,¹⁸ она была бы крайне неэффективной. Во-первых, для того чтобы такие распределенные по стране акции стали пригодными для торговли правами собственности, они должны указывать, к какому конкретно ресурсу они относятся. Поэтому для реализации данного предложения, во-первых, потребуется полная инвентаризация всех активов страны, или, по крайней мере, инвентаризация всех ее отличительно делимых производственных единиц. Во-вторых, даже если бы такая опись была наконец собрана, ее владельцы в большинстве своем состояли бы из людей, которые практически ничего не знают об активах, которыми они владеют. В отличие от этого, при неэгалитарной схеме синдикалистской приватизации инвентаризация

¹⁷ Наиболее последовательную и полную локковскую теорию прав собственности см. в Rothbard, *The Ethics of Liberty*; он же, «Law, Property Rights, and Air Pollution» в он же, *The Logic of Action Two* (Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1997); теоретическое обоснование принципа гомстеда, в частности, как неоспоримого аксиоматического фундамента этики см. в Норре, *Eigentum, Anarchie und Staat*, гл. 4; он же, *A Theory of Socialism and Capitalism*, гл. 2 и 7; он же, *The Economics and Ethics of Private Property*, главы 8-11, и приложение.

¹⁸ Как можно оправдать присвоение права собственности на производственные активы без учета действий или бездействия конкретного человека по отношению к принадлежащему ему активу? Более конкретно, как можно обосновать, что тот, кто не внес буквально никакого вклада в существование или поддержание конкретного актива и даже может не знать о существовании такого актива, владеет им так же, как и тот, кто активно и объективно внес вклад в его существование или поддержание?

не требуется. Более того, первоначальное право собственности переходит исключительно к лицам, которые, в силу своего производственного участия в работе с принадлежащими им активами, в большинстве своем лучше всего информированы, чтобы сделать первую реалистичную оценку этих активов.¹⁹

В соответствии с этой конституцией, все существующие меры регулирования заработной платы и цен, все регуляции собственности и требования к лицензированию, а также все ограничения на импорт и экспорт должны быть немедленно отменены и должна быть введена полная свобода договора, занятости, торговли и миграции. Впоследствии правительство, которое теперь не имеет собственности, должно объявить свое постоянное существование неконституционным, поскольку оно зависит от неконтрактных приобретений собственности, то есть налогообложения, и отречься.²⁰

III

Результатом этой полной отмены социализма и создания чистого общества частной собственности – анархии владельцев частной собственности, регулируемой исключительно законом о частной собственности, будет самый быстрый способ восстановления экономики в Восточной Европе. Уже изначально население в целом было бы удивительно богатым, потому что,

¹⁹ О принципе соразмерности наказания см. Rothbard, *The Ethics of Liberty*, гл. 13; Hoppe, *Eigentum, Anarchie und Staat*, стр. 106-28; Stephan Kinsella, «Punishment and Proportionality: The Estoppel Approach», *Journal of Libertarian Studies* 12, no. 1 (1996); он же, «Inalienability and Punishment», *Journal of Libertarian Studies* 14, no. 1 (1999); о принципе строгой ответственности также, Richard A. Epstein, «A Theory of Strict Liability», *Journal of Legal Studies* 2 (January 1973); также он же, *Medical Malpractice: The Case for Contract* (Burlingame, Calif.: Center for Libertarian Studies, Occasional Paper Series No. 9, 1979); Judith J. Thomson, *Rights, Restitution, and Risk* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986), особ. главы 12 и 13.

²⁰ Об этике и экономике безгосударственных обществ см. Murray N. Rothbard, «Society Without a State», в *Anarchism* (Nomos XIX); Roland Pennock and John W. Chapman, eds. (New York: New York University Press, 1978); он же, *For A New Liberty* (New York: Collier, 1978); Bruce Benson, *The Enterprise of Law: Justice Without the State* (San Francisco: Pacific Institute, 1991).

хотя экономики Восточной Европы находятся в руинах, страны все еще не разрушены. Ценность недвижимости высока, и, несмотря на весь объем потребления капитала в прошлом, все еще существуют огромные объемы средств производства. Без государственного сектора и всего национального богатства в частных руках люди Восточной Европы вскоре могут стать предметом зависти среди своих западноевропейских коллег.

Более того, освобождение средств производства от политического контроля и передача их частным лицам, которым разрешено использовать их по своему усмотрению, пока они физически не наносят ущерб ресурсам, принадлежащим другим, является основным стимулом для будущего производства. С неограниченным рынком капитальных товаров становится возможным рациональный учет затрат. С прибылью, а также потерями, индивидуализированными и отражаемыми в капитале владельца и счете продаж, возникает максимальный стимул каждого отдельного производителя увеличивать количество и/или качество его продукции и избежание чрезмерного или недостаточного использования капитала. В частности, конституционное положение, в котором защищена только физическая целостность имущества (не ценность имущества), гарантирует, что каждый владелец будет предпринимать наибольшие усилия по содействию благоприятным изменениям ценностей собственности и предотвращению обесценивания (что может быть результатом действий другого лица в отношении его имущества).

В частности, отмена всех ценовых регуляций практически мгновенно устраняет весь существующий дефицит, и выпуск продукции начнет немедленно расти как в количественном, так и в качественном отношении. Безработица на время бы резко увеличивалась, но с гибкими ставками заработной платы, без коллективных переговоров и без субсидий на безработицу, она так же быстро бы исчезла. Первоначально средние ставки заработной платы оставались бы существенно ниже западных ставок, но это тоже изменится. Из-за сравнительно небольших ставок заработной платы и статуса свободной гавани без налогов и регуляций, большое количество инвесторов и огромный

объем капитала начнут поступать немедленно.

Производство безопасности – защиты полицией и судебной системой, которая обычно считается лежащей вне компетенции свободных рынков и являющейся надлежащей функцией правительства, скорее всего, будет передана крупными западными страховыми компаниями.²¹ Предоставление страхования на личную собственность, полицейская деятельность (предупреждение и выявление преступности, а также взыскание компенсации) фактически является частью «естественного» бизнеса этой отрасли (если бы не правительства, препятствующие страховщикам делать это и присваивая эту задачу самим себе, со всей обычной и знакомой неэффективностью, возникающей в результате такой монополизации). Аналогичным образом, находясь в бизнесе разрешения арбитражных конфликтов между заявителями конкурирующих страховщиков, страховая компания, естественно, будет выполнять функции судебной системы.

Но более важным, чем вход крупного бизнеса, например, страховых компаний в сферу безопасности, является то, что возникнет приток большого числа мелких предпринимателей, в частности из Западной Европы. Столкнувшись с тяжелым налоговым бременем в государствах всеобщего благосостояния Западной Европы, а также сдерживанием бесчисленными правилами (лицензионными требованиями, законами о защите труда, установленными рабочими и торговыми часами), нерегулируемая экономика частной собственности в Восточной Европе была бы почти неотразимой привлекательностью. Вскоре крупномасштабный приток предпринимательских талантов и капитала начнет поднимать реальные ставки заработной платы, стимулировать внутренние сбережения и приведет к быстрому ускорению процесса накопления капитала. Вместо того,

²¹ Об экономике конкурентного частного производства безопасности см. Gustave de Molinari, *The Production of Security* (New York: Center for Libertarian Studies, 1977); Rothbard, *Power and Market*, гл. 1; он же, *For A New Liberty*, гл. 12; Morris and Linda Tannehill, *The Market For Liberty* (New York: Laissez Faire Books, 1984); Hans-Hermann Hoppe, *The Private Production of Defense* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998); см. также Benson, *The Enterprise of Law*.

чтобы идти с Востока, миграция происходила бы в обратном направлении, причем все большее число западноевропейцев отказывались бы от всеобщего благосостояния ради неограниченных возможностей, предлагаемых на Востоке. Наконец, столкнувшись с растущими потерями производительных лиц, что еще больше повлияло бы на их бюджеты благосостояния, власти Западной Европы будут вынуждены начать десоциализацию.²²

²² Вряд ли нужно упоминать, что фактический курс на десоциализацию в Восточной Европе с 1989 года проходил в несколько ином русле, чем те, которые предлагаются здесь (см. также примечание 9 выше). И это не должно быть неожиданностью.

Несмотря на драматические потрясения, произошедшие с 1989 года, размеры правительств Восточной Европы с точки зрения персонала и владения ресурсами по-прежнему огромны, даже по и без того высоким западным стандартам. Кроме того, правительственный персонал на местном, провинциальном и федеральном уровнях по-прежнему состоит в основном из тех же лиц, что и до 1989 года, и многие из посткоммунистических политических лидеров Восточной Европы были уже достаточно видными и занимали видные посты при коммунистическом правлении. Для большинства из них классическо-либеральные и либертарианские идеи были просто неслыханны, но они были слишком хорошо знакомы с понятиями государства всеобщего благосостояния. Более того, если бы либерально-либертарианские предписания мгновенной и полной приватизации всей коллективной собственности, изложенные выше, были приведены в действие, все государственные должности немедленно исчезли бы. Государственные служащие были бы брошены на произвол рынка и вынуждены были бы искать новые, производительные профессии. В качестве альтернативы, если бы западноевропейская модель государства всеобщего благосостояния была принята за образец, а восточные бюрократии взяли бы под контроль необратимую тенденцию к десоциализации и таким образом контролировали и регулировали приватизацию «не жизненно важных» частей своих огромных запасов ресурсов (вплоть до западного уровня, но не ниже), большинство рабочих мест бюрократов не только было бы сохранено, но и доходы правительства и зарплаты бюрократов могли бы увеличиться. Кроме того, из-за интересов западных правительств в «упорядоченном» переходе от социализма к этатизму всеобщего благосостояния, восточные бюрократии и лидеры, принимающие такой курс реформ, могли рассчитывать на то, что по крайней мере часть связанных с ним рисков возьмут на себя или профинансируют их западные партнеры. Кроме того, в коммунистическую эпоху сотрудничество между Востоком и Западом было крайне ограниченным. В результате неэффективности социалистического производства. Восточная Европа была неспособна продавать Западу что-либо, кроме сырья и основных потребительских товаров, и на западные сделки с Восточным блоком обычно приходилось менее пяти процентов внешней торговли. Иностранная собственность в Восточной Европе была, по сути, объявлена вне закона. Ни одна восточная валюта не была свободно конвертируемой в западные валюты, и даже политические контакты были сравнительно редки. Однако с крахом коммунизма восточноевропейским правительствам было что предложить. Конечно, объем торговли между Западом и Востоком

IV

Постскрипtum: о приватизации в
государствах всеобщего благосостояния

Хотя из вышеизложенных соображений должно быть ясно, почему с точки зрения морали, а также экономической точки зрения западные государства всеобщего благосостоя-

по-прежнему невелик, а после революционных потрясений в Восточной Европе он даже упал. Но без догмы о том, что «социальное» означает коллективную собственность на факторы производства, часть национализированного богатства Восточной Европы внезапно оказалась на виду; и с восточными правительствами, контролирующими процесс денационализации, западные политические лидеры – и связанные с правительством банкиры и крупные бизнесмены – немедленно расширили контакты со своими восточными коллегами. В обмен на помощь Запада на переходном этапе восточные правительства теперь имели реальные активы для продажи. Кроме того, Восток мог бы заверить нетерпеливых западных покупателей в том, что с самого начала структура налогообложения и регулирования новых развивающихся экономик Восточной Европы будет согласована со стандартами Европейского сообщества. Самое главное, правительства восточных стран могли бы гарантировать, что новая банковская система Восточной Европы будет создана по знакомым западным образцам, с центральным банком, контролируемым правительством, банковским картелем с частичным резервированием частных коммерческих банков и конвертируемыми фиатными деньгами, обеспеченными резервами западных фиатных валют, что позволит западной банковской системе инициировать скоординированную на международном уровне кредитную экспансию и, таким образом, установить денежно-кредитную и финансовую гегемонию над недавно сформировавшимися восточноевропейскими экономиками.

Таким образом, сегодня, спустя десятилетие после краха социализма, страны Восточной Европы находятся на пути к западному этатистскому государству всеобщего благосостояния («социал-демократии»). Из-за частичной приватизации и ликвидации большинства (хотя и не всех) механизмов контроля за ценами экономические показатели Восточной Европы, безусловно, улучшились по сравнению с прежними отчаянными показателями. Это улучшение, в свою очередь, принесло свои плоды на Западе в виде роста экономической интеграции: расширения рынков, расширения и интенсификации разделения труда и увеличения объема взаимовыгодной международной торговли. Однако из-за ограниченных масштабов приватизации и постепенной стратегии реформ процесс восстановления на Востоке был болезненно медленным, что привело к, казалось бы, постоянной массовой безработице и быстрой денежной инфляции и валютным кризисам. Более того, поскольку средний размер правительства в странах Восточной Европы все еще значительно больше, чем в полусоциалистических странах Западной Европы, экономический прогресс в Восточной Европе и стимул, полученный таким образом для западных экономик, будут лишь временными, и экономическое восстановление и экспансионизм, вероятно, скоро сменятся стагнацией на Западе и – на постоянно более низком уровне – на Востоке.

ния требуют столь же тщательной реформы, как и бывшие социалистические страны Восточной Европы, важно отметить, что *метод* приватизации должен быть разным в обоих случаях. Стратегия синдикалистской приватизации, предложенная для бывших социалистических стран, применяется, как можно вспомнить, только в тех случаях, когда не существует идентифицируемого ранее экспроприированного частного владельца или наследника обобщенных факторов производства. Если такой владелец-наследник может быть идентифицирован, то он должен быть вновь установлен как частный владелец. Если и только если такой владелец или наследник не существует, можно просто установить нынешних и/или прошлых пользователей обобщенных производственных средств в качестве их частных собственников, поскольку они и только они тогда являются объективными, т.е. интерсубъективно определяемыми, владельцами ресурсов. Только они, из всех людей, *де-факто* обосновали владение средствами производства, о которых идет речь. Таким образом, только претензия на их собственность может иметь «реальную» (объективную) основу.

По этой же логике не было бы никакого «реального» фундамента для того, чтобы общественную собственность государства всеобщего благосостояния западного мира назначили работникам государственного сектора, т.е. так называемым государственным служащим, по линии синдикалистского лозунга «государственные школы для учителей, университеты для профессоров, почтовые отделения для почтовых работников, общественные земли для бюрократов из Бюро земельного управления, здания суда и полицейские участки для судей и полицейских и т.д.». Действительно, сделать это было бы не что иное, как моральный произвол, даже в случае, когда «общественная» собственность не является результатом прежней экспроприации у какого-либо бывшего частного владельца этого имущества с помощью власти правительства (в этом случае имущество должно быть просто возвращено первоначальному владельцу или наследнику). Даже в этом случае всякая «общественная» собственность по-прежнему является результатом какой-то формы экспроприации, и, хотя надлежащая иденти-

фикация жертв этой экспроприации сложнее, чем при явной экспроприированной собственности, она не является совсем невозможной. В любом случае очевидно, что государственные служащие, как правило, не входят в число жертв. Следовательно, у этих людей есть наименее обоснованные претензии к частной собственности на это имущество.

Все здания и сооружения, находящиеся в государственной собственности, финансировались за счет налогов, а неразвитые общественные земли — это результат, основанный на принудительной политике, запрещающей частное присвоение и развитие природы и природных ресурсов. Следовательно, налогоплательщики в соответствии с их уплаченными налогами должны иметь право на общественные здания и сооружения, а незастроенные государственные земли просто должны быть открыты для частного присвоения. Имейте в виду, что государственные служащие *не являются налогоплательщиками* (хотя в публичном дискурсе они часто считают себя таковыми). Скорее, их чистая прибыль обычно выплачивается из налогов, уплачиваемых другими лицами, работающими в частном секторе экономики. Государственные служащие являются *налоговыми потребителями* (как и получатели пособий)²³; следовательно, государственные служащие, а также получатели социальных пособий должны быть исключены из частной собственности в бывших общественных зданиях и структурах.²⁴ Как государственные служащие, так и получатели социальных пособий живут за счет налоговых платежей других людей, и это будет

²³ См. об этом также гл. 4, особ. примечание 15.

²⁴ Безусловно, в такой схеме приватизации возникнет ряд сложностей. Чтобы определить доли собственности, предоставленные различным лицам в зданиях и сооружениях, в настоящее время «принадлежащих» местным, региональным и федеральным правительствам, эти лица должны будут предоставить документацию о своих прошлых платежах местных, региональных и федеральных налогов соответственно, и в каждом случае прошлые полученные социальные выплаты должны быть вычтены из уплаченных налогов, чтобы получить цифру суммы уплаченных чистых налогов. В полностью приватизированном рыночном обществе задачу поиска детального решения этой проблемы обычно берут на себя частные бухгалтеры, юристы и арбитражные агентства, финансируемые прямо или косвенно – безвозмездно – отдельными заявителями.

оскорблением, если они вместо тех, кто выплатил свои деньги на общественные здания и структуры, должны будут обладать правом владения этими зданиями и сооружениями. Что касается незанятых общественных земель, доступных для частной хозяйственной обработки, каждый общественный управляющий землями должен быть исключен по той же причине, так как он занимается охраной этой земли от занятия кем-либо. Ему может быть разрешено занять *другие* общественные земли, которые ранее охранялись от частного занятия *другими* правительственными агентами. Но позволить ему взять участки, которые он сам охранял, даст ему преимущество перед другими потенциальными хозяевами, было бы несправедливо из-за того факта, что именно он за деньги налогоплательщиков ранее удерживал этих же налогоплательщиков от этой земли.

§7

О свободной иммиграции и принудительной интеграции

I

Классический аргумент в пользу свободной иммиграции работает следующим образом: при прочих равных условиях предприятия переходят в низкооплачиваемые районы, а труд переходит в высокодоходные районы, что вызывает тенденцию выравнивания ставок заработной платы (для одного и того же вида занятости), а также оптимизирует размещение капитала. Приток мигрантов в область с высоким уровнем заработной платы снизит *номинальную* ставку заработной платы. Однако он не снизит *реальные* ставки заработной платы, *если* население окажется ниже своего оптимального размера. Напротив, если это так, произведенная продукция будет увеличиваться сверхпропорционально, а реальные доходы фактически возрастут. Таким образом, ограничения на иммиграцию будут наносить ущерб защищенным работникам *как* потребителям *больше*, чем они приобретают *через* производство. Более того, ограничения на иммиграцию увеличат «бегство» капитала за рубеж (экспорт капитала, который в противном случае мог бы остаться), все еще вызывая выравнивание ставок заработной платы (хотя и несколько медленнее), но приводя к менее оптимальному распределению капитала, тем самым время мировым жизненным стандартам.¹

¹ «Закон миграции и размещения», – объясняет Людвиг фон Мизес,

позволяет нам сформировать точную модель относительного перенаселения. Мир или изолированная страна, из которой невозможна эмиграция, следует рассматривать как перенаселенную в абсолютном смысле, когда оптимум численности населения — та точка, за которой увеличение числа людей означало бы не увеличение, а снижение благосостояния — превышен. Страна является относительно перенаселенной, когда из-за большой численности населения работа идет при менее благоприятных условиях производства, чем в других странах, так что, *ceteris paribus*, одинаковое прило-

Кроме того, традиционалистские профсоюзы, и в настоящее время защитники окружающей среды выступают против свободной иммиграции, и это должно с первого взгляда считаться еще одним аргументом в пользу политики свободной иммиграции.²

II

Как указано, приведенный выше аргумент в пользу свободной иммиграции неопровержим. Было бы глупо нападать на него, так же, как было бы глупо отрицать, что свободная торговля ведет к более высоким жизненным стандартам, чем протекционизм.³

Было бы также неверным нападать на вышеупомянутый случай свободной иммиграции, указывая на то, что из-за существования государства всеобщего благосостояния иммиграция стала в значительной степени иммиграцией бенефициаров, которые не увеличивают, а уменьшают средний уровень жизни даже если размер населения, например, находится ниже ее оптимальной точки популяции. Это не аргумент против иммиграции, а аргумент против государства всеобщего благосо-

жение капитала и труда дает там меньший объем продукции. При полной мобильности людей и товаров относительно перенаселенные территории будут отдавать излишки своего населения другим территориям до тех пор, пока эта диспропорция не исчезнет, (Nation, State, and Economy [New York: New York University Press, 1983], стр. 58).

См. также он же, *Human Action: A Treatise on Economics*, Scholar's Edition (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998), стр. 620-24; Murray N. Rothbard, *Power and Market: Government and the Economy* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977), стр. 52-55.

² О контрпродуктивном влиянии профсоюзов см. William H. Hutt, *A Theory of Collective Bargaining* (Washington, D.C.: Cato Institute, 1980); он же, «Trade Unions: The Private Use of Coercive Power», *Review of Austrian Economics* 3 (1989); Morgan O. Reynolds, *Making America Poorer: The Cost of Labor Law* (Washington, D.C.: Cato Institute, 1987); об экологическом движении см. Llewellyn H. Rockwell, Jr., *The Anti-Environmental Manifesto* (Burlingame, Calif.: Center for Libertarian Studies, 1993); Larry Abraham, *The Greening: The Environmentalists' Drive for Global Power* (Phoenix, Ariz.: Double A Publications, 1993).

³ См. об этом гл. 8 ниже.

стояния. Разумеется, государство всеобщего благосостояния должно быть уничтожено полностью. Однако проблемы иммиграции и благосостояния являются аналитически различными проблемами, и к ним следует относиться соответственно.

Проблема с вышеприведенным аргументом заключается в том, что он страдает от двух взаимосвязанных недостатков, которые лишают законности безусловного проиммиграционного заключения и/или дают аргумент, применимый только к крайне нереалистичной ситуации в истории человечества.

Первый недостаток будет затронут лишь поверхностно. Либертарианцам Австрийской школы должно быть ясно то, что состав «богатства» и «благополучия» субъективен. Материальное богатство – это не единственное, что имеет ценность. Таким образом, даже если реальные доходы растут из-за иммиграции, из этого не следует, что иммиграция должна считаться «хорошей», поскольку люди могут предпочесть более низкий уровень жизни и большее расстояние до других людей, нежели более высокий уровень жизни и меньшее расстояние до других людей.⁴

Вместо этого в центре внимания будет второй недостаток. Что касается той или иной территории, в которую люди иммигрируют, то остается неанализируемым то, кто владеет этой территорией. Фактически, для того, чтобы применить приведенный выше аргумент, должно подразумеваться, что территория, о которой идет речь, не принадлежит никому, и что иммигранты входят на девственную. Очевидно, сегодня это уже нельзя предполагать. Если это предположение отбрасывается, проблема иммиграции приобретает совершенно новый смысл и требует фундаментального переосмысления.

III

Для иллюстрации возьмем сначала анархо-капиталистическое общество. Не смотря на убеждение, что такое общество

⁴ См. об этом, в частности, Mises, *Human Action*, стр. 241-44; Murray N. Rothbard, *Man, Economy, and State*, 2 vols. (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1993), стр. 183-200.

является единственным социальным порядком, который можно отстаивать как справедливый, я не хочу объяснять, почему это так.⁵ Вместо этого я буду использовать его в качестве концептуального эталона, поскольку это поможет объяснить фундаментальное заблуждение «современных защитников свободной иммиграции».

Все земли находятся в частной собственности, включая все улицы, реки, аэропорты, гавани и т.д. Владельцу разрешается делать с его имуществом все, что ему заблагорассудится, до тех пор, пока он физически не наносит ущерб имуществу, принадлежащему другим. Что касается территорий, которыми человек владеет частично, титул владения может нести ограниченный характер. Как и в случае с жилищным строительством, владелец может быть связан договорными ограничениями на то, что он может делать со своим имуществом (добровольное зонирование), которое может включать жилое и коммерческое использование зданий не выше четырех этажей, не продаваемых или арендуемых евреям, немцам, католикам, гомосексуалистам, гаитянам, семьям с детьми или без детей, или курильщикам, например.

Ясно, что при таком сценарии нет такой вещи, как свобода иммиграции. Скорее, многие независимые владельцы частной собственности имеют право допускать или исключать других из своей собственности в соответствии с их собственными неограниченными или ограниченными титулами владения. Прием на некоторые территории может быть легким, в то время как другим может быть практически невозможным. Однако в любом случае прием в собственность принимающего лица не означает «свободу передвижения», если другие владельцы собственности не согласятся на такое передвижение. Там будет столько иммиграции или неиммиграции, интеграции или исключительности, десегрегации или сегрегации, недискриминации или дискриминации на основе расовых, этнических, языковых, религиозных, культурных или любых других осно-

⁵ См. об этом Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty* (New York: New York University Press, 1998); Hans-Hermann Hoppe, *The Economics and Ethics of Private Property* (Boston: Kluwer, 1993); также гл. 9, примечание 16.

ваний, сколько допускают отдельные владельцы или ассоциации индивидуальных владельцев.

Обратите внимание, что ни одна из этих, даже самая сильная форма сегрегации, не имеет ничего общего с отказом от свободной торговли и принятием протекционизма. Из того факта, что человек не хочет ассоциироваться или общаться в окрестностях с неграми, турками, католиками или индусами и т.д. не следует, что он не хочет торговать с ними на расстоянии.⁶ Наоборот, именно абсолютная добровольность человеческой ассоциации и разделения – отсутствие какой-либо формы принудительной интеграции делает мирными и свободными отношениями между культурами, расовыми, этническими или религиозно отличающимися людьми.⁷

⁶ Как напоминает нам Людвиг фон Мизес,

даже если бы существовало нечто подобное естественной и врожденной ненависти между расами, оно не сделало бы общественное сотрудничество бесполезным ... Общественное сотрудничество не имеет ничего общего с личной любовью или с общими заповедями любить друг друга. Люди сотрудничают в рамках разделения труда не потому, что они любят или должны любить друг друга. Они сотрудничают постольку, поскольку это лучше всего соответствует их собственным интересам. Не любовь, не милосердие, не какие-либо иные благие чувства, а правильно понятый эгоизм есть то, что изначально побуждает человека приспособливаться к требованиям общества, уважать права и свободы окружающих и заменить вражду и конфликты мирным сотрудничеством. (*Human Action*, стр. 168)

⁷ Вопреки модному ныне мультикультурализму, здесь можно отметить, что ни одно мультикультурное общество, особенно демократическое, никогда не работало мирно и долго. Peter Brimelow, *Alien Nation: Common Sense About America's Immigration Disaster* (New York: Random House, 1995), стр. 124-27, предоставил некоторые недавние доказательства этого. Возвращаясь к настоящему, взгляните на эту историю: *Эритрея*, управляемая Эфиопией с 1952 года, отделилась в 1993 году; *Чехословакия*, основанная в 1918 году, разделилась на чешский и словацкий этнические компоненты в 1993 году; *Советский Союз* разделился на множество этнических компонентов в 1991 году, и многие из этих компонентов находятся под угрозой дальнейшего этнического дробления; *Югославия*, основанная в 1918 году, разделилась на несколько этнических компонентов в 1991 году, и дальнейший распад все еще продолжается; *Ливан*, основан в 1920 году, эффективное разделение на христиан и мусульман (под сирийским господством) с 1975 года; *Кипр*, независим с 1960 года, эффективное разделение на греческие и турецкие территории в 1974 году; *Пакистан*, независим с 1947 года, этнически отличный Бангладеш отделился в 1971 году; *Малайзия*, независима с 1963 года, Сингапур, в котором доминируют китайцы, был исключен в 1965 году. Список продолжается случаями, которые еще не решены *Индия*, сикхи и кашмирцы; *Шри-Ланка*, тамилы; *Турция*, *Ирак*, *Иран*, курды; *Судан*, *Чад* и арабы

IV

В анархо-капиталистическом обществе нет правительства и, соответственно, нет четкого различия между «туземцами» (внутренними гражданами) и иностранцами. Это различие возникает только при создании правительства, т.е. учреждения, которое обладает территориальной монополией на агрессию (налогообложением). Территория, на которой распространяется государственная налоговая власть, становится «внутренней», и все, проживающие за пределами этой территории, становятся иностранцами. Государственные границы (и паспорта) являются «неестественным» (принудительным) учреждением. Действительно, их существование подразумевает двукратное искажение в отношении естественной склонности людей к объединению с другими. Во-первых, «туземцы» не могут исключать правительство (налогоплательщика) из своего собственного имущества и подчиняются тому, что можно было бы назвать «принудительной интеграцией» со стороны правительственных агентов. Во-вторых, чтобы иметь возможность

против черных; *Нигерия* и игбы; *Ольстер*, католики против протестантов; *Бельгия*, фламандцы против валлонов; *Италия*, немецкоязычные южные тирольцы; *Канада*, французы против англичан.

Но разве Швейцария, где собраны немцы, французы, итальянцы и реторманцы не является исключением? Если говорить коротко, то ответ – нет. Все основные полномочия в Швейцарии, в частности, полномочия по решению вопросов культуры и образования (школы), сосредоточены в руках кантонов, а не центрального правительства. При этом почти все 26 кантонов и «полукантонов» этнически однородны. Семнадцать кантонов почти исключительно немецкие, 4 кантона почти исключительно французские и 1 кантон преимущественно итальянский. Только 3 кантона двуязычны, этнический баланс Швейцарии в основном стабилен, и наблюдается лишь ограниченное количество межкантональной миграции. Даже при таких благоприятных обстоятельствах Швейцария пережила неудачную, жестоко подавленную войну за отделение – *Sonderbundskrieg* (Зондербунд) 1847 года. Кроме того, созданию нового, отколовшегося франкоязычного кантона Юра от преимущественно немецкого кантона Берн в 1979 году предшествовали годы террористической деятельности.

О наиболее вероятной генетической основе человеческой тенденции ассоциироваться с «подобными» и отмежевываться от «неподобных», см. J. Philippe Rushton, «Gene-culture, Coevolution, and Genetic Similarity Theory: Implications for Ideology, Ethnic Nepotism, and Geopolitics», *Politics and the Life Sciences* 4 (1986); он же, *Race, Evolution, and Behavior* (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1995).

вторгаться в частную собственность своих субъектов в целях налогообложения, правительство должно всегда иметь контроль над существующими дорогами, и оно будет использовать свои налоговые поступления для производства еще большего количества дорог, чтобы получить еще лучший доступ ко всем потенциальным источникам налогообложения частной собственности. Это перепроизводство дорог не приводит лишь к невинному облегчению межрегиональной торговли (снижению транзакционных издержек) как некоторые экономисты хотели бы, чтобы мы верили, а приводит только к принудительной внутренней интеграции (искусственная десегрегация отдельных местностей).⁸

Более того, с созданием правительства и государственных границ иммиграция приобретает совершенно новый смысл. Иммиграция становится иммиграцией иностранцев через государственные границы, и решение о том, следует ли допускать какое-либо лицо, больше не принадлежит частным владельцам собственности или ассоциациям таких владельцев, а принадлежит *правительству* в качестве окончательного суверена всех местных жителей. Теперь, если правительство исключает человека, в то время как хотя бы один местный житель хочет принять этого самого человека в свою собственность, результатом является *принудительное исключение* (явление, которое не существует при анархизме частной собственности). Кроме того, если правительство принимает человека, в то время как нет ни одного местного жителя, который хочет, чтобы это лицо находилось в его собственности, результатом является *принудительная интеграция* (также отсутствует при анархизме частной собственности).

V

Настало время обогатить анализ введением нескольких

⁸ На самом деле, как отмечает Макс Вебер, *Soziologie, Weltgeschichtliche Analysen, Politik* (Stuttgart: Kroener, 1964), стр. 4, знаменитые дороги Древнего Рима обычно считались скорее чумой, чем преимуществом, потому что это были по сути военными, а не торговыми путями.

«реалистичных» эмпирических допущений. Давайте предположим, что правительство находится в частной собственности. Правитель владеет всей страной в пределах государственных границ. Он непосредственно владеет частью территории (его право собственности не ограничено), и он является частичным владельцем остальной части страны (как арендодатель или остаточный претендент на все владения, принадлежащие гражданам- арендаторам недвижимости, ограниченными некоторыми существующими договорами аренды). Он может продавать и завещать свою собственность, а также может рассчитывать и фиксировать денежную стоимость своего капитала (своей страны).

Традиционные монархии и короли являются наиболее близкими историческими примерами этой формы правления.⁹

Какой будет типичная иммиграционная и эмиграционная политика *короля*? Поскольку он владеет капитальной стоимостью всей страны, он будет склонен выбирать миграционную политику, которая будет сохранять или повышать, а не уменьшать ценность его королевства, предполагая под этим не более чем его личный интерес.

Что касается *эмиграции*, то король хотел бы предотвратить эмиграцию продуктивных субъектов, в частности своих лучших и наиболее продуктивных субъектов, потому что их уход понизит ценность королевства. Так, например, с 1782 по 1824 год закон в Британии запрещал эмиграцию квалифицированных рабочих.¹⁰ С другой стороны, король хотел бы изгнать своих непродуктивных и деструктивных подданных (преступников, бомжей, нищих, цыган, бродяг и т.д.), поскольку их удаление с его территории увеличило бы стоимость его царства. По этой причине Великобритания выслала десятки тысяч преступников в Северную Америку и Австралию.¹¹

⁹ См. об этом также главы 1-3.

¹⁰ См. А.М. Carr-Saunders, *World Population: Past Growth and Present Trends* (Oxford: Clarendon Press, 1936), стр. 182.

¹¹ Там же, стр. 47, оценивает количество преступников, перевезенных таким образом в Северную Америку с 1717 по 1776 год, в 50 000 человек.

С другой стороны, что касается *иммиграционной* политики, король хотел бы не допустить чернь, а также всех людей с низкими производительными возможностями. Люди последней категории будут только временно приняты в качестве сезонных работников без гражданства, и им будет запрещено постоянное владение имуществом. Так, например, после 1880 года большое количество поляков были наняты в качестве сезонных рабочих в Германии.¹² Король разрешил бы только постоянную иммиграцию вышестоящих или по крайней мере людей выше среднего уровня; то есть те, чье проживание в его королевстве увеличило бы его собственную стоимость имущества. Так, например, после 1685 года (с отменой Нантского эдикта) десяткам тысяч гугенотов было разрешено поселиться в Пруссии; точно так же Петр Великий, Фридрих Великий и Мария Тереза позже способствовали иммиграции и расселению большого количества немцев в России, Пруссии и восточных провинциях Австро-Венгрии.¹³

¹² См. там же, стр. 57, 145.

¹³ См. там же, стр. 56-57. Поселение немцев в Восточной Европе фактически началось в XI веке и в целом поощрялось различными региональными славянскими королями и князьями, которые таким образом надеялись способствовать экономическому развитию своих владений. См. Brimelow, *Alien Nation*, стр. 131. Мизес, *Nation, State, and Economy*, стр. 112-13, очень хорошо освещает социальные эффекты и последствия этой миграционной политики в многокультурной империи Габсбургов,

В результате многовековой колонизации городская буржуазия и городская интеллигенция в Австрии и Венгрии преимущественно были немецкими, крупное землевладение было в значительной степени германизировано, и повсюду, даже в центре иноязычной территории, существовали немецкие крестьянские поселения. Вся Австрия внешне носила немецкий отпечаток; повсюду можно было найти немецкое образование и немецкую литературу. Повсюду в империи немцы были также представлены среди мелкой буржуазии, среди рабочих и среди крестьян, хотя во многих районах, особенно в Галиции, во многих частях Венгрии и на прибрежных территориях, немецкое меньшинство среди представителей низших слоев населения было довольно небольшим. Но во всей империи (за исключением верхней Италии) процент немцев среди образованных и среди представителей высших слоев был довольно значительным, и все те образованные люди и преуспевающие буржуа, которые сами не были немцами и не хотели признавать принадлежность к немецкой нации, были немцами по своему образованию, говорили по-немецки, читали по-немецки и, по крайней мере, внешне казались немцами. ... Таким образом, Австрия, несомненно, не была немецкой, но

Короче говоря, хоть и в рамках своей иммиграционной политики король не может полностью избегать всех случаев принудительного исключения или принудительной интеграции, такая политика в целом будет вести к тому же самому, что делали бы владельцы частной собственности, если *они* могли бы решить, кого допустить и кого исключить. То есть король был бы очень избирательным и очень заботился о *повышении* качества человеческого капитала, чтобы повысить стоимость имущества, а не понизить его.

VI

Миграционная политика становится предсказуемо другой после того, как правительство становится общественной собственностью. Правитель больше не владеет капитальной стоимостью страны, а только использует ее в настоящее время. Он не может продать или завещать свою позицию правителя; он просто временный смотритель. Более того, существует «свободное вхождение» в должность временного правителя. В принципе, любой может стать правителем страны.

Появившись в мировом масштабе после Первой мировой войны, демократии показывают исторический пример общественного управления.¹⁴

Какова миграционная политика *демократии*? Опять же предполагая не более чем личный интерес (максимизация де-

политически она носила немецкое лицо. Каждый австриец, который хотел хоть сколько-нибудь интересоваться общественными делами, должен был овладеть немецким языком. Однако для представителей чешского и словенского народов образование и социальный подъем могли быть достигнуты только через германство. У них все еще не было собственной литературы, которая позволила бы им обойтись без сокровищ немецкой культуры. Кто бы ни поднялся, он становился немцем, потому что именно представители высших слоев были немцами. Немцы видели это и верили, что так и должно быть. Они были далеки от желания принудительно германизировать всех не-немцев, но они думали, что это произойдет само по себе. Они верили, что каждый чех и южнославянин попытается, даже в своих собственных интересах, перенять немецкую культуру.

¹⁴ См. об этом также главы 1-3.

нежного и психического дохода: денег и власти), демократические правители стремятся максимизировать *текущий* доход, который они могут присвоить в частном порядке, за счет стоимости капитала, который они *не* могут присвоить в частном порядке. Следовательно, в соответствии с присущим демократии эгалитаризмом «один человек – один голос», они стремятся проводить явно эгалитарную, недискриминационную эмиграционную и иммиграционную политику.

Что касается эмиграционной политики, то это означает, что для демократического правителя не имеет значения, покидают ли страну производительные или непродуктивные люди, гении или бомжи. Все они имеют один равный голос. На самом деле, демократические правители могут быть более обеспокоены потерей бомжа, чем производительного гения. В то время как потеря последнего явно понизит капитальную стоимость страны, а потеря первого может фактически увеличить ее, демократический правитель не *владеет* страной. В краткосрочной перспективе, которая представляет наибольший интерес для демократического правителя, бомж, голосующий, скорее всего, за эгалитарные меры, может быть более ценным, чем продуктивный гений, который, будучи главной жертвой эгалитаризма, с большей вероятностью проголосует *против* демократического правителя.¹⁵ По той же причине, в отличие от короля, демократический правитель мало обязуется активно изгонять тех людей, присутствие которых в стране портит статус (человеческий мусор, который снижает ценность собственности). Фактически, такие негативные факторы, как непродуктивные

¹⁵ Во избежание недоразумений, следует подчеркнуть, что разница между монархическим и демократическо-республиканским правительством в отношении эмиграционной политики не заключается в ограниченной или неограниченной эмиграции. На самом деле, наиболее жесткие ограничения на эмиграцию были введены в двадцатом веке так называемыми социалистическими народными республиками Восточной Европы. Скорее, разница заключается в типе ограничений, соответственно, в мотивах, лежащих в основе этих ограничений. Так, если монархические ограничения на эмиграцию обычно мотивировались экономическими соображениями, то демократические и республиканские ограничения обычно мотивируются соображениями власти, причем наиболее часто встречающимся ограничением является запрет на эмиграцию до прохождения обязательной военной службы. См. об этом Carr-Saunders, *World Population*, стр. 148.

паразиты, бродяги и преступники могут быть его самыми надежными сторонниками.

Что касается иммиграционной политики, то стимулы и сдерживающие факторы также искажаются, и результаты в равной степени извращаются. Для демократического правителя также мало имеет значения, иммигрируют ли в страну негодяи или гении. Он также не сильно обеспокоен различием между временными работниками (владельцами разрешений на работу) и постоянными иммигрантами, владеющими собственностью (натурализованными гражданами).¹⁶ На самом деле, непродуктивным людям правительство вполне может отдавать предпочтение такое же, как и гражданам, поскольку они создают больше так называемых «социальных» проблем, а демократические правители процветают благодаря существованию таких проблем. Более того, бродяги и низшие люди, вероятно, будут поддерживать его эгалитарную политику, в то время как гении и превосходные люди не будут. Результатом этой политики недискриминации является принудительная интеграция: принуждение владельцев внутренней собственности принять массы низших иммигрантов, которые, если бы решение было оставлено на их усмотрение, резко взялись бы за дискриминацию и отсеивание того, с кем соседствовать. Таким образом, как лучший доступный пример демократии в деле, иммиграционные законы США 1965 года устранили все предыдущие проблемы «качества» и явное предпочтение европейским иммигрантам, заменив их политикой почти полной недискриминации (мультикультурализмом).¹⁷

¹⁶ Из всех крупных европейских стран именно Франция, страна с самой долгой демократическо-республиканской традицией, может похвастаться самой «либеральной», т.е. наименее ограничительной, политикой иммиграции и натурализации. См. об этом там же, стр. 57, 145, 154.

¹⁷ См. Lawrence Auster, *The Path to National Suicide: An Essay on Immigration and Multiculturalism* (Monterey, Calif.: AICEF, 1990); *Immigration and the American Identity*, Thomas Fleming, ed. (Rockford, 111.: Rockford Institute, 1995); George J. Borjas, *Friends or Strangers: The Impact of Immigrants on the U.S. Economy* (New York: Basic Books, 1990); он же, *Heaven's Door: Immigration Policy and the American Economy* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999); Brimelow, *Alien Nation*.

Чтобы представить ситуацию в перспективе, в документах Бримеллоу гово-

Действительно, иммиграционная политика демократии является зеркальным отражением ее политики по отношению к *внутренним* перемещениям населения: к добровольному объединению и разобщению, сегрегации и десегрегации, а также к физическому разделению и сближению различных владельцев частной собственности. Как и король, демократи-

рится, что с 1820 по 1967 год, когда вступили в силу новые иммиграционные законы, почти 90 процентов всех иммигрантов были европейского происхождения. Напротив, с 1967 по 1993 год около 85 процентов из почти 17 миллионов легальных иммигрантов, прибывших в США, прибыли из стран Третьего мира, в основном из Латинской Америки и Азии (стр. 77,281-85). Вместо отбора по навыкам и квалификации, как до 1967 года, основными критериями отбора в настоящее время являются «воссоединение семьи», «убежище» и «лотерея разнообразия» (стр. 78-84). Следовательно, средний уровень образования и средняя заработная плата иммигрантов постоянно снижаются по сравнению с их коренными американскими коллегами. Более того, коэффициент участия в программе социального обеспечения в семьях иммигрантов значительно превышает – и все больше и больше – коэффициент участия в программе социального обеспечения коренного населения (в том числе чернокожих и пуэрториканцев, которые и без того имеют чрезвычайно высокий уровень участия в социальных программах). Например, коэффициент участия в социальных программах иммигрантов из Камбоджи и Лаоса составляет почти 50 процентов, иммигрантов из Вьетнама – более 25 процентов, Доминиканской Республики – 28 процентов, Кубы – 16 процентов, бывшего Советского Союза – 16 процентов, Китая – 10 процентов. Кроме того, иммигранты остаются на пособии по безработице в течение все более длительных периодов (стр. 141-53, 287-88). И последнее, но не менее важное: по оценкам Бримелоу, если нынешние тенденции легальной, а также нелегальной иммиграции сохранятся, население европейского происхождения, которое традиционно составляло около 90 процентов населения США, будет на грани того, чтобы стать меньшинством к 2050 году (стр. 63). Но разве все иммигранты не ассимилируются и не станут американцами? Маловероятно, потому что для успешной ассимиляции приток иммигрантов должен быть небольшим по сравнению с принимающим населением. Однако в настоящее время приток около миллиона легальных иммигрантов (и от двух до трехсот тысяч нелегальных иммигрантов) в год сосредоточен всего в нескольких регионах: Калифорния, Техас, Иллинойс, Флорида, Нью-Йорк и Нью-Джерси — и большинство иммигрантов фактически переезжают всего в шесть мегаполисов: Лос-Анджелес, Анахайм, Чикаго, Майами, Нью-Йорк и Вашингтон, округ Колумбия (стр. 36). В этих регионах число иммигрантов пропорционально настолько велико, что ни о какой ассимиляции, по сути, не может быть и речи. Таким образом, вместо того, чтобы постепенно американизироваться, в этих районах иммигранты основали зарубежные «страны Третьего мира» на бывшей американской земле.

Джордж Борхас отмечает далее, что

почти четверть домохозяйств иммигрантов получали ту или иную помощь, по сравнению с 15 процентами домохозяйств коренных жителей. ... Более того, использование иммигрантами государственной помощи со временем увеличивается. Похоже, что ассимиляция включает в себя изучение не

ческий правитель способствует чрезмерной интеграции, перепроизводя «общественное благо» дорог. Однако для демократического правителя, в отличие от короля, будет недостаточно, чтобы каждый мог двигаться по соседству с кем-либо еще по правительственным дорогам. Обеспокоенный своим *текущим* доходом и властью, а не капитальными ценностями и ограниченный эгалитарными настроениями, демократический правитель будет стремиться пойти еще дальше. С помощью законов о недискриминации правительство захочет расширить физический доступ к чужой собственности для всех остальных. Таким образом, неудивительно, что так называемое законодательство о «гражданских правах» в Соединенных Штатах, которое запрещало домашнюю дискриминацию по признаку цвета кожи, расы, национального происхождения, религии, пола, возраста, сексуальной ориентации, инвалидности и т.д., которое фактически обязало насильственную интеграцию,¹⁸ совпало с принятием недискриминационной иммиграционной политики; т.е. обязательной международной десегрегации (принудительной интеграции).

VII

Нынешняя ситуация в Соединенных Штатах и в Запад-

только возможностей рынка труда, но и возможностей, предоставляемых государством всеобщего благосостояния. ... Исследование Национальной академии наук показало, что иммиграция фактически увеличила налоги типичного местного домохозяйства в Калифорнии примерно на 1200 долларов в год. ... [Что касается беженцев, в частности,] доказательства указывают на то, что ... после 10 лет пребывания в Соединенных Штатах 16 процентов вьетнамских беженцев, 24 процента камбоджийских беженцев и 34 процента лаосских беженцев все еще получали государственную помощь. («Heaven's Door: Immigration Policy and the American Economy», *Milk-ten Institute Review* 1, no. 3 [1999]: 64-65,79)

Более того, подчеркивает Борхас, «этническая принадлежность имеет значение в экономической жизни, и имеет очень длительное время», (стр. 66). То есть (всё более высокая) разница в квалификации между коренным населением и иммигрантами не исчезает быстро в результате культурной ассимиляции. Вместо этого иммигранты обычно переселяются в «этнические гетто», в которых «инкубируются этнические различия», и таким образом «этнические различия в квалификации могут сохраняться в течение трех поколений», (стр. 66).

ной Европе не имеет ничего общего со «свободной» иммиграцией. Это принудительная интеграция, и она является предсказуемым результатом демократического правила «один человек – один голос». Отмена принудительной интеграции требует дедемократизации общества и, в конечном итоге, отмены демократии. В частности, полномочия принимать или исключать должны быть убраны из центрального правительства¹⁹ и переданы штатам, провинциям, городам, поселкам, деревням, микрорайонам, а в конечном итоге владельцам частной собственности и их добровольным объединениям. Средствами для достижения этой цели являются децентрализация и отделение (оба по своей сути недемократические и антимажоритарные).²⁰ На пути к восстановлению свободы ассоциации и исключения можно было бы найти путь, который подразумевается в идее и институте частной собственности, и большая часть социальной борьбы, вызванной в настоящее время принудительной интеграцией, исчезла бы, если бы только города и деревни могли делать то, что они могли, как само собой разумеющееся до девятнадцатого века в Европе и Соединенных Штатах: вывешивать знаки, касающиеся требований к въезду в город, изгонять в качестве преступников тех, кто не выполняет эти требования и решить вопрос «натурализации» по швейцарской модели, где местные собрания, а не центральное правительство, определяют, кто может, а кто не может стать гражданином Швейцарии.

Что следует отстаивать как относительно правильную иммиграционную политику, пока демократическое центральное государство все еще существует и успешно присваивает полномочия определять единую *национальную* иммиграцион-

¹⁸ О праве и экономике «позитивной деятельности» и дискриминации см. Richard A. Epstein, *Forbidden Grounds* (Chicago: University of Chicago Press, 1992); Walter Block and Michael Walker, eds., *Discrimination, Affirmative Action, and Equal Opportunity* (Vancouver: Frazer Institute, 1982); Hugh Murray, «White Male Privilege? A Social Construct for Political Oppression», *Journal of Libertarian Studies* 14, no. 1 (1999).

¹⁹ До решения Верховного суда США, принятого в 1875 году, регулирование иммиграции в США считалось делом штата, а не федеральным.

²⁰ См. дальше об этом гл. 5.

ли произойдет, это то, что демократические правители должны действовать так, как будто они являются личными собственниками страны, и как будто они должны решать, кого включать, а кого исключать из своего личного имущества. Это означает следование политике строгой дискриминации *в пользу положительных человеческих качеств, а также совместимости характера и культурны.*

В частности, это означает проведение строгого разграничения между «гражданами» (натурализованными иммигрантами) и «иностранцами-резидентами» и исключение последних из всех прав на социальное обеспечение. Это означает, что для статуса резидента- иностранца, а также для получения гражданства требуется личное спонсорство гражданина-резидента и его принятие на себя ответственности за весь имущественный ущерб, причиняемый иммигрантом. Это подразумевает необходимость наличия действующего трудового договора с резидентом; кроме того, для обеих категорий, но особенно для гражданства, это означает, что все иммигранты должны демонстрировать посредством тестов не только знание английского языка, но и всестороннюю (выше среднего) интеллектуальную производительность и структуру характера, а также совместимую систему ценностей – с предсказуемым результатом систематического проевропейского иммиграционного уклона.²¹

²¹ В настоящее время около половины граждан США иностранного происхождения после более чем пяти лет пребывания в США по-прежнему практически не говорят по-английски. Из самой большой группы иммигрантов, латиноамериканцев, более двух третей практически не говорят по-английски. См. Brimelow, *Alien Nation*, стр. 88-89. Их уровень интеллектуального развития значительно ниже среднего по США (там же, стр. 56), и все больше фактов указывает на то, что уровень преступности среди иммигрантов систематически превышает уровень преступности среди коренного населения (стр. 182-86).

§8

О свободной торговле и ограниченной иммиграции

I

Часто утверждают, что «свободная торговля» связана со «свободной иммиграцией», как «протекционизм» с «ограниченной иммиграцией». То есть утверждается, что, хотя не исключено, что кто-то может сочетать протекционизм со свободной иммиграцией или свободную торговлю с ограниченной иммиграцией, эти положения интеллектуально противоречивы и, следовательно, ошибочны. Следовательно, поскольку нужно стремиться избежать ошибок, такие случаи должны больше быть исключением, чем правилом. Факты, относящиеся к этому вопросу, как мы видим, согласуются с этим утверждением. Например, как указывали последние президентские праймериз республиканцев, большинство сторонников свободной торговли являются сторонниками относительно свободной и недискриминационной иммиграционной политики, в то время как большинство протекционистов являются сторонниками жесткой и избирательной иммиграционной политики.

Несмотря на эти факты, я буду утверждать, что этот тезис и его выводы в корне неверны. В частности, я продемонстрирую, что свободная торговля и ограниченная иммиграция не только идеально согласованы, но даже поддерживают один другого. То есть ошибаются не сторонники свободной торговли и ограниченной иммиграции, а сторонники свободной торговли и свободной иммиграции. Убирая «интеллектуальную вину» из положения о свободной торговле и ограниченной иммиграции и помещая ее туда, где ей и место, я надеюсь способствовать изменению существующего общественного мнения и способствовать существенным политическим перестройкам.

II

Со времен Рикардо аргументы в пользу свободной торговли логически неопровержимы. Ради аргументативной тщательности было бы полезно кратко изложить эти аргументы. Переформулировка будет в форме *сведения до абсурда* протекционистского тезиса, предложенного совсем недавно Патриком Бьюкененом.¹

Несмотря на эти факты, я буду утверждать, что этот тезис и его выводы в корне неверны. В частности, я продемонстрирую, что свободная торговля и ограниченная иммиграция не только идеально согласованы, но даже поддерживают один другого. То есть ошибаются не сторонники свободной торговли и ограниченной иммиграции, а сторонники свободной торговли

¹ Рассуждения Давида Рикардо можно найти в его работе *Principles of Political Economy and Taxation* (New York: E.P. Dutton, 1948), гл. 7; наиболее блестящую защиту свободной торговли в девятнадцатом веке и интеллектуальное разрушение всех форм протекционистской политики можно найти у Frédéric Bastiat, *Economic Sophisms* (Irvington-on-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education, 1975); и он же, *Selected Essays on Political Economy* (Irvington-on-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education, 1975); для современного, абстрактного и теоретически строгого рассмотрения предмета свободной торговли см. Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, Scholar's Edition (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998), глава 8, особенно стр. 158ff. Противоположные заявления Патрика Дж. Бьюкенена против свободной торговли представлены в его книге *The Great Betrayal: How American Sovereignty and Social Justice are Sacrificed to the Gods of the Global Economy* (Boston: Little, Brown, 1998). Чтобы вы не подумали, что протекционистские взгляды ограничены журналистскими или политическими кругами, см. David S. Landes, *The Wealth and Poverty of Nations* (New York: Norton, 1998), особ. стр. 265ff., 452ff., 521ff., который демонстрирует взгляды, весьма схожие со взглядами Бьюкенена. Доктрина свободной торговли, согласно Ландесу, является «религией» (стр. 452) и ее сторонники, такие как Уильям Стэнли Джевонс, являются «истинно верующими» (стр. 523). Ландес цитирует Джевонса, который заявил (в 1883 году), что

Свобода торговли может рассматриваться как фундаментальная аксиома политической экономии. ... Мы можем приветствовать добросовестные исследования состояния торговли и причин нашей нынешней депрессии, но мы не можем ожидать, что наше мнение о свободной торговле изменится в результате такого исследования, как математическое общество ожидало бы опровержения аксиом Евклида в ходе исследования сложной задачи. (стр. 453)

Хотя он явно не одобряет утверждение Джевонса, Ландес (как и Бьюкенен) не пытается представить ничего похожего на его опровержение.

и свободной иммиграции. Убирая «интеллектуальную вину» из положения о свободной торговле и ограниченной иммиграции и помещая ее туда, где ей и место, я надеюсь способствовать изменению существующего общественного мнения и способствовать существенным политическим перестройкам.

Основной аргумент в пользу протекционизма – это защита внутреннего труда. Как американские производители, платящие своим работникам 10 долларов в час, могут конкурировать с мексиканскими производителями, платящими 1 доллар или меньше в час? Они не могут, и американские рабочие места будут потеряны, если импортные тарифы не будут введены для изоляции американской заработной платы от мексиканской конкуренции. Свободная торговля возможна только между странами, которые имеют равные ставки заработной платы и, следовательно, конкурируют между собой на равных условиях. «Пока это не так, как в случае с США и Мексикой, игровое поле должно быть выровнено с помощью тарифов». Что касается последствий такой политики внутренней защиты рабочих мест, Бьюкенен и его коллеги- протекционисты утверждают, что это приведет к внутренней мощи и процветанию, и в поддержку этого утверждения приводятся примеры стран со свободной торговлей, которые утратили свое некогда выдающееся международное экономическое положение, например, как Англия девятнадцатого века, и протекционистских стран, получивших превосходство, как Америка девятнадцатого века.

Это или любое другое предполагаемое «эмпирическое доказательство» протекционистского тезиса должно быть отвергнуто как ошибочное. Этот вывод, извлеченный из исторических данных, не более убедителен, чем если бы из факта, что богатые люди потребляют больше, чем бедные, извлекли вывод, что именно потребление делает человека богатым. Действительно, протекционисты, такие как Бьюкенен, обычно не понимают, что на самом деле стоит под их тезисами. Любой аргумент в пользу международного протекционизма, а не свободной торговли, является одновременно аргументом в пользу межрегионального и межнационального протекционизма. Так же, как существуют разные ставки заработной платы между

Соединенными Штатами и Мексикой, Гаити или Китаем, например, такие различия существуют также между Нью-Йорком и Алабамой или между Манхэттеном, Бронксом и Харлемом. Таким образом, если это правда, что международный протекционизм может сделать целую нацию процветающей и сильной, то также должно быть верно, что межрегиональный и локальный протекционизм может сделать регионы и населенные пункты процветающими и сильными. На самом деле, можно даже пойти еще дальше. Если бы протекционистский аргумент был прав, можно было бы обвинять вообще всю торговлю и защищать тезис о том, что каждый человек был бы самым процветающим и сильным, если бы он никогда не торговал с кем-либо еще и оставался в самодостаточной изоляции. Конечно, в этом случае никто никогда не потеряет работу, и безработица из-за «недобросовестной» конкуренции сведется к нулю. Таким образом, доведя до окончательного смысла протекционистский аргумент, мы раскрываем его полный абсурд, поскольку такое «общество полной занятости» не будет процветающим и сильным; он будет состоять из людей, которые, несмотря на работу от рассвета до заката, будут обречены на нищету или смерть от голода.²

² Murray N. Rothbard, *Power and Market* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977), стр. 48 предложил подобное доведение до абсурда протекционистского тезиса:

Предположим, что у Джонса есть ферма, «Помесье Джонса», а Смит работает у него. Проникшись идеей тарифного регулирования, Джонс призвал Смита «покупать только домашнее». Теперь они руководствуются лозунгами «Не допустим утечки денег из «Помесья», «Не дадим эксплуатировать себя посредством наплыва из-за границы «Помесья Джонса» продукции дешевого труда иностранцев» и т.п. Чтобы гарантировать достижение поставленной цели, Джонс устанавливает 1000%-й таможенный сбор с импорта любых товаров и услуг из-за «рубежа», т.е. из-за пределов фермы. В результате они вынуждены работать день и ночь, чтобы произвести все необходимое для жизни, «проблемы безработицы» (т.е. досуга) отходят в прошлое. Многих вещей они не в состоянии сделать, несмотря на все усилия. Некоторые вещи требуют многих лет труда. Они и действительно достигают известной «самообеспеченности», которую обещают все сторонники протекционизма, но их обеспеченность — это полуголодное существование вместо комфортного уровня жизни. Деньги «сохраняются дома», так что у Джонса и Смита есть возможность наслаждаться очень высокой номинальной заработной платой и ценами, но реальная ценность их заработной платы, выраженная в товарах, быстро падает.

Международный протекционизм, хоть и явно менее разрушительный, чем политика межличностного или межрегионального протекционизма, будет иметь точно такой же эффект и станет причиной дальнейшего экономического спада Америки. Безусловно, некоторые американские рабочие места и отрасли из-за этого будут сохранены, но такие «сбережения» будут иметь свою цену. Уровень жизни и реальные доходы американских потребителей иностранных товаров будут принудительно снижены. Стоимость издержек для всех производителей в США, которые используют продукты защищенной отрасли в качестве собственных средств производства, будет повышена, и они будут менее конкурентоспособными на международном уровне. Кроме того, что иностранцы могли бы сделать с деньгами, которые они заработали от своего импорта в США? Они могли либо покупать американские товары, либо инвестировать их в США, а если импорт товаров был остановлен или сокращен, они будут покупать меньше американских товаров и инвестировать меньшие суммы. Следовательно, в результате сохранения нескольких неэффективных американских рабочих мест, гораздо большее число эффективных американских рабочих мест будет уничтожено или никогда не появится.³

³ См. дальше об этом Murray N. Rothbard, *The Dangerous Nonsense of Protectionism* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1988). Ротбард указывает, что сторонники «справедливой» торговли обычно оставляют без ответа вопрос о том, почему уровень заработной платы в США выше, чем в Мексике или на Тайване.

Иными словами, если ставка заработной платы американцев вдвое выше ставки тайваньцев, это вызвано тем, что американский рабочий значительно лучше обеспечен капиталом, пользуется более широким набором более качественных инструментов, и поэтому производит в среднем вдвое больше. В известном смысле, как я полагаю, со стороны американского рабочего «нечестно» производить больше тайваньца, причём не вследствие своих личных качеств, а потому что сберегатели и инвесторы снабдили его большим количеством инструментов. Однако ставка заработной платы обуславливается не только личными качествами, но и относительной редкостью, а в США недостаток рабочих рук в сравнении с капиталом гораздо выше, чем в Тайване. Другими словами, тот факт, что ставка заработной платы американцев в среднем вдвое выше, чем у тайваньцев, ещё не означает, что стоимость рабочей силы в США вдвое выше, чем в Тайване. Если рабочая сила в США вдвое более продуктивна, это означает, что двойная ставка заработной платы в США компенсируется двойной производительностью, так что издержки на рабочую силу на единицу продукции в США и

Таким образом, бессмысленно утверждать, что Англия утратила свое прежнее превосходство из-за политики свободной торговли. Она утратила свои позиции, *несмотря* на свою политику свободной торговли *из-за* социальной политики, которая распространялась в Англии в течение последней трети XIX века.⁴ Точно так же бессмысленно говорить о том, что подъём Соединенных Штатов к экономическому господству в девятнадцатом веке был обусловлен его протекционистской политикой. Соединенные Штаты достигли этой позиции, *несмотря* на свой протекционизм через непревзойденную внутреннюю политику невмешательства. Действительно, текущий экономический спад Америки, который Бьюкенен хотел бы остановить и обратить вспять, является не результатом ее предполагае-

Тайване являются в среднем примерно одинаковыми. Одним из основных заблуждений протекционистов является склонность путать цену рабочей силы (ставки заработной платы) с её долей в издержках, которая также зависит от относительной производительности. Таким образом, проблема, стоящая перед американскими работодателями, на самом деле связана не с «дешёвой рабочей силой» в Тайване, поскольку «дорогая рабочая сила» в США является результатом именно предложением более высокой цены за дефицитную рабочую силу со стороны американских работодателей. Проблема, стоящая перед менее эффективными американскими текстильными или автомобильными компаниями, связана вовсе не с дешевизной рабочей силы на Тайване или в Японии, а прежде всего с тем обстоятельством, что другие американские отрасли настолько эффективны, что могут позволить себе предлагать американцам такую высокую заработную плату. Итак, устанавливая протекционистские тарифы и квоты для того, чтобы спасти, поддержать и сохранить на былых позициях менее эффективные американские текстильные, автомобильные или микропроцессорные фирмы, протекционисты наносят ущерб не только американскому потребителю. Помимо всего прочего они ущемляют интересы эффективных американских фирм и отраслей, которые не имеют возможности задействовать те ресурсы, что «заперты» сейчас в неконкурентоспособных фирмах, и которые в противном случае получили бы возможность расширяться и продавать свою вполне востребованную продукцию дома и за рубежом. (стр. 6-7)

См. также Henry Hazlitt, *Economics in One Lesson* (New Rochelle, N.Y.: Arlington House, 1979), гл. 11.

⁴ См. об этом William H. Greenleaf, *The British Political Tradition*, 3 vols. (London: Methuen, 1983-87), особенно том 1: *The Rise of Collectivism*; также Albert V. Dicey, *Lectures on the Relation Between Law and Public Opinion During the Nineteenth Century* (London: Macmillan, 1914).

мой политики свободной торговли, а тем обстоятельством, что Америка в течение двадцатого века постепенно приняла ту же социальную политику, которая привела к разрушению Англии ранее.⁵

III

Учитывая аргументы в пользу свободной торговли, мы сейчас разработаем аргумент в пользу того, чтобы ограничения на иммиграцию сочетались с политикой свободной торговли. Более конкретно, мы будем строить последовательно более убедительные аргументы в пользу ограничений на иммиграцию: от первоначального слабого утверждения о том, что свободная торговля и ограничения иммиграции можно объединять, до окончательного убедительного утверждения, по которому свободная торговля требует ограничений на иммиграцию.

С самого начала следует подчеркнуть, что даже самая строгая иммиграционная политика или самая исключительная форма сегрегации не имеют ничего общего с отказом от свободной торговли и принятием протекционизма. Из того факта, что человек не хочет общаться или жить по соседству с немцами, гаитянами, китайцами, корейцами, мексиканцами, мусульманами, индусами, католиками и т.д. не следует, что он не хочет торговать с ними на дистанции. Более того, даже если бы в результате иммиграции увеличивался реальный доход, это не значило бы, что иммиграция «хороша», поскольку материальное богатство – не единственное, что имеет значение. Скорее, то, что составляет «благосостояние» и «богатство», субъективно, и возможно предпочтение более низкого материального уровня жизни и большего расстояния от некоторых других

⁵ См. об этом Murray N. Rothbard, «Origins of the Welfare State in America», *Journal of Libertarian Studies* 12, no. 2 (1996); Robert Higgs, *Crisis and Leviathan* (New York: Oxford University Press, 1987); *A New History of Leviathan*, Ronald Radosh and Murray N. Rothbard, eds. (New York: E.P. Dutton, 1972); James Weinstein, *The Corporate Ideal in the Liberal State* (Boston: Beacon Press, 1968); Arthur A. Ekirch, *The Decline of American Liberalism* (New York: Atheneum, 1967); Gabriel Kolko, *Railroads and Regulation* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1965); он же, *The Triumph of Conservatism* (New York: Free Press, 1963).

людей по сравнению с более высоким материальным уровнем жизни и меньшим расстоянием. Именно абсолютная добровольность человеческого объединения *и* разделения (отсутствие какой-либо формы принудительной интеграции) делает возможными мирные отношения между людьми, отличающимися в расовом, этническом, лингвистическом, религиозном или культурном отношении.

Отношения между торговлей и миграцией связаны между собой эластичной замещаемостью (а не жесткой исключительностью): чем больше (меньше) у вас одного, тем меньше (больше) вам нужно другого. При прочих равных условиях предприятия перемещаются в районы с низкой заработной платой, а рабочая сила перемещается в районы с высокой заработной платой, что приводит к тенденции выравнивания ставок заработной платы (для конкретного вида труда), а также к оптимальной локализации капитала. С политическими границами, отделяющими области с высокой и низкой заработной платой, и с действующей национальной (общенациональной) торговой и иммиграционной политикой, эти нормальные тенденции (иммиграция и экспорт капитала) ослабляются свободной торговлей и усиливаются протекционизмом. До тех пор, пока мексиканские продукты (сделанные работниками с низкой заработной платой) могут свободно поступать в такие районы с высокой заработной платой, как Соединенные Штаты, стимул для мексиканцев переехать в Соединенные Штаты уменьшается. Напротив, если мексиканские продукты не могут попасть на американский рынок, привлекательность для мексиканских рабочих переехать в Соединенные Штаты возрастает. Точно так же, когда производители Соединенных Штатов могут свободно продавать мексиканским производителям и потребителям и покупать у них, экспорт капитала из Соединенных Штатов в Мексику будет сокращен; однако, когда производители США не могут этого сделать, привлекательность перемещения производства из Соединенных Штатов в Мексику возрастает.⁶

⁶ См. дальше об этом this Ludwig von Mises, *Nation, State, and Economy* (New York: New York University Press, 1983), особ. стр. 56ff.; Rothbard, *Power and Market*, стр. 52ff.

Точно так же, как *внешняя* торговая политика Соединенных Штатов влияет на иммиграцию, влияет и их *внутренняя* торговая политика. Внутренняя свободная торговля – это то, что обычно называют «laissez-faire» (капитализмом без вмешательства). Другими словами, национальное правительство придерживается политики невмешательства в добровольные сделки между внутренними сторонами (гражданами) в отношении их частной собственности. Политика правительства заключается в том, чтобы помочь защитить своих граждан и их частную собственность от внутренней агрессии, ущерба или мошенничества (точно так же, как в случае внешней торговли и агрессии). Если бы Соединенные Штаты придерживались строгой внутренней политики свободной торговли, иммиграция из регионов с низкой заработной платой, таких как Мексика, была бы сокращена, в то время как при проведении политики «социального обеспечения» иммиграция из районов с низкой заработной платой становится более привлекательной.

IV

В той степени, в которой такие районы с высокой заработной платой, как Соединенные Штаты, участвуют в неограниченной свободной торговле как на международном, так и на внутреннем уровне, иммиграционное давление со стороны стран с низкой заработной платой будет оставаться низким или уменьшаться, и, следовательно, вопрос об иммиграции станет менее важным. С другой стороны, поскольку Соединенные Штаты проводят протекционистскую политику против продуктов из районов с низкой заработной платой и политику социального обеспечения в стране, иммиграционное давление будет оставаться высоким или даже повышаться, а вопрос иммиграции приобретет большое значение в общественных дебатах.

Очевидно, что основные регионы с высокой заработной платой в мире – Северная Америка и Западная Европа в настоящее время находятся в этой последней ситуации, в которой иммиграция становится все более насущной общественной проблемой.⁷ В свете неуклонно усиливающегося иммиграцион-

ного давления со стороны регионов с низкой заработной платой были предложены три основные стратегии регулирования иммиграции: безусловная свободная иммиграция, условная свободная иммиграция и ограничительная иммиграция. Хотя наша главная проблема будет касаться последних двух альтернатив, несколько замечаний относительно безусловной позиции свободной иммиграции уместны, хотя бы для того, чтобы проиллюстрировать степень ее интеллектуального банкротства и безответственности.

⁷ Чтобы представить ситуацию в надлежащем виде, возможно, было бы полезно дать несколько кратких комментариев по данным о свободной торговле и внутреннем благосостоянии в этих регионах. Эти замечания касаются, в частности, ситуации в США, но в целом они применимы и к ситуации в Западной Европе. Свободная торговля означает не вводить ни импортные тарифы, ни квоты, ни субсидировать экспорт товаров или участвовать в каких-либо других схемах стимулирования экспорта. В частности, свободная торговля не требует каких-либо двусторонних или многосторонних соглашений или договоров. Вместо этого политика свободной торговли может осуществляться мгновенно и в одностороннем порядке, а межправительственные торговые соглашения, независимо от того, как они называются, должны неизменно рассматриваться как индикаторы ограничений международной торговли, а не свободной торговлей. В свете этого, показатели свободной торговли США следует считать удручающими. (См. об этом, например, James Gwartney, Robert Lawson and Walter Block, *Economic Freedom of the World 1975-1995* (Vancouver: Fraser Institute, 1996), стр. 35f, 299,302.) Запутанная система тарифов и регулирования ограничивает свободный ввоз буквально тысяч иностранных товаров, от сырья до сельскохозяйственной продукции, станков и высокотехнологичной техники. В то же время правительство США участвует в самых разнообразных схемах поощрения экспорта, начиная от простых экспортных субсидий и иностранной помощи, требующих покупки определенных американских товаров, до масштабной финансовой помощи американским инвесторам в зарубежных странах и открытого или скрытого военного давления и угрозы. Более того, с так называемым Североамериканским соглашением о свободной торговле (НАФТА), документом объемом около 2400 страниц (когда предписания о свободной торговле можно резюмировать в двух предложениях!) правительство США в сотрудничестве с правительствами Канады и Мексики недавно приняло еще одни дебри международных торговых ограничений и правил. По сути, НАФТА предполагает гармонизацию структуры налогообложения и регулирования по всей Северной Америке (очень похоже на то, что так называемый Европейский союз (ЕС) делает для большей части Западной Европы). Аналогичные требования применяются и к новой, созданной в результате ГАТТ (Генерального соглашения по тарифам и торговле) Всемирной торговой организации. См. об этом *The Nafta Reader: Free-Market Critiques of the North American "Free Trade" Agreement* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1993) и *The WTO Reader: Free Market Critiques of the World Trade Organization* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1994). Несомненно, что еще более поразительным является показатель внутреннего благосостояния в США (и аналогично в Западной Европе). Показатели в этом аспек-

По мнению сторонников безусловной свободной иммиграции, Соединенные Штаты в качестве зоны с высокой заработной платой неизменно будут выигрывать от свободной иммиграции; следовательно, они должны проводить политику открытых границ, независимо от нынешних условий, то есть, даже если Соединенные Штаты занимаются протекционизмом и всеобщим благосостоянием.⁸ Конечно, такое предложение разумному человеку должно показаться фантастическим. Предположим, что Соединенные Штаты, или, что еще лучше, Швейцария, заявили, что пограничного контроля больше не будет, что любой, кто сможет оплатить проезд, может въехать в страну, и будет иметь право на государственное обеспечение

те неодинаковы по всей территории США. Например, государственная социальная помощь в Калифорнии выше, чем в Алабаме, что объясняет значительную миграцию населения в США. Достаточно сказать, однако, что социальная помощь США, включая денежные гранты, а также многочисленные пособия в натуральной форме, такие как продовольственные талоны, пособия на жилье, медицинская помощь, помощь детям-иждивенцам, государственное образование и т. д., может легко достигать чистого дохода домохозяйства в размере \$20 000 в год и расти до \$40 000 в год.

⁸ Такую позицию неоднократно отстаивали, например, редакторы редакционных страниц весьма влиятельного журнала *Wall Street Journal* во главе с неоконсервативом Робертом Бартли. См., например, *Wall Street Journal*, 3 июля 1990 года, где предлагается поправка к конституции: «не должно быть границ». Аналогичным образом, политика открытых границ была предложена Стивеном Муром из Института Катона, Дональдом Будро из Фонда экономического образования и Джейкобом Хорнбергером из фонда «Будущее свободы». В то время как эти люди и учреждения обычно ссылаются на Джулиана Л. Саймона как на своего святого покровителя в этом деле, Саймон на самом деле не выступает за политику открытых границ. См. его *The Economic Consequences of Immigration* (Cambridge, Mass.: Blackwell, 1987), стр. 309. Гораздо скромнее Саймон рекомендует вместо этого «увеличивать иммиграционные квоты сериями значительных приростов – возможно, на полпроцента или один процент от общей численности населения на каждом этапе – чтобы проверить любые неожиданные негативные последствия» (там же, стр. 348, также стр. 310). Что еще более важно, Саймон предлагает отсеять тех потенциальных иммигрантов, которые станут «бременем социального обеспечения» (стр. 319). Он рекомендует дискриминацию в пользу «образованных» иммигрантов и тех, кто демонстрирует владение английским языком (стр. 327), он предлагает отдавать «предпочтение заявителям с финансовыми активами», способным осуществлять «прямые инвестиции» в принимающей стране (стр. 328), и ему особенно нравится идея «продажи права на иммиграцию в США лицам, предлагающим самую высокую цену» (стр. 329, 335). В своей последней опубликованной статье Саймон еще дальше отходит от пропаганды политики открытых дверей. См. Julian L. Simon, «Are there Grounds for Limiting Immigration?», *Journal of Libertarian Studies* 13, no. 2 (1998).

на том же уровне, что и резиденты. Есть ли сомнения по поводу катастрофического исхода такого эксперимента в современном мире? Соединенные Штаты, и даже быстрее Швейцария, уже ослабленные протекционизмом и социальным обеспечением, будут захвачены миллионами иммигрантов из третьего мира.⁹ Расходы на социальное обеспечение быстро взлетят до небес, а задушенная экономика распадется и рухнет, так как прожиточный фонд – запас капитала, накопленный и унаследованный от прошлого (отцов и предков), будет разграблен. Цивилизация исчезла бы из Соединенных Штатов и Швейцарии, как это было когда-то в Греции и Риме.¹⁰

⁹ О масштабах потенциальной проблемы можно судить по двум полезным цифрам. Во-первых, согласно опросам, проведенным в начале 1990-х годов в бывшем Советском Союзе, более 30 процентов населения, то есть около 100 миллионов человек, выразили желание эмигрировать. Во-вторых, в 1990-х годах США ежегодно проводили лотерею «разнообразия», предлагая визы лицам, происходящим из «стран с низким уровнем иммиграции в США». Лотерея 1997 года привлекла около 3,4 миллиона претендентов на 50 000 имеющихся виз.

¹⁰ Поистине замечательную позицию занимает Walter Block, «A Libertarian Case for Free Immigration», *Journal of Libertarian Studies* 13, no. 2 (1998). Блок не отрицает вышеуказанные прогнозируемые последствия «политики открытых границ». Напротив, он пишет,

предположим, что неограниченная иммиграция стала нормой дня, в то время как минимальная заработная плата, профсоюзы, социальное обеспечение и мягкий по отношению к преступникам правовой кодекс все еще действуют в принимающей стране. Тогда, вполне возможно, что принимающая страна будет подвержена росту преступности, социальных выплат и безработицы. Политика открытых границ подразумевала бы не экономическую свободу, а принудительную интеграцию со всеми отбросами мира с достаточным количеством денег, чтобы достичь наших берегов. (стр. 179)

Тем не менее, затем Блок продолжает выступать за политику открытых границ, независимо от этих предсказуемых последствий, и он утверждает, что такой позиции требуют принципы либертарианской политической философии. Учитывая неоспоримый авторитет Блока как ведущего современного теоретика либертарианства, стоит объяснить, где его аргументы сбиваются с пути и почему либертарианство не требует такой вещи, как политика открытых границ. Позиция Блока в поддержку иммиграции основана на аналогии. «Возьмем случай с бродягой в библиотеке», – заявляет он.

Что нужно, если вообще нужно, с ним делать? Если это частная библиотека, ... закон должен позволять владельцу библиотеки принудительно выселять такого человека по своему усмотрению, если это необходимо. ... Но что, если это публичная библиотека? ... Как таковые, [библиотеки] сродни бес-

Поскольку безусловная свободная иммиграция должна рассматриваться как рецепт самоубийства, позицией становится возвращение к свободной торговле. Согласно этой точке зрения, Соединенные Штаты и Швейцария должны были бы сначала вернуться к неограниченной свободной торговле и отменить все программы социального обеспечения, финансируемые за счет налогов, и только тогда они могли бы открыть свои границы для всех, кто хотел приехать. В то же время, пока государство всеобщего благосостояния все еще существует, иммиграция будет разрешена при условии, что иммигранты не будут получать пособий.

Хотя ошибка, связанная с этой точкой зрения, менее очевидна, а последствия менее драматичны, чем связанные с позицией безусловной свободной иммиграции, эта точка зрения, тем не менее, ошибочна и вредна. Конечно, иммиграционное давление на Соединенные Штаты и Швейцарию будет уменьшено, если следовать этому предложению, но оно не исчезнет. Действительно, при внешней и внутренней политике свободной торговли ставки заработной платы в Соединенных Штатах и Швейцарии могут еще больше увеличиться по сравнению с показателями в других местах. Следовательно, привлекательность обеих стран может даже возрасти. В любом случае какое-то иммиграционное давление останется, поэтому должна и остаться какая-то иммиграционная политика. Подразумевают ли принципы, лежащие в основе свободной торговли, что эта политика должна быть политикой условной свободной иммиграции? Нет, не подразумевает. Нет аналогии между свободной торговлей и свободной иммиграцией, а также ограниченной торговлей и ограниченной иммиграцией. Феномены торговли

хозному товару. Любой гражданин имеет на них столько же прав, сколько и любой другой. Если мы находимся в революционном состоянии войны, то первый присвоитель может захватить контроль над ней. Но если нет, как в настоящее время, то, учитывая соображения «справедливой войны», любое разумное вмешательство в государственную собственность было бы законным. ... Можно «провонять» библиотеку запахом немытого тела, или оставить в ней мусор, или «освободить» некоторые книги, но нельзя устанавливать в помещениях наземные мины, чтобы взорвать невинных пользователей библиотеки. (стр. 180-81)

и иммиграции различны фундаментально, а значения «свободный» и «ограниченный» в сочетании с обоими терминами означают разное. Люди могут двигаться и мигрировать сами по себе; товары и услуги же не могут.

Иными словами, когда кто-то может мигрировать из одного места в другое даже если никто другой этого не хочет, товары и услуги не могут быть отправлены с места на место, если и отправитель, и получатель не согласятся. Как ни банально это различие, оно имеет важные последствия, так как *свобода* в сочетании с торговлей означает торговлю только по приглашению частных домохозяйств и фирм; и *ограниченная* торговля не означает защиту домохозяйств и фирм от незваных товаров или услуг, а является вторжением и отменой права частным домохозяйствам и фирмам разрешать или отказывать другим в «приглашении» товара. Напротив, *свобода* в сочетании с иммиграцией не означает иммиграцию по приглашению отдельных домохозяйств и фирм, а означает нежелательное вторжение или принудительную интеграцию; *ограниченная* иммиграция фактически означает защиту частных домохозяйств и фирм от нежелательного вторжения и принудительной интеграции. Следовательно, отстаивая свободную торговлю и ограниченную иммиграцию, нужно указывать на тот же принцип: требовать приглашения для людей так же само, как для товаров и услуг.

Сторонник свободной торговли и свободного рынка, который принимает условную свободную иммиграционную позицию, вовлечен в интеллектуальную несостоятельность. Свободная торговля и рынок означают, что владельцы частной собственности могут получать или отправлять товары другим владельцам без вмешательства правительства. Правительство остается неактивным по отношению к процессу внешней и внутренней торговли, потому что для каждого отправленного товара или услуги существует платящий получатель; следовательно, каждое местное изменение, как результат соглашения между отправителем и получателем, должно считаться взаимовыгодным. Единственная функция правительства состоит в том, чтобы поддерживать сам торговый процесс, защищая

гражданскую и домашнюю собственность. Однако в отношении передвижения людей правительство должно будет сделать больше для выполнения своей защитной функции, чем просто позволить событиям идти своим чередом, потому что люди, в отличие от продуктов, обладают волей и могут мигрировать. Соответственно, перемещение населения, в отличие от поставок продукции, само по себе не является взаимовыгодным событием, поскольку оно не всегда является результатом соглашения между конкретными получателем и отправителем. Среди мигрантов может быть нежелательный груз без внутренних получателей. В этом случае иммигранты являются иностранными захватчиками, а иммиграция представляет собой акт вторжения. Конечно, основная защитная функция правительства будет включать предотвращение иностранных вторжений и изгнание иностранных захватчиков. Чтобы правительство могло поставить в отношении иммигрантов то же требование, что и при импорте (чтобы его приглашали местные жители), оно не может по праву допустить тот вид свободной иммиграции, который пропагандируется большинством сторонников свободной торговли. Просто представьте себе, что Соединенные Штаты и Швейцария открыли свои границы для тех, кто хочет приехать, при условии, что иммигранты будут исключены из всех прав на социальное обеспечение (которые будут зарезервированы для граждан Соединенных Штатов и Швейцарии соответственно). Помимо социологической проблемы создания двух отдельных классов местных жителей и, следовательно, возникновения серьезной социальной напряженности, нет сомнений в том, что результаты этого эксперимента в современном мире будут существовать.¹¹ Результат будет менее радикальным и менее непосредственным, чем при сценарии безусловной свободной иммиграции, но это также

¹¹ Обратите внимание, что даже если иммигранты будут лишены всех социальных льгот, финансируемых за счет налогов, а также демократического «права» голоса, они все равно будут «защищены» и охвачены всеми существующими в настоящее время антидискриминационными законами о позитивном действии, которые не позволят местным жителям «произвольно» исключать их из сферы занятости, жилья и любой другой формы «общественного» размещения.

приведет к массовому вторжению иностранцев и в конечном итоге приведет к уничтожению американской и швейцарской цивилизации. Даже если иммигрантам не предоставляются пособия по социальному обеспечению, это не означает, что им действительно придется работать, поскольку даже жизнь на общественных улицах и в парках в Соединенных Штатах и Швейцарии удобнее по сравнению с «реальной» жизнью во многих других странах. Таким образом, чтобы выполнить свою основную функцию в качестве защитника своих граждан и их внутренней собственности, правительство района с высокой заработной платой не может следовать свободной иммиграционной политике, а должно принимать ограничительные меры.¹²

V

Из признания того, что сторонники свободной торговли и рынков не могут защищать свободную иммиграцию, не будучи непоследовательными и противоречащими, и что поэтому логично, что иммиграция должна быть ограничена, мы делаем лишь небольшой шаг к дальнейшему признанию того, *как* она должна быть ограничена. Фактически, все правительства областей с высокой заработной платой в настоящее время так или иначе ограничивают иммиграцию. Нигде иммиграция не «свободна», безусловно или условно. Тем не менее ограничения иммиграции, например, со стороны Соединенных Штатов и Швейцарии совершенно различны. Какие ограничения *должны* существовать? Точнее говоря, какие иммиграционные ограничения сторонники свободной торговли вынуждены поддерживать и продвигать?

Руководящий принцип иммиграционной политики страны с высоким уровнем заработной платы следует из понимания, что для того, чтобы быть свободной в том же смысле, что и торговля, иммиграция должна быть приглашена. Детали вытекают из дальнейшего разъяснения и пояснения концепций

¹² Блестящую литературную обработку темы «свободной» иммиграции можно найти в книге Jean Raspail, *The Camp of the Saints* (New York: Charles Scribner's Sons, 1975).

приглашения в сравнении с вторжением и принудительной интеграцией.

Для этого необходимо предположить, в качестве концептуального ориентира, существование того, что политические философы называли анархией, анархо-капитализмом или упорядоченной анархией частной собственности.¹³ Вся земля находится в частной собственности, включая все улицы, реки, аэропорты и порты. В отношении некоторых участков земли право собственности может быть неограниченным; то есть, владельцу разрешается делать со своим имуществом все, что ему угодно, если только он не наносит физического ущерба имуществу других лиц. В отношении других территорий право собственности может быть более или менее ограничено. Как в настоящее время имеет место в некоторых жилищных комплексах, владелец может быть связан договорными ограничениями на то, что он может делать со своей собственностью (ограничительные условия, добровольное зонирование), которые могут включать жилое, а не коммерческое использование, постройка зданий высотой не более четырех этажей, или, например, запрет продажи или аренда не состоящим в браке парам, курильщикам или немцам.

Понятно, что в такого рода обществе нет такой вещи, как свобода иммиграции или право иммиграции. Скорее, существует свобода для многих независимых владельцев частной собственности допускать или исключать других из своей собственности в соответствии с собственными ограниченными или неограниченными правами на собственность. Въезд на некоторые территории может быть легким, а на другие – почти невозможным. Более того, допуск к собственности одной из сторон не подразумевает «свободу передвижения», если другие

¹³ О теории анархо-капитализма см. Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty* (New York: New York University Press, 1988); он же, *For A New Liberty* (New York: Collier, 1978); Hans-Hermann Hoppe, *The Economics and Ethics of Private Property* (Boston: Kluwer, 1993); David Friedman, *The Machinery of Freedom: Guide to Radical Capitalism* (La Salle, Ill.: Open Court, 1989); Morris and Linda Tannehill, *The Market for Liberty* (New York: Laissez Faire Books, 1984); Anthony de Jasay, *Against Politics: On Government, Anarchy, and Order* (London: Routledge, 1997).

владельцы собственности не согласились на такие перемещения. Иммиграции или неиммиграции, инклюзивности или эксклюзивности, десегрегации или сегрегации, недискриминации или дискриминации будет столько, сколько пожелают отдельные владельцы или ассоциации индивидуальных владельцев.¹⁴

Причина ссылки на модель анархо-капиталистического общества заключается в том, что в ее рамках невозможна такая вещь, как принудительная интеграция (незванная миграция). По этому сценарию не существует никакой разницы между физическим движением товаров и миграцией людей. Точно так же, как каждое движение товара отражает основополагающее соглашение между отправителем и получателем, так и все перемещения иммигрантов в анархо-капиталистическое общество и внутри него являются результатом соглашения между иммигрантом и одним или несколькими принимающими собственниками жилья. Следовательно, даже если анархо-капита-

¹⁴ «Если бы каждый клочок земли в стране принадлежал какому-то человеку, группе или корпорации», – развивает мысль Мюррей Н. Ротбард,

это означало бы, что ни один иммигрант не мог бы попасть туда, если бы его не пригласили и не разрешили арендовать или купить собственность. Полностью приватизированная страна будет настолько «закрытой», насколько желают ее жители и собственники. Таким образом, кажется очевидным, что режим открытых границ, который де-факто существует в США, на самом деле навязывается центральным правительством, которое владеет всеми улицами и общественными землями, и не отражает действительных желаний граждан. При тотальной приватизации многие локальные конфликты и «внешние» проблемы – не только проблема иммиграции – будут аккуратно урегулированы. В каждом регионе и районе, принадлежащем частным фирмам, корпорациям или договорным сообществам, будет царить истинное разнообразие в соответствии с предпочтениями каждого сообщества. Некоторые районы будут этнически или экономически разнообразными, в то время как другие будут этнически или экономически однородными. Некоторые населенные пункты позволят порнографию или проституцию или наркотики или аборт, другие будут запрещать что-то из этого или даже все. Запреты не будут налагаться государством, а будут просто требованиями к проживанию или использованию земельного участка какого-либо лица или общины. Государственники, которым не терпится навязать свои ценности всем остальным, будут разочарованы, но каждая группа с определенными интересами и взглядами, по крайней мере, будет иметь удовлетворение от проживания в одном районе с людьми, разделяющими их ценности и предпочтения. Хотя владение микрорайоном не является утопией или панацеей от всех конфликтов, оно, по крайней мере, предоставит «второе лучшее» решение, с которым большинство людей может согласиться жить.

листическая модель в конечном итоге будет отвергнута, и если ради «реализма» предполагается существование правительства и «общественных» (в дополнение к частным) товаров и собственности, она четко фокусирует внимание на том, что правительственная иммиграционная политика должна существовать *так, как если бы* правительство получило свою легитимность от суверенитета «народа» и рассматривалось как результат соглашения или «общественного договора». Конечно, такое «народное» правительство, которое взяло на себя в качестве своей главной задачи защиту своих граждан и их имущества (производство внутренней безопасности), хотело бы сохранить, а не упразднить эту особенность анархо-капитализма.

Чтобы все прояснить необходимо показать, как анархо-капиталистическое общество изменяется в результате введения правительства и как это влияет на проблему иммиграции. Поскольку в анархо-капиталистическом обществе нет правительства, то нет четкого различия между гражданами страны и иностранцами. Это различие появляется только с созданием правительства. Территория, на которую распространяется государственная власть, становится внутренней, и каждый, кто проживает за пределами этой территории, становится иностранцем. Государственные границы (и паспорта), в отличие от границ частной собственности (и прав собственности), возникают, и иммиграция приобретает новое значение. Иммиграция становится иммиграцией иностранцев через государственные границы, и решение о том, следует ли допускать какое-либо лицо, больше не принадлежит исключительно частным владельцам собственности или ассоциациям таких владельцев, а, *в конечном счете*, правительству, производящему внутреннюю безопасность. Теперь, если правительство исключает человека, в то время как существует местный житель, который хочет принять этого самого человека в свою собственность, результатом является принудительное исключение; и если правительство принимает человека, в то время как не существует жителя, который хочет иметь этого человека в своей собственности, результатом является принудительная интеграция.

Более того, вместе с институтом правительства приходит

институт общественной собственности и товаров т.е. имущества и товаров, находящихся в коллективной собственности всех местных жителей и контролируемых и управляемых правительством. Чем больше или меньше объем государственной собственности, тем больше или меньше будет потенциальная проблема принудительной интеграции. Рассмотрим социалистическое общество, например, бывший Советский Союз или Восточную Германию. Все факторы производства (средства производства), включая всю землю и природные ресурсы, находятся в государственной собственности. Соответственно, если правительство допускает незваного иммигранта, оно допускает его в любое место внутри страны; поскольку без частной собственности на землю нет никаких ограничений для его внутренних миграций, кроме тех, которые определены правительством. Поэтому при социализме насильственная интеграция может распространиться повсюду и тем самым значительно усилиться эта проблема (фактически, в Советском Союзе и Восточной Германии, например, правительство могло разместить незнакомца в чужом частном доме или квартире. Мощная принудительная интеграция была оправдана на основании «факта», что все частные дома находились на государственной земле).¹⁵

Социалистические страны, конечно, не являются зонами с высокой заработной платой. А если и являются, то недолго. Их проблема не в иммиграции, а в давлении эмиграции. Советский Союз и Восточная Германия запрещали эмиграцию и убивали людей за попытку покинуть страну.¹⁶ Однако проблема расширения и усиления принудительной интеграции сохраняется и за пределами социализма. Конечно, в несоциа-

¹⁵ В то же время при социализме любая форма внутренней миграции подлежала государственному контролю. См. об этом Victor Zaslavsky and Yuri Lury, «The Passport System in the USSR and Changes in the Soviet Union», *Soviet Union* 8, no. 2 (1979).

¹⁶ См. об этом Hans-Hermann Hoppe, *A Theory of Socialism and Capitalism* (Boston: Kluwer, 1989), гл. 3; он же, «Desocialization in a United Germany», *Review of Austrian Economics* 5, no. 2 (1991); он же, «The Economic and Political Rationale for European Secessionism», в *Secession, State and Liberty*, David Gordon, ed. (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1998).

листических странах, таких как США, Швейцария и Федеративная Республика Германия, которые являются излюбленными местами иммиграции, иммигрант, получивший разрешение правительства, не может переехать куда угодно. Его свобода передвижения была бы сильно ограничена масштабами частной собственности и, в частности, частной собственности на землю. Однако, передвигаясь по общественным дорогам или на общественном транспорте, оставаясь на общественной земле, в общественных парках и зданиях, иммигрант может пересечь путь любого местного жителя и поселиться практически в любом районе. Чем меньше общественной собственности, тем меньше вероятность того, что это произойдет, но до тех пор, пока существует общественная собственность, этого нельзя полностью избежать.

V

Народное правительство, которое хочет защитить своих граждан и их внутреннюю собственность от принудительной интеграции и иностранных захватчиков, имеет два способа сделать это: корректирующий и превентивный. Корректирующий метод предназначен для уменьшения последствий принудительной интеграции после того, как событие произошло, и захватчики уже находятся здесь. Как указывалось, для достижения этой цели правительство должно сократить количество государственной собственности и максимально увеличить количество частной собственности, и каким бы ни было соотношение частной и государственной собственности, правительство должно помогать, а не препятствовать исполнению прав собственника допускать и исключать других из его имущества. Если практически все имущество находится в частной собственности, а правительство помогает в обеспечении прав частных, незванные иммигранты, даже если они успешно пересекли границу и въехали в страну, вряд ли продвинутся дальше. ния была бы сильно ограничена масштабами частной собственности и, в частности, частной собственности на землю. Однако, передвигаясь по общественным дорогам или на общественном

транспорте, оставаясь на общественной земле, в общественных парках и зданиях, иммигрант может пересечь путь любого местного жителя и поселиться практически в любом районе. Чем меньше общественной собственности, тем меньше вероятность того, что это произойдет, но до тех пор, пока существует *любая* общественная собственность, этого нельзя полностью избежать.

VI

Народное правительство, которое хочет защитить своих граждан и их внутреннюю собственность от принудительной интеграции и иностранных захватчиков, имеет два способа сделать это: корректирующий и превентивный. Корректирующий метод предназначен для уменьшения последствий принудительной интеграции после того, как событие произошло, и захватчики уже находятся здесь. Как указывалось, для достижения этой цели правительство должно сократить количество государственной собственности и максимально увеличить количество частной собственности, и каким бы ни было соотношение частной и государственной собственности, правительство должно помогать, а не препятствовать исполнению прав собственника допускать *и* исключать других из его имущества. Если практически все имущество находится в частной собственности, а правительство помогает в обеспечении прав частников, незванные иммигранты, даже если они успешно пересекли границу и въехали в страну, вряд ли продвинутся дальше.

Чем полнее будет выполнена эта корректирующая мера (чем выше степень частной собственности), тем меньше будет потребность в защитных мерах, таких как защита границ. Например, стоимость защиты от иностранных захватчиков вдоль границы между США и Мексикой сравнительно высока, поскольку длина государственной территории вдоль границы США очень большая. Однако даже если бы стоимость охраны границ была снижена посредством приватизации, она не исчезнет, если будут существенные различия в доходах и заработной

плате между территориями с высокой и низкой заработной платой. Следовательно, для выполнения своей основной защитной функции правительство района с высокой заработной платой должно также принять превентивные меры. Во всех въездах и вдоль его границ правительство как опекун своих граждан должно проверять всех вновь прибывших лиц на входной билет; то есть на действительное приглашение от собственника отечественной недвижимости; и любой, у кого нет такого билета, должен быть выслан за свой собственный счет.

Действительными приглашениями являются контракты между одним или несколькими частными местными получателями, жилыми или коммерческими, и прибывающим лицом. По договорному допуску приглашающая сторона может распоряжаться только своей частной собственностью. Следовательно, подобно сценарию условной свободной иммиграции, допущение подразумевает, что иммигрант будет исключен из всех государственных программ социального обеспечения. С другой стороны, это означает, что принимающая сторона должна принять на себя юридическую ответственность за действия своего приглашенного в течение срока его пребывания. Приглашающий несет ответственность в полном объеме своей собственностью за любые преступления приглашенного лица, совершенные против личности или имущества любой третьей стороны (как родители несут ответственность за преступления, совершенные их потомством, потому что они являются членами родительского домохозяйства). Это обязательство, которое подразумевает, что приглашающие должны будут нести ответственность за всех своих гостей, которое прекращается после того, как приглашенный покидает страну или другой владелец внутреннего имущества принимает на себя ответственность за данное лицо, приняв его в свою собственность.

Приглашение может быть частным (личным) или коммерческим, временным или постоянным, касающимся только жилья (проживание) или жилья и занятости, но не может быть действующего договора, включающего только занятость и отсутствие жилья.¹⁷ В любом случае в качестве договорных отно-

¹⁷ В нынешней правовой среде, в которой отечественным владельцам недвижимости,

шений каждое приглашение может быть отозвано или прекращено принимающей стороной; и по окончании, приглашенный, будь то турист, бизнесмен или иностранец-резидент, должен покинуть страну (если только другой гражданин-резидент не заключит с ним договор-приглашение).

Приглашенный, который все время подвергается потенциальному риску немедленной высылки, может потерять свой юридический статус иностранца-нерезидента и получить статус резидента только после приобретения гражданства. В соответствии с целью превращения всей иммиграции в приглашение по контракту, основным требованием для получения гражданства является приобретение права собственности, или, точнее, владения недвижимостью. Это было бы несовместимо с идеей предоставления гражданства в соответствии с территориальным принципом, как в США, согласно которому ребенок, родившийся от иностранца-нерезидента постоянно проживающего в стране пребывания, автоматически приобретает гражданство. Фактически, как признают большинство других правительств с высокой ставкой заработной платы, ребенок должен приобрести гражданство своих родителей. Предоставление этого детского гражданства влечет за собой невыполнение основной защитной функции правительства принимающей страны и фактически равносильно агрессивному акту, совершаемому правительством против его собственных граждан. Стать гражданином означает получить право на постоянное пребывание в стране, и постоянное приглашение не может быть обеспечено никакими средствами, кроме покупки жилой недвижимости у гражданина-резидента. Только продавая не-

по сути, запрещено участвовать в любых формах дискриминационных действий, присутствие иностранных гастарбайтеров неизбежно приведет к повсеместной принудительной интеграции. После приема на работу на основании существующего трудового договора эти работники смогут затем обращаться в суды, чтобы получить доступ также к жилью, учебе и любой другой форме «общественного» учреждения или жилья. Следовательно, для решения этой проблемы работодатели должны быть обязаны предлагать своим работникам-гостям не только работу, но и жилье и другие услуги, такие как магазины, медицинские, учебные или развлекательные заведения, т.е. удобства целого автономного фабричного городка. Для обсуждения сильно оклеветанного института фабричных городов см. James B. Allen, *The Company Town in the American West* (Norman: Oklahoma University Press, 1966).

движимость иностранцу, гражданин указывает, что он согласен на постоянное пребывание гостя, и только в том случае, если иммигрант приобрел и оплатил недвижимость и жилье в принимающей стране, он получит постоянный интерес в благополучии и процветании страны. Кроме того, найти гражданина, который готов продать жилую недвижимость, хотя и является необходимым требованием для приобретения гражданства, также может оказаться недостаточным. Если в отношении рассматриваемой внутренней собственности распространяются ограничительные условия, препятствия, которые должны быть приняты потенциальным гражданином, получение гражданства может быть не допущено.¹⁸ В Швейцарии, продажу жилой недвижимости иностранцу нужно ратифицировать большинством или даже всеми непосредственно затронутыми владельцами местной собственности.

VI

Судя по иммиграционной политике, цель которой защита собственных граждан от иностранного вторжения и насильственной интеграции, а также система приглашения мигрантов и контрактных миграций, швейцарское правительство выполняет значительно лучшую работу, чем Соединенные Штаты. Въехать в Швейцарию в качестве незваного человека относительно сложнее, а в качестве званого иностранца труднее остаться. В частности, иностранцу гораздо сложнее получить гражданство, и юридическое различие между резидентами и нерезидентами более четко сохраняется. Но несмотря на эти различия, правительства как Швейцарии, так и США проводят иммиграционную политику, которая слишком разрешительная.

Кроме того, чрезмерная вседозволенность их иммиграционной политики и, как следствие, подверженность швейцарского и американского населения принудительной интеграции со

¹⁸ См. об этом также гл. 10, секцию 6, и Spencer H. MacCallum, *The Art of Community* (Menlo Park, Calif.: Institute for Humane Studies, 1970).

стороны иностранцев еще более усугубляется тем фактом, что масштабы государственной собственности в обеих странах (и в других районах с высокой заработной платой) значительны; что обеспеченные налогом положения о всеобщем благосостоянии высоки и растут, и иностранцы из них не исключаются; и что вопреки официальным заявлениям даже приверженность политике свободной торговли у них далеко не идеальна. Соответственно, в Швейцарии, США и большинстве других районов с высокой заработной платой народные протесты против иммиграционной политики становятся все громче. Целью этой главы была не только аргументация в пользу приватизации государственной собственности, внутренней свободной торговли и международной свободной торговли, но, в частности, принятие ограничительной иммиграционной политики. Продемонстрировав, что свободная торговля несовместима как с безусловной, так и с условно свободной иммиграцией, и вместо этого требует, чтобы миграция подчинялась условию приглашения и заключения контрактов, мы надеемся внести свой вклад в более просвещенную будущую политику в этой области.

§9

О сотрудничестве, племени, городе и государстве

I

Людвиг фон Мизес объяснил эволюцию общества (человеческого сотрудничества при разделении труда) как совокупный результат двух факторов. Это, во-первых, факт различий между людьми (труд) и/или неравенства в географическом расположении, что обуславливает средства производства (земля); и, во-вторых, признание того факта, что работа, выполняемая с разделением труда, является более продуктивной, чем работа, выполняемая в самодостаточной изоляции. Он пишет:

Насколько разделенный труд более продуктивен, чем изолированный труд, и насколько человек способен осознать этот факт, настолько само действие человека стремится к сотрудничеству и объединению; человек становится общественным существом, не жертвуя своими собственными заботами ради мифического Молоха, а стремясь к улучшению своего собственного благосостояния. Опыт учит, что это условие – более высокая производительность труда, достигнутая при разделении труда, существует, потому что его причиной является врожденное неравенство людей и неравенство в географическом распределении естественных средств производства. Таким образом, мы в состоянии понять ход социальной эволюции.¹

Здесь следует подчеркнуть несколько моментов, чтобы достичь правильного понимания этой фундаментальной идеи Мизеса о природе общества, что также поможет нам сделать

¹ Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, Scholar's Edition (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998), стр. 160.

некоторые предварительные выводы о роли пола и расы в социальной эволюции. Во-первых, важно признать, что неравенство в отношении труда и/или земли является необходимым, но ни в коем случае не достаточным условием для развития человеческого сотрудничества. Если бы все люди были идентичны, и каждый был бы снабжен одинаковыми природными ресурсами, каждый производил бы одинакового качества и количества товаров, и идея обмена и сотрудничества никогда бы не пришла никому в голову. Однако наличия неравенства недостаточно для налаживания сотрудничества. Существуют и различия в животном мире, особенно это касается различий по полу среди представителей одного и того же вида животных, а также различий между различными видами и подвидами (расами), но не существует такой вещи, как сотрудничество между животными. Конечно, есть пчелы и муравьи, которых называют «общественными животными». Но они образуют общества только в метафорическом смысле.² Сотрудничество между пчелами и муравьями обеспечивается исключительно биологическими факторами – врожденными инстинктами. Они не могут *не* сотрудничать и кроме существенных биологических изменений ничто не может этого изменить. В противоположность этому сотрудничество между людьми является результатом целенаправленных индивидуальных действий, сознательного стремления к достижению индивидуальных целей. В результате разделение труда между людьми постоянно находится под угрозой распада.

Таким образом, в животном мире различие между полами можно назвать лишь фактором привлекательности – ради размножения; в то время как различия видов и подвидов можно назвать фактором отталкивания – разделения или даже фатального антагонизма, отталкивания, борьбы и уничтожения. Более того, в животном мире нет смысла описывать поведение, возникающее в результате сексуального влечения, как возникшее по обоюдному согласию (любовь), либо без согласия (изна-

² См. об этом Jonathan Bennett, *Rationality: An Essay Toward an Analysis* (London: Routledge and Kegan Paul, 1964).

силование); и не имеет никакого смысла говорить об отношениях между представителями разных видов или подвидов как о враждебных или преступных, то есть в категориях преступника и жертвы. В животном мире существует только взаимодействие, которое не является ни кооперативным (социальным) поведением, ни преступным (антиобщественным) поведением. Как пишет Мизес:

Существует взаимодействие между всеми частями вселенной: между волком и овцами, которых он пожирает; между микробом и человеком, которого он убивает; между падающим камнем и вещью, на которую он падает. Общество, с другой стороны, всегда включает людей, действующих в сотрудничестве с другими людьми, ради достижения своих собственных целей.³

В дополнение к неравенству труда и/или земли, второе требование тоже должно быть выполнено для развития человеческого сотрудничества. Люди (по крайней мере двое из них) должны быть способны признать более высокую продуктивность разделения по работе на основе взаимного признания частной собственности (исключительного контроля каждого человека над своим телом и над своими физическими присвоениями и имуществом) по сравнению с самоизоляцией или агрессивным доминированием. То есть должен присутствовать минимум интеллекта или рациональности; и люди (по крайней мере двое из них) должны обладать достаточной моральной силой, чтобы действовать в соответствии с этим пониманием и быть готовыми отказаться от немедленного удовлетворения потребностей для большего удовлетворения в будущем. Без разума и сознательной воли, Мизес пишет,

люди навсегда остались бы смертельными врагами друг друга, непримиримыми соперниками в их усилиях по обеспечению себя частью скудного запаса средств к существованию, обеспечиваемых природой. Каждый человек был бы вынужден рассматривать всех других людей как своих врагов; его

³ Mises, *Human Action*, стр. 169.

жажда удовлетворения своих собственных appetitов привела бы его в непримиримый конфликт со всеми его соседями. Никакое сочувствие не могло бы развиваться при таком положении дел.

О члене человеческого рода, который совершенно неспособен понять более высокую производительность труда, выполняемую при разделении труда на основе частной собственности, не правильно говорить, как о человеке (личности); вместо этого он попадает под ту же моральную категорию, что и животное либо безвредного вида (одомашниваемое и используемое в качестве производителя или потребительского товара), либо дикого и опасного вида (с которым нужно бороться, как с вредителем). С другой стороны, есть представители человеческого рода, которые способны понять это, но которым не хватает морального духа, чтобы действовать соответственно. Такие люди являются либо безобидными «скотами», живущими вне человеческого общества и отделенными от него, либо они являются более или менее опасными преступниками. Это люди, которые сознательно действуют неправомерно и которые помимо того, что должны быть приручены или даже физически побеждены, также должны быть наказаны пропорционально тяжести их преступления, чтобы заставить их понять природу своих проступков и преподать им урок на будущее. Сотрудничество людей (общество) может преобладать и развиваться только до тех пор, пока человек способен подчинять, приручать, присваивать и культивировать его физическое и животное окружение, и пока он преуспевает в пресечении преступлений, превращая их в редкость с помощью самообороны, защиты собственности и наказания.⁵

⁴ Там же, стр. 144.

⁵ Нечасто важность познания и рациональности для возникновения и поддержания общества подчеркивается сильнее, чем Мизесом. Он объясняет, что

можно допустить, что у первобытного человека страсть к убийству и разрушению и предрасположенность к жестокости были врожденными. Мы можем также предположить, что в тех условиях склонность к агрессии и убийству служила сохранению жизни. Когдато человек был жестоким зверем. ... Но нельзя забывать, что физически он был слабым животным; он не смог бы противостоять крупным хищникам, если бы не был оснащен

II

Однако, как только эти требования будут выполнены, и пока человек, мотивированный знанием о более высокой физической производительности разделения труда, основанного на частной собственности, участвует во взаимовыгодных обменах, «естественные» силы притяжения возникают из-за различий в полах и «естественные» силы отталкивания или вражды возникают в результате различий между расами и даже внутри них, могут существовать подлинно «социальные» отношения. Сексуальное влечение может трансформироваться из совокупления в договорные отношения, взаимные узы, домашние хозяйства, семьи, любовь и привязанность (это свидетельствует об огромной продуктивности семьи и домашнего хозяйства, и что ни одно другое учреждение не оказалось более устойчивым или способным вызывать положительные эмоции!).⁶ А межра-

своеобразным оружием, разумом. То, что человек является разумным существом и поэтому не просто автоматически поддается любому порыву, а регулирует свое поведение, руководствуясь рациональными соображениями, не должно называться неестественным с зоологической точки зрения. Рациональное поведение означает, что человек, столкнувшись с тем, что не в состоянии удовлетворить все свои влечения, желания и потребности, отказывается от удовлетворения тех, которые он считает менее насущными. Чтобы не подвергать опасности функционирование общественного сотрудничества, человек вынужден воздерживаться от удовлетворения тех желаний, которые будут препятствовать существованию социальных институтов. Нет сомнений, что такое самоотречение болезненно. Однако человек должен делать выбор. Он отказался от удовлетворения некоторых желаний, несовместимых с общественной жизнью, и отдал предпочтение удовлетворению тех желаний, которое возможно исключительно или в большей степени в условиях системы разделения труда. ... Это решение не является необратимым и окончательным. Выбор отцов не ограничивает свободу сыновей делать выбор. Они могут изменить решение на противоположное. В любое мгновение они могут приступить к переоценке ценностей и предпочесть варварство цивилизации или, как говорят некоторые авторы, душу интеллекту, мифы разуму и насилие миру. Но они должны выбирать. Невозможно одновременно обладать вещами, несовместимыми друг с другом. (*Human Action*, стр. 171-72)

См. об этом также Joseph T. Salerno, «Ludwig von Mises as Social Rationalist», *Review of Austrian Economics* 4 (1990).

⁶ «В рамках социального сотрудничества», – пишет Мизес,

совое и внутривидовое отталкивание может быть трансформировано из чувства вражды или враждебности в предпочтение сотрудничества (торговли) друг с другом только косвенно – физически и пространственно отдаленно, а не напрямую, как соседи и партнеры.⁷

Сотрудничество между людьми (разделение труда, основанное, с одной стороны, на интегрированных семьях-домохозяйствах, а с другой – на отдельных домохозяйствах, деревнях, племенах, нациях, расах и т.д.), в которых естественные биологические влечения и отталкивания человека друг против друга превращаются во взаимно признанную систему пространственного (географического) распределения (физического приближения и интеграции или разделения и сегрегации, а также прямого или косвенного контакта, обмена и торговли), приводит к повышению уровня жизни, росту населения, дальнейшему расширению и усилению разделения труда, а также растущему разнообразию и дифференциации.⁸

между членами общества может возникнуть чувство симпатии и дружбы, чувство сплоченности. Эти чувства являются источником самого восхитительного и возвышенного опыта человека. Они самые драгоценные украшения жизни; они поднимают животных особей рода человеческого до высот действительно человеческого существования. Тем не менее вопреки утверждениям некоторых они не являются факторами (действующими силами), формирующими общественные отношения. Они суть плоды общественного сотрудничества и расцветают только в его рамках; они не предшествуют установлению общественных отношений и не являются семенами, из которых те произрастают. (Там же, стр. 144)

«Взаимное сексуальное влечение мужчины и женщины», – объясняет далее Мизес,

присуще животной природе человека и не зависит от мышления и теоретизирования. Его допустимо назвать изначальным, вегетативным, инстинктивным или непостижимым; ... Однако ни сожителство, ни то, что предшествует ему или следует за ним, не порождает общественного сотрудничества и социальных форм жизни. Животные тоже соединяются в случае, но не развивают общественных связей. Семейная жизнь не просто результат сексуальных связей. Совместная жизнь детей и родителей в одной семье ни в коей мере не является естественной и необходимой. Отношения спаривания не обязательно приводят к созданию семьи. Человеческая семья является результатом мышления, планирования и действия. Имен-

⁷ См. об этом также Joseph T. Salerno, «Ludwig von Mises as Social Rationalist», *Review of Austrian Economics* 4 (1990).

⁸ См. Murray N. Rothbard, «Freedom, Inequality, Primitivism, and the Division of Labor»,

В результате этого развития и все более быстрого увеличения товаров и желаний, которые могут быть приобретены и удовлетворены только косвенно, появятся профессиональные трейдеры, торговцы и торговые центры. Торговцы и города функционируют как посредники косвенных обменов между территориально разделенными домами и общинными объединениями и, таким образом, становятся социологическими и географическими центрами межплеменных и межрасовых связей. Это будет возникать в пределах класса торговцев, в которых расово и этнически смешанные браки относительно распространены; и поскольку большинство людей из обеих контрольных групп, как правило, не одобряют такие союзы, именно богатые представители торгового класса смогут позволить себе такие издержки. Однако даже члены самых богатых торговых семей будут очень осторожны в таких начинаниях. Чтобы не подвергать опасности свое собственное положение в качестве торговца, необходимо позаботиться о том, чтобы каждый смешанный брак был браком между «равными». Следовательно, расовая смесь, созданная торговым классом, скорее всего, будет способствовать генетическому «улучшению» (а не генетическому «обнищанию»).⁹ Соответственно, это будет в больших городах как центрах международной торговли и коммерции, где обычно проживают смешанные пары и их потомки, где представители разных национальностей, племен, рас, даже если они не вступают в брак, по-прежнему регулярно вступают в непосредственный личный контакт друг с другом (фактически, для этого требуется тот факт, что их *соотечественникам* на родине *не* приходится иметь дело непосредственно с более или менее неприятными незнакомцами), и там, где возникнет

в он же, *Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 2000).

⁹ См. Wilhelm Mühlmann, *Rassen, Elhniert, Kulturen. Modeme Ethnologie* (Neuwied: Luchterhand, 1964), стр. 93-97. В целом, за исключением верхних слоев купеческого сословия, мирное расовое или этническое смешение обычно ограничивается членами высшего социального класса, т.е. дворянами и аристократами. Таким образом, расово или этнически наименее чистые роды характерны для ведущих королевских династий.

самая сложная и высокоразвитая система физической и функциональной интеграции и сегрегации.¹⁰ Это также будет в больших городах, где, в качестве субъективного отражения этой сложной системы пространственно-функционального распределения, граждане разовьют самые изысканные формы личного и профессионального поведения, этикета и стиля. Это город, который порождает цивилизацию и цивилизованную жизнь.

Для поддержания правопорядка в большом городе, с его сложной моделью физической и функциональной интеграции и разделения, будет создано большое разнообразие юрисдикций, судей, арбитров и правоохранительных органов в дополнение к самообороне и частной защите. В городе будет то, что можно назвать *управлением*, но не будет правительства (государства).¹¹ Для того, чтобы возникло правительство, необходимо,

¹⁰ Например, Фернан Браудель дал следующее описание сложной схемы пространственного разделения и функциональной интеграции и соответствующей множественности отдельных и конкурирующих юрисдикций, сложившейся в таких крупных торговых центрах, как Антиохия, во время расцвета исламской цивилизации с восьмого по двенадцатый век: В центре города

была Большая мечеть для еженедельной проповеди – рядом был базар, то есть торговый квартал с его улицами и магазинами и его караван-сараями или складами, а также общественными банями. ... Ремесленники группировались концентрически, начиная с Большой мечети: сначала производители и продавцы духов и благовоний, затем магазины, торгующие тканями и коврами, ювелиры и продовольственные магазины, и, наконец, самые скромные профессии. ... курьеры, сапожники, кузнецы, гончары, шорники, красильщики. Их магазины располагались на окраинах города. ... В принципе, каждое из этих ремесел имело свое местоположение, фиксированное на все времена. Точно так же магazen, или квартал принца, в принципе располагался на окраине города, вдали от беспорядков или народных восстаний. Рядом с ним и под его защитой находился меллах, или еврейский квартал. Мозаику дополняло огромное разнообразие жилых районов, разделенных по расовому и религиозному признаку: только в Антиохии их было сорок пять. «Город представлял собой скопление разных кварталов, все они жили в страхе перед резней». Таким образом, западные колонисты нигде не начинали расовую сегрегацию – хотя и нигде не подавляли ее. (Braudel, *A History of Civilizations* [New York: Penguin Books, 1995], стр. 66)

¹¹ См. Otto Brunner, *Sozialgeschichte Europas im Mittelalter* (Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1984), гл. 8; Henri Pirenne, *Medieval Cities* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1969); Charles Tilly and Wim P. Blockmans, eds., *Cities and the Rise of States in Europe, 1000-1800* (Boulder, Colo.: Westview Press, 1994); Boudewijn Bouckaert,

чтобы один из этих судей, арбитров или правоохранительных органов преуспел в утверждении себя в качестве монополиста. То есть он должен быть в состоянии настаивать на том, что ни один гражданин не может выбрать кого-либо, кроме него, в качестве судьи или арбитра последней инстанции, и он должен успешно отстранить любого другого судью или арбитра от попыток взять на себя ту же роль (тем самым соревнуясь с ним). Однако более интересным, чем вопрос о том, что такое правительство, является следующее: как это возможно, что один судья может приобрести судебную монополию, если другие судьи, естественно, будут противостоять любой такой попытке; и что конкретно делает возможным установление монополии правопорядка в большом городе, то есть на территории с этнически и/или расово смешанным населением?

Во-первых, почти по определению следует, что с созданием городского правительства межрасовая, племенная, этническая и кланово- семейная напряженность усилится, потому что монополист, кем бы он ни был, конкретного этнического происхождения; следовательно, то, что он является монополистом, будет рассматриваться гражданами других этнических групп как оскорбительная неудача, т.е. как акт произвольной дискриминации людей другой расы, племени или клана. Хрупкий баланс мирного межрасового, межэтнического и межсемейного сотрудничества, достигнутый посредством сложной системы пространственной и функциональной интеграции (ассоциации) и разделения (сегрегации), будет нарушен. Во-вторых, это понимание приводит непосредственно к ответу о том, как один судья может переиграть всех остальных. Короче говоря, чтобы преодолеть сопротивление конкурирующих судей,

«Between the Market and the State: The World of Medieval Cities», в *Values and the Social Order*, том 3, *Voluntary versus Coercive Orders*, Gerard Radnitzky, ed. (Aldershot, U.K.: Avebury, 1997). Между прочим, так называемые еврейские гетто, которые были характерны для европейских городов на протяжении всего Средневековья, не были показателем низшего правового статуса евреев или антиеврейской дискриминации. Напротив, гетто было местом, где евреи пользовались полным самоуправлением и где действовало раввинское право. См. об этом Guido Kisch, *The Jews in Medieval Germany* (Chicago: University of Chicago Press, 1942); также Erik von Kuehnelt-Leddihn, «Hebrews and Christians», *Rothbard-Rockwell Report* 9, no. 4 (April 1998).

начинающий монополист должен заручиться дополнительной поддержкой в общественном мнении. В этнически смешанной среде это обычно означает «гонку рас». Будущий монополист должен повысить расовое, племенное или клановое сознание среди граждан своей расы, племени, клана и т.д., и обещать в обмен на их поддержку быть *большим*, чем беспристрастным судьей в делах, связанных с собственной расой, племенем или кланом (то есть именно того, чего боятся граждане других этнических групп, т.е. *менее* беспристрастного обращения к ним).¹²

На данном этапе этой социологической реконструкции давайте без дальнейших объяснений кратко представим несколько дополнительных шагов, необходимых для достижения реалистичного современного сценария относительно расы, пола, общества и государства. Естественно, монополист будет пытаться сохранить свое положение и, возможно, даже превратить его в наследственный титул (то есть стать королем). Однако выполнить это в этнически или расово смешанном городе гораздо сложнее, чем в однородном сельском сообществе. Вместо этого в больших городах правительства гораздо чаще принимают форму демократической республики с «открытым вступлением» в должность верховного правителя, конкурирующими политическими партиями и всенародными выборами.¹³

¹² Между прочим Социологическое описание первой (додемократической) стадии развития городов-государств, характеризующейся аристократическо-патрицианским правлением, основанным на семьях (кланах) и семейных конфликтах, см. в Max Weber, *The City* (New York: Free Press, 1958), гл. 3. См. также примечание 16 ниже.

¹³ Это утверждение относительно характерной демократическо-республиканской, а не монархической формы правления в крупных торговых городах не следует неверно истолковывать как простое эмпирическо-историческое утверждение. Действительно, исторически формирование правительств предшествовало развитию крупных коммерческих центров. Большинство правительств были монархическими или княжескими правительствами, и когда впервые возникли крупные торговые города, власть королей и принцев, как правило, первоначально распространялась и на эти недавно развивающиеся городские районы. Вместо этого приведенное выше утверждение следует интерпретировать как социологическое предположение о маловероятности эндогенного происхождения королевского или княжеского правления в крупных торговых центрах с этнически смешанным населением, т.е. как ответ на по существу гипотетический и контрфактический вопрос. См. об этом Max We-

В ходе процесса политической централизации¹⁴ модель государственного управления в этом большом городе может принять, по сути, только единственную форму: демократическое государство, осуществляющее судебную монополию на территории с расово и/или этнически широко разнообразными группами населения.

III

В то время как судебная монополия правительств в настоящее время распространяется, как правило, далеко за пределы одного города, а в некоторых случаях почти на весь континент, последствия отношений между расами и полами, а также пространственного сближения и сегрегации власти (монополии) все еще лучше наблюдаются в больших городах и их упадке из центров цивилизации в центры вырождения и распада.

Центральное правительство распространяется на города и сельскую местность, создавая страны, жителей и иностранцев. Это не оказывает непосредственного влияния на сельскую местность, где нет иностранцев (представителей разных национальностей, рас и т.д.). Но в крупных торговых центрах, где проживает смешанное население, юридическое различие между иностранцами и неиностранцами (а не этнически или расово отличающимися владельцами частной собственности) почти неизбежно приведет к той или иной форме принудительного снижения уровня межэтнического сотрудничества. Более того,

ber, *Soziologie, Weltgeschichtliche Analysen, Politik* (Stuttgart: Kroener, 1964), стр. 41-42, который отмечает, что короли и дворяне, даже если они проживали в городах, тем не менее определенно не были городскими королями и городскими дворянами. Центры их власти располагались за пределами городов, в сельской местности, и власть, которую они держали в крупных торговых центрах, была очень слабой. Следовательно, первые эксперименты с демократическо-республиканскими формами правления, как правило, происходили в городах, которые отделились и обрели независимость от своего преимущественно монархического и сельского окружения.

¹⁴ Об устранимой конкуренции и присущей государствам тенденции к централизации и территориальной экспансии – в конечном счете, к созданию мирового правительства – см. главы 5, 11 и 12.

с центральным государством физическая сегрегация и разделение города и деревни будет систематически сокращаться. Для осуществления своей судебной монополии центральное правительство должно иметь право доступа к частной собственности каждого обитателя, и для этого оно должно взять под контроль все существующие дороги и даже расширить существующую систему дорог. Таким образом, различные домохозяйства и деревни находятся в более тесном контакте, чем они могли бы предпочесть, и физическое расстояние между городом и деревней значительно уменьшены. Таким образом, внутренняя принудительная интеграция поощряется.

Естественно, эта тенденция к принудительной интеграции из-за монополизации дорог и улиц будет наиболее выраженной в городах. Эта тенденция будет дополнительно стимулироваться, если, как это обычно бывает, правительство распространяет свою деятельность через город. Народно избранное правительство не может не использовать свою судебную монополию для участия в политике перераспределения в пользу своего этнического или расового округа, что неизменно привлечет еще больше членов его собственного племени, а с изменениями в правительстве все больше членов еще большего количества племен будет привлечено из сельской местности в столицу, чтобы получить правительственные рабочие места или субсидии. В результате, не только столица станет относительно «негабаритной» (так как другие города тоже будут сокращаться), но и в то же время, из-за монополизации «общественных» улиц, по которым каждый может идти, куда он хочет, будут стимулироваться все формы этнической, племенной или расовой напряженности и вражды.

Более того, в то время как межрасовые, межплеменные и межэтнические браки ранее были редкими и ограничивались верхними слоями купеческого класса, с приходом в столицу бюрократов и бездельников из различных расовых, племенных и этнических групп, частота межэтнических браков будет расти, и фокус межэтнического секса (даже без брака) будет все больше смещаться с высшего класса торговцев на низшие классы – даже на самый низкий класс получателей социально-

го обеспечения. Вместо «генетического улучшения» следствием будет являться усиление «генетического вырождения», чему способствует тот факт, что государственная социальная поддержка естественным образом приведет к увеличению рождаемости получателей пособий по сравнению с рождаемостью других членов, в частности представителей высшего класса. В результате этого непропорционального роста населения с низким уровнем и даже отсутствием образования и растущего числа этнически и расово смешанных потомков, особенно в низших социальных слоях, характер демократического (народного) правительства также постепенно изменится. Вместо того, чтобы «гонка рас» была, по сути, единственным инструментом, политика становится все более «классовой политикой». Правительственные правители больше не будут полагаться исключительно на свою этническую, племенную или расовую привлекательность и поддержку, а все чаще они должны будут пытаться найти поддержку по племенному или расовому признаку, обращаясь к всеобщему (не племенному или расовому) чувству зависти и эгалитаризму, т.е. по отношению к социальному классу (неприкасаемых или рабов против хозяев, рабочих против капиталистов, бедных против богатых и т.д.).^{15, 16}

¹⁵ См. об этом Helmut Schoeck, *Envy: A Theory of Social Behavior* (New York: Harcourt, Brace and World, 1970); Rothbard, *Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays*; и особенно «Freedom, Inequality, Primitivism, and the Division of Labor» там же.

¹⁶ Для социологического рассмотрения этой второй — демократической или «плебейской» — стадии в развитии городского управления, основанной на классах и «классовых конфликтах» и разделенной на классы и «классовые конфликты» (а не кланы и семейные конфликты, как на предыдущем этапе развития патрицианского правительства), см. Макс Вебер, *Город*, глава I. 4. В отличие от городского правительства патрициев, плебейское правительство, как важно отмечает Вебер,

характеризуется измененным представлением о природе права. ... Параллельно уничтожению господства родов складывалось законодательство. Вначале оно еще имело форму харизматических установлений эсимнетов [выборный чиновник с чрезвычайными судебными полномочиями, необходимыми для разрешения внутригородских конфликтов]. Затем начался процесс постоянного, непрерывно происходящего создания нового права, разрабатываемого *ecclesia*, и сложилось чисто светское, основанное на законах — ли в Риме на магистратских инструкциях — судопроизводство. В Афинах, наконец, народу ежегодно предлагался вопрос, следует ли сохранить действующие законы или их необходимо изменить, — настолько те-

Растущая зависимость эгалитарной классовой политики от ранее существовавшей племенной политики приводит к еще большему расовому и социальному напряжению и враждебности, а также к еще большему разрастанию населения с низким уровнем образования. В дополнение к тому, что определенные этнические или племенные группы изгоняются из городов в результате племенной политики, все чаще представители высших классов всех этнических или племенных групп покидают город.¹⁷ То, что осталось позади в городах будет характеризовать все более и более отрицательный отбор населения: из правительственных бюрократов, которые работают, но не живут там, и из низов и социальных изгоев всех племен и рас, которые там живут, которые чаще не работают, а выживают на субсидии (просто подумайте о столице США – Вашингтоне).

Кто-то может подумать, что дела не могут стать хуже, но

перь стало само собой разумеющимся, что действующее право есть нечто создаваемое искусственно, и должно быть таковым, и основано на одобрении тех, для кого оно существует.

Аналогичным образом, в средневековых городах-государствах Европы «установление власти народных масс имело схожие последствия. Оно также выпустило огромные издания городских законов и кодифицировало общее право и судебные правила (судебное право), создав избыток всевозможных статутов и избыток чиновников», (стр. 172). Вместе с измененной концепцией права изменилось и политическое поведение.

Политическая юстиция, основанная на официальной системе шпионажа и поощрении анонимных доносов, на ускоренной процедуре расследования по обвинениям против магнатов при весьма упрощенном доказательстве преступления (посредством ссылки на «очевидность и общеизвестность»), была демократической разновидностью венецианского процесса в Совете десяти. Наиболее резкими постановлениями против магнатов были лишение всех ведущих рыцарский образ жизни фамилий права занимать должности в городе, обязательство предоставлять ручательство за свою благонадежность, юридическая ответственность всего рода за каждого его члена, особые карательные законы, предусматривающие политические проступки магнатов, в частности оскорбление чести пополана, запрет приобретать недвижимость, граничащую с землями пополана, без его согласия. ... Поскольку знатные семьи могли быть однозначно приняты как часть населения, [однако] даже должности пополана почти всегда занимали дворяне, (стр. 160-161).

¹⁷ См. об этой тенденции Edward Banfield, *The Unheavenly City Revisited* (Boston: Little, Brown, 1974).

вительство обращается к полу и гендерной гонке, а «расовая справедливость» и «социальная справедливость» дополняются «гендерной справедливостью».¹⁸ Создание правительства не только подразумевает, что ранее разделенные юрисдикции (например, в пределах этнически или расово разделенных районов) принудительно интегрированы; в то же время это означает, что ранее полностью интегрированные юрисдикции (как в домохозяйствах, так и в семьях) будут принудительно разрушены и распущены. Вместо того, чтобы рассматривать внутрисемейные или бытовые вопросы (включая такие вопросы, как, например, аборт), как чужое дело, которое должно оцениваться и обсуждаться главой и членами семьи,¹⁹ после того, как была установлена судебная монополия, её агенты будут стремиться расширить свою роль в качестве судьи и арбитра последней инстанции во всех семейных делах. Чтобы заручиться поддержкой народа в своей роли, правительство будет способствовать разобщению внутри семьи: между полами (мужьями и женами) и поколениями (родителями и детьми).²⁰ Это будет особенно заметно в больших городах.

Любая форма всеобщего благосостояния – обязательное перемещение богатства или дохода от «имущих» к «неимущим» снижает ценность членства человека в расширенной системе семья-домохозяйство как социальной системе взаимного сотрудничества и помощи. Брак теряет ценность. Для родителей ценность и важность «хорошего» воспитания (образования) своих детей снижается. Соответственно, детям будет придаваться меньше значения, а родителям – меньше уважения. Из-за высокой концентрации получателей социальных пособий в больших городах распад семей уже достаточно продвинут.

¹⁸ См. об этом Murray N. Rothbard, «The Great Women's Lib Issue: Setting it Straight», в *Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays*; Michael Levin, *Feminism and Liberty* (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1987).

¹⁹ См. Robert Nisbet, *Prejudices: A Philosophical Dictionary* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982), стр. 1-8, 110-17.

²⁰ См. об этом Murray N. Rothbard, «Kid Lib», в *Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays*.

В обращении к полу и поколению (возрасту) как к источнику политической поддержки, а также к поощрению и принятию законодательства о сексе и семье, неизменно ослабляется авторитет глав семей и домашних хозяйств, а также «естественная» межпоколенческая иерархия в семьях и значение семьи из нескольких поколений как основной ячейки человеческого общества. Действительно, как только закон и законодательство правительства заменят семейное право и законодательство (включая межсемейные договоренности в сочетании браками, совместными семейными обязанностями, наследством и т.д.), ценность и значение института семьи можно будет только систематически разрушать. Что такое семья, если она не может даже обеспечить свой внутренний закон и порядок? В то же время, как должно быть ясно, но не было достаточно отмечено, с точки зрения правительства, их способность вмешиваться во внутренние семейные вопросы должна рассматриваться как высшая награда и вершина их собственной власти. Использование племенных, расовых обид или классовой зависти в личных интересах – это одно. Совершенно другое достижение – использовать ссоры, возникающие в семьях, чтобы разрушить всю, в целом, гармоничную систему автономных семей: вырвать отдельных людей из их семей, изолировать и распустить их, тем самым увеличивая власть государства над ними. Соответственно, по мере реализации государственной семейной политики развод, одиночество, одинокое воспитание и незаконнорожденность, случаи родительского и супружеского пренебрежительного отношения к детям или жестокого обращения, а также разнообразие и частота «нетрадиционных» образов жизни (гомосексуализм, лесбиянство, коммунизм, и оккультизм) тоже возрастает.²¹

Параллельно с этим будет происходить постепенный, но неуклонный рост преступности и преступного поведения. Под монопольным покровительством закон неизменно трансфор-

²¹ См. об этом Allan C. Carlson, «What Has Government Done to Our Families?» *Essays in Political Economy* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1991); Bryce J. Christensen, «The Family vs. the State», *Essays in Political Economy* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1992).

мируется в законодательство. В результате бесконечного процесса перераспределения доходов и богатства во имя расовой, социальной и/или гендерной справедливости сама идея справедливости как универсальных и неизменных принципов поведения и сотрудничества будет в конечном итоге разрушена. Вместо того, чтобы быть задуманным как нечто существующее (и подлежащим обнаружению), закон все чаще рассматривается как созданный правительством (законодательством). Соответственно, не только возрастет правовая неопределенность, но и в ответ вырастет общественная ставка временных предпочтений (то есть люди в целом станут более ориентированными на настоящее и будут иметь все более узкий горизонт планирования). Моральный релятивизм также будет поощряться. Ибо, если не существует такой вещи, как абсолютное право, то также не бывает и абсолютной ошибки. Действительно, то, что сегодня правильно, завтра может быть не так, и наоборот. Таким образом, растущие временные предпочтения в сочетании с моральным релятивизмом создают идеальную почву для преступников и преступлений – тенденции, особенно заметной в больших городах. Именно здесь распад семей наиболее продвинул, где существует наибольшая концентрация получателей субсидий, где процесс генетического вырождения продвинулся дальше всего, и где межплеменная и расовая напряженность как результат принудительной интеграции является наиболее опасной. Вместо центров цивилизации города стали центрами социальной дезинтеграции и выгребными ямами физического и морального разложения, коррупции, жестокости и преступности.²²

IV

Что следует из всего этого? Ясно, что западная цивилизация уже давно находится на пути самоуничтожения. Можно ли остановить этот курс, и если да, то как? Я бы хотел быть опти-

²² См. об этом Edward C. Banfield, «Present-Orientedness and Crime», в *Assessing the Criminal*, Randy E. Barnett and John Hage), eds. (Cambridge, Mass.: Ballinger, 1977); Da-

мистом, но я не уверен, что для оптимизма есть достаточные основания. Безусловно, история в конечном итоге определяется идеями, и идеи могут измениться почти мгновенно. Но для того, чтобы идеи изменились, людям недостаточно понять, что что-то не так. По крайней мере, значительное число людей также должно быть достаточно умным, чтобы все понять. То есть они должны понимать основные принципы, на которых основывается общество (сотрудничество людей), те самые принципы, которые здесь объясняются. Еще они должны обладать достаточной силой воли, чтобы действовать в соответствии с этим пониманием. Но именно в этом нужно все больше сомневаться. Цивилизация и культура действительно имеют генетическую (биологическую) основу. Однако в результате этатизма – принудительной интеграции, эгалитаризма, политики всеобщего благосостояния и разрушения семьи генетическое качество населения, безусловно, ухудшилось.²³ На самом деле, как это может быть не так, когда успех систематически наказывается, а неудача вознаграждается? Независимо от того, намерено это делается или нет, государство всеобщего благосостояния способствует распространению умственно и морально неполноценных людей, и результаты были бы еще хуже, если бы не тот факт, что уровень преступности среди этих людей особенно высок, и что они склонны уничтожать друг друга чаще.

Однако даже если все это не дает особой надежды на будущее, еще не все потеряно. Ведь все еще остаются некоторые очаги цивилизации и культуры. Не в городах и мегаполисах, а в глубоком тылу (сельской местности). Чтобы сохранить их, необходимо выполнить несколько требований: государство как судебная монополия должно быть признано источником децивилизации (государства не создают закон и порядок, они

vid Walters, «Crime in the Welfare State», в *Criminal Justice?: The Legal System vs. Individual Responsibility*, Robert J. Bidinotto, ed. (Irvington-on-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education, 1994); также James Q. Wilson, *Thinking About Crime* (New York: Vintage Books, 1985).

²³ См. об этом Seymour W. Itzkoff, *The Decline of Intelligence in America* (Westport, Conn.: Praeger, 1994); он же, *The Road to Equality: Evolution and Social Reality* (Westport, Conn.: Praeger, 1992).

его разрушают), а семьи и домохозяйства должны быть признаны источником цивилизации. Чрезвычайно важно, чтобы главы семей и домохозяйств подтвердили свою окончательную власть в качестве судьи во всех внутренних семейных делах (домохозяйства должны быть объявлены экстерриториальными, как и посольства иностранных государств). Добровольная пространственная сегрегация и дискриминация должны быть признаны как не плохие, а хорошие вещи, которые способствуют мирному сотрудничеству между различными этническими и расовыми группами. Всеобщее благосостояние должно быть признано исключительно делом семьи и добровольной благотворительности, а государственная система благосостояния – не чем иным, как субсидированием безответственности.

§10

О консерватизме и либертарианстве

I

Позвольте мне начать с обсуждения двух возможных значений термина «консервативный». Первое значение – человек, поддерживающий *статус-кво*, который хочет сохранить любые законы, правила, нормы, моральные и поведенческие кодексы, которые существуют в данный момент времени.

Поскольку разные законы, правила и политические институты действуют в разное время и/или в разных местах, то, что поддерживает консерватор, зависит и меняется в зависимости от места и времени. Быть консерватором означает любить существующий порядок, каким бы он ни был.

Однако первое определение может быть отброшено.¹ Термин «консервативный» должен иметь другое значение: консерватор это тот, кто верит в существование естественного порядка, естественного положения дел, которое соответствует естественным явлениям природы и человека. Этот естественный порядок нарушается и может быть нарушен несчастными случаями и аномалиями: землетрясениями и ураганами, болезнями, вредителями, монстрами и животными, двуглавыми лошадьми или четвероногими людьми, калеками и идиотами, а

¹ Сказанное не означает, что никто и никогда не принимал такое значение консерватизма. На самом деле, выдающимся примером консерватора, который очень близок к принятию определения, отвергнутого здесь как бесполезное, является Michael Oakeshott, «On Being Conservative», в его же, *Rationalism in Politics and other Essays* (Indianapolis, Ind.: Liberty Fund, 1991). Для Оукшотта консерватизм – это

Политическая юстиция, основанная на официальной системе шпионажа и поощрении анонимных доносов, на ускоренной процедуре расследования по обвинениям против магнатов при весьма упрощенном доказательстве

также войнами, завоеваниями и тиранией. Но нетрудно отличить нормальное от аномального, существенное от случайного. Немного абстракции удаляет весь беспорядок и позволяет почти каждому «увидеть», что соответствует природе вещей, а что нет. Более того, естественное положение в то же время самое устойчивое положение дел из всех возможных. Естественный порядок старинный и всегда один и тот же (изменяются только аномалии и происшествия), поэтому он может быть признан нами везде и всегда. Немного абстракции удаляет весь беспорядок и позволяет почти каждому «увидеть», что соответствует природе вещей, а что нет. Более того, естественное положение в то же время самое устойчивое положение дел из всех возможных. Естественный порядок старинный и всегда один и тот же (изменяются только аномалии и происшествия), поэтому он может быть признан нами везде и всегда.

Консерватор распознает старое и естественное через «шум» аномалий и несчастных случаев, защищает, поддерживает и помогает оберегать его от временного и аномального. В сфере гуманитарных наук, включая социальные науки, консерватор признает семьи (отцов, матерей, детей, внуков) и домохозяйства, основанные на частной собственности и в сотрудничестве с сообществом других домохозяйств, как наиболее фундаментальные, естественные, необходимые, древние и обязательные социальные единицы. Более того, семейное домашнее хозяйство также представляет модель социального порядка в целом. Подобно тому, как иерархический порядок существует в семье, существует и иерархический порядок в сообществе се-

преступления (посредством ссылки на «очевидность и общеизвестность»), была демократической разновидностью венецианского процесса в Совете десяти. Наиболее резкими постановлениями против магнатов были лишение всех ведущих рыцарский образ жизни фамилий права занимать должности в городе, обязательство предоставлять ручательство за свою благонадежность, юридическая ответственность всего рода за каждого его члена, особые карательные законы, предусматривающие политические проступки магнатов, в частности оскорбление чести пополана, запрет приобретать недвижимость, граничащую с землями пополана, без его согласия. ... Поскольку знатные семьи могли быть однозначно приняты как часть населения, [однако] даже должности пополана почти всегда занимали дворяне. (стр. 160-161)

мей – учеников, слуг и хозяев, вассалов, рыцарей, лордов, повелителей и даже королей, связанных сложной и запутанной системой родственных отношений; и детей, родителей, священников, епископов, кардиналов, патриархов или пап и, наконец, трансцендентного Бога. Из двух уровней власти земная физическая сила родителей, лордов и королей, естественно, подчинена и подчиняется высшему духовно-интеллектуальному авторитету отцов, священников, епископов и, в конечном счете, Бога.

Консерваторы (или, точнее, западные греко-христианские консерваторы), если за что-то стоят и хотят сохранить, то это семья, социальная иерархия, духовно-интеллектуальный авторитет, основанный на семейных узах и основанные на них родственные отношения.²

² См. Robert Nisbet, «Conservatism», в *A History of Sociological Analysis*, Tom Bottomore and Robert Nisbet, eds. (New York: Basic Books, 1978); Robert Nisbet, *Conservatism: Dream and Reality* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986). «Естественно», – пишет Нисбет, – «консерваторы, апеллируя к традициям, не одобряли каждую идею или вещь, унаследованную из прошлого. Философия традиционализма, как и все подобные философии, избирательна. Полезная традиция должна прийти из прошлого, но она также должна быть желанной сама по себе» (там же, стр. 26). «Два центральных понятия консервативной философии», – продолжает Нисбет, – это «собственность» и (добровольно признанный) «авторитет», которые, в свою очередь, подразумевают «свободу» и «порядок» (стр. 34-35). «Собственность», – говорится в консервативной философии, – «это нечто большее, чем внешний придаток человека, не просто неодушевленный слуга человеческих потребностей. Это, прежде всего, в цивилизации, само условие человечности человека, его превосходства над всем миром природы» (стр. 56).

В значительной степени консервативное почитание семьи объясняется исторически сложившейся близостью между семьей и собственностью. Как правило, любая семья стремится получить как можно больше преимуществ для своих детей и других членов. ... Нет вопроса, по которому консерваторы так упорно боролись бы с либералами и социалистами, как по поводу угроз через закон вырвать собственность из рук семьи, путем налогообложения или любой другой формы перераспределения. (стр. 52)

Полезная традиция должна прийти из прошлого, но она также должна быть желанной сама по себе» (там же, стр. 26). «Два центральных понятия консервативной философии», – продолжает Нисбет, – это «собственность» и (добровольно признанный) «авторитет», которые, в свою очередь, подразумевают «свободу» и «порядок» (стр. 34-35). «Собственность», – говорится в консервативной философии, – «это нечто большее, чем внешний придаток человека, не просто неодушевленный слуга человеческих потребностей. Это, прежде всего, в цивилизации, само условие человечности человека, его превосходства над всем миром природы» (стр. 56).

II

Позвольте мне теперь перейти к оценке современного консерватизма, а затем объяснить, почему консерваторы сегодня должны быть антиэтатистскими либертарианцами и, что не менее важно, почему либертарианцы должны быть консерваторами.

Современный консерватизм в США и Европе сбит с толку и искажен. Эта путаница во многом связана с демократией. Под влиянием представительной демократии и с превращением США и Европы в массовые демократии после Первой мировой войны консерватизм превратился из антиэгалитарной, аристократической, антиэтатистской идеологической силы в движение культурно-консервативных этатистов: правое крыло социализма и социал-демократов. Большинство самопро-

Аналогичным образом, консервативный акцент на авторитет и социальные ранги, а также привязанность к средневековой дореформационной Европе как модели социальной организации, коренится в примате семьи и собственности. Как объясняет Нисбет,

Нет принципа более основополагающего для консервативной философии, чем принцип неотъемлемой и абсолютной несовместимости свободы и равенства. Такая несовместимость проистекает из противоположных целей двух ценностей. Неизменной целью свободы является защита личной и семейной собственности – слово, используемое в самом широком смысле для обозначения как нематериального, так и материального в жизни. С другой стороны, неотъемлемая цель равенства заключается в некотором перераспределении или выравнивании неравномерно разделяемых материальных и нематериальных ценностей сообщества. Более того, поскольку индивидуальные сильные стороны ума и тела отличаются от рождения, все усилия компенсировать с помощью закона и правительства это разнообразие сильных сторон могут только подорвать свободы тех, кто в этом участвует; особенно свободы самых сильных и самых выдающихся. (стр. 47)

Для консерватора, таким образом, сохранение собственности и свободы требует существования естественных элит или аристократии, и, соответственно, он строго выступает против демократии. Действительно, отмечает Нисбет, «для большинства консерваторов социализм представлялся почти необходимым порождением демократии, а тоталитаризм – почти столь же необходимым продуктом социал-демократии», (стр. 92). О несовместимости свободы и равенства (и демократии) см. также Erik von Kuehnelt-Leddihn, *Liberty or Equality?* (Front Royal, Va.: Christendom Press, 1993); о консервативном акценте на *nobilitas naturalis* как социологической предпосылке свободы см. также Wilhelm Röpke, *fenseits von Angebot und Nachfrage* (Bern: Paul Haupt, 1979), гл. 3.3.

возглашенных современных консерваторов обеспокоены, как и следовало ожидать, распадом семей, разводом, незаконными детьми, потерей авторитетов, мультикультурализмом, альтернативным образом жизни, социальной дезинтеграцией, беспорядочным сексом и преступностью. Все эти явления представляют собой аномалии и скандальные отклонения от естественного порядка. Консерватор действительно должен быть против всех этих явлений и пытаться восстановить нормальное положение. Однако большинство современных консерваторов (по крайней мере, большинство представителей консервативного истеблишмента) либо не признают, что их цель восстановления нормальности требует самых радикальных, даже революционных, антиэтатистских социальных изменений, либо (если они знают об этом) они являются членами «пятой колонны», занимающейся разрушением консерватизма изнутри (и, следовательно, должны рассматриваться как зло).

То, что это в значительной степени верно для так называемых неоконсерваторов, не требует дальнейшего объяснения. Действительно, что касается их лидеров, можно предположить, что большинство из них относятся к последнему (злому) виду. Они по-настоящему не озабочены вопросами культуры, но признают, что должны играть на культурном консерватизме, чтобы не потерять власть и продвигать свою совершенно иную цель глобальной социал-демократии.³ Однако это также верно

³ О современном американском консерватизме см., в частности, Paul Gottfried, *The Conservative Movement*, rev. ed. (New York: Twayne Publishers, 1993); George H. Nash, *The Conservative Intellectual Movement in America* (New York: Basic Books, 1976); Justin Raimondo, *Reclaiming the American Right: The Lost Legacy of the Conservative Movement* (Burlingame, Calif.: Center for Libertarian Studies, 1993); см. далее гл. 11. Фундаментально государственный характер американского неоконсерватизма лучше всего резюмируется заявлением одного из его ведущих интеллектуальных лидеров, бывшего троцкиста Ирвинга Кристола: «Основной принцип консервативного государства всеобщего благосостояния должен быть простым: везде, где это возможно, людям должно быть разрешено хранить свои собственные деньги, вместо того, чтобы перечислять их (через налоги государству) – при условии, что они используют их в определенных целях», *Two Cheers for Capitalism* (New York: Basic Books, 1978), стр. 119 (акцент добавлен). Эта точка зрения по существу идентична той, которой придерживаются современные – постмарксистские – европейские социал-демократы. Так, Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), например, в своей Голдесбергской программе 1959 года приняла в качестве своего основного девиза ло-

для многих консерваторов, которые искренне обеспокоены о распаде семьи и культурной гнили. Я имею ввиду, в частности, консерватизм, представленный Патриком Бьюкененом и его

зунг «как можно больше рынка, как можно больше государства».

Вторая, несколько более старая, но в настоящее время почти неотличимая ветвь современного американского консерватизма представлена новым (после Второй мировой войны) консерватизмом, запущенным и продвигаемым при содействии ЦРУ Уильямом Бакли и его *National Review*. В то время как старый (до Второй мировой войны) американский консерватизм характеризовался решительно антиинтервенционистскими (изоляционистскими) взглядами на внешнюю политику, отличительной чертой нового консерватизма Бакли был его бешеный милитаризм и интервенционистская внешняя политика. В статье «Взгляд молодого республиканца», опубликованной за три года до запуска его *National Review* в Содружестве, 25 января 1952 года, Бакли таким образом резюмировал то, что станет новым консервативным кредо: в свете угрозы, исходящей от Советского Союза, «мы [новые консерваторы] должны принять Большое правительство на время – ибо ни наступательная, ни оборонительная война не может вестись. ... иначе как через инструмент тоталитарной бюрократии на наших берегах». Консерваторы, писал Бакли, были обязаны продвигать «обширные и продуктивные налоговые законы, необходимые для поддержки энергичной антикоммунистической внешней политики», а также «крупные армии и военно-воздушные силы, атомную энергию, центральную разведку, военные производственные советы и сопутствующую централизацию власти в Вашингтоне». Ожидаемо, что с момента распада Советского Союза в конце 1980-х годов в этой философии практически ничего не изменилось. Сегодня продолжение и сохранение американского военного государства и государства всеобщего благосостояния попросту оправдывается и пропагандируется как новыми, так и неоконсерваторами со ссылкой на иных внешних врагов и угрозы: Китай, исламский фундаментализм, Саддам Хусейн, «государства-изгои» и/или угроза «глобального терроризма». Что касается этого нового консерватизма Бакли, Роберт Нисбет отметил, что

из всех неправильных толкований слова «консервативный» ... наиболее забавным в историческом свете, безусловно, является применение слова «консерватор» к последним [т.е. к сторонникам расширения бюджета, выступающим за значительное увеличение военных расходов]. Ибо в Америке на протяжении всего двадцатого века, включая четыре крупные войны за рубежом, консерваторы неизменно выступали за неинфляционные военные бюджеты и делали акцент на торговле в мире, а не на американском национализме. В двух мировых войнах, в Корее и во Вьетнаме, лидерами американского вступления в войну были такие известные либерально-прогрессивистские деятели, как Вудро Вильсон, Франклин Рузвельт, Гарри Трумэн и Джон Ф. Кеннеди. Во всех четырех эпизодах консерваторы, как в национальном правительстве, так и в рядовом составе, были в значительной степени враждебны вмешательству; они действительно были изоляционистами, (*Conservatism*, стр. 103).

В частности, о Рональде Рейгане, при администрации которого произошло слияние нового и неоконсервативного движения, Нисбет отметил, что «страсть Рейгана к

движением.⁴ Консерватизм Бьюкенена ничем не отличается от консервативного республиканского партийного истеблишмента, поскольку он и его последователи показывают себя такими. Их консерватизм полностью соответствует консервативному истеблишменту: оба являются государственниками. Они расходятся во мнениях относительно того, что именно необходимо сделать для восстановления нормальной жизни в США, но они согласны с тем, что это должно делать государство. Здесь нет и следа принципиального антиэтатизма.

Позвольте мне проиллюстрировать это, цитируя Сэмюэля Фрэнсиса, одного из ведущих теоретиков и стратегов движения Бьюкенена. После осуждения «антибелой» и «антизападной» пропаганды, «воинствующего секуляризма, корыстного эгоизма, экономического и политического глобализма, демографического наплыва и неконтролируемого государственного централизма» он излагает новый дух – «Америка первым делом», который «подразумевает не только нахождение собственных национальных интересов над интересами других наций и формирований, таких как «мировое лидерство», «глобальная гармония» и «новый мировой порядок», но и предоставление нации приоритета над удовлетворением индивидуальных и субнациональных интересов». Но как он предлагает решить проблему морального вырождения и культурной гнили? Те части федерального Левиафана, которые несут ответственность за распространение морального и культурного загрязнения, такие как Министерство образования, Национальный фонд искусств, Комиссия по обеспечению равных возможностей в сфере занятости и Федеральная судебная система, должны быть закрыты или сокращены в размере. Но нет никакой оппозиции против участия государства в образовательных вопросах. Нет признания того, что естественный порядок в образовании оз-

крестовым походам, моральным и военным, едва ли можно назвать американо-консервативной», (там же, стр. 104).

⁴ См. Patrick J. Buchanan, *Right from the Beginning* (Washington, D.C.: Regnery Gateway, 1990); он же, *The Great Betrayal: How American Sovereignty and Social Justice are Sacrificed to the Gods of the Global Economy* (New York: Little, Brown, 1998).

начает, что государство не имеет к нему никакого отношения. Образование – это полностью семейное дело.⁵

Более того, моральное вырождение и культурная гниль имеют более глубокие причины и не могут быть просто вылечены навязанными государством изменениями в учебных программах или наставлениями и декларациями. Напротив, Фрэнсис предлагает, что культурный разворот – (восстановление нормальности) может быть достигнут без фундаментального изменения в структуре современного государства всеобщего благосостояния. Действительно, Бьюкенен и его идеологи открыто защищают три основных института государства всеобщего благосостояния: социальное обеспечение, медицинскую помощь и пособия по безработице. Они даже хотят расширить «социальные» обязанности государства, возложив на него задачу «защиты» посредством национальных ограничений на импорт и экспорт, на американские рабочие места, особенно в отраслях национального значения, и «изолировать заработную плату работников США от иностранных рабочих, которые работают за 1 доллар в час или меньше».

На самом деле бьюкененцы свободно признают себя госу-

⁵ Бьюкенен и его интеллектуальные союзники хотят отменить контроль федерального правительства над вопросами образования и вернуть такой контроль на уровень штатов или, еще лучше, местного самоуправления. Однако неоконсерваторы и большинство лидеров так называемых христианских правых и «морального большинства» просто желают (что гораздо хуже с подлинно консервативной точки зрения) замены нынешней леволиберальной элиты, отвечающей за национальное образование, на другую, т.е. на самих себя. «Начиная с Бёрка», – критикует эту позицию Роберт Нисбет, – «консервативная заповедь и социологический принцип со времен Огюста Конта гласят, что самый верный способ ослабить семью или любую жизненно важную социальную группу – это чтобы правительство взяло на себя, а затем монополизировало исторические функции семьи». Напротив, большая часть современных американских правых «меньше заинтересована в бёрковских иммунитетах от государственной власти, чем в том, чтобы передать максимум государственной власти в руки тех, кому можно доверять. На первом месте стоит контроль над властью, а не ее уменьшение».

С точки зрения традиционного консерватора, глупо использовать семью – как это регулярно делают евангелические крестоносцы – в качестве оправдания своих неустанных крестовых походов за категорический запрет абортов, за привлечение Министерства юстиции к каждому младенцу Доу, за введение «добровольных» молитв в государственных школах и так далее, (Nisbet, *Conservatism*, стр. 104-05).

дарственниками. Они ненавидят и высмеивают капитализм, вмешательство, свободные рынки и торговлю, богатство, элиту и благородство; и они выступают за новый популистский, по сути, пролетарский консерватизм, который объединяет социальный и культурный консерватизм и социальную или социалистическую экономику. Таким образом, продолжает Фрэнсис,

в то время как левые могли завоевать средний класс американцев с помощью своих экономических мер, они потеряли их благодаря своему социальному и культурному радикализму, и в то время как правые могли привлечь средний класс американцев с помощью призывов к правопорядку и защите сексуальной нормальности, традиционных нравов и религии, традиционных социальных институтов и призывов к национализму и патриотизму, они потеряли средний класс американцев, когда повторили свои старые буржуазные экономические формулы.⁶

Следовательно, необходимо объединить экономическую политику левых, а также национализм и культурный консерватизм правых, чтобы создать «новую идентичность, объединяющую как экономические интересы, так и культурно-национальные склонности пролетаризированного среднего класса в отдельном и едином политическом движении».⁷ По понятным причинам эта доктрина не так названа, но есть термин для этого типа консерватизма: это называется социальный национализм или национал-социализм.

Я не буду касаться здесь вопроса о том, обращается ли к массам консерватизм Бьюкенена и является ли его диагноз американской политики социологически правильным. Я сомневаюсь, что это так, и, конечно, судьба Бьюкенена во время президентских республиканских праймеризов 1995 и 2000 годов не указывает на иное. Скорее, я хочу обратиться к более фун-

⁶ Samuel T. Francis, «From Household to Nation: The Middle American populism of Pat Buchanan», *Chronicles* (March 1996): 12-16; см. также он же, *Beautiful Losers: Essays on the Failure of American Conservatism* (Columbia: University of Missouri Press, 1993); он же, *Revolution from the Middle* (Raleigh, N.C.: Middle American Press, 1997).

⁷ Francis, *From Household to Nation*, стр. 12-16.

даментальным вопросам: если предположить, что у этой идеологии есть некая привлекательность; то есть, предполагая, что культурный консерватизм и социально-социалистическая экономика могут быть *психологически* объединены (то есть, люди могут придерживаться обоих этих взглядов одновременно без когнитивного диссонанса), то могут ли они быть эффективно и практически (экономически и праксиологически) объединены? Можно ли сохранить текущий уровень экономического социализма (социального обеспечения и т.д.) и достичь цели восстановления культурной нормальности (естественных семей и нормальных правил поведения)?

Бьюкенен и его теоретики не чувствуют необходимости поднимать этот вопрос, потому что они считают, что политика – это исключительно вопрос воли и власти. Они не верят в такие вещи, как экономические законы. Если только люди чего-то хотят и им дана сила для реализации своей воли, все может быть достигнуто. «Покойный австрийский экономист» Людвиг фон Мизес, на которого Бьюкенен презрительно ссылался во время своей кампании, охарактеризовал эту веру как «историзм» образца интеллектуальной позиции немецких *катедер-социалистов*, которые оправдывали любые этатистские меры.

Но незнание экономики не изменяет того факта, что существуют неумолимые экономические законы. Например, вы не можете съесть свой торт и сохранить его. Или то, что вы потребляете сейчас, не может быть снова потреблено в будущем. Или производство большего количества одного товара требует производства меньшего количества другого. Никакое желаемое, выдаваемое за действительное не может заставить такие законы исчезнуть. Вера в обратное может привести только к практическому провалу. «На самом деле», отметил Мизес, «экономическая история – это длинная летопись правительственной политики, которая провалилась из-за того, что она была разработана под смелым пренебрежением законами экономики».⁸ В свете элементарных и неизменных экономических зако-

⁸ Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, Scholar's Edition (Auburn,

нов, Бьюкененская программа социального национализма – это просто еще одна смелая, но неосуществимая мечта. Никакое мечтательное мышление не может изменить тот факт, что поддержание основных институтов нынешнего государства всеобщего благосостояния и желание вернуться к традиционным семьям, нормам, поведению и культуре являются несовместимыми целями. Можно иметь либо социализм, либо традиционную мораль, но нельзя иметь и то, и другое, и для национал-социалистической экономики нынешняя система государства всеобщего благосостояния, которую Бьюкенен хочет оставить нетронутой основой, является причиной культурных и социальных аномалий.

Чтобы прояснить это, необходимо лишь напомнить об одном из самых фундаментальных законов экономики, который гласит, что все принудительное перераспределение богатства или дохода, независимо от критериев, на которых оно основано, включает в себя экспроприацию у производителей и собственников и передачу непроизводителям и неимущим. Соответственно, стимул быть собственником уменьшается, а стимул быть неимущим увеличивается. Считается, что у имущего есть хорошие блага, и их отсутствие у неимущего это нечто плохое. Действительно, это та самая идея, которая лежит в основе любого перераспределения: у одних людей слишком много хороших вещей, а у других их не хватает. Результатом каждого перераспределения является то, что имущий будет производить меньше хорошего и его состояние будет более плохим. Благодаря субсидированию бедных за счет налоговых

Ala.; Ludwig von Mises Institute, 1998), стр. 67. «Деспоты и демократическое большинство», пишет Мизес, непосредственно подводя к этому приговору,

опьянены властью. Они с неохотой вынуждены признать, что подчиняются законам природы. Но они отвергают само понятие экономического закона. Разве не они сами являются верховными законодателями? Разве у них недостаточно сил, чтобы сокрушить любого оппонента? Ни один военный диктатор не склонен признавать никаких ограничений, кроме накладываемых превосходящей военной силой. Подобострастные писатели всегда готовы поощрять это самодовольство разработкой соответствующих доктрин. Они называют свои подтасованные допущения «исторической экономической теорией».

средств (за счет средств, взятых у других) будет создавать больше бедности. Благодаря субсидированию безработных людей будет создаваться больше безработицы. Благодаря субсидированию незамужних (плохих) матерей будет больше не состоящих в браке матерей и больше незаконнорожденных детей и т.д.⁹

Очевидно, что это базовое понимание применимо ко всей системе так называемого социального обеспечения, которая была внедрена в Западной Европе (с 1880-х годов) и США (с 1930-х годов): обязательного государственного «страхования» в случаях старости, болезней, производственного травматизма, безработицы, нищеты и т.д. В сочетании с еще более старой обязательной системой государственного образования эти институты и практики приводят к массовым нападкам на институт семьи и личной ответственности. Освобождая людей от обязанности обеспечивать свой собственный доход, здоровье, безопасность, старость и образование детей, уменьшается способность частного обеспечения, а также уменьшается ценность брака, семьи, детей и родства. Безответственность, близорукость, небрежность, болезни и даже разрушение поощряются, а ответственность, дальновидность, трудолюбие, здоровье и консерватизм наказываются. В частности, система обязательного страхования по старости, благодаря которой пенсионеры (пожилые люди) субсидируются за счет налогов, взимаемых с нынешних получателей дохода (молодых), систематически ослабляет естественную связь между родителями, бабушкой и дедушкой, и детьми. Пожилым людям больше не нужно полагаться на помощь своих детей, если они не предусматривают свою старость; и молодые (как правило, с меньшим накопленным богатством) должны поддерживать старых (как правило, с большим накопленным богатством), а не наоборот, как это обычно бывает в семьях. Следовательно, теперь люди хотят иметь меньше детей (и, действительно, рождаемость упа-

⁹ О контрпродуктивном характере всех интервенционистских политик см. Ludwig von Mises, *A Critique of Interventionism* (New Rochelle, N.Y.: Arlington House, 1977); он же, *Interventionism: An Economic Analysis* (Irvington-on-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education, 1998).

ла вдвое с начала современной политики социального обеспечения), и уважение, которое молодые люди традиционно оказывают своим старшим, уменьшается, и все показатели распада и неправильного функционирования семьи, таких как уровни разводов, незаконнорожденности, жестокого обращения с детьми, жестокого обращения с родителями, жестокого обращения с супругами, одиноких родители, одиночества, альтернативного образа жизни и аборт, растут.¹⁰

Более того, с социализацией системы здравоохранения и регулированием страховой отрасли (путем ограничения права страховщика на отказ) был запущен чудовищный механизм перераспределения богатства и доходов за счет ответственных лиц и групп низкого риска в пользу безответственных субъектов и групп высокого риска. Субсидии для больных, нездоровых и инвалидов порождают болезни, нездоровье и инвалидность и ослабляют желание работать для жизни и вести здоровый образ жизни. Лучшее всего эту ситуацию опишет цитата «покойного австрийского экономиста» Людвиг фон Мизеса:

быть больным – это не явление, независимое от сознательной воли ... Эффективность человека – это не просто результат его физического состояния; это во многом зависит от его разума и воли ... Разрушительный аспект страхования от несчастных случаев и болезней заключается прежде всего в том, что такие учреждения способствуют несчастным случаям и болезням, препятствуют выздоровлению и очень часто создают или, во всяком случае, увеличивают и удлиняют, функциональные расстройства, которые следуют за болезнью или несчастным случаем Чувствовать себя здоровым отличается от быть здоровым в медицинском смысле Ослабляя или полностью разрушая желание быть здоровым и способным работать, социальное страхование создает болезнь и неспособность работать; у человека возникает

¹⁰ См. Allan C. Carlson, *Family Questions: Reflections on the American Social Crisis* (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1988); он же, *The Swedish Experiment in Family Politics* (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1990); он же, *From Cottage to Work Station: The Family's Search for Social Harmony in the Industrial Age* (San Francisco: Ignatius Press, 1993); Charles Murray, *Losing Ground: American Social Policy 1950-1980* (New York: Basic Books, 1984).

привычка жаловаться – что само по себе является неврозом ... Как социальный институт он делает людей больными физически и психически или, по крайней мере, помогает размножаться, удлиняться и усиливаться болезни ... Таким образом, социальное страхование сделало невроз застрахованного опасным общественным заболеванием. Если это учреждение будет расширяться и развиваться, болезнь будет распространяться. Никакая реформа не сможет помочь. Мы не можем ослаблять или разрушать волю к здоровью не создавая болезни.¹¹

Я не хочу объяснять здесь экономический нонсенс Бьюкенена и его теоретиков о еще более продвинутой идеи протекционистской политики (защиты американской заработной платы). Если бы они были правы, их аргумент в пользу экономической защиты составил бы обвинительный акт всей торговле и дал бы защиту тезиса о том, что каждому (каждой семье) было бы лучше, если бы они никогда не торговали с кем-либо еще. Безусловно, в этом случае никто никогда не сможет потерять работу, и безработица из-за «недобросовестной» конкуренции будет сведена к нулю. Однако такое общество с полной занятостью не будет процветающим и сильным; он будет состоять из людей (семей), которые, несмотря на работу от рассвета до заката, будут обречены на нищету и голод. Международный протекционизм Бьюкенена, хотя и менее разрушительный, чем политика межличностного или межрегионального протекционизма, приведет к точно такому же эффекту. Это не консерватизм (консерваторы хотят, чтобы семьи были процветающими и сильными). Это экономический деструктивизм.¹²

В любом случае, должно быть ясно, что большинство, если не вся моральная деградация и культурная гниль (признаки децивилизации) вокруг нас являются неизбежными результатами государства всеобщего благосостояния и его основных

¹¹ Ludwig von Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis* (Indianapolis, Ind.: Liberty Fund, 1981), стр. 431-32.

¹² См. Murray N. Rothbard, *The Dangerous Nonsense of Protectionism* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1988); также гл. 8 выше.

институтов. Классические консерваторы старого образца знали об этом, и они решительно выступали против государственного образования и социального обеспечения. Они знали, что государства повсюду намеревались разрушить и в конечном итоге уничтожить семьи, а также институты, слои и иерархии власти, которые являются естественным результатом семейных общин, увеличивающих свою собственную власть.¹³ Они знали, что для этого государствам придется воспользоваться естественным бунтом подростков против родительского авторитета. И они знали, что социализированное образование и социализированная ответственность – средства достижения этой цели. Социальное образование и социальное обеспечение дают

¹³ «С точки зрения консерваторов», – пишет Роберт Нисбет, – «упразднение или резкое сокращение промежуточных объединений в социальном порядке привело к созданию, с одной стороны, атомизированных масс, а с другой – все более централизованных форм политической власти» (*Conservatism*, стр. 100). В Средние века, объясняет Нисбет в другом месте (цитируя исследование Полларда о Вулси),

власть была размыта не потому, что она была распределена по многим рукам, а потому, что она проистекала из многих независимых источников. Были свободы церкви, основанные на законе, превосходящем закон короля; был закон природы, начертанный в сердцах людей и не подлежащий уничтожению королевскими указами; и было предписание незапамятных местных и феодальных обычаев, стереотипизирующих разнообразные юрисдикции и препятствующих действию единой воли. (*Community and Power* [New York: Oxford University Press, 1962], стр. 110)

В отличие от,

Современное государство является монистическим; его власть распространяется непосредственно на всех людей в пределах его границ. Так называемые дипломатические иммунитеты являются лишь последним проявлением более широкого комплекса иммунитетов, который когда-то охватывал большое количество внутренних религиозных, экономических и родственных органов власти. В административных целях государство может делиться на провинции, департаменты, округа или «штаты», подобно тому, как армия делится на полки и батальоны. Но, как и армия, современное государство основано на остаточном единстве власти. Это чрезвычайное единство отношений в современном государстве, вместе с его массивным накоплением эффективных функций, делает контроль над государством величайшей единственной целью, или призом, в современной борьбе за власть. Все чаще целями экономических и других ассоциаций интересов становится не столько сохранение привилегированных иммунитетов от государства, сколько захват или направление самой политической власти. (Там же, стр. 103)

возможность мятежной молодежи избежать родительской власти (чтобы сбежать с постоянно плохим поведением). Старые консерваторы знали, что эта политика освободит человека от дисциплины, навязанной семейной и общественной жизнью, только для того, чтобы подчинить ее прямому и непосредственному контролю со стороны государства.¹⁴ Кроме того, они знали или, по крайней мере, имели догадку, что это может привести к систематической инфантилизации общества – эмоциональному и умственному регрессу.

Напротив, популистско-пролетарский консерватизм, социальный национализм Бьюкенена демонстрирует полное незнание всего этого. Сочетание культурного консерватизма и всеобщего благосостояния (этатизма) невозможно, а значит, эта теория – экономическая чепуха. Всеобщее благосостояние в любой форме порождает моральную и культурную гниль и вырождение. Таким образом, если кто-то действительно обеспокоен моральным разложением Америки и хочет восстановить нормальное состояние в обществе и культуре, он должен противостоять всем аспектам современного государства социального обеспечения. Для возвращения к нормальной жизни требуется не меньше, чем полная ликвидация существующей системы социального обеспечения: страхования на случай безработицы, социального обеспечения, медицинской помощи, государственного образования и т.д., и, таким образом, почти полного роспуска и разрушения нынешнего государственного аппарата и правительственной мощи. Если кто-то когда-либо восстановит нормальность, то лишь когда государственные средства и власть сократятся к уровню девятнадцатого века или даже ниже. Следовательно, настоящие консерваторы должны быть жесткими либертарианцами (антиэтатистами). Консерватизм Бьюкенена ложен: он хочет возврата к традиционной морали, но в то же время выступает за сохранение тех самых институтов, которые несут ответственность за извращение и

¹⁴ О роли государственного образования в этом см. в частности Murray N. Rothbard, *Education, Free and Compulsory: The Individual's Education* (Wichita, Kans.: Center for Independent Education, 1972).

разрушение традиционной морали.

III

Таким образом, большинство современных консерваторов, особенно среди представителей СМИ, являются не консерваторами, а социалистами – либо интернационалистского типа (новые и неоконсервативные военно-социальные деятели и глобальные социал-демократы), либо националистического сорта (бьюкененские популисты). Подлинными консерваторами должны быть против обоих. Чтобы восстановить социальную и культурную нормальность, истинные консерваторы могут быть только радикальными либертарианцами, и они должны требовать разрушения всей структуры социального обеспечения, как морального и экономического развратителя. Если консерваторы должны быть либертарианцами, почему либертарианцы должны быть консерваторами? Если консерваторы должны учиться у либертарианцев, должны ли либертарианцы также учиться у консерваторов?

Сначала приведем несколько терминологических пояснений. Используемый здесь термин либертарианство – это феномен двадцатого века, или, точнее, феномен информационного века после Второй мировой войны, имеющий интеллектуальные корни как в классическом (восемнадцатого и девятнадцатого веков) либерализме, так и в более старой философии естественного права.¹⁵ Это продукт современного (просветительского) рационализма. Кульминируя в работах Мюррея Ротбарда, первоисточниках современного либертарианского движения, и, в частности, в его «Этике свободы», либертарианство представляет собой рациональную систему этики (права).¹⁶ Работая в рамках традиции классической политической

¹⁵ Об истории либертарианского движения см. Nash, *The Conservative Intellectual Movement in America*; Gottfried, *The Conservative Movement*; Raimondo, *Reclaiming the American Right*; интересный внутренний рассказ о ранних этапах развития движения см. Jerome Tuccille, *It Usually Begins with Ayn Rand* (San Francisco: Fox and Wilkes, [1972] 1997).

¹⁶ См. Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty* (New York: New York University Press,

применяя те же древние аналитические (концептуальные) инструменты и логический аппарат, что и они, либертарианство (Ротбардианство) представляет собой систематический кодекс законов, полученный путем логического вывода из единого принципа, обоснованность которого (и именно это делает его основным принципом, т.е. этической *аксиомой*, а либертарианский кодекс законов – аксиоматически-дедуктивной теорией справедливости) нельзя оспорить, не подвергаясь логико-практическим (праксеологическим) или перформативным противоречиям (которые означают отсутствие явного подтверждения того, что что-то нужно отрицать). Эта аксиома является древним принципом первоначального присвоения: владение скудными ресурсами (права исключительного контроля над скудными ресурсами (частная собственность)) приобретается посредством акта первоначального присвоения (посредством которого ресурсы преобразуются из природного состояния в состояние цивилизационное). Если бы это было не так, никто бы не смог начать действовать (делать или предлагать что-либо); следовательно, любой другой принцип праксеологически невозможен (и аргументированно неоправдан). Из принципа первоначального присвоения (принципа, по которому кто первый использовал, тот и владеет) правила, касающиеся преобразования и передачи (обмена) первоначально присвоенных ресурсов, и всей этики (закона), включая принципы наказания реконструируются с точки зрения теории прав собственности: все права человека являются правами собственности, а все нарушения прав человека являются нарушениями прав собственности. Результат этой либертарианской теории справедливости хорошо известен в этих выводах: государство, согласно наиболее влиятельному направлению либертарианской теории, ротбардовской, является преступной организацией, и единственным общественным порядком, который является справедливой

[1982] 1997); он же, *For A New Liberty: The Libertarian Manifesto* (New York: Collier, [1973] 1978); он же, *Power and Market: Government and the Economy* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, [1970] 1977); он же, *Man, Economy, and State* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, [1962] 1993); он же, *Economic Thought Before Adam Smith* (Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1995); он же, *Classical Economics* (Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1995).

системой, есть система анархии частной собственности.

Я не хочу дальше анализировать или защищать либертарианскую теорию справедливости на данном этапе. Позвольте мне только признаться, что я верю в то, что теория верна и действительно неопровержимо истинна.¹⁷ Скорее, я хочу обратиться к вопросу о связи между либертарианством и консерватизмом (вера в естественный социальный порядок, основанный на семьях). Некоторые поверхностные комментаторы, в

¹⁷ См. Rothbard, *The Ethics of Liberty*; Hans-Hermann Hoppe, *The Economics and Ethics of Private Property* (Boston: Kluwer, 1993). Вкратце, в защиту этого утверждения были выдвинуты два основных аргумента. Первый, первоначально очерченный Ротбардом, проходит через *argumentum e contrario* [аргумент от противного]. Если, вопреки принципу первого или первоначального присвоения, человек А не считался владельцем своего явно (наглядно и интересубъективно устанавливаемого) присвоенного тела, а также мест его пребывания, первоначально (до всех остальных) присвоенных посредством его тела, то существуют только два альтернативных варианта. Либо другое лицо В, пришедшее позже, должно быть признано владельцем тела А и мест, первоначально присвоенных А, либо и А, и В должны считаться равными совладельцами обоих тел и мест. (Третья мыслимая альтернатива, что никто не должен владеть каким-либо телом и первоначально присвоенным местом, может быть исключена как невозможная. Действие требует тела и места, а мы не можем не действовать; следовательно, принятие этой альтернативы означало бы мгновенную смерть всего человечества.) В первом случае А был бы низведен до ранга раба Б и объекта эксплуатации. Б является владельцем тела и мест, первоначально присвоенных А, но А, в свою очередь, не является владельцем тела и мест, присвоенных Б. Согласно этому определению, образуются два категорически различных класса лиц: рабы или *Untermenschen* (недолюди), такие как А, и хозяева или *Übermenschen* (сверхлюди), такие как Б, к которым применяются разные «законы». Следовательно, хотя такое решение, безусловно, *возможно*, оно должно быть отвергнуто с самого начала как неподходящее для человеческой этики, одинаково и универсально применимой ко всем людям (разумным животным). Для того чтобы правило претендовало на звание закона – справедливого закона, – необходимо, чтобы оно применялось одинаково и универсально ко всем. Рассматриваемое правило явно не отвечает этому требованию универсализации. В качестве альтернативы, во втором случае всеобщего и равного совместного владения требование универсализации, по-видимому, выполняется. Но эта альтернатива страдает другим, еще более серьезным недостатком, потому что, если бы она была принята, все человечество немедленно погибло бы, ибо каждое действие человека требует использования дефицитных благ (по крайней мере, его тела и места, где это тело будет пребывать). Однако если бы все блага находились в совместной собственности каждого, то никому и нигде и ни в какое время нельзя было бы ничего делать, если бы он предварительно не заручился согласием на это всех остальных. Но как кто-то может дать такое согласие, если он не является исключительным владельцем своего собственного тела (включая голосовые связки), посредством которого это согласие будет выражено? Ведь для того, чтобы выразить свое собственное согласие, ему сначала нужно согласие других, но эти другие не мо-

основном с консервативной стороны, такие как Рассел Кирк, охарактеризовали либертарианство и консерватизм как несовместимые, враждебные или даже антагонистические идеоло-

гут дать свое согласие, не получив предварительно его и т. д. Таким образом, остается только одна альтернатива – принцип первоначального присвоения – принцип гомстеда. Он удовлетворяет требованию универсализации и праксеологически возможен.

Второй аргумент, впервые выдвинутый этим автором и приводящий по существу к тому же выводу, имеет форму теоремы о невозможности. Теорема исходит из логической реконструкции необходимых условий – *Bedingungen der Möglichkeit* – этических проблем и точного определения и определения цели этики. Во-первых, для возникновения этических проблем должен существовать конфликт между отдельными и независимыми агентами (или, по крайней мере, должен быть возможен); и конфликт, в свою очередь, может возникнуть только в отношении дефицитных средств или «экономических» благ. Конфликт невозможен ни в отношении избыточных или «бесплатных» благ, таких как, при нормальных обстоятельствах, воздух, которым мы дышим, ни в отношении дефицитных, но непригодных для использования благ, таких как солнце или облака, т.е. «условий», а не «средств» человеческой деятельности. Конфликт возможен только в отношении контролируемых («присваиваемых») средств, таких как конкретный участок земли, дерево или пещера, расположенные в определенном и уникальном пространственно-временном отношении по отношению к солнцу и/или дождевым облакам. Следовательно, задача этики состоит в том, чтобы предложить правила, касающиеся «правильного» и «неправильного» использования дефицитных средств. То есть этика касается передачи прав исключительного контроля над дефицитными благами, т.е. *прав собственности*, чтобы исключить конфликт. Конфликт, однако, не является достаточной предпосылкой для возникновения этических проблем, поскольку человек может вступить в конфликт также, например, с гориллой или комаром, однако такие конфликты не порождают этических проблем. Гориллы и комары представляют собой всего лишь *техническую* проблему. Мы должны научиться успешно управлять и контролировать движения горилл и комаров точно так же, как мы должны научиться управлять и контролировать неодушевленные объекты нашей окружающей среды. Только в том случае, если обе стороны конфликта способны к пресуппозиционному обмену, т.е. аргументации, можно говорить об этической проблеме; то есть, только если горилла и/или комар могли бы, в принципе, приостановить свою конфликтную деятельность и выразить «да» или «нет», т.е. представить аргумент, нужно было бы ответить им. Теорема о невозможности исходит из этого положения, проясняя, во-первых, его *аксиоматический* статус. Никто не может отрицать, не впадая в перформативные противоречия, что общая рациональность, проявляющаяся в способности участвовать в пропозициональном обмене, составляет необходимое условие для этических проблем, потому что это отрицание само по себе должно быть представлено в форме пропозиции. Даже этический релятивист, который признает существование этических вопросов, но отрицает, что существуют какие-либо обоснованные ответы, не может отрицать истинность этой пропозиции (которая, соответственно, также упоминается как «*априори* аргументации»). Во-вторых, указывается, что все, что должно предполагаться аргументацией, в свою

основном с консервативной стороны, такие как Рассел Кирк, охарактеризовали либертарианство и консерватизм как несовместимые, враждебные или даже антагонистические идеологии.¹⁸ На самом деле, это мнение совершенно ошибочно. Отношения между либертарианством и консерватизмом связаны между собой праксеологической совместимостью, социологической взаимодополняемостью и взаимным подкреплением.

Чтобы объяснить это, позвольте мне сначала указать, что большинство, хотя и не все, ведущие либертарианские мыслители были, по эмпирическому факту, социокультурными консерваторами: защитниками традиционной буржуазной морали и нравов. В частности, Мюррей Ротбард, наиболее важный и влиятельный либертарианский мыслитель, был откровенным культурным консерватором, так же, как и учитель Ротбарда, Людвиг фон Мизес. (Айн Рэнд, произведя значительное влияние на современное либертарианство, представляет с себя уже другое дело).¹⁹ Хотя это не доказывает многого (это доказыва-

очередь, не может быть аргументировано оспорено без того, чтобы не запутаться в перформативном противоречии, и что среди таких предпосылок существуют не только логические, такие как законы логики высказываний (например, закон тождества), но и праксеологические. Аргументация – это не просто свободно плавающие пропозиции, но всегда включающие по крайней мере двух различных *аргументаторов*, сторонника и оппонента, т.е. *аргументация* – это подкатегория человеческих действий. В-третьих, показано, что взаимное признание принципа первоначального присвоения как сторонником, так и противником составляет праксеологическую предпосылку аргументации. Никто не может ничего предложить и ожидать, что его оппонент убедит себя в справедливости этого предложения или опровергнет его и предложит что-то другое, если право его и его оппонента на исключительный контроль над «собственным» изначально присвоенным телом (мозгом, голосовыми связками и т.д.) и соответствующим ему помещением не было уже предположено и принято как обоснованное. Наконец, если признание принципа первоначального присвоения формирует праксеологическую предпосылку аргументации, то невозможно представить пропозициональное обоснование любого другого этического принципа, не столкнувшись при этом с перформативными противоречиями.

¹⁸ См. Russell Kirk, *The Conservative Mind* (Chicago: Regnery, 1953); он же, *A Program for Conservatives* (Chicago: Regnery, 1955).

¹⁹ О Ротбарде см. материалы к *Murray N. Rothbard: In Memoriam*, Llewellyn H. Rockwell, Jr., ed. (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1995), особенно вклад Джозефа Т. Салерно; о Мизесе см. Murray N. Rothbard, *Ludwig von Mises: Scholar, Creator, Hero* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1988); Jeffrey A. Tucker and Llewellyn H. Rockwell,

ет только то, что консерватизм и либертарианство могут быть *психологически* согласованы), это свидетельствует о *существенной* близости между двумя доктринами. Нетрудно признать, что консервативные и либертарианские взгляды на общество совершенно совместимы. Безусловно, их методы явно отличаются. Одно является (или кажется) эмпирическим, социологическим и описательным, тогда как другое – рационалистическим, философским, логическим и конструктивистским. Несмотря на это, оба согласны в одном фундаментальном правиле. Консерваторы убеждены, что «естественное» и «нормальное» является старым и широко распространенным (и, таким образом, его можно различить всегда и везде). Точно так же либертарианцы убеждены в том, что принципы справедливости вечны и универсальны (и, следовательно, они, по сути, были известны человечеству с самого его возникновения). То есть, либертарианская этика не новая и революционная, а старая и консервативная. Даже первобытные люди и дети способны понять действительность принципа первоначального присвоения, и большинство людей обычно признают его как неоспоримый факт.

Более того, в отношении объекта, на котором сосредоточены консерваторы и либертарианцы, (первые со стороны семьи, родственных отношений, сообществ, власти и социальной иерархии, другие со стороны собственности и ее присвоения, трансформации и передачи) должно быть ясно, что хотя они не исследуют одинаковые свойства, они все же говорят о различных аспектах одного и того же объекта: человеческих субъектов и социального сотрудничества. То есть их сфера исследования (система отсчета) идентична. Семьи, власть, сообщества и социальные статусы являются эмпирически-социологической конкретизацией абстрактных философско-праксеологических категорий и концепций собственности, производства, обме-

Jr, «The Cultural Thought of Ludwig von Mises», *Journal of Libertarian Studies* 10, no. 1 (1991); о Рэнд см. Tuccille, *It Usually Begins with Ayn Rand*; Murray N. Rothbard, *The Sociology of the Ayn Rand Cult* (Burlingame, Calif.: Center for Libertarian Studies, [1972] 1990), а со стороны Рэнд – Barbara Branden, *The Passion of Ayn Rand* (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1986).

на и договора. Собственность и имущественные отношения не существуют отдельно от семейных и родственных отношений. Последние формируют и определяют конкретную форму и конфигурацию владения и имущественных отношений, в то же время они ограничены универсальными и вечными законами дефицита и собственности. Фактически, как мы уже видели, семьи, считающиеся нормальными по консервативным стандартам, являются семьями с домашними хозяйствами, а распад семьи, моральный и культурный упадок, о которых сожалеют современные консерваторы, являются в основном результатом разрушения домашних хозяйств (поместий) как экономической основы семей современным государством всеобщего благосостояния. Таким образом, либертарианская теория справедливости может фактически дать консерватизму более точное определение и более строгую моральную защиту своей собственной цели (возврат к цивилизации в форме моральной и культурной нормальности), чем когда-либо мог бы предложить сам консерватизм. Это может еще больше обострить и укрепить традиционную антиэтатистскую позицию консерватизма.²⁰

IV

Хотя интеллектуальные создатели современного либертарианства были культурными консерваторами, и в то время как либертарианская доктрина полностью совместима и согласуется с консервативным мировоззрением (и, как утверждают некоторые консервативные критики, не влечет за собой «атомистический индивидуализм» и «корыстный эгоизм»), поврежденное современным государством всеобщего благосостояния либертарианское движение претерпело значительные

²⁰ Об отношениях между (традиционалистским) консерватизмом и (рационалистическим) либертарианством см. Ralph Raico, «The Fusionists on Liberalism and Tradition», *New Individualist Review* 3, no. 3 (1964); M. Stanton Evans, «Raico on Liberalism and Religion», *New Individualist Review* 4, no. 2 (1966); Ralph Raico, «Reply to Mr. Evans», там же; также *Freedom and Virtue: The Conservative-Libertarian Debate*, George W. Carey, ed. (Lanham, Md.: University Press of America, 1984).

преобразования. В значительной степени (и в полной мере в глазах средств массовой информации и общественности) оно стало движением, которое объединяет радикальный антиэтатизм и рыночную экономику с культурным левизмом, мультикультурализмом и личным гедонизмом; то есть, это полная противоположность бюкененской программе культурно-консервативного социализма: контркультурный капитализм.

Ранее отмечалось, что бюкененская программа социального национализма, похоже, не пользуется большой популярностью, по крайней мере, в Соединенных Штатах. Это в еще большей степени относится к попыткам либертарианцев синтезировать рыночную экономику с контр- и мультикультурализмом. Тем не менее как и в случае с консерватизмом ранее, в этом случае моя главная задача не в массовой привлекательности и не в том, могут ли определенные идеи психологически сочетаться и интегрироваться, а в том, могут ли эти идеи сочетаться практически и эффективно. Я планирую показать, что они не могут, и что большая часть современного либертарианства является ложным, контрпродуктивным либертарианством (так же, как консерватизм Бьюкенена является ложным и контрпродуктивным).

То, что большая часть современного либертарианства является культурно-левым, не связано с какими-либо подобными склонностями среди главных либертарианских теоретиков. Как отмечалось, они были по большей части культурными консерваторами. Скорее, это было результатом поверхностного понимания либертарианской доктрины многими ее поклонниками и последователями, и это невежество объясняется историческим совпадением и упомянутой тенденцией, присущей социал-демократическому государству всеобщего благосостояния, которое способствует продвижению процесса интеллектуальной и эмоциональной инфантилизации (децивилизации общества).

Начало современного либертарианского движения в Соединенных Штатах восходит к середине 1960-х годов. В 1971 году была основана Либертарианская партия, а в 1972 году ее первым кандидатом в президенты был выдвинут философ Джон Хосперс. Это было время войны во Вьетнаме. Одновременно,

благодаря значительным «достижениям» в развитии государства всеобщего благосостояния, с начала и середины 1960-х годов в Соединенных Штатах и аналогичным образом в Западной Европе появилось новое массовое явление. Возник новый «люмпенпролетариат» интеллигенции и интеллектуализированной молодежи, продукт постоянно расширяющейся системы социалистического (общественного) образования, «отчуждаемый» от господствующей «буржуазной» морали и культуры. Мультикультурализм и культурный релятивизм (живи и дай жить другим) и эгалитарный антиавторитаризм (не уважай авторитетов) перекочевали от временных и переходных этапов умственного развития (юности) к постоянным отношениям среди взрослых интеллектуалов и их учеников.

Принципиальное противодействие либертарианцев войне во Вьетнаме совпало с несколько рассеянным противодействием войне со стороны новых левых.²¹ Кроме того, анархистские заключения либертарианской доктрины обратились к левой контркультуре. Разве нелегитимность государства и аксиома ненападения (что никто не должен инициировать или

²¹ Хотя большинство его бывших сторонников в конечном итоге признали его неудачным, альянс между зарождающимся либертарианским движением и новыми левыми в середине и конце 1960-х годов можно понять как мотивированный двумя соображениями. С одной стороны, к середине 1960-х годов в американском консерватизме почти полностью доминировали Уильям Бакли и его *National Review*. В отличие от решительно антиинтервенционистского (изоляционистского) консерватизма старых правых, «новый консерватизм», поддерживаемый Бакли и *National Review* и наиболее ярко представленный кандидатом в президенты от Республиканской партии 1964 года Барри Голдуотером, являлся решительно провоенным, промилитаристским и даже империалистическим движением. Исходя из этого, о какой-либо форме либертарианско-консервативного альянса не могло быть и речи. С другой стороны, когда новые левые начали появляться примерно в 1965 году, они казались гораздо более либертарианскими в важнейших вопросах, чем консерваторы, по двум причинам, которые позже были обобщены Ротбардом:

(1) [Новые левые] все более решительная оппозиция войне во Вьетнаме, империализму США и призыву – основным политическим вопросам того периода, в отличие от консервативной поддержки этой политики. И (2) их отказ от старомодного этатизма и социал-демократии старых левых привел новых левых к полуанархистским позициям, к тому, что казалось решительной оппозицией существующему корпоративному государству всеобщего благосостояния и войны после Нового курса, и к государственной

угрожать применением физической силы против других и их собственности) не подразумевают, что каждый свободен выбрать свой собственный неагрессивный образ жизни? Разве это не означает, что пошлость, непристойность, ненормативная лексика, употребление наркотиков, беспорядочные половые связи, порнография, проституция, гомосексуализм, полигамия, педофилия или любые другие мыслимые извращения или аномалии, поскольку они были без жертв преступления, не были бы никакими преступлениями, а совершенно нормальными и законными образами жизни? Поэтому неудивительно, что с самого начала либертарианское движение привлекло необычайно большое количество ненормальных и извращенных последователей. Впоследствии контркультурная атмосфера и мультикультурно-релятивистская «толерантность» либертарианского движения привлекли еще большее количество неудачников. Мюррей Ротбард с отвращением назвал их «нигило-либертарианцами» и назвал их «модальными» (типичными и репрезентативными) либертарианцами. Они фантазировали об обществе, в котором каждый был бы свободен выбирать и развивать любой неагрессивный стиль жизни, карьеру или характер, который он хотел, и где, в результате экономики свободного рынка, каждый мог делать это за счет общего процветания. По иронии судьбы, движение, которое намеревалось демонтировать государство и восстановить частную собствен-

| бюрократической университетской системе.

Написав почти десять лет спустя, Ротбард признал двойную стратегическую ошибку в своей прежней попытке создать союз между либертарианцами и новыми левыми:

(а) серьезная переоценка эмоциональной устойчивости и экономических знаний этих молодых либертарианцев; и, как следствие, (б) серьезная недооценка значимости того факта, что эти [либертарианские] кадры были слабы и изолированы, что не было никакого либертарианского движения, о котором можно было бы говорить, и поэтому толкание этих молодых людей в союз с гораздо более многочисленной и мощной группой должно было привести к большому числу случаев дезертирства ... в настоящую левизну леворадикалистско-анархистско-маоистско-синдикалистского толка. (*Toward a Strategy of Libertarian Social Change* [unpublished manuscript, 1977], стр. 159, 160-61)

ность и рыночную экономику, было в значительной степени переделано, а его внешний вид был сформирован умственными и эмоциональными продуктами государства всеобщего благосостояния: новым классом вечных подростков.²²

²² Мюррей Ротбард дал следующий портрет «модального либертарианца» (МЛ):

МЛ - это точно он; ... Двадцать лет назад МЛ было двадцать лет, а сейчас ему сорок. Это не так банально и не так безобидно, как кажется, потому что это означает, что движение на самом деле не выросло за двадцать лет; ... МЛ довольно умен и довольно хорошо погружен в либертарианскую теорию. Но он ничего не знает и меньше всего заботится об истории, культуре, контексте реальности или мировых делах. Его единственное чтение или культурные знания – это научная фантастика. ... МЛ, к сожалению, не ненавидит государство, потому что он рассматривает его как уникальный социальный инструмент организованной агрессии против личности и собственности. Вместо этого МЛ – это подростковый бунтарь против всех, кто его окружает: во-первых, против его родителей, во-вторых, против его семьи, в-третьих, против его соседей и, наконец, против самого общества. Он особенно против институтов социальной и культурной власти: в частности, против буржуазии, от которой он произошел, против буржуазных норм и условностей, а также против таких институтов социальной власти, как церкви. Таким образом, для МЛ государство не является уникальной проблемой; это всего лишь наиболее заметный и одиозный из многих ненавистных буржуазных институтов: отсюда и то, с каким рвением МЛ использует кнопку «подвергнуть сомнению власть». ... Отсюда и фанатичная враждебность МЛ к христианству. Раньше я думал, что этот воинствующий атеизм - всего лишь функция рэндианства, из которого два десятилетия назад вышло большинство современных либертарианцев. Но атеизм – не главное, ибо пусть кто-нибудь на либертарианском собрании объявит, что он или она ведьма, или поклоняется кристаллической силе, или еще какой-нибудь нью-эйджевской ерунде, и к этому человеку будут относиться с большой терпимостью и уважением. Только христиане подвергаются оскорблениям, и очевидно, что причина разницы в отношении к ним не имеет ничего общего с атеизмом. Но это имеет отношение к отвержению и отторжению буржуазной американской культуры; и любой чокнутый культурный проект будет поощряться, чтобы пощипать нос ненавистной буржуазии. ... На самом деле, первоначальное влечение МЛ к рэндианству было неотъемлемой частью его подросткового бунта: что может быть лучше для рационализации и систематизации неприятия своих родителей, семьи и соседей, чем присоединиться к культу, который осуждает религию и который трубит об абсолютном превосходстве вас и ваших лидеров культа, в отличие от роботизированных «секонд-хендеров», которые якобы являются людьми буржуазного мира? Более того, культ, который призывает вас отвергнуть своих родителей, семью и буржуазных соратников и культивировать предполагаемое величие своего индивидуального эго (разумеется, под руководством рэндистского руководства). ... МЛ, если у него есть профессия в реальном мире, такая как бухгалтер или юрист, обычно, как правило,

V

Эта интеллектуальная комбинация вряд ли могла бы благополучно закончиться. Капитализм частной собственности и эгалитарный мультикультурализм столь же маловероятны в соединении, как социализм и культурный консерватизм. И в попытке объединить то, что не может быть объединено, большая часть современного либертарианского движения фактически способствовала дальнейшему размыванию прав частной собственности, так же само, как большая часть современного консерватизма способствовала размыванию семей и традиционной морали. То, что контркультурные либертарианцы не смогли распознать, и что истинные либертарианцы не могут особо подчеркнуть, так это то, что восстановление прав частной собственности и экономическая свобода подразумевает резкий рост социальной дискриминации и устранение большинства, если не всех мультикультурно-эгалитарных экспериментов, столь близких сердцу левых либертарианцев. Другими словами, либертарианцы должны быть радикальными и бескомпромиссными консерваторами.

В отличие от левых либертарианцев, собравшихся вокруг

является юристом без практики и бухгалтером без работы. Модальная профессия ML – программист; ... Компьютеры действительно привлекают научные и теоретические взгляды ML, но они также апеллируют к его обостренному кочевничеству, к его потребности не иметь постоянной зарплаты или постоянного места жительства. ... ML также обладает взглядом фанатика, устремленным за тысячи миль. Он склонен прижать вас к себе при первой же возможности и долго рассказывать о своем собственном «великом открытии», о своей могучей рукописи, которая так и просится на публикацию, если бы только она не была подавлена сильными мира сего. ... Но, прежде всего, ML – бездельник, художник-неудачник и часто откровенный мошенник. Его основное отношение к другим либертарианцам – «твой дом – мой дом». ... Короче говоря, независимо от того, формулируют они эту «философию» или нет, [MLы] являются либертарианцами-коммунистами: любой, у кого есть собственность, автоматически должен «делиться» ею с другими членами своей расширенной либертарианской «семьи». («Why Paleo?» Rothbard-Rockwell Report 1, no. 2 [May 1990]: 4-5; также он же, «Diversity, Death, and Reason», Rothbard-Rockwell Report 2, no. 5 [May 1991])

Также см. Llewellyn H. Rockwell, Jr., *The Case for Paleolibertarianism and Realignment on the Right* (Burlingame, Calif.: Center for Libertarian Studies, 1990).

таких учреждений, как, например, Институт Катона и Институт Юстиции, которые обращаются к центральному правительству за помощью в проведении различных политик недискриминации и призывают к недискриминационной или «свободной» иммиграционной политике,²³ настоящие либертарианцы должны принять как внутреннюю, так и внешнюю (иностранную) дискриминацию. Действительно, частная собственность означает дискриминацию. Я, а не вы, владею тем и тем. Я имею право исключить вас из моей собственности. Я могу наложить условия на ваше пользование моей собственностью и исключить вас из этого пользования. Более того, вы и я, владельцы частной собственности, можем защищать нашу собственность. Мы и другие можем, если мы оба посчитаем это полезным, наложить ограничения на общее пользование нашей собственностью.

²³ Более конкретно, левые либертарианцы (LLS) нанимают и поощряют работу федерального правительства и его судов для подавления дискриминационных и якобы антилибертарианских законов и/или местных законов и нормативных актов; таким образом, они, независимо от их намерений, способствуют антилибертарианской цели укрепления центрального государства. Соответственно, LLS, как правило, благосклонно относятся к Линкольну и правительству Союза, потому что победа Союза над сепаратистской Конфедерацией привела к отмене рабства, но они не признают, что этот способ достижения либертарианской цели отмены рабства должен привести к резкому увеличению власти центрального (федерального) правительства и что победа Союза в Южной войне за независимость действительно знаменует собой один из великих скачков в развитии современного федерального Левиафана и, следовательно, представляет собой глубоко антилибертарианский эпизод в американской истории. Кроме того, хотя LLS критикуют нынешнюю практику «позитивного действия» в качестве системы квот, они не отвергают так называемое законодательство о гражданских правах, из которого развилась нынешняя практика, как полностью и принципиально несовместимое с краеугольным камнем либертарианской политической философии, т.е. правами частной собственности. Напротив, LLS очень обеспокоены «гражданскими правами», в первую очередь «правом» геев и других представителей альтернативного образа жизни не подвергаться дискриминации в сфере занятости и жилья. Соответственно, они благосклонно относятся к решению Верховного суда США по делу «Браун против Совета по образованию» запретившему сегрегацию, и к протосоциалистическому лидеру «гражданских прав» Мартину Лютеру Кингу. Безусловно, LLS обычно признают категорическое различие между частной и так называемой общественной собственностью, и, по крайней мере, теоретически они признают, что владельцы частной собственности должны иметь право на дискриминацию в отношении своей собственности по своему усмотрению. Но явно эгалитарная забота LLS о высокой, но трудноуловимой идее «постепенного распространения достоинства» (вместо прав собственности) на «женщин, людей разных

Современное государство всеобщего благосостояния в значительной степени лишило владельцев частной собственности права на исключение, подразумеваемого в концепции частной собственности. Дискриминация вне закона. Работодатели не могут нанять того, кого хотят.

Арендодатели не могут сдавать в аренду, кому они хотят. Продавцы не могут продавать кому хотят; покупатели не могут

религий и разных рас» [David Boaz, стр. 16, ссылка ниже; мой акцент] вводит их в заблуждение, заставляя принять сам принцип «недискриминации», даже если он применяется и ограничивается только государственной собственностью и государственным сектором экономики. (Отсюда и пропаганда LLS недискриминационной или «свободной» иммиграционной политики.) Теоретически, LLS, таким образом, совершают ошибку, рассматривая государственную собственность так, как если бы она была либо бесхозной «землей», открытой для неограниченного всеобщего владения (в то время как фактически вся государственная собственность финансировалась местными налогоплательщиками), либо как если бы она была «коммунальной» собственностью, открытой для каждого гражданина страны на равной основе (в то время как на самом деле некоторые граждане заплатили больше налогов, чем другие, а некоторые, т.е. те, чьи зарплаты или субсидии выплачивались из налогов, вообще не платили налогов). Хуже того, принимая принцип недискриминации в сфере государственной собственности, LLS фактически способствуют дальнейшему усилению государственной власти и ограничению прав частной собственности, поскольку в современном мире, управляемом государством, разделительная линия между частным и государственным становится все более размытой. Вся частная собственность граничит с общественными улицами и окружена ими; практически каждый бизнес продает часть своей продукции какому-либо правительственному учреждению или через государственные границы; и бесчисленные частные фирмы и организации (например, частные университеты) регулярно получают государственное финансирование. Следовательно, как видно с точки зрения государственных органов, практически не осталось ничего, что было бы действительно «частным» и, следовательно, не подпадало бы под сферу влияния правительства. Исходя из этого всепроникающего сплетения государства и общественной собственности с частным бизнесом и частной собственностью, а также учитывая уникальные возможности правительства по принуждению и заключению сделок, можно с уверенностью предсказать, что политика «недискриминации» недолго будет оставаться принципом только государственной политики, а вместо этого все больше будет становиться общим и в конечном итоге универсальным принципом, распространяющимся и охватывающим всех и вся, как государственных, так и частных. (Характерно, что LLS, как правило, также являются сторонниками предложения Милтона Фридмана о школьных ваучерах и, таким образом, по-видимому, совершенно не осознают, что реализация плана ваучеров неизбежно приведет к расширению государственного контроля от государственных школ до частных школ и уничтожению тех автономных прав на принятие решений, которыми последние школы обладают сегодня).

Представительные примеры леволибертарианской мысли можно найти, например, в Clint Bolick, *Grassroots Tyranny: The Limits of Federalism* (Washington, D.C.:

покупать у того, у кого они хотят купить. И группам владельцев частной собственности не разрешается создавать какие-либо ограничительные условия, которые они считают взаимовыгодными. Таким образом, государство лишило людей большей части их личной и физической защиты. Не быть в состоянии исключить других означает не быть способным защитить себя. Результатом этого размывания прав частной собственности в демократическом государстве всеобщего благоденствия является вынужденная интеграция. Принудительная интеграция повсеместна. Американцы должны принимать иммигрантов, которых они не хотят. Учителя не могут избавиться от паршивых или плохо себя ведущих студентов, работодатели застряли вместе с плохими или деструктивными работниками, домовладельцы вынуждены жить с плохими арендаторами, банкам и страховым компаниям не разрешается избегать клиентов с высокими рисками, рестораны и бары должны принимать нежелательных клиентов, и частные клубы вынуждены принимать членов и выполнять действия, нарушающие их собственные правила и ограничения. Более того, в отношении общенности, то есть государственной собственности, принудительная интеграция приняла опасную форму отсутствия правил и запретов.²⁴

Cato Institute, 1993); он же, *The Affirmative Action Fraud: Can We Restore the American Civil Rights Vision?* (Washington, D.C.: Cato Institute, 1996); и David Boaz, *Libertarianism: A Primer* (New York: Free Press, 1997); опровержение леволибертарианских взглядов Болика и Боуза с правой или «палеолибертарианской» точки зрения см. в Murray N. Rothbard, «The Big Government Libertarians: The Anti-Left-Libertarian Manifesto», *Rothbard-Rockwell Report* 4, no. 12 (December 1993); он же, «Big Government Libertarians», *Rothbard-Rockwell Report* 5, no. 11 (November 1994); и рецензию Джеффри Такера на книгу Боуза в *Journal of Libertarian Studies* 13, no. 1 (1997).

²⁴ «Каждый владелец собственности», – уточняет Мюррей Ротбард,

должен иметь абсолютное право продавать, нанимать или сдавать в аренду свои деньги или другую собственность любому, кого он выберет, что означает, что он имеет абсолютное право «дискриминировать» все, что ему, черт возьми, заблагорассудится. Если у меня есть завод и я хочу нанять только шестифутовых альбиносов, и я могу найти согласных работников, я должен иметь на это право, даже если при этом я вполне могу потерпеть убытки. ... Если я владею жилым комплексом и хочу сдавать в аренду только шведам без детей, я должен иметь на это право. И все в таком духе. Объявление такой дискриминации ограничительные пакты, поддерживающие ее вне

Исключение других людей из своей собственности – это то самое средство, с помощью которого владелец может избежать «плохих» событий: событий, которые снижают ценность собственности. Из-за того, что свободное исключение не разрешено, число случаев плохого поведения, ленивых и ненадежных студентов, сотрудников, клиентов увеличилось, а стоимость недвижимости упала. Фактически, принудительная интеграция (результат политики недискриминации) порождает плохое поведение и плохой характер. В цивилизованном обществе конечной ценой за плохое поведение является изгнание, и всевозможные дурные или гнилые персонажи (даже если они не совершают никаких уголовных преступлений) будут быстро изгнаны отовсюду и всеми и станут изгоями, физически удаленными от цивилизации. Это поведение становится слишком дорогим для человека, следовательно, частота такого поведения снижается. Напротив, если кто-то лишен возможности исключать других из собственности, когда их присутствие считается нежелательным, поощряются плохое поведение, неправомерное поведение и откровенно гнилые персонажи (цена такого поведения становится меньше). Вместо того, чтобы быть изолированными и, в конечном счете, полностью исключенными из общества, «бомжам» разрешено совершать свои неприятности повсюду, так что бомжи будут распространяться. Результаты принудительной интеграции хорошо видны. Все социальные отношения, будь то в частной или деловой жизни, становятся все более эгалитарными и нецивилизованными.

В отличие от этого, общество, в котором право на исключение полностью подконтрольно владельцам частной соб-

закона – это первородный грех, из которого вытекают все остальные проблемы. Стоит только признать этот принцип, и все остальное последует за ним, как ночь за днем. ... Ибо если правильно и целесообразно объявить вне закона мою дискриминацию черных, то столь же правильно и целесообразно правительству выяснить, дискриминирую я или нет, и в этом случае совершенно законно использовать квоты для проверки данного факта. ... И каково же средство от всего этого? ... Что нужно сделать, так это полностью отказаться от «гражданских прав» и антидискриминационных законов, а тем временем, на отдельном, но параллельном пути, попытаться приватизировать как можно больше и как можно полнее. («Marshall, Civil Rights, and the Court», *Rothbard-Rockwell Report* 2, no. 8 [August 1991]: 4 и 6)

ственности, было бы глубоко неэгалитарным, нетерпимым и дискриминационным. Было бы мало или совсем не было бы «терпимости» и «непредубежденности», которые так дороги левым либертарианцам. Вместо этого можно было бы пойти по верному пути к восстановлению свободы ассоциации и исключения, подразумеваемых в институте частной собственности, если бы только города и деревни могли и делать то, что они, как само собой разумеющееся, делали до девятнадцатого века в Европе и США. Там были знаки, показывающие требования въезда в город, и, как только в городе появляются те, кто не отвечает требованиям (например, нищие, бомжи или бездомные, гомосексуалисты, потребители наркотиков, евреи, мусульмане, немцы или зулусы), они выгоняются как нарушители. Почти мгновенно культурная и моральная нормальность восстанавливается.

Левые либертарианцы и экспериментаторы из разных или противоположных слоев общества, даже если они не были вовлечены в какое-либо преступление, снова должны были бы заплатить цену за свое поведение. Если бы они продолжали свое поведение или образ жизни, они были бы отстранены от цивилизованного общества и жили бы физически отдельно от него, в гетто или на окраинах общества, и многие должности или профессии были бы для них недоступны. Напротив, если бы они хотели жить и развиваться в обществе, им пришлось бы приспособливаться и ассимилироваться с моральными и культурными нормами общества, в которое они хотели бы вступить. Таким образом, ассимиляция не обязательно подразумевает, что человеку придется полностью отказаться от некачественного, ненормального поведения или образа жизни. Однако это будет означать, что человек больше не сможет «выходить» и демонстрировать свое альтернативное поведение или образ жизни на публике. Такое поведение должно оставаться в шкафу, скрытым от посторонних глаз и физически ограниченным полной конфиденциальностью своих собственных четырех стен. Реклама или ее публичное размещение же может привести к исключению.²⁵

²⁵ Во избежание недоразумений будет полезно отметить, что прогнозируемый рост

Более того, настоящие консервативные либертарианцы, в отличие от левых, должны не только признавать и подчеркивать тот *факт*, что в либертарианском обществе, где права частной собственности полностью во власти владельцев частных домохозяйства; что еще более важно, они должны *будут* признать (и консерваторы и консервативные взгляды могут помочь в достижении этого) то, что *должна* быть строгая дискриминация, *если* кто-то хочет достичь цели анархии частной собственности (или чисто частноправовое общество). Без постоянной дискриминации либертарианское общество быстро разрушится и переродится в социализм государства всеобщее-

дискриминации в чисто либертарианском мире не означает, что форма и масштабы дискриминации будут одинаковыми или идентичными повсюду. Напротив, либертарианский мир может быть и, скорее всего, будет таким, в котором существует огромное разнообразие локально разделенных сообществ, осуществляющих различную и далеко идущую дискриминацию. Объясняет Мюррей Ротбард:

В стране или мире с полностью частной собственностью, включая улицы, и с частными договорными кварталами, состоящими из владельцев собственности, эти собственники могут заключать любые договоры о соседстве, какие пожелают. Таким образом, на практике страна представляла бы собой поистине «великолепную мозаику» ... начиная от шумных договорных районов типа Гринвич-Виллидж и заканчивая социально консервативными однородными районами WASP [белые англосаксонские протестанты]. Помните, что все договоры и соглашения опять же будут полностью законными и выполнимыми, без каких-либо ограничений со стороны правительства. Так что, учитывая вопрос о наркотиках, если бы частный район заключил контракт, что никто не будет употреблять наркотики, а Джонс нарушил контракт и употребил их, его коллеги-контрагенты могли бы просто обеспечить соблюдение контракта и выгнать его. Или, поскольку ни один предварительный контракт не может учитывать все мыслимые обстоятельства, предположим, что Смит стал настолько лично несносным, что его соседи-собственники захотели, чтобы его выгнали. Тогда им пришлось бы выкупить его – возможно, на условиях, заранее оговоренных в контракте, в соответствии с каким-нибудь «несносным» пунктом. («The New Fusionism: A Movement For Our Tune», *Rothbard-Rockwell Report* 2, no. 1 [January 1991]: 9-10)

Однако, несмотря на разнообразие дискриминационной политики, проводимой различными сообществами собственников, и как будет далее показано выше, в целях самосохранения каждое из этих сообществ должно будет признать и обеспечить соблюдение некоторых строгих и довольно негибких ограничений в отношении своей внутренней терпимости; то есть ни одно сообщество собственников не может быть таким «терпимым» и «недискриминационным», как того хотят левые либертарианцы.

го благосостояния. Каждый общественный строй, в том числе либертарианский или консервативный, требует механизма принуждения. Социальные порядки (в отличие от механических или биологических систем) не поддерживаются автоматически; они требуют сознательных усилий и целенаправленных действий со стороны членов общества, чтобы предотвратить его распад.²⁶

VI

Стандартная либертарианская модель сообщества – это индивиды, которые вместо того, чтобы жить физически отделено и изолировано друг от друга, ассоциируются друг с другом как соседи, живущие на соседних, но отдельно принадлежащих участках земли. Однако эта модель слишком упрощенная. Предположительно, причиной выбора соседей вместо изоляции является тот факт, что для отдельных лиц, участвующих в разделении труда, соседство предлагает дополнительное преимущество, заключающееся в снижении операционных издержек; то есть соседство облегчает обмен. Как следствие, стоимость участка земли, находящегося в индивидуальной собственности, будет повышена благодаря наличию соседних участков земли, принадлежащих другим. Тем не менее, хотя это действительно может быть правдой и являться уважительной причиной для выбора района, а не физической изоляции, это ни в коем случае не всегда истинный путь. Соседство также сопряжено с рисками и может привести к падению, а не к увеличению стоимости имущества, даже если в соответствии с рассматриваемой моделью предполагается, что *первоначальное* создание соседнего имущества было взаимовыгодным, и даже если предполагается, что все члены сообщества воздерживаются от преступной деятельности, все же может случиться так, что бывший «хороший» сосед окажется отвратительным, что он не позаботится о своей собственности или изменит ее так,

²⁶ См. об этом в частности Mises, *Human Action*, особ. гл. 9; Joseph T. Salerno, «Ludwig von Mises as Social Rationalist», *Review of Austrian Economics* 4 (1990).

чтобы негативно повлиять на имущественные ценности других членов сообщества, или что он просто отказывается участвовать в каких-либо совместных усилиях, направленных на то, чтобы доказать ценность сообщества в целом.²⁷ Следовательно, для преодоления трудностей, присущих развитию сообщества, когда земля находится в разделенной собственности, формирование соседств и сообществ на самом деле шли по другим направлениям, чем те, которые были предложены в вышеупомянутой модели.

Районы, как правило, были частными или договорными общинами, основанными и принадлежавшими одному собственнику, который «сдавал в аренду» отдельные участки земли на определенных условиях отдельным лицам.²⁸ Такие договора

²⁷ См. об этом Spencer H. MacCallum, *The Art of Community* (Menlo Park, Calif.: Institute for Humane Studies, 1970). «До тех пор, пока отдельные лица владеют частями меньше, чем целым», – отмечает Маккаллум

их интересы будут сталкиваться с интересами других и с общим интересом в любом предложении, которое неравномерно повлияет на стоимость земли. Тем не менее, избежать таких мер означало бы полностью отбросить планирование и координацию землепользования, а вместе с ними, в конечном счете, и любую стоимость земли. ... Ситуация усугубляется отсутствием эффективного руководства, которое могло бы разрешить конфликты или вынести лучшее из плохой ситуации. Не хватает человека, который, не будучи связан с какими-либо особыми интересами в сообществе, в то же время сильно заинтересован в успехе всего сообщества. (стр. 57)

Собственность на землю не может быть перемещена в среду, более благоприятную для ее использования. Ее ценность как экономического блага зависит от ее окружения. Следовательно, ее более высокое использование зависит от перестройки окружающей среды в соответствии с ней. ... Поскольку возможные виды использования территории зависят от окружающего землепользования (в конечном счете, все действия человека – это землепользование того или иного рода), для наиболее продуктивного использования необходимо, чтобы использование доступных окружающих земель было скоординировано. Редко это может быть эффективно сделано при наличии множества отдельных органов власти. Если близлежащие участки принадлежат нескольким владельцам, несколько владельцев могут быть или не быть в состоянии приспособить их различные виды использования к комплексному плану, в зависимости от многих, часто случайных, факторов, влияющих на возможности и пожелания каждого. Они соседи по обстоятельствам, а не по удобству. (стр. 78)

²⁸ Во избежание недоразумений термин «аренда» используется здесь для обозна-

основывались на родственных отношениях, а роль собственника выполнял глава семьи или клана. Другими словами, точно так же, как действия непосредственных членов семьи координируются главой и владельцем домашнего хозяйства в пределах одного домохозяйства, состоящего из одной семьи, также выполнялась функция управления и координации землепользования групп соседних домохозяйств, традиционно выполняемых главой расширенного родства.²⁹ В современные времена, характеризующиеся массовым ростом населения и значительной потерей важности родственных отношений, эта оригинальная либертарианская модель частного сообщества была заменена новыми разработками, такими как торговые центры и «коттеджные общины». Как торговые центры, так и закрытые жилые районы принадлежат одному лицу, частному лицу или частной корпорации, и отношения между владельцем сообщества, его арендаторами и резидентами носят чисто договорный характер. Собственник – это предприниматель, стремящийся получить прибыль от развития и управление жилыми и/или деловыми сообществами, которые привлекают людей как места, где они хотели бы проживать и/или заниматься своими делами. «Владелец», дополняет Спенсер МакКаллум,

создает ценность общинной земли, главным образом, удовлетворяя три функциональных требования сообщества, которые он как собственник может адекватно выполнить: выбор членов, планирование земли и лидерство. ... Первые две функции, выбор членства и планирование земли совершаются им автоматически в ходе определения того, кому и с какой целью разрешить использование земли. Третья функция, лидерство, – это его естественная ответственность, а также

чения продажи чего-либо меньшего, чем полное право собственности на данную вещь. Так, например, собственник может продать все права на дом и участок земли, за исключением права построить дом выше определенной высоты или в другом дизайне, или использовать землю для любых целей, кроме жилых, и т.д., эти права сохраняются за продавцом собственности. См. об этом Rothbard, *The Ethics of Liberty*, стр. 146.

²⁹ «Сообщество собственников не является уникальным для нашего времени и культуры», – объясняет МакКаллум.

| его корни уходят глубоко в историю человечества. ... В рамках домохозяйств

его особая возможность, поскольку один только его интерес – это успех всего сообщества, а не какой-либо части внутри него. Присвоение земли автоматически устанавливает виды арендаторов и их пространственное сопоставление друг с другом и, следовательно, экономическую структуру сообщества. ... Лидерство также включает арбитраж разногласий между арендаторами, а также руководство и участие в совместных усилиях ... [Действительно], в фундаментальном смысле безопасность сообщества является частью функции владельца недвижимости. При планировке земли он контролирует проектирование всего строительства с точки зрения безопасности. Он также выбирает арендаторов с учетом их совместимости и взаимодополняемости с другими членами сообщества и учится предвидеть в арендных договорах и другими способами противодействовать спорам, возникающим среди арендаторов. Своим неформальным миротворчеством и арбитражем он разрешает разногласия, которые в противном случае могут стать серьезными. Этими многими способами он обеспечивает «тихое владение», как это было так замечательно сформулировано на языке общего права, для своих арендаторов.³⁰

Очевидно, что задача сохранения договоренностей, связанных с либертарианским (частным) сообществом, является прежде всего задачей собственника. Тем не менее он всего лишь один человек, и он не может добиться успеха в этой зада-

в первобытном мире землей обычно распоряжался старший мужчина по линии наследования собственности. В группах домохозяйств она может управляться главой клана, рода или другой группы, который обычно является старшим мужчиной из родственной группы самого широкого охвата. Аналогично и на уровне деревни. Это «знакомая картина», по словам антрополога Мелвилла Херсковица, «деревенской земельной собственности, находящейся в доверительном управлении и управляемой главой деревни от имени ее членов, коренных или приемных, и семейной собственности, для которой глава семьи является доверительным управляющим». Эта система иногда называется сеньориализмом, поскольку распределительные полномочия осуществляются старшим членом родственной группы на данном уровне или уровне организации. (*The Art of Community*, стр. 69)

³⁰ MacCallum, *The Art of Community*, стр. 63, 66 и 67. Более того,

че, если он не поддержан в его усилиях большинством членов рассматриваемой общины. В частности, собственник нуждается в поддержке общинной элиты, то есть глав домохозяйств и фирм, которые больше всего вкладывают средств в сообщество. Чтобы защитить и, возможно, повысить ценность своей собственности и инвестиций, как владелец, так и общественная элита должны быть готовы принять две формы защитных мер. Во-первых, они должны быть готовы защищаться с помощью физической силы и наказания от внешних захватчиков и внутренних преступников. Но, во-вторых, что не менее важно, они также должны быть готовы защищать себя посредством остракизма, исключения и, в конечном счете, изгнания тех членов сообщества, которые защищают, рекламируют или пропагандируют действия, несовместимые с самой целью договора: защищать собственность и семью.³¹

В этом отношении сообщество всегда сталкивается с двойной и связанной угрозой эгалитаризма и культурного релятивизма. Эгалитаризм во всех его проявлениях несовместим с идеей частной собственности. Частная собственность подразумевает исключительность, неравенство и разницу. А куль-

³¹ «На всех уровнях общества, как примитивного, так и современного», – отмечает МакКаллум о важности исключения для поддержания социального порядка, – «изгнание является естественным и автоматическим средством защиты от невыполнения обязательств и мошенничества».

Путем лишения собственности он [глава деревни] изгоняет индивидов, которые стали нестерпимыми (точно так же, как менеджер торгового центра не продлевает аренду неужиточному арендатору). Каким бы редким ни был в деревне, по сравнению с современными собственническими сообществами, контроль над членами все еще является функциональным требованием жизни сообщества, для которого должно быть регулярное обеспечение. (стр. 70)

И в сноске к этому он добавляет:

Антрополог Раймонд Ферт записывает изъятие изгнанника из общества тихоокеанских островов Тикопия, которое в своей простоте напоминает пафос англосаксонской поэмы «Странник». Поскольку вся земля принадлежала вождям, у изгнанного человека не было иного выхода, кроме как уйти на каноэ в море – к самоубийству или к жизни в качестве чужака на других островах. Словосочетание, обозначающее изгнанного человека, переводится так: «у такого человека нет места, на котором он мог бы стоять». (*The Art of Community*, стр. 77).

турный релятивизм несовместим с фундаментальным, а на самом деле основополагающим фактом семейных отношений и отношений между поколениями. Семейные и родственные отношения подразумевают культурный абсолютизм. В силу социально-психологического факта как эгалитарные, так и релятивистские настроения находят постоянную поддержку среди новых поколений подростков. Из-за своего все еще неполного умственного развития несовершеннолетние, особенно мужского пола, всегда подвержены обеим идеям. В подростковом возрасте отмечаются регулярные (и для этой стадии нормальные) вспышки бунта среди молодежи против дисциплины, навязываемой им семейной жизнью и родительским авторитетом.³² Культурный релятивизм и мультикультурализм обеспечивают идеологический инструмент освобождения себя от этих ограничений. И эгалитаризм, основанный на инфантильном взгляде, что собственность «дается» (и, следовательно, распределяется произвольно), а не индивидуально присваивается и производится (и, следовательно, распределяется справедливо, то есть в соответствии с личной производительностью), обеспечивает интеллектуальные средства, с помощью которых мятежная молодежь может претендовать на экономические ресурсы, необходимые для жизни, будучи свободными от дисциплинарных рамок семьи.³³

Конечно, соблюдение договора в значительной степени зависит от осмотрительности. Как и когда реагировать, и какие защитные меры следует предпринять, требует суждения со стороны членов, и особенно собственника и элиты сообщества. Так, например, до тех пор, пока угроза морального релятивизма и эгалитаризма ограничивается небольшой долей несовершеннолетних и молодых людей только в течение короткого периода жизни (до тех пор, пока они не вернуться во взрослую жизнь

³² См. об этом Konrad Lorenz, *Civilized Man's Eight Deadly Sins* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1974), гл. 7; также Sigmund Freud, *Civilization and its Discontents* (New York: W.W. Norton, 1989).

³³ См. также Helmut Schelsky, *Die Arbeit tun die anderen. Klassenkampf und Priesterherrschaft der Intellektuellen* (Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1977).

с ограниченными возможностями), вполне может быть достаточно вообще ничего не делать. Сторонники культурного релятивизма и эгалитаризма будут представлять собой лишь нечто большее, чем временный опыт унижения или раздражения, а наказание в виде остракизма может быть довольно мягким и снисходительным. Небольшая доза насмешек и презрения может быть всем, что необходимо для сдерживания релятивистской и эгалитарной угрозы. Однако ситуация совершенно иная, и могут потребоваться более решительные меры, когда дух морального релятивизма и эгалитаризма овладевает взрослыми членами общества: матерями, отцами, главами домашних хозяйств и фирмами.

Как только зрелые члены общества начинают защищать эгалитарные чувства, будь то в форме демократии (правила большинства) или коммунизма, становится необходимым, чтобы другие члены, и в частности естественные социальные элиты, были готовы действовать решительно и, в случае продолжающегося неподчинения, исключить этих членов из общества. В договоре, заключенном между собственниками и арендаторами сообщества с целью защиты их частной собственности, не существует такого понятия, как право на свободу (неограниченную) слова, даже на неограниченную свободу слова в рамках собственности арендатора. Можно говорить бесчисленные вещи и продвигать практически любую идею, но, естественно, никому не разрешается защищать идеи, противоречащие самой цели договора сохранения и защиты частной собственности, такие как демократия и коммунизм. Не может быть никакой терпимости по отношению к демократам и коммунистам в либертарианском общественном устройстве. Они должны быть физически отделены и исключены из общества. Аналогичным образом, в договоре, созданном с целью защиты семьи и родственников, не может быть никакой терпимости по отношению к тем, кто обычно пропагандирует образ жизни, несовместимый с этой целью. Они, как сторонники альтернативного, несемейного и неориентированного на родство образов жизни, таких как, например, индивидуальный гедонизм, паразитизм, поклонение природной среде, гомосексуализм или коммунизм,

также должны быть физически удалены из общества ради поддержки либертарианского порядка.

VII

Должно быть очевидно, почему либертарианцы должны быть моральными и культурными консерваторами самого бескомпромиссного вида. Нынешнее состояние моральной деградации, социальной дезинтеграции и культурной гнили является как раз результатом слишком большой и, прежде всего, ошибочной и неверно воспринятой терпимости. Вместо того, чтобы все привычные демократы, коммунисты и сторонники альтернативного образа жизни были исключены из цивилизации в соответствии с принципами договора, они были терпимы обществом. И эта же терпимость только поощряла еще более эгалитарные и релятивистские настроения и отношения, пока, наконец, не была достигнута точка, когда власть исключать кого-либо за что-либо фактически испарилась, в то время как власть государства, как это проявляется в спонсируемой государством принудительной интеграции, соответственно выросла.

Либертарианцы, стремясь установить свободный естественный общественный порядок, должны стремиться забрать у государства право на исключение, присущее частной собственности. Тем не менее даже до того, как они достигнут этого и для того, чтобы сделать такое достижение возможным, либертарианцы могут достаточно быстро начать восстанавливать и осуществлять, в той степени, в которой ситуация все еще позволяет им это сделать, их право на исключение в повседневной жизни. Либертарианцы должны отличаться от других, практикуя (а также пропагандируя) самую крайнюю форму нетерпимости и дискриминации по отношению к эгалитаристам, демократам, социалистам, коммунистам, мультикультуралистам, защитникам окружающей среды, людям с плохими манерами, проступками, некомпетентностью, грубостью, вульгарностью и непристойностью. Подобно истинным консерваторам, которым придется отмежеваться от ложного социально-

го консерватизма бюкененцев и неоконсерваторов, истинные либертарианцы должны явно и демонстративно отмежеваться от ложных мульти-контркультурных и антиавторитарных эгалитарных леволибертарианских самозванцев.

§11

О консерватизме и либертарианстве

I

Классический либерализм находился в упадке уже более века. Со второй половины XIX века В США и в Западной Европе общественные дела все чаще контролируются социалистическими идеями. Фактически, двадцатый век вполне может быть описан как век превосходящего социализма: коммунизма, фашизма, национал-социализма и наиболее устойчивой социал-демократии (современного американского либерализма и неоконсерватизма).¹

¹ Термин либерализм здесь и далее используется в его первоначальном и классическом значении, определенном, например, его главным сторонником двадцатого века Людвигом фон Мизесом в его трактате *Liberalism: In the Classical Tradition* (Irvington-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education, 1985), на стр. 19:

Программа либерализма, следовательно, если выразить ее одним словом, будет читаться так: собственность, т. е. частное владение средствами производства (в отношении товаров, готовых к потреблению, частное владение является само собой разумеющимся и не оспаривается даже социалистами и коммунистами). Все остальные требования либерализма вытекают из этого фундаментального требования.

В отличие от этого, современный американский «либерализм» имеет почти противоположное значение, которое можно проследить вплоть до Джона Стюарта Милля и его книги «О свободе» 1859 года как источника современного умеренно-социально-демократического социализма. Как отмечает Мизес (там же, стр. 195),

Милль медленно сползал к социализму, и именно он стал создателем бездумной смеси либеральных и социалистических идей, которая привела к упадку английского либерализма и подорвал жизненный уровень английского народа. ... Без тщательного изучения Милля невозможно понять события последних двух поколений. Милль – великий защитник социализма. Все доводы, которые можно было бы привести в защиту социализма, разработаны им с нежной заботой. По сравнению с Миллем все другие социалистические авторы – даже Маркс, Энгельс и Лассаль – едва ли вообще заслуживают внимания.

Безусловно, этот упадок не был непрерывным. Дела не всегда ухудшались с либеральной точки зрения. Были также некоторые отсрочки. Например, в результате Второй мировой войны в Западной Германии и Италии произошла значительная либерализация по сравнению с существующим *положением* в условиях национал-социализма и фашизма. Точно так же распад коммунистической советской империи в конце 1980-х годов привел к значительной либерализации в Восточной Европе. Однако, хотя либералы приветствовали эти события, они не были признаком возрождения либерализма. Скорее, либерализация Германии и Италии после мировой войны и нынешняя посткоммунистическая либерализация Восточной Европы были результатом внешних и случайных событий: военного поражения и прямого экономического банкротства. В каждом случае это была либерализация старой системы, и окончательный вариант общественного строя был просто вариантом социализма: социал-демократии, примером которой является США, единственная сверхдержава, не пережившая военного поражения или экономического банкротства.

Таким образом, даже если либералы могли воспользоваться несколькими периодами отсрочки, в конечном итоге смещение либерализма социализмом было всецелым. Действительно, социалистическая победа была настолько полной, что сегодня, в начале XXI века, некоторые неоконсерваторы победоносно заговорили о «Конце истории» и появлении «Последнего человека», т.е. о веке мирового надзора социал-демократических США и о новом *homo socio-democraticus*.²

Подробную и уничтожающую критику Джона Стюарта Милля с либерально-либертарианской точки зрения см. в Murray N. Rothbard, *Classical Economics: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought* (Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1995), том 2, гл. 8.

² См. Francis Fukuyama, «The End of History?» *The National Interest* 16 (Summer 1989); он же, *The End of History and the Last Man* (New York: Avon Books, 1993). Подводя итог своему тезису, Фукуяма пишет, что

Я утверждал, что за последние годы во всем мире возник небывалый консенсус на тему о легитимности либеральной демократии как системы правления, и этот консенсус усиливался по мере того, как терпели поражение соперничающие идеологии: наследственная монархия, фашизм и послед-

II

Даже если считать гегелевские устремления этой интерпретации, согласно которым либерализм представляет лишь переходную стадию в эволюции полностью развитого социал-демократического человека, полностью нелепыми,³ либе-

ним — коммунизм. Более того, я настаивал, что либеральная демократия может представлять собой «конечный пункт идеологической эволюции человечества» и «окончательную форму правления в человеческом обществе», являясь тем самым «концом истории». Это значит, что в то время как более ранние формы правления характеризовались неисправимыми дефектами и иррациональностями, в конце концов приводившими к их крушению, либеральная демократия, как утверждается, лишена таких фундаментальных внутренних противоречий. ... Это не означало, что остановится естественный цикл рождения, жизни и смерти, что больше не будут происходить важные события или что не будут выходить сообщающие о них газеты. Это означало, что более не будет прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства, поскольку все главные вопросы будут решены, (стр. xi-xii).

Неоконсервативное движение, к которому принадлежит Фукуяма, возникло в конце 1960-х и начале 1970-х годов, когда американские левые все больше вовлекались в политику черной власти, позитивного действия, проарабизма и «контркультуры». В противовес этим тенденциям многие традиционные левые (часто бывшие троцкисты) интеллектуалы и «либералы» времен холодной войны, возглавляемые Ирвингом Кристолом и Норманом Подгорецом, порвали со своими старыми союзниками, часто переходя из давнего убежища левой политики, Демократической партии, к республиканцам. С тех пор неоконсерваторы, пусть и незначительные по численности, приобрели непревзойденное влияние в американской политике, продвигая, как правило, «умеренное» государство всеобщего благосостояния («демократический капитализм»), «культурный консерватизм» и «семейные ценности», а также интервенционистскую («активистскую») и, в частности, сионистскую («произраильскую») внешнюю политику. Представлены такими фигурами, как Ирвинг Кристол и его жена Гертруда Химмельфарб и сын Уильям Кристол; Норман Подгорец и его жена Мидж Дектер, сын Джон Подгорец и зятья Стивен Мансон и Эллиот Абрамс; Дэниел Белл, Питер Бергер, Натан Глейзер, Сеймур Мартин Липсет, Майкл Новак, Аарон Вильдавски, Джеймс К. Уилсон; и журналисты-комментаторы, такие как Дэвид Фрум, Пол Гигот, Мортон Кондракке, Чарльз Краутхаммер, Майкл Линд, Джошуа Муравчик, Эммет Тиррелл и Бен Ваттенберг. В настоящее время неоконсерваторы контролируют такие издания, как *National Interest*, *Public Interest*, *Commentary*, *New Republic*, *The American Spectator*, *Weekly Standard*, *Washington Post* и *Wall Street Journal*, и они имеют тесные связи с несколькими крупными фондами, такими как Bradley, Olin, Pew, Scaife, and SmithRichardson. См. об этом Paul Gottfried, *The Conservative Movement*, rev. ed. (New York: Twayne Publishers, 1993); также George H. Nash, *The Conservative Intellectual Movement in America* (New York: Basic Books, 1976).

³ Таким образом, пишет Фукуяма,

ралам все равно приносит *неудобства* истина неоконсервативных философствований. Они также не могут утешить себя осознанием того, что социал-демократия также обречена на экономический крах. Они знали, что коммунизм должен рухнуть, но, когда это произошло, либерального возрождения не случилось. Нет никаких *априорных* оснований полагать, что будущий крах социал-демократии принесет более благоприятные результаты.

Предполагая, что ход человеческой истории определяется идеями (а не «слепыми силами»), а исторические изменения являются результатом идеологических сдвигов в общественном мнении, из этого следует, что социалистическая трансформация последних ста лет должна пониматься как результат интеллектуально-философского и теоретического поражения либерализма, т.е. растущее принятие общественным мнением либеральной доктрины как ошибочной.⁴ На это либералы могут реагировать двумя способами. С одной стороны, они все еще могут утверждать, что либерализм является здоровой доктриной и что общественность отвергает ее, несмотря на ее правду. В этом случае нужно объяснить, почему люди цепля-

для очень большой части нашего мира не существует идеологии с претензией на универсальность, которая могла бы бросить вызов либеральной демократии, и универсального принципа легитимности иного, чем суверенитет народа. ... Сегодня нам трудно себе представить мир, который лучше нашего, или будущее, не являющееся по сути демократическим или капиталистическим. ... Но мы не можем представить себе мир, отличный от нашего по существу и в то же самое время – лучше нашего. ... Но точнее было бы рассматривать не только последние пятнадцать лет, но целый исторический период. Тогда мы увидим, что либеральная демократия начинает занимать особое место. В мировой судьбе демократии имелись циклы, но заметен также отчетливый вековой тренд в демократическом направлении. ... Фундаментальный процесс, диктующий общую эволюционную закономерность для всех человеческих обществ, – короче говоря, существует некоторая Универсальная История, ведущая в сторону либеральной демократии. ... И если сейчас мы переживаем такой момент, когда нам трудно представить себе мир, существенно отличный от нашего, где нет очевидного или естественного пути, на котором будущее даст фундаментальное улучшение существующего сейчас порядка, то мы должны допустить возможность, что сама по себе История могла подойти к концу. (*The End of History*, стр. 45-51)

⁴ См. об этом Ludwig von Mises, *Theory and History: An Interpretation of Social and Economic Evolution* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1985), особ. часть 4.

ются за ложные убеждения, даже если они знают о правильных либеральных идеях.⁵ Разве правда не всегда сама по себе имеет привлекательность? Кроме того, нужно объяснить, почему либеральная правда все чаще *отвергается* в пользу социалистической лжи. Стало ли население более ленивым или вырожденным? Если да, то как это можно объяснить?⁶ С другой стороны, можно считать, что отвержение – это признак ошибок в доктрине. В этом случае необходимо пересмотреть ее теоретические основы и определить ошибку, которая не только может указать на причину отвержения доктрины и почему нужно все же ее не отвергать, но и, что более важно, объяснит фактический ход событий. Другими словами, социалистическая трансформация должна быть объяснена как понятная, систематически предсказуемая прогрессивная деконструкция и вырождение либеральной политической теории, порожденной и логически вытекающей из этой ошибки как окончательного источника всей последующей социалистической путаницы.

III

Основная и важнейшая ошибка либерализма заключается в ее теории государственного управления.⁷

Классическая либеральная политическая философия, олицетворенная Локком и наиболее ярко выраженная в *Декларации независимости* Джефферсона, была прежде всего моральной доктриной. Опираясь на философию стоиков и поздних схоластиков, она сосредоточилась вокруг понятия владения собой, первоначального присвоения природных (не

⁵ Попытку в этом направлении см. в книге Ludwig von Mises, *The Anti-Capitalistic Mentality* (South Holland, 111.: Libertarian Press, 1972).

⁶ Попытку в этом направлении см. в книге Seymour Itzkoff, *The Decline of Intelligence in America* (Westport, Conn.: Praeger, 1994). Здесь Ицкофф пытается объяснить социальное вырождение, наблюдаемое, в частности, в США, как результат дисгенетических эффектов, поощряемых политикой всеобщего благосостояния.

⁷ См. о следующем, в частности, Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty* (New York: New York University Press, 1998); Hans-Hermann Hoppe, *The Economics and Ethics of Private Property* (Boston: Kluwer, 1993).

принадлежащих никому) ресурсов, собственности и договора как универсальных прав человека, подразумеваемых в природе человека как рационального животного.⁸ В среде княжеских и королевских правителей этот акцент на универсальность прав человека показывал либеральную философию, естественно, как радикальную оппозицию каждому существующему правительству.⁹ Для либерала каждый человек, будь то король или крестьянин, был подвержен одним и тем же универсальным и вечным принципам справедливости, и правительство может либо получить свое оправдание на основании договора между частными собственниками, либо вообще не может себя оправдать.¹⁰ Но может ли *любое* правительство быть оправданным?

Утвердительный либеральный ответ хорошо известен. Он появился из неоспоримо истинного положения о том, что

⁸ См. также Ernst Cassirer, *The Myth of the State* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1946), особенно главы 8 и 13; Richard Tuck, *Natural Rights: Their Origin and Development* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979); Murray N. Rothbard, *Economic Thought Before Adam Smith: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought* (Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1995), том 1, особ. гл. 4; Hans-Hermann Hoppe, «The Western State as a Paradigm: Learning from History», *Politics and Regimes. Religion and Public Life* 30 (1997).

⁹ Так Людвиг фон Мизес в *Nation, State, and Economy* (New York: New York University Press, 1983) характеризует либерализм как «враждебный князьям» (стр. 33). Во избежание недоразумений следует отметить, однако, что этот категоричный вердикт применим и действительно применяется Мизесом только к «абсолютным» правителям Европы семнадцатого и восемнадцатого веков. Он не относится и к более ранним, средневековым королям и принцам, которые, как правило, были просто *primus inter pares*, то есть добровольно признанными авторитетами, подчиняющимися тому же универсальному естественному закону, что и все остальные. См. об этом Fritz Kern, *Kingship and Law in the Middle Ages* (Oxford: Blackwell, 1948).

¹⁰ Так, Кассирер пишет:

Доктрина общественного договора становится в семнадцатом веке самоочевидной аксиомой политической мысли. ... этот факт знаменует собой большой и решительный шаг. Ибо если мы примем эту точку зрения, если мы сведем правовой и социальный порядок к свободным индивидуальным действиям, к добровольному договорному подчинению управляемых, вся тайна исчезнет. Нет ничего менее таинственного, чем контракт. Контракт должен заключаться с полным осознанием его значения и последствий; он предполагает свободное согласие всех заинтересованных сторон. Если мы можем проследить государство вплоть до такого происхождения, оно становится совершенно ясным и понятным. (*The Myth of the State*, стр. 172-73)

человечество, каким он есть, и убийцы, грабители, воры, бандиты и мошенники будут существовать всегда, и жизнь в обществе будет невозможной, если им не угрожать физическим наказанием. Чтобы поддерживать либеральный общественный порядок, настаивали либералы, необходимо, чтобы его члены имели возможность оказывать давление (угрожая или применяя насилие) на любого, кто не уважает жизнь и собственность других людей, и заставить их согласиться с правилами общества. Исходя из этой правильной предпосылки, либералы пришли к выводу, что эта необходимая задача поддержания правопорядка является уникальной функцией правительства.¹¹

Является ли этот вывод правильным или нет, зависит от определения правительства. Он правильный, если под правительством просто подразумевается какое-либо лицо или фирма, которое предоставляет услуги по защите и безопасности для добровольно оплачиваемой клиентуры владельцев частной собственности. Однако это не было определением правительства, принятым либералами. Для либерала правительство – это не просто специализированная фирма. Скорее, правительство обладает двумя уникальными характеристиками. В отличие от обычной фирмы, она является обязательной территориальной монопольной юрисдикцией (будучи конечной инстанцией принятия решений) и имеет право на налогообложение. Однако, если принять *это* определение правительства, то либеральный вывод становится неверен. Из права и необходимости защиты личности и имущества *не* следует, что монопольная юрисдикция и налогообложение могут по праву и эффективно обеспечивать защиту. Наоборот, можно продемонстрировать, что любое такое учреждение несовместимо с законной и эффективной защитой собственности.

Согласно либеральной доктрине, право на частную собственность логически и временно предшествует любому правительству. Оно является результатом первоначального присвоения, производства и/или обмена и касается права владельца на исключительную юрисдикцию над определенными физиче-

¹¹ См. Mises, *Liberalism*, стр. 37.

скими ресурсами. Фактически, целью частной собственности является создание физически отдельных владений с исключительной юрисдикцией, чтобы избежать возможных конфликтов, связанных с использованием ограниченных ресурсов.¹² Ни один частный собственник не может лишиться своего права на окончательную юрисдикцию и физическую защиту его собственности в чью-либо пользу, если он не продаст или иным образом не передаст свою собственность (в этом случае кто-то другой получает исключительную юрисдикцию над этой собственностью). Однако каждый владелец собственности может воспользоваться преимуществами разделения труда и стремиться к большей или лучшей защите своей собственности посредством сотрудничества с другими собственниками и их собственностью. Каждый владелец недвижимости может покупать, продавать или заключать с кем-либо договоры, касающиеся большей или лучшей защиты собственности, и каждый владелец недвижимости может в любое время в одностороннем порядке прекратить любое такое сотрудничество с другими и изменить свои предпочтения. Таким образом, для удовлетворения спроса на защиту было бы по праву возможным и экономически вероятным то, что возникнут специализированные лица или агентства, которые будут предоставлять услуги защиты, страхования и арбитража добровольным клиентам за плату.¹³

¹² Либеральная позиция была хорошо сформулирована французским физиократом XVIII века Мерсье де ла Ривьером, в свое время интендантом Мартиники и в течение короткого периода советником Екатерины Великой в России, в его работе *L'Ordre Naturel*. В силу своего разума, объяснял он, человек способен распознать законы, ведущие к его величайшему счастью, а все социальные пороки вытекают из пренебрежения этими законами человеческой природы. В человеческой природе право на самосохранение предполагает право на собственность, а любая индивидуальная собственность на продукты, производимые человеком с помощью земли, требует собственности на саму землю. Но право на собственность было бы бессмысленным без свободы ее использования, поэтому свобода вытекает из права на собственность. Люди процветают как социальные животные, и через торговлю и обмен собственностью они максимизируют всеобщее счастье. См. Rothbard, *Economic Thought Before Adam Smith*, стр. 370.

¹³ См. об этом Murray N. Rothbard, *Power and Market: Government and the Economy* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977), гл. 1.

В то время как легко представить себе договорное происхождение системы конкурентных поставщиков защитных услуг, немыслимо, как владельцы частной собственности могли бы заключить договор, который давал бы право одному агенту принуждать кого-либо в пределах определенной территории обращаться исключительно к нему для защиты и судебного процесса, принимать касающиеся владельцев решения и запрещать любому другому агенту предлагать услуги защиты. Такой монопольный договор подразумевал бы, что каждый частный собственник навсегда отказался от своего права на окончательное принятие решений, а также защиту своей личности и имущества в пользу кого-то другого. Фактически, передавая это право кому-то другому, человек подчиняется постоянному рабству. Согласно либеральной доктрине, любой такой договор с самого начала недопустим (следовательно, недействителен), поскольку он противоречит праксиологической основе всех договоров, т.е. частному владению самим собой.¹⁴ Никто не может по праву сделать свою личность и имущество беззащитными относительно действий другого лица. Точно так же немыслимо и представление о том, что кто-либо наделит своего

¹⁴ Критикуемая здесь договорная теория государства берет свое начало от Томаса Гоббса и его работ *De Cive* (гл. 5-7) и *Левиафан* (гл. 17-19). Там Гоббс утверждал, что юридическая связь между правителем и подданными, как только она была установлена, является неразрывной. Однако, отмечает Кассирер,

большинство влиятельных авторов, писавших о политике в семнадцатом веке, отвергли выводы, сделанные Гоббсом. Они обвинили великого логика в противоречии в терминах. Если бы человек мог отказаться от своей личности (то есть от своего права на владение собой), он перестал бы быть нравственным существом. Он стал бы безжизненной вещью – и как такая вещь могла бы обязать себя, как он мог бы дать обещание или заключить общественный договор? Это основополагающее право, право на личность, в некотором смысле включает в себя все остальные. Поддерживать и развивать свою личность – это всеобщее право. Она не подвержена причудам и фантазиям отдельных индивидуумов и, следовательно, не может быть передана от одного индивидуума другому. Таким образом, договор о правлении, являющийся правовой основой всех гражданских полномочий, имеет свои неотъемлемые пределы. Нет никакого *actum subjectionis*, никакого акта подчинения, посредством которого человек может отказаться от состояния свободного агента и поработить себя. Ибо таким актом отречения он отказался бы от того самого характера, который составляет его природу и сущность: он потерял бы свою человечность. (*The Myth of the State*, стр. 195)

монопольного защитника постоянным правом на налогообложение. Никто не может и не будет заключать договор, который позволял бы защитнику в одностороннем порядке определять без согласия защищаемой стороны сумму, которую защищаемый должен заплатить за свою защиту.

Начиная с Локка, либералы пытались разрешить это внутреннее противоречие путем заключения «молчаливых», «неявных» или «концептуальных» соглашений, договоров или конституций. Тем не менее все эти характерно извилистые и запутанные попытки привели лишь к одному и тому же неизбежному выводу: правительство никак не может получить оправдание на основе явных договоров между владельцами частной собственности.¹⁵

¹⁵ О взглядах Джона Локка на «согласие» см. его *Two Treatises on Government*, книга II, стр. 119-22. Признавая, что правительство не основано на «выраженном» согласии, он пишет там,

Обычно различают выраженное и молчаливое согласие, которое мы сейчас и рассмотрим. Никто не сомневается, что лишь выраженное согласие какого-либо человека, вступающего в какое-либо общество, делает его подлинным членом этого общества, подданным его правительства. Трудность заключается в том, что следует понимать под молчаливым согласием и в какой степени оно обязывает, т.е. в какой степени следует считать, что человек согласился и тем самым подчинился какому-либо правительству, когда он не сделал никаких заявлений по этому поводу. На это я скажу, что всякий человек, который владеет или пользуется какой-либо частью территории какого-либо государства, тем самым дает свое молчаливое согласие и в такой же степени обязан повиноваться законам этого правительства в тот период, когда он пользуется этим владением, как и всякий другой, находящийся под властью этого правительства, независимо от того, состоит ли это владение из земли, навечно закрепленной за ним и за его наследниками, или из жилища, снятого на неделю, или же это просто право бесплатного передвижения по дорогам; и на деле оно распространяется на само существование любого человека в пределах территории этого государства. (секция 119)

По сути, согласно Локку, после появления правительства, независимо от того, дал ли человек явное согласие на его правление вначале или нет, и независимо от того, что это правительство делает в дальнейшем, человек «молчаливо» соглашается с ним и со всеми его действиями, пока он продолжает жить на «его» территории. То есть любое правительство всегда имеет единодушное согласие всех, кто проживает под его юрисдикцией, и только эмиграция – «выход» – считается «нет» и отзывом согласия, согласно Локку (секция 121).

Для современной, еще менее убедительной (или, скорее, более абсурдной) по-

IV

Ошибочное принятие либерализмом института государственного управления как совместимого с основными либеральными принципами владения собой, первоначального присвоения, собственности и договора, следовательно, привело к его собственному разрушению.

Прежде всего, из первоначальной ошибки, связанной с моральным статусом правительства, следует, что либеральное решение вечной человеческой проблемы безопасности является противоречивым, праксиологически невозможным идеалом. Вопреки первоначальному либеральному намерению защитить свободу собственности, каждое минимальное правительство имеет присущую возможность стать максимальным правительством.

Как только принцип государственно-судебной монополии и права на налогообложение ошибочно принимается как спра-

пытки в том же духе см. James M. Buchanan and Gordon Tullock, *The Calculus of Consent* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962), и James M. Buchanan, *The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan* (Chicago: University of Chicago Press, 1975). Как и Локк до них, Бьюкенен и Таллок признают, что ни одно правительство нигде не основано на явном согласии или явных контрактах. Но не стоит беспокоиться, уверяют они нас, поскольку это не означает, что правительства, тем не менее, не опираются на единодушное согласие. Даже если существуют реальные разногласия и реальные противники, этот факт может просто затенить некое основополагающее и более глубокое согласие и единодушно разделяемый консенсус на уровне «конституционного выбора» и принятия решений. Однако это лежащее в основе более глубокое соглашение о «правилах игры», как нам затем говорят Бьюкенен и Таллок, также не является фактическим соглашением — фактически, ни одна конституция никогда не была прямо согласована всеми заинтересованными сторонами. Скорее, это то, что они называют «концептуальным» согласием и «концептуальным» единодушием. Таким образом, превращая реальное «нет» в концептуальное «да», Бьюкенен и Таллок сначала пришли к выводу, что государство является добровольным учреждением наравне с частными коммерческими фирмами:

когда первоначальный контракт, возможно, никогда не был заключен, когда нынешние члены сообщества не чувствуют морального или этического обязательства соблюдать условия, определенные в статус-кво, и ... когда такой контракт ... возможно, был нарушен много раз. ... Статус-кво определяет то, что существует. Следовательно, независимо от его истории, он должен оцениваться так, как если бы он был законным по контракту. (Buchanan, *The Limits of Liberty*, стр. 96, 84-85)

ведливый, понятие об ограничении государственной власти и защите личной свободы и собственности становится иллюзорным. Как и ожидалось, под эгидой монополизма цена правосудия и защиты будет постоянно расти, а качество правосудия и защиты падать. Налоговое агентство по защите является противоречивым в терминах, поскольку оно является экспроприрующим защитником собственности, и это неизбежно приводит к увеличению налогов и снижению уровня защиты. Даже если бы, как предложили либералы, правительство ограничивало свою деятельность исключительно защитой ранее существовавших прав частной собственности, возникает еще один вопрос о том, *какой* уровень защиты оно будет производить. Мотивированный (как и все остальные) личными интересами и пагубностью труда, но обладающий уникальной налоговой властью, правительственный агент всегда будет *максимизировать расходы* на защиту (и почти все богатство нации могут начать потребляться защитной сферой) и в то же время он может *минимизировать производство защиты*. Ему выгодно, если он может потратить больше денег меньше работая.¹⁶

¹⁶ Разъясняет Murray N. Rothbard, *For A New Liberty* (New York: Collier, 1978), стр. 215-16:

Прежде всего, даже самые ярые сторонники системы *laissezfaire* ошибочно полагают, что защиту правопорядка должно обеспечивать государство, как если бы эта самая защита представляла собой некое нерасчленимое единство, определенным количеством которого должны быть обеспечены все и каждый. ... В действительности существует бесконечное разнообразие степеней защиты. Каждому человеку или предприятию полиция может предоставить все что угодно — от полицейского, который за время ночного дежурства единожды обходит свой участок, до наряда полиции, который постоянно присутствует в вашем квартале, от патрульных автомобилей до личных круглосуточных телохранителей. Более того, полиция должна принимать множество других решений, сложность которых становится очевидной, как только мы отбрасываем миф об абсолютной защите. Каким образом полиция должна распределять свои средства и ресурсы, ограниченные не в меньшей мере, чем средства и ресурсы всех прочих людей и организаций? Сколько именно должна полиция вкладывать в разработку и закупку электронного оборудования? А в оборудование для работы с отпечатками пальцев? Сколько нужно патрульных машин и пеших нарядов? Сколько следователей и сколько полицейских в форме? Дело в том, что у государства нет рационального метода принятия подобных решений. Оно знает только то, что его бюджет ограничен.

Более того, судебная монополия неизбежно приведет к неуклонному ухудшению качества защиты. Если никто не может обратиться за справедливостью, кроме как к правительству, справедливость будет извращена в пользу правительства, государственных учреждений и верховных судов. Государственные учреждения и верховные суды являются правительственными агентствами, и любые ограничения действий правительственного учреждения, которые они могут выдвигать, неизменно определяются агентами самого рассматриваемого учреждения. Как и ожидалось, определение собственности и защиты будет постоянно изменяться, а спектр сфер полномочий будет расширяться в пользу правительства.¹⁷

Во-вторых, из ошибки определения морального статуса правительства следует, что традиционное предпочтение либералами местного правительства (децентрализованного и территориально малого) непоследовательно и противоречиво.¹⁸ Вопреки первоначальным либеральным намерениям, каждое правительство, включая местные органы власти, имеет присущую тенденцию к централизации и, в конечном итоге, шанс стать мировым правительством.

За ошибочным признанием, что для защиты и обеспечения мирного сотрудничества между двумя лицами А и В оправдано и необходимо иметь судебного монополиста Х, следует двойственный вывод. Если существует более одного террито-

¹⁷ Объясняет Murray N. Rothbard, *For A New Liberty*, стр. 48:

Но за последнее столетие мы убедились, что никакая конституция не способна сама себя истолковывать или проводить в жизнь — это приходится делать людям. А если самым авторитетным толкователем конституции является правительственный Верховный суд, то неизбежно возникает тенденция к одобрению этим судом постоянно расширяющихся полномочий его собственного правительства. Более того, хваленые системы «сдержек и противовесов» и «разделения ветвей власти» в американской системе правления довольно хлипки, потому что, в конечном итоге, все эти ветви являются частью того же самого правительства и подчинены одной и той же группе правителей.

¹⁸ О характерном для либералов предпочтении децентрализованного правительства см. Wilhelm Röpke, *Jenseits von Angebot und Nachfrage* (Berne: Paul Haupt, 1979), гл. 5.

риального монополиста, X, Y и Z, то точно так же, как предположительно не может быть мира между A и B без X, так не может быть мира между монополистами X, Y и Z до тех пор, пока они остаются в «состоянии анархии» друг с другом. Следовательно, для того, чтобы выполнить либеральное *стремление* к всеобщему и вечному миру, вся политическая централизация и объединение, и в конечном итоге создание единого мирового правительства, является оправданной и необходимой.¹⁹

Наконец, из ошибки признания правительства следует, что древняя идея универсальности прав человека и единства закона была запутана и под заголовком «равенства перед законом» превратилась в средство эгалитаризма. В отличие от антиэгалитарных или даже аристократических настроений ста-

¹⁹ Интересно, что в то время как социалисты всех мастей – классические марксисты, социал-демократы, американские «либералы» и неоконсерваторы – обычно не испытывали особых трудностей в принятии идеи мирового правительства и, таким образом, по крайней мере, были последовательны, классические либералы редко, если вообще когда-либо признавали тот факт, что по логике своей собственной доктрины они тоже вынуждены быть сторонниками единого, объединенного мирового правительства и вместо этого непоследовательно цеплялись за идею децентрализованного правительства. Теоретическая последовательность – это не обязательно благо; и если теория последовательна, но ложна, то вполне можно признать, что, возможно, предпочтительнее иметь непоследовательную. Однако противоречивая теория никогда не может быть истинной, и, не сталкиваясь с противоречивостью своей теоретической позиции, либералы, как правило, пренебрегают вниманием и не учитывают два важных и, с их точки зрения, «аномальных» явления. С одной стороны, если закон и порядок требуют единого монопольного судьи и правоприменителя (правительства), как они утверждают, почему отношения, скажем, между немецкими и американскими бизнесменами кажутся такими же мирными, как, скажем, между бизнесменами из Нью-Йорка и Калифорнии, несмотря на то, что первые живут в «состоянии анархии» по отношению друг к другу? Разве это не положительное доказательство того, что для того, чтобы был мир, не обязательно иметь правительство?! С другой стороны, если отношения между гражданами и фирмами разных стран ни более, ни менее мирные, чем отношения между гражданами и фирмами одной и той же страны, то столь же очевидно, что отношения любого правительства, скажем, США, по отношению как к своим гражданам, так и к другим (иностранным) правительствам и их гражданам являются какими угодно, только не мирными. Действительно, в своей известной книге *Death by Government* (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1995), Рудольф Руммель подсчитал, что только в течение двадцатого века правительства были ответственны за смерть примерно 170 миллионов человек. Разве это не является положительным доказательством того, что либеральный взгляд на «состояние анархии» как на состояние вечного конфликта и «этатизма» как на неперемное условие безопасности и мира – это почти противоположность истине?

рых либералов,²⁰ как только идея универсальных прав человека объединилась с правительством, результатом стал эгалитаризм и разрушение этих прав.

Как только государство ошибочно признается справедливым, но наследственные принцы и короли исключаются как несовместимые с идеей универсальных прав человека, возникает вопрос о том, как привести правительство в соответствие с идеей универсальности и равенства прав человека. Либеральный ответ состоит в том, что нужно открыть участие и вхождение в правительство на равных условиях для всех *посредством* демократии. Каждый, а не только потомственный дворянин, может стать государственным чиновником и выполнять все государственные функции. Однако это демократическое равенство перед законом является чем-то совершенно иным и несовместимым с идеей *единого* универсального закона, одинаково применимого ко всем, везде и во все времена. Фактически, первоначальные нежелательные расколы и неравенство более высокого закона королей по сравнению с законом обычных субъектов полностью сохраняются при демократии и разделении публичного и частного права (путем превосходства первого над вторым).²¹ При демократии каждый является равным, поскольку вступление в правительство открыто для всех на равных условиях. В демократии нет *личных* привилегий или привилегированных лиц. Однако *функциональные* привилегии и привилегированные функции существуют. До тех пор, пока государственные должностные лица занимают свой пост, они регулируются и защищаются публичным правом и, таким образом, занимают привилегированное положение по отношению к лицам, действующим под влиянием частного права (что наиболее важно, им разрешено поддерживать свою собственную деятельность путем налогообложения, налагаемого на субъекты

²⁰ Об аристократических корнях либерализма см. Bertrand de Jouvenel, *On Power: The Natural History of its Growth* (New York: Viking, 1949), гл. 17; Erik von Kuehnelt-Leddihn, *Liberty or Equality* (Front Royal, Va.: Christendom Press, 1993).

²¹ О различии между частным и публичным правом см. Bruno Leoni, *Freedom and the Law* (Indianapolis, Ind.: Liberty Fund, 1991); Friedrich A. Hayek, *Law, Legislation, and Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1973), том 1, особ. гл. 6.

частного права).²² Привилегии и правовая дискриминация не исчезают. Наоборот, вместо того, чтобы ограничиваться князьями и дворянами, привилегии, протекционизм и правовая дискриминация будут доступны для всех и могут осуществляться всеми.

Как ожидается, в демократических условиях тенденция каждой монополии к повышению цен и снижению качества будет только сильнее и более выраженной. Как наследственный монополист, король или принц считал территорию и людей, находящихся под его юрисдикцией, своей личной собственностью и занимался монопольной эксплуатацией своей «собственности». При демократии монополия и монополистическая эксплуатация не исчезают. Даже если всем разрешено войти в правительство, это устраняет границу между правителями и управляемыми. Правительство и управляемый не одно и то же лицо. Вместо принца, который рассматривает страну как свою частную собственность, теперь временный и взаимозаменяемый смотритель владеет монопольным контролем страной. Смотритель не владеет самой страной, но пока он находится на своем посту, ему разрешается использовать ее в сво-

²² Несовместимость частного и публичного права была кратко изложена Randy E. Barnett, «Fuller, Law, and Anarchism», *The Libertarian Forum* (February 1976), стр. 7:

Например, государство говорит, что граждане не могут силой отбирать у другого против его воли то, что принадлежит последнему. И все же государство, имея право «законно» взимать налоги, делает именно это. ... Более того, государство утверждает, что человек может применить силу к другому только в целях самообороны, то есть только в качестве защиты от другого, который инициировал применение силы. Выход за пределы своего права на самооборону означал бы агрессию против прав других, нарушение своих юридических обязанностей. И все же государство в силу своей заявленной монополии насильно навязывает свою юрисдикцию лицам, которые, возможно, не сделали ничего плохого. Тем самым оно посягает на права своих граждан, чего, согласно его правилам, граждане делать не должны.

К этому можно добавить еще два уместных замечания: государство говорит своим гражданам – «не похищайте и не обращайтесь в рабство других людей». Но само государство именно это и делает, призывая своих граждан в армию. И государство говорит своим гражданам – «не убивайте и не мучайте своих товарищей». И все же государство поступает именно так, как только объявляет о существовании «состояния войны». См. также Rothbard, *The Ethics of Liberty*, главы 22 и 23.

их интересах и в интересах своих ставленников. Ему принадлежит текущее пользование, но не основной капитал. И это не исключает эксплуатации. Наоборот, это делает эксплуатацию менее расчетливой и становится более вероятно, что она будет осуществляться практически без учета основного капитала. Другими словами, эксплуатация будет недальновидной.²³ Более того, при свободном вступлении и участии общественности в правительстве извращение справедливости будет происходить еще быстрее. Вместо защиты ранее существовавших прав частной собственности демократическое правительство станет машиной для непрерывного перераспределения ранее существовавших прав собственности во имя иллюзорной «социальной безопасности», пока идея универсальных и неизменных прав человека не исчезнет и не будет заменена идеей права как позитивного государственного законодательства.

V

В свете этого можно найти ответ на вопрос о будущем либерализма.

Из-за своей фундаментальной ошибки в отношении морального статуса правительства либерализм фактически способствовал разрушению всего, что он изначально намеревался сохранить и защитить: свободы и собственности. Как только принцип государственного управления был неправильно принят, то, когда социализм превзойдет либерализм стало лишь

²³ Как отмечает в этой связи Ротбард, это

Любопытно, что почти все авторы механически затвердили представление, что частные собственники в силу особенностей своих временных предпочтений непременно и всегда «недальновидны» и что только государственные деятели способны «видеть перспективу» и использовать собственность в интересах «общего благосостояния». В действительности все как раз наоборот. Частные лица, уверенные в надежности своего права собственности, в том числе на капитализированную стоимость имущества, имеют возможность планировать на длительную перспективу, заботясь о сохранении и приумножении ресурсов. Зато государственные деятели, владеющие «не своим», склонны к бездумному расхищению ресурсов, используя возможности своего временного пребывания у власти. (*Power and Market*, стр. 189)

вопросом времени. Нынешний неоконсервативный «конец истории» глобальной социальной демократии, навязанной США, является результатом двух веков либеральной путаницы. Таким образом, у либерализма в его нынешнем виде нет будущего. Скорее, его будущее – социал-демократия, а будущее уже наступило (и мы знаем, что оно не работает).

Как только предпосылка для существования правительства принята, либералы остаются без дальнейших аргументов, тогда как социалисты доводят эту предпосылку до ее логического конца. Если монополия справедлива, тогда централизация справедлива. Если налогообложение справедливо, то больше налогов также справедливо. И если демократическое равенство справедливо, то экспроприация у владельцев частной собственности также справедлива (а частная собственность – нет). Действительно, что либерал может сказать в пользу меньшего налогообложения и перераспределения? Если допустить, что налогообложение и монополия являются справедливыми, то у либерала не остается принципиальных моральных оснований для обоснования их малого размера.²⁴ Снижение налогов не яв-

²⁴ Так, пишет Мюррей Н. Ротбард,

Если для правительства законно взимать налоги, почему бы не взимать их с подданных для предоставления других товаров и услуг, могущих быть полезными потребителю; почему, например, государство не построит новые сталелитейные заводы, не обеспечит туфлями, дамбами, почтовыми услугами и т.д.? Каждый из этих товаров и услуг полезен для потребителей. Если сторонник подхода *laissez-faire* не одобряет того, что государство строит сталелитейные заводы или обувные фабрики и предоставляет их потребителям (или бесплатно, или на продажу), из-за того, что при постройке этих заводов было задействовано принудительное налогообложение, тогда, конечно же, такое же отрицание может быть высказано государственной полицией и судебным органам. Государство будет с точки зрения приверженцев *laissez-faire* действовать не более аморально, чем, обеспечивая жилищные условия, изготавливая сталь или предоставляя защиту полиции. Государство, ограниченное только защитой, не может быть обосновано даже в рамках идеала *laissez-faire*, не говоря уж о других точках зрения. Справедливо, что идеал *laissez-faire* может быть задействован, чтобы предотвратить такую «второстепенную» принудительную деятельность государства (т.е. насилия вне базового принуждения при налогообложении), как например, контроль цен или объявление порнографии вне закона. Однако «ограничения», налагаемые на государство, и вправду стали предельно растянутыми

ляется *моральным* долгом. Скорее, этот случай можно решить исключительно экономически. Например, более низкие налоги принесут определенные долгосрочные экономические выгоды. Однако, по крайней мере, в краткосрочной перспективе и для некоторых людей (нынешних получателей налогов) более низкие налоги также подразумевают экономические издержки. Без моральных аргументов в распоряжении, либерал остается только с инструментами анализа затрат и выгод, но любой такой анализ должен включать межличностное сравнение полезности, и такое сравнение невозможно (недопустимо с научной точки зрения).²⁵ Следовательно, результат анализа затрат и выгод является произвольным, и каждое предложение, обоснованное ссылками на него, является просто мнением. В этой ситуации демократические социалисты кажутся более открытыми, стойкими и последовательными, в то время как либералы выглядят мечтательными, сбитыми с толку, беспринципными или даже оппортунистическими. Они принимают основное свойство нынешнего порядка – демократическое правительство, но затем постоянно сетуют на его антилиберальный результат.

Чтобы у либерализма было какое-то будущее, нужно исправить его фундаментальную ошибку. Либералам придется признать, что ни одно правительство не может быть оправдано договорной основой, что каждое правительство разрушительно в отношении того, что они хотят сохранить, и что защита и обеспечение безопасности могут быть справедливо и эффективно осуществлены системой конкурентоспособных поставщиков услуг безопасности. То есть, либерализм должен быть преобразован в теорию анархизма частной собственности (или общества частного права), как впервые изложил почти сто

и растягиваются все дальше, что может завершиться полным коллективизмом, когда государство и только государство обеспечивает своих граждан товарами и услугами. (*The Ethics of Liberty*, стр. 182)

²⁵ См. Lionel Robbins, *The Nature and Significance of Economic Science* (New York: New York University Press, 1984); Murray N. Rothbard, «Toward a Reconstruction of Utility and Welfare Economics», в его же, *The Logic of Action One* (Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1997).

пятьдесят лет назад Гюстав де Молинали, и как в наше время тщательно продемонстрировал Мюррей Ротбард.²⁶

Такое теоретическое преобразование немедленно бы проявило двойной результат. С одной стороны, это привело бы к очищению современного либерального движения. Социал-демократы в либеральной одежде и многие высокопоставленные чиновники либерального правительства быстро отмежевались бы от этого нового либерального движения. С другой стороны, трансформация приведет к систематической радикализации либерального движения. Для тех участников движения, которые все еще придерживаются классического понятия универсальных прав человека и идеи о том, что права собственности на себя и свое имущество предшествуют всему правительству и законодательству, переход от либерализма к анархизму частной собственности является лишь небольшим интеллектуальным шагом, особенно в свете очевидной неспособности демократического правительства предоставлять единственную услугу, которую предполагалось ему предоставлять (защиту). Анархизм частной собственности – это просто последовательный либерализм; либерализм, продуманный до своего окончательного завершения, или либерализм, восстановленный в своем первоначальном замысле.²⁷ Однако этот небольшой теоретический шаг имеет важные практические последствия.

²⁶ О Гюставе де Молинали см. его *The Production of Security* (New York: Center for Libertarian Studies, 1977); David M. Hart, «Gustave de Molinari and the Anti-Statist Liberal Tradition», Parts I, II and III, *Journal of Libertarian Studies* 5, no. 3 (1981), 5, no. 4 (1981), and 6, no. 1 (1982); о Мюррей Ротбарде см. помимо вышеупомянутых работ также его *Man, Economy, and State*, 2 vols. (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1993).

²⁷ Поучительным примером логико-теоретического родства классического либерализма и анархии частной собственности, т.е. радикального либертарианства, является Людвиг фон Мизес и его влияние. Самыми известными учениками Мизеса сегодня являются Фридрих А. Хайек и Мюррей Н. Ротбард. Первый стал учеником Мизеса в 1920-х годах, еще до того, как Мизес полностью разработал свою собственную интеллектуальную систему, и, по сути, стал умеренным (правым) социал-демократом. (См. об этой оценке Hans-Hermann Hoppe, «F.A. Hayek on Government and Social Evolution: A Critique», *Review of Austrian Economics* 7, no. 1 [1994]). Ротбард, с другой стороны, стал учеником Мизеса в 1950-х годах, после того как Мизес разработал всю свою систему в своем великом opus magnum «Человеческое деятельность: трактат по экономике», и стал теоретиком анархо-капитализма. Непокколебимый,

Сделав этот шаг, либералы откажутся от своей верности существующей системе, объявят демократическое правительство нелегитимным и восстановят свое право на самозащиту. Политически, с этим шагом они вернутся к самым истокам либерализма как революционного вероучения. Отрицая действительность всех наследственных привилегий, классические либералы оказались бы в принципиальной оппозиции всем установленным правительствам. Характерно, что величайший политический триумф либерализма – американская революция, был результатом сецессионной войны.²⁸ И в *Декларации независимости*, оправдывая действия американских колонистов, Джефферсон утверждал, что «правительства должны устанавливаться среди людей, получая свои справедливые полномочия с согласия управляемых», и должны обеспечить право на «жизнь, свободу и стремление к счастью»; и:

что всякий раз, когда какая-либо форма государства становится разрушительной для этих целей, народ имеет право изменить или отменить его и учредить новое правительство, основав его на таких принципах и организовав его полномочия в такой форме, в какой они бы положительно влияли на защиту и счастье.

Анархисты – сторонники частной собственности только подтвердили бы классическое либеральное право «свергнуть

Мизес сохранил свою первоначальную теоретическую позицию либерала-минархиста. Тем не менее, дистанцируясь в равной степени от левых взглядов Хайека и правых отклонений Ротбарда, как видно из его рецензии первого великого опуса Ротбарда «Человек, экономика и государство» в *The New Individualist Review* 2, no. 3 (Fall 1962), что именно Ротбард был тем, с кем он чувствовал большую теоретическую близость. Что еще более важно, из последующих поколений интеллектуалов до настоящего времени немногие из тех, кто полностью впитал работу Мизеса, Хайека и Ротбарда, остались верны «оригинальному» Мизесу, и еще меньше стали хайекианцами, в то время как подавляющее большинство приняло пересмотренную Ротбардом систему Мизеса как логически последовательное выполнение собственного первоначального теоретического замысла Мизеса. См. также примечание 30 ниже.

²⁸ О радикальных либерал-либертарианских идеологических истоках Американской революции см. Bernard Bailyn, *The Ideological Origins of the American Revolution* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967); Murray N. Rothbard, *Conceived in Liberty*, 4 vols. (New Rochelle, N.Y.: Arlington House, 1975-79).

правительство и поставить новых защитников будущей безопасности».

Конечно, сам по себе обновленный радикализм либерального движения не будет иметь большого значения (хотя, как учит американская революция, радикализм вполне может быть популярен). Вместо этого, вдохновляющее видение фундаментальной альтернативы существующей системе, которая вытекает из этого нового радикализма, в конечном итоге сломает социал-демократическую машину. Вместо наднациональной политической интеграции, мирового правительства, конституций, судов, банков и денег, глобальной социальной демократии, универсального и повсеместного мультикультурализма анархо-либералы предлагают разложить национальное государство на его составные разнородные части. Как и их классические предки, новые либералы не стремятся захватить какое-либо правительство. Они игнорируют правительство. Они хотят, чтобы правительство оставило их в покое и покинуло юрисдикцию организации защиты. В отличие от своих предшественников, которые просто стремились заменить большее правительство меньшим, новые либералы преследуют логику полного отделения. Они предлагают неограниченное отделение, то есть неограниченное распространение независимых свободных территорий, пока диапазон юрисдикции государства, наконец, не исчезнет.²⁹ С этой целью и в полном противоречии

²⁹ Интересно, что как Джефферсон и американская Декларация независимости считают выход из-под юрисдикции правительства основным правом человека, так и Людвиг фон Мизес, главный представитель либерализма двадцатого века, был откровенным сторонником права на сецессию, подразумеваемую как самое фундаментальное право человека на самоопределение. Так он пишет:

Право на самоопределение в вопросе о принадлежности к определенному государству, таким образом, означает: всякий раз, когда население какой-либо территории, будь то отдельная деревня, целый район или несколько прилегающих районов, дает знать путем свободного плебисцита, что оно больше не желает быть объединенным в государстве, к которому принадлежит в настоящий момент ... и его желание следует уважать и исполнять. Это единственно возможный и эффективный способ избежать революций, гражданских и мировых войн. ... Следовало бы на самом деле каким-то образом распространить право на самоопределение до уровня отдельной личности. (Mises, *Liberalism*, стр. 109-10)

государственническим проектам «Европейской интеграции» и «Нового мирового порядка» они продвигают видение мира из десятков тысяч свободных стран, регионов и кантонов, из сотен тысяч независимых свободных городов, таких как современные чудачки Монако, Андорра, Сан-Марино, Лихтенштейн, Гонконг (в недалеком прошлом) и Сингапур, а также еще более многочисленных свободных районов, экономически интегрированных посредством свободной торговли (чем меньше территория, тем больше экономическое давление при отказе от свободной торговли) и международного денежного стандарта на золото.

Если и когда это альтернативное либеральное видение станет заметным в общественном мнении, конец социал-демократического «конца истории» приведет к либеральному возрождению.

По сути, этим заявлением Мизес уже перешел черту, разделяющую классический либерализм и анархию частной собственности Ротбарда; ведь правительство, допускающее неограниченное отделение, конечно, уже не является принудительным монополистом закона и порядка, а представляет собой добровольную ассоциацию. Так, Ротбард отмечает по поводу высказывания Мизеса: «признание какого-либо права на отделение при отсутствии его логического завершения, ограничивающего право на индивидуальное отделение, логически влечет за собой анархизм, ведет к тому, что индивиды смогут отделяться от государства и нанимать свои собственные защитные агентства, и государство разрушится», (*The Ethics of Liberty*, стр. 182); см. также он же, *Power and Market*, стр. 4-5, и он же, «*The Laissez-Faire Radical: A Quest for the Historical Mises*», *Journal of Libertarian Studies* 5, no. 3 (1981).

§12

О правительстве и частном производстве обороны

Народ имеет право изменить или отменить его и учредить новое правительство, основав его на таких принципах и организовав его полномочия в такой форме, в какой они бы положительно влияли на защиту и счастье.

Декларация независимости

I

Среди самых популярных и важных убеждений нашего века находится вера в коллективную безопасность. Легитимность современного государства основывается именно на этом убеждении.

Я покажу, что идея коллективной безопасности – это миф, который не оправдывает современное положение дел, и что вся безопасность является и должна быть частной. Прежде всего, я представлю двухэтапную реконструкцию мифа о коллективной безопасности и на каждом этапе подниму несколько теоретических вопросов.

Миф о коллективной безопасности также можно назвать мифом Гоббса. Томас Гоббс и бесчисленные политические философы и экономисты после него утверждали, что в естественном состоянии люди будут постоянно находиться в агрессии друг к другу. *Ното homini lupus est*. Если говорить в современными словами, в естественном состоянии будет преобладать постоянное «недопроизводство» безопасности. Каждый человек, оставленный на свое усмотрение и средства, будет тратить «слишком мало» на свою собственную защиту, что приведет к постоянной межличностной войне. По мнению Гоббса и его последователей, решение этой предположительно невыноси-

государства. Чтобы наладить мирное сотрудничество между собой, два человека, А и В, нуждаются в третьей независимой стороне S в качестве окончательного судьи и миротворца. Тем не менее эта третья сторона, S, не просто еще один человек, а товар, предоставленный S, – это не только еще один «частный» товар. Скорее, S – это *суверен*, обладающий двумя уникальными способностями. С одной стороны, S может настаивать на том, чтобы его *подданные*, А и В, не искали защиты ни у кого, кроме него; то есть S является обязательным территориальным монополистом защиты. С другой стороны, S может в одностороннем порядке определить, сколько А и В должны потратить на свою собственную безопасность; то есть S имеет право взимать налоги, чтобы обеспечить «коллективную безопасность».

Нет смысла придирается к тому, является ли человек таким же плохим и волкоподобным, как предполагает Гоббс, или нет, разве что следует отметить, что тезис Гоббса, очевидно, не может означать, что человек руководствуется только и исключительно агрессивными инстинктами. Если бы это было так, человечество давно бы вымерло. Факт в том, что человек не демонстрирует этого, и что он обладает разумом и способен сдерживать свои естественные побуждения. Придирается стоит только к решению Гоббса. *Учитывая* природу человека как *рационального* животного, улучшает ли данное решение его *положение*? Может ли институт государства уменьшить агрессивное поведение и способствовать мирному сотрудничеству и, таким образом, обеспечить лучшую частную безопасность и защиту? Неточности аргумента Гоббса очевидны. С одной стороны, независимо от того, насколько плохими являются люди, S, будь то король, диктатор или избранный президент, по-прежнему остается одним из них. Природа человека не трансформируется после того, как он становится S. Но как может улучшиться защита для А и В, если S должен *обложить их налогом*, чтобы обеспечить ее? Нет ли противоречия в самой конструкции S как экспроприирующего защитника собственности? На самом деле, разве он не относится к *рэкетирам*? Безусловно, S заключит мир между А и В, но только для того, чтобы он сам мог более выгодно ограбить их обоих. Конечно, S лучше защищен, и

чем больше он защищен, тем меньше А и В защищены от атак S. Коллективная безопасность, похоже, не лучше личной безопасности. Скорее, это частная безопасность государства S, достигнутая путем экспроприации, то есть экономического разрушения его субъектов. Кроме того, этатисты, от Томаса Гоббса до Джеймса Бьюкенена, утверждают, что защитное состояние S возникает в результате своего рода «конституционного» договора.¹ Но кто в своем здравом уме согласился бы заключить договор, который позволял бы защитнику определять в одностороннем порядке и безвозвратно сумму, которую защищаемый должен заплатить за свою защиту? Дело в том, что никто не заключил бы такой договор!²

Позвольте мне прервать мою дискуссию и вернуться к реконструкции гоббсовского мифа. Если предположить, что для установления мирного сотрудничества между А и В необходимо иметь сторону S, то можно сделать двойной вывод. Если существует более одной стороны, S1, S2, S3, то точно так же, как предположительно не может быть мира между А и В без S, также не может быть мира между сторонами S1, S2 и S3, пока они остаются в естественном состоянии (то есть в состоянии анархии) по отношению друг к другу. Следовательно, для достижения *всеобщего* мира необходима политическая централизация, объединение и, в конечном итоге, создание единого мирового правительства.

Полезно будет определить то, что можно считать неоспоримым. Начнем с того, что аргумент верный настолько, насколько он продвинулся. Если предпосылка правильная, то изложенное следствие действительно верное. Кроме того, эмпирические предположения по поводу того, что описано Гобб-

¹ James M. Buchanan and Gordon Tullock, *The Calculus of Consent* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962); James M. Buchanan, *The Limits of Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1975); критику см. в Murray N. Rothbard, «Buchanan and Tullock's Calculus of Consent», в он же, *The Logic of Action Two* (Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1995); он же, «The Myth of Neutral Taxation», там же; Hans-Hermann Hoppe, *The Economics and Ethics of Private Property* (Boston: Kluwer, 1993), гл. 1.

² См. об этом, в частности, Lysander Spooner, *No Treason: The Constitution of No Authority* (Larkspur, Colo.: Pine Tree Press, 1966).

сом, на первый взгляд подтверждаются фактами. Это правда, что государства постоянно воюют друг с другом, и историческая тенденция к политической централизации и глобальному государственному правлению действительно проявляется. Придирки возникают только при объяснении этого факта и тенденции, а также при признании единого мирового государства как улучшения в обеспечении частной безопасности и защиты. Кажется, есть эмпирическая аномалия, которую не может объяснить аргумент Гоббса. Согласно Гоббсу, причина вражды между различными сторонами S1, S2 и S3 заключается в том, что они находятся в состоянии анархии по отношению друг к другу. Однако до появления единого мирового государства не только S1, S2 и S3 находятся в состоянии анархии по отношению друг к другу, но фактически каждый субъект одного государства находится в состоянии анархии по отношению к каждому субъекту любого другого государства. Соответственно, между частными лицами разных государств должно быть столько же войн и агрессии, сколько между разными государствами. Эмпирически, однако, это не так. Частные отношения между иностранцами, по-видимому, значительно менее воинственны, чем отношения между различными правительствами. И это не кажется удивительным. В конце концов, государственный агент S, в отличие от всех своих подданных, может полагаться на внутреннее налогообложение при ведении своих «иностраных дел». Учитывая его естественную человеческую агрессивность, разве не очевидно, что S будет более наглым и агрессивным в своем поведении по отношению к иностранцам, если он сможет перенести стоимость такого поведения с себя на своих подчиненных? Конечно, я был бы готов пойти на больший риск и участвовать в большей провокации и агрессии, если бы я мог заставить других заплатить за это. И, безусловно, возникает тенденция одного государства хотеть расширить свою территориальную монопольную защиту за счет других государств и, таким образом, прийти к мировому правительству как конечному результату межгосударственной конкуренции.³

³ См. Hans-Hermann Hoppe, «The Trouble with Classical Liberalism», *Rothbard-Rockwell*

ровое государство является победителем всех войн и последним выжившим рэкетиром. Разве это не делает его особенно опасным? Разве физическая сила какого-либо отдельного мирового правительства не будет подавляющей по сравнению с силой любого из его отдельных субъектов?

II

Позвольте мне остановиться в моих абстрактных теоретических соображениях, чтобы кратко взглянуть на эмпирические данные, относящиеся к данной проблеме. Как отмечалось в самом начале, миф о коллективной безопасности распространен так же, как и последствия. Я не знаю ни о каких опросах по этому вопросу, но я рискну предсказать, что миф Гоббса о необходимости государственной защиты более или менее безоговорочно принимается более чем 90 процентами взрослого населения. Однако верить во что-то не делает это верным. Скорее, если человек верит во что-то ложное, это приведет к катастрофе. Как насчет доказательств? Они поддерживают Гоббса и его последователей или подтверждают противоположные анархистские страхи и утверждения?

США были явно основаны как «защитное» государство по Гоббсу. Позвольте мне привести цитату по этому поводу из *Декларации о независимости* Джефферсона:

Мы считаем эти истины самоочевидными: все люди созданы равными; что Создатель наделил их неотъемлемыми правами; что среди этих прав есть жизнь, свобода и стремление к счастью, и, чтобы обеспечить эти права, среди людей учреждаются правительства, получающие свои справедливые полномочия с согласия управляемых.

Вот что у нас есть: правительство США было создано для выполнения одной и только одной задачи: защиты жизни и имущества. Таким образом, это должно послужить прекрасным примером для оценки обоснованности заявления Гоббса о статусе государств в качестве защитников. После более чем

двух веков защитного этатизма, каков статус нашей защиты и мирного человеческого сотрудничества? Был ли американский эксперимент по защитному этатизму успешным?

Согласно заявлениям наших государственных правителей и их интеллектуальных телохранителей (которых сейчас больше, чем когда-либо прежде), мы защищены лучше, чем когда-либо. Мы предположительно защищены от глобального потепления и похолодания, от вымирания животных и растений, от злоупотреблений со стороны мужей и жен, родителей и работодателей, от бедности, болезней, бедствий, невежества, предрассудков, расизма, сексизма, гомофобии и многих других общественных врагов и опасностей. На самом деле, однако, все обстоит иначе. Чтобы обеспечить нам всю эту «защиту», государственные менеджеры из года в год экспроприируют более 40 процентов доходов частных производителей. Государственный долг и обязательства непрерывно увеличивались, что увеличивало потребность в будущих экспроприациях. Из-за замены золота на государственные бумажные деньги финансовая нестабильность резко возросла, и нас постоянно обкрадывают из-за обесценивания валюты. Каждая деталь частной жизни, собственности, торговли и контракта регулируется все более сильными законами (законодательством), что создает постоянную правовую неопределенность и моральный риск. В частности, мы постепенно лишились права на исключение, подразумеваемого в самой концепции частной собственности. Как продавцы, мы не можем продавать, а как покупатели мы не можем покупать у того, кого пожелаем. И как членам ассоциаций нам не разрешается вступать в какую-либо ограничительную договоренность, которую мы считаем взаимовыгодной. Как американцы, мы должны принимать иммигрантов как своих соседей. Как учителя, мы не можем избавиться от плохого поведения студентов. Как работодатели, мы застряли с некомпетентными или разрушительными работниками. Как землевладельцы, мы вынуждены справляться с плохими арендаторами. Как банкирам и страховщикам, нам не разрешают избегать больших рисков. Как владельцы ресторанов или баров, мы должны принимать нежелательных клиентов. И как члены частных ассоциаций, мы

вынуждены принимать людей и действия в нарушение наших собственных правил и ограничений. Короче говоря, чем больше государство увеличивало свои расходы на «социальную» и «общественную» безопасность, тем больше ущемлялись наши права на частную собственность, тем больше наша собственность была экспроприирована, конфискована, уничтожена или обесценена, и тем больше мы были лишены самой основы всей защиты: экономической независимости, финансовой мощи и личного богатства.⁴ Путь каждого президента и практически каждого члена Конгресса усеян сотнями тысяч безымянных жертв личного экономического краха, финансового банкротства, обнищания, отчаяния, трудностей и разочарования.

Картина кажется еще более мрачной, когда мы рассматриваем международные действия государств. В течение всей своей истории континентальные США почти не подвергались территориальному нападению со стороны какой-либо иностранной армии. (Перл-Харбор был результатом предыдущих провокаций США). Более того, США находится во владении правительства, объявившего войну против значительной части своего населения и принявшее участие в бессмысленном убийстве сотен тысяч своих граждан. Хотя отношения между американскими гражданами и иностранцами не кажутся сильно спорными, почти с самого начала правительство США неустанно преследовало агрессивный экспансионизм. Начиная с испано-американской войны, достигнув пика в Первой и Второй мировых войнах, и продолжая до настоящего времени, правительство США запуталось в сотнях иностранных конфликтов и поднялось до уровня доминирующей мировой империалистической державы. Таким образом, почти каждый президент с начала этого столетия также несет ответственность за убийства и голод бесчисленных невинных иностранцев по всему миру. Короче говоря, в то время как мы стали более беспомощными, обнищавшими, находящимися под угрозой и неуверенными, правительство США стало еще более наглым и агрессивным. Во

⁴ См. Hans-Hermann Hoppe, «Where the Right Goes Wrong», *Rothbard-Rockwell Report* 8, no. 4 (1997).

имя «национальной» безопасности, оно «защищает» нас, оснащенных огромными запасами оружия массового уничтожения, запугивая вечно новых «Гитлеров», больших или маленьких, и всех подозреваемых сторонников «Гитлеров» в любом месте за пределами страны.⁵

Таким образом, эмпирическое доказательство кажется довольно ясным. Мы видим, что вера в государство как защитника – явная ошибка, а американский эксперимент по защитному этатизму – полный провал. Правительство США не защищает нас. Напротив, нет никакой большей опасности для нашей жизни, собственности и процветания, чем правительство США, и президента США в частности. США являются наиболее угрожающей и вооруженной опасностью в мире, способной уничтожить всех, кто ему противостоит, и уничтожить весь земной шар.

III

Этатисты реагируют так же, как социалисты, когда сталкиваются с мрачными экономическими показателями Советского Союза и его сателлитов. Они не отрицают неутешительные факты, но пытаются утверждать, что эти факты являются результатом систематического несоответствия (отклонения) между «реальным» и «идеальным» или «истинным» этатизмом (соответственно, социализмом). По сей день социалисты утверждают, что «настоящий» социализм не был опровергнут эмпирическими фактами, и что все было бы хорошо, и было бы

⁵ См. *The Costs of War: America's Pyrrhic Victories*, John V. Denson, ed. (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1997); он же, «A Century of War: Studies in Classical Liberalism», (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1999). После окончания Второй мировой войны, например, правительство США осуществляло военное вмешательство в Китае (1945-46), Корее (1950-53), Китае (1950-53), Иране (1953), Гватемале (1954), Индонезии (1958), Кубе (1959-60), Гватемале (1960), Конго (1964), Перу (1965), Лаосе (1964-73), Вьетнаме (1961-73), Камбодже (1969-70), Гватемалу (1967-69), Гренаду (1983), Ливан (1983), Ливию (1986), Сальвадор (1980-е), Никарагуа (1980-е), Панаму (1989), Ирак (1991-99), Боснию (1995), Судан (1998), Афганистан (1998) и Югославию (1999). Более того, правительство США разместило свои войска почти в ста пятидесяти странах мира.

беспрецедентное процветание, если бы только у Троцкого или Бухарина был свой собственный бренд социализма, а Сталин не реализовал бы свой. Точно так же этатисты интерпретируют все кажущиеся доказательства как случайные. Если бы только какой-нибудь другой президент пришел к власти на том или ином повороте истории или если бы были приняты только те или иные конституционные изменения или поправки, все бы получилось прекрасно, и в результате возникли бы беспрецедентные случаи безопасности и мира. Они говорят, что это все еще может произойти в будущем, если продвигать именно их политику.

Мы узнали от Людвиг фон Мизеса, как реагировать на стратегию уклонения (иммунизации) социалистов.⁶ Пока остается определяющая характеристика социализма, т.е. отсутствие частной собственности на средства производства, то никакая реформа не может помочь. Идея социалистической экономики является *противоречивой*, и утверждение о том, что социализм представляет собой «более высокий» и более эффективный способ общественного производства, абсурдно. Чтобы эффективно и без потерь достигать своих целей в рамках экономики обмена, основанной на разделении труда, необходимо, чтобы кто-то занимался денежными расчетами (учетом затрат). Везде, за пределами системы примитивной самодостаточной экономики единого домохозяйства, денежный расчет является единственным инструментом рациональных и эффективных действий. Только сравнивая входные и выходные данные арифметически в терминах общего средства обмена (денег), человек может определить, успешны ли его действия или нет. В противоположность этому, социализм означает отсутствие экономики и экономии, потому что в этих условиях денежный расчет и учет затрат невозможен по определению. Если не существует частной собственности на средства производства, то нет цены на эти средства, поэтому невозможно определить, используют-

⁶ Ludwig von Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis* (Indianapolis, Ind.: Liberty Classics, 1981); Hans-Hermann Hoppe, *A Theory of Socialism and Capitalism* (Boston: Kluwer, 1989), гл. 6.

ся ли они экономно или нет. Соответственно, социализм – это не высший способ производства, а экономический хаос и регресс к примитивизму.

Как реагировать на стратегию уклонения этатистов объяснял Мюррей Ротбард.⁷ Но урок Ротбарда, простой и ясный и имеющий важные последствия, до сих пор остается гораздо малоизвестным и мало оцененным. Он пояснил, что до тех пор, пока остается определяющая характеристика государства – его существование, никакие реформы, будь то личные или конституционные, не принесут никакой пользы. Принимая во внимание принцип государственно-судебной монополии и право облагать налогом, любое представление об ограничении его власти и защите личной жизни и имущества иллюзорно. Под покровительством монополистов цена справедливости и защиты всегда возрастает, а ее качество – падает. Налоговое защитное агентство является терминологическим противоречием и приводит к увеличению налогов и снижению защиты. Даже если правительство ограничит свою деятельность исключительно защитой ранее существовавших прав собственности (как это должно делать каждое «защитное» государство), возникнет еще один вопрос о том, *какой объем* обеспечения защиты должен существовать. Мотивированный (как и все остальные) личным интересом и вредом труда, но обладающий уникальной способностью облагать налогом, ответ правительства на этот вопрос неизменно будет таким: *максимально увеличить расходы* на защиту (почти все богатство нации может быть потрачено на защиту) и в то же время *минимизировать производство* защиты. Кроме того, судебная монополия должна привести к ухудшению качества правосудия и защиты. Если можно обратиться только к правительству за справедливостью и защитой, то справедливость и защита будут извращены в пользу правительства, государственных учреждений и верховных судов. В конце концов, государственные учреждения и верховные суды являются агентами государства, и любые ограничения на дей-

⁷ Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty* (New York: New York University Press, 1998), особ. гл. 22 и 23.

ствия правительственного учреждения определяются агентами самого рассматриваемого учреждения. Соответственно, определение собственности и защиты будет постоянно изменяться, а спектр сфер полномочий будет расширен в пользу правительства.

Из этого, как указал Ротбард, следует, что так же, как социализм не может быть реформирован, а должен быть отменен для достижения процветания, так и институт государства не должен быть реформирован, а должен быть отменен для достижения справедливости и защиты. «Защитные услуги в свободном обществе (включая такие службы защиты личности и имущества, как полиция и суд)», – заключил Ротбард,

следовательно, должны были бы предоставляться людьми или фирмами, которые (а) получали бы свой доход добровольно, а не путем принуждения, и (б) не присваивали бы себе обязательную монополию полиции или судебной защиты, как это делает государство. ... Защитные фирмы должны были бы быть такими же свободно конкурентными и не принуждаемыми, как и все другие поставщики товаров и услуг на свободном рынке. Оборонные услуги, как и все другие услуги, будут продаваться и только продаваться.⁸

То есть каждый владелец частной собственности сможет воспользоваться преимуществами разделения труда и добиваться лучшей защиты своей собственности, чем та, которая обеспечивается посредством самообороны, путем сотрудничества с другими собственниками и их собственностью. Любой может купить, продать или заключить договор с кем-либо еще о защитных о судебных услугах, и в любое время можно в одностороннем порядке прекратить любое такое сотрудничество с другими и прибегнуть к самостоятельной защите и изменить свои защитные способы.

IV

Реконструировав миф о коллективной безопасности (миф

⁸ Murray N. Rothbard, *Power and Market* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977), стр. 2.

о государстве) и раскритиковав его по теоретическим и эмпирическим соображениям, я теперь должен взять на себя задачу построения позитивного аргумента в пользу частной безопасности и защиты. Чтобы развеять миф о коллективной безопасности, недостаточно просто понять ошибку, связанную с идеей защитного государства. Столь же важно получить четкое представление о том, как эффективно будет работать неэтикетская альтернатива государственной безопасности. Ротбард, опираясь на новаторский анализ французско-бельгийского экономиста Густава де Молинали,⁹ дал нам набросок работы системы защиты на свободном рынке.¹⁰ Кроме того, мы в долгу перед Моррисом и Линдой Таннехилл за их блестящее понимание и анализ этой сферы.¹¹ Следуя их указаниям, я продолжу свой анализ и дам более полное представление об альтернативной неэтикетской системе производства безопасности и ее способности обрабатывать атаки не только отдельных лиц или банд, но, в частности, и государств.

Широко распространено признание среди либералов и либертарианцев, таких как Молинали, Ротбард и Тэннхиллс, а также большинства других исследователей этого вопроса, того, что защита является формой страхования, а расходы на оборону представляют собой своего рода страховую выплату (цену). Соответственно, как подчеркивали, в частности, Ротбард и Тэннхиллс, в рамках сложной современной экономики, основанной на мировом разделении труда, наиболее вероятными кандидатами на предоставление услуг по защите являются страховые агентства. Чем лучше защита застрахованного имущества, тем меньше требований о возмещении ущерба и, следовательно, меньше расходы страховщика. Таким образом, обеспечение эффективной защиты, по-видимому, отвечает

⁹ Gustave de Molinari, *The Production of Security* (New York: Center for Libertarian Studies, 1977).

¹⁰ Rothbard, *Power and Market*, гл. 1; он же, *For A New Liberty* (New York: Collier, 1978), главы 12 и 14

¹¹ Morris Tannehill and Linda Tannehill, *The Market for Liberty* (New York: Laissez Faire Books, 1984), особ. часть 2.

собственным финансовым интересам каждого страховщика. Действительно, несмотря на то, что государство ограничивает и затрудняет деятельность этой сферы, даже сейчас страховые агентства предоставляют широкий спектр услуг по защите и компенсации потерпевшим частным лицам. Также очевидно, что любой, кто предлагает услуги защиты, должен казаться способным выполнить свои обещания, чтобы найти клиентов. То есть он должен обладать экономическими средствами (рабочей силой, а также физическими ресурсами) необходимыми для выполнения задачи борьбы с реальными или потенциальными опасностями реального мира. По этому показателю страховые агентства тоже являются идеальными кандидатами. Они действуют в общенациональном и даже международном масштабе, и им принадлежат крупные имущественные владения, разбросанные по широким территориям и за пределами отдельных государственных границ. Соответственно, они проявляют личную заинтересованность в эффективной защите и являются «большими» и экономически влиятельными. Кроме того, все страховые компании связаны через сеть договорных соглашений о взаимопомощи и арбитраже, а также через систему международных перестраховочных агентств, представляющих объединенную экономическую силу, которая превосходит власть большинства существующих правительств.

Позвольте мне дополнительно проанализировать и систематически прояснить это предположение: защита является «страховкой» и может предоставляться страховыми агентствами. Для достижения этой цели необходимо решить две проблемы. Во-первых, невозможно застраховаться от любого риска жизни. Я не могу застраховать себя, например, от самоубийства или от поджога собственного дома, от того, что я стал безработным, от нежелания вставать утром с постели, или не испытывая существенных потерь, потому что в каждом случае я полностью или частично контролирую вероятность соответствующего исхода. Подобные риски должны учитываться индивидуально. Никто, кроме меня, не может иметь с ними дело. Следовательно, первый вопрос должен заключаться в том, что делает защиту страховым риском? В конце концов, как мы толь-

ко что увидели, это не самоочевидно. На самом деле, не каждый ли имеет значительный контроль над вероятностью нападения на его личность и имущество? Разве, например, я не контролирую ситуацию, если подвергаюсь нападению провоцируя кого-то, и не является ли защита нестраховым риском, таким, как самоубийство или безработица, за который каждый человек должен нести исключительно собственную ответственность?

Ответ является одновременно и да, и нет. Да, поскольку никто не может предложить безусловную защиту, то есть страховку от любого вторжения. Безусловная защита может быть обеспечена, если она вообще существует, каждым человеком самостоятельно для себя. Но и нет, поскольку речь идет об *условной* защите. Только нападения и вторжения, спровоцированные жертвой, не могут быть застрахованы. Тем не менее неспровоцированные и, следовательно, «случайные» атаки могут быть страховыми случаями. Таким образом, защита становится страховым средством, только если страховой агент ограничивает действия застрахованного лица договором, чтобы исключить все возможные «провокации».¹² Различные страховые компании могут различаться в отношении конкретного определения провокации, но между страховщиками не может быть различий в отношении принципа, согласно которому каждый должен систематически исключать (запрещать) все провокационные и агрессивные действия среди своих клиентов.

Каким бы элементарным ни показалось это первое понимание защитно-неагрессивного и непровокативного характера страховой защиты, оно имеет фундаментальное значение. С одной стороны, оно означает, что любой известный агрессор и провокатор не сможет найти страховщика и, следовательно, будет экономически изолированным, слабым и уязвимым. С другой стороны, это подразумевает, что любой, желающий по-

¹² О «логике» страхования см. Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics* (Chicago: Regnery, 1966), гл. 6; Murray N. Rothbard, *Man, Economy, and State*, 2 vols. (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1993), стр. 498ff.; Hans-Hermann Hoppe, «On Certainty and Uncertainty, Or: How Rational Can Our Expectations Be?», *Review of Austrian Economics* 10, no. 1 (1997); также Richard von Mises, *Probability, Statistics and Truth* (New York: Dover, 1957); Frank H. Knight, *Risk, Uncertainty, and Profit* (Chicago: University of Chicago Press, 1971).

лучить больше защиты, чем та, которая обеспечивается самообороной, может сделать это только в том случае, если он подчиняется указанным нормам неагрессивного, цивилизованного поведения. Кроме того, чем больше число застрахованных людей (и в современной экономике обмена большинство людей хотят больше, чем просто самооборона для своей защиты), тем больше будет экономическое давление на оставшихся незастрахованных, и им придется принять те же стандарты неагрессивного поведения. Более того, в результате конкуренции между страховщиками за добровольную оплату клиентов возникнет тенденция к снижению цен услуг на стоимость застрахованного имущества.

В то же время система конкурирующих страховщиков будет оказывать двойное влияние на развитие права и, таким образом, будет способствовать дальнейшему сокращению конфликтов. С одной стороны, система позволит систематически *увеличивать изменчивость и гибкость законодательства*. Вместо того чтобы навязывать всем единообразный набор стандартов (как в этатистских условиях), страховые агентства могут и будут конкурировать друг с другом не только по цене, но, в частности, также за счет дифференциации и развития продуктов. Страховщики могут и будут отличаться друг от друга в отношении кодекса поведения, ожидаемого от их клиентов, в отношении правил доказывания того, что произошедшее подпадает под страховой случай и/или в отношении вида и размера вознаграждений и наказаний. Могут и будут существовать бок о бок, например, католические страховщики, применяющие церковный закон, еврейские страховщики, применяющие закон Моисея, мусульмане, применяющие исламский закон, и неверующие, применяющие светский закон того или иного варианта, и все они поддерживаются за счет добровольно платящей клиентуры. Потребители могут и будут выбирать, а иногда и изменять, закон, применяемый к ним и их собственности. То есть никто не будет вынужден жить по «иностранному» закону; и, следовательно, известные источники конфликтов будут устранены.

С другой стороны, система страховщиков, предлагающих

конкурирующие кодексы законов, будет способствовать тенденции к *объединению законов*. «Внутренний» католический, еврейский, римский, германский и т.д. закон будет применяться и иметь обязательную силу только для лиц и имущества застрахованных одним и тем же страховщиком в соответствии с тем же законом. Например, католический закон будет применяться только к католикам, и он касается исключительно внутрикатолических конфликтов и их разрешения. Тем не менее католик также может желать быть защищенным от подписчиков других кодексов, например, мусульман. Из этого не возникнет никаких трудностей, если католическое и исламское право придет к одному или аналогичному выводу в отношении рассматриваемого дела и соперников. Но если конкурирующие правовые кодексы приходят к совершенно разным выводам (в силу того факта, что они представляют разные правовые кодексы), может возникнуть проблема. Застрахованный хотел бы быть защищенным от непредвиденных ситуаций конфликтов вне своих групп, но «внутреннее» (внутригрупповое) законодательство может и не помочь из-за того, что два отдельных кодекса законов будут задействованы, и они придут к разным выводам. В такой ситуации нельзя ожидать, что один страховщик и подписчики его кодекса, скажем католики, просто подчинятся другому страховщику и его закону, *скажем*, мусульманам. Скорее, каждый страховщик, будь то католик или мусульманин, должен внести свой вклад в развитие межгруппового права, то есть права, примененного в случаях разногласия между конкурирующими страховщиками и кодексами законов. И поскольку положения межгруппового закона, которые страховщик предлагает своим клиентам, могут показаться заслуживающими доверия, и, следовательно, быть хорошими, только в том случае, если такие же положения были приняты другими страховщиками (и чем большим количеством их, тем лучше), конкуренция будет способствовать развитию и совершенствованию совокупности правовых норм, которые включают в себя самый широкий межгрупповой, межкультурный и т. д. юридически-моральный консенсус и соглашение. Таким образом возникнет основной свод правил среди различных конкурирующих правовых ко-

дексов.¹³

Более конкретно, поскольку конкурирующие страховщики и кодексы законов могут и будут не соглашаться относительно существа, по крайней мере, некоторых дел, рассматриваемых совместно, каждый страховщик будет вынужден представлять себя и своих клиентов в арбитраже, предоставляемом третьей стороной. Однако эта третья сторона должна быть не только независима от двух несогласных сторон, она еще и должна быть *общим выбором* обеих сторон. И как объекты единодушного выбора, арбитры будут представлять или даже олицетворять «консенсус» и «согласие». Они будут согласованы из-за их общепризнанной способности находить и формулировать взаимоприемлемые, то есть «справедливые» решения в случаях межгрупповых разногласий. Более того, если арбитр не справился с этой задачей и пришел к выводам, которые один из страховщиков или его клиентов считает «несправедливыми» или «необъективными», это лицо вряд ли будет снова выбрано в качестве арбитра в будущем.

Следовательно, *договоры* о защите возникнут как первый фундаментальный результат конкуренции между страховщиками за добровольно платящую клиентуру. Страховщики (в отличие от государств) будут предлагать своим клиентам контракты с четко определенными описаниями услуг, а также четко определенными обязанностями и обязательствами. Аналогичным образом, отношения между страховщиками и арбитрами будут определяться и регулироваться договором. Каждая сторона договора в течение срока действия будет связана своими условиями; и любое изменение условий договора потребует единодушного согласия всех заинтересованных сторон. То есть в условиях конкуренции (в отличие от этатистских условий) никакое «законодательство» не может существовать. Ни один страховщик не может достичь успеха (как это может сделать государство) с обещанием защиты своих клиентов, не сообщая им, как или по какой цене он будет их защищать, и настаивая на том, что он может, если он того пожелает, в одностороннем

¹³ См. об этом Hans-Hermann Hoppe, *Eigentum, Anarchie und Staat* (Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987), стр. 122-26.

порядке изменить условия защиты (контракт). Страховые клиенты будут требовать чего-то лучше этого, а страховщики будут соблюдать и поставлять *контракты* и постоянный *закон* вместо *обещаний* и изменений в *законодательстве*. Кроме того, в результате постоянного сотрудничества различных страховщиков и арбитров будет наблюдаться тенденция к унификации имущественного и договорного права и гармонизация правил процедур доказывания и разрешения конфликтов (включая такие вопросы, как ответственность, правонарушение, компенсация и наказание). Покупкой страховой защиты каждый может быть вовлечен в глобальную конкуренцию защитных организаций, стремящихся уменьшить конфликты и повысить безопасность. Более того, каждый отдельный случай конфликта и ущерба, независимо от того, где и против кого, попадает под юрисдикцию одного или нескольких конкретных страховых агентств и будет рассматриваться либо в рамках «внутреннего» законодательства отдельного страховщика, либо в соответствии с положениями «международного» права, и к нему применяются процедуры, заранее согласованные группой страховщиков, что обеспечивает (*ex ante*) полную безупречную правовую стабильность и определенность.

V

Теперь второй вопрос должен быть решен. Даже если защита предоставляется в виде страховки, стоит учесть, что существуют совершенно разные формы страхования. Давайте рассмотрим только два характерных примера: страхование от стихийных бедствий, таких как землетрясения, наводнения, ураганы, и страхование от несчастных случаев на производстве. Первый может служить примером группового или взаимного страхования. Некоторые территории более подвержены стихийным бедствиям, чем другие; соответственно, спрос и стоимость страхования в одних областях будет выше, чем в других. Однако каждая территория в определенных границах рассматривается страховщиком однородной в отношении соответствующего риска. Страховщик предположительно зна-

ет частоту и масштаб рассматриваемых событий для региона в целом, но он ничего не знает об особых рисках какого-либо конкретного места на этой территории. В этом случае каждое застрахованное лицо будет платить одинаково за страховку, и выплаты, собранные за определенный период времени, предположительно будут достаточными для покрытия всех требований о возмещении ущерба за тот же период времени (в противном случае страховая отрасль будет нести убытки). Таким образом, отдельные индивидуальные риски объединяются и застраховываются взаимно.

Напротив, производственное страхование может служить примером индивидуального страхования. В отличие от стихийных бедствий страховой риск является результатом действий человека, то есть производственных процессов. Каждый производственный процесс находится под контролем отдельного производителя. Ни один производитель *не намерен* потерпеть неудачу или столкнуться с катастрофой, поэтому только случайные непреднамеренные ситуации могут быть застрахованы. Тем не менее даже если производство в значительной степени успешно контролируется, каждый производитель и технология производства подвержены случайным неудачам и несчастным случаям. Но поскольку это результат отдельных производственных процессов и технологий производства, риск несчастных случаев на производстве существенно отличается в случае разных производителей и производственных процессов. Соответственно, эти риски не могут быть объединены в одно целое, и каждый производитель должен быть застрахован индивидуально. В этом случае страховщик должен будет знать частоту сомнительных событий, но он не может знать вероятность событий в какой-либо конкретный момент времени, он лишь знает, что все время используются один и тот же производственный процесс и технология производства. Нельзя предположить, что собранные выплаты будут достаточными для покрытия всех требований о возмещении ущерба, возникших в течение конкретного периода. Скорее, прибыльная презумпция состоит в том, что все выплаты, собранные за многие периоды, будут достаточными для покрытия всех требований в

течение одного и того же периода времени. Следовательно, в этом случае страховщик должен иметь резервы капитала для выполнения своих договорных обязательств, и при расчете выплат он должен учитывать текущую стоимость этих резервов.

Собственно, возникает сам вопрос: какой вид страхования может защитить от агрессии и вторжения со стороны других лиц? Может ли оно быть предусмотрено как групповое страхование, как от стихийных бедствий, или оно должно предлагаться в форме индивидуального страхования, как при несчастных случаях на производстве?

Обратите внимание на то, что обе формы страхования представляют только две возможные крайности, и что положение любого конкретного риска не является окончательно фиксированным. Например, благодаря научно-техническому прогрессу в области метеорологии, геологии и инженерии риски, которые раньше считались однородными (взаимно застраховываемыми), могут становиться все более и более неоднородными. Эта тенденция особо заметна в области медицинского страхования. С достижениями генетики и геной инженерии медицинские риски, ранее считавшиеся однородными (неспецифичными) в отношении большого числа людей, становятся все более специфичными и неоднородными.

Имея это ввиду, можно ли сказать что-то конкретное о защитном страховании в частности? Думаю, что можно. В конце концов, в то время как все виды страхования требуют, чтобы риск был случайным с точки зрения страховщика и застрахованного, случай агрессивного вторжения явно отличается от случая стихийных или промышленных бедствий. Принимая во внимание, что стихийные бедствия и несчастные случаи на производстве являются результатом действия природных сил и действия законов природы, агрессия является результатом действий человека; и в то время как природа «слепа» и не проводит различий между людьми, агрессор может различать и преднамеренно нацеливаться на конкретных жертв и выбирать время своей атаки.

VI

Позвольте мне сначала сравнить защитную страховку и страховку от стихийных бедствий. Между ними часто проводят аналогию. Аналогия состоит в том, что точно так же, как каждому человеку в определенных географических регионах угрожает одинаковый риск землетрясений, наводнений или ураганов, так же каждому жителю на территории США или Германии, например, приходится сталкиваться с одинаковым риском стать жертвой иностранного нападения. Несмотря на некоторое поверхностное сходство, к которому я скоро приду, легко заметить два фундаментальных недостатка в аналогии. С одной стороны, границы районов землетрясения, наводнения или урагана устанавливаются в соответствии с объективными физическими критериями и, следовательно, могут называться «естественными». Напротив, политические границы являются «искусственными» границами. Границы США менялись на протяжении всего девятнадцатого века, а Германия не существовала как таковая до 1871 года и состояла из тридцати восьми отдельных стран.

Есть и второй очевидный вывод. Природа слепа в своем разрушении. Она не делает различий между более или менее ценными территориями и объектами, а «атакует» без разбора. В отличие от этого, агрессор-захватчик может делать и делает различие. Он не атакует и не вторгается в бесполезные места, такие как пустыня Сахара, но нацеливается на места, которые ценны. При прочих равных условиях, чем ценнее местоположение, тем больше вероятность того, что оно станет целью вторжения.

Это поднимает следующий важный вопрос. Если политические границы являются произвольными, а атаки никогда не являются неизбирательными, а направлены конкретно на ценные места и объекты, существуют ли какие-либо не произвольные границы, разделяющие различные зоны по уровню угрозы безопасности? Да, существуют. Такие не произвольные границы являются частной собственностью. Частная собственность является результатом присвоения и/или производства кон-

кретных физических объектов. Каждый присваиватель-производитель (владелец) своими действиями демонстрирует, что он считает присвоенные и произведенные вещи ценными, иначе он бы не присвоил или не произвел их. Границы собственности каждого являются объективными и интерсубъективно устанавливаемыми. Они просто определяются размером вещей, присвоенных и/или произведенных каким-либо конкретным человеком. И границы суммы всех ценных расположений и вещей совпадают с границами всего имущества. В любой момент времени каждое ценное расположение и вещь принадлежат кому-то; только бесполезные расположения и вещи никому не принадлежат.

В окружении других людей каждый присваиватель и производитель может стать объектом нападения или вторжения. Каждая собственность ценна, следовательно, каждый владелец собственности становится возможной целью агрессивных желаний других людей. Выбор местоположения и формы имущества владельцами, помимо множества других соображений, также будет зависеть от соображений безопасности. При прочих равных условиях, все предпочтут более безопасные расположения и формы собственности, чем те расположения и формы, которые менее безопасны. Тем не менее независимо от того, где находится владелец и его имущество, и независимо от его физической формы, каждый владелец в силу того, что он не отказывается от своего имущества даже в связи с потенциальной агрессией, демонстрирует свою личную готовность защищать это имущество.

Однако, если границы частной собственности являются единственными не произвольными границами, которые систематически связаны с риском агрессии, то из этого следует, что существует столько разных зон безопасности, сколько существует отдельно принадлежащих владений, и что эти зоны не превышают размер этих владений. Таким образом, страхование имущества от агрессии может показаться примером индивидуальной, а не групповой (взаимной) защиты даже в большей степени, чем случаи промышленных аварий.

Стоит принять во внимание, что риск несчастного случая

в отдельном производственном процессе, как правило, не зависит от его местоположения, если процесс воспроизводится одним и тем же производителем в разных местах, вероятность риска остается неизменной. В отличие от этого, риск агрессии в сторону частной собственности отличается в разных местоположениях. Будучи частным образом присвоенными и произведенными, блага всегда отличаются между собой. Каждое имущество находится в разном месте и находится под контролем разных людей, и каждое расположение сталкивается с уникальной угрозой безопасности. На безопасность вполне могут влиять случай, например, когда я нахожусь в сельской местности или в городе, на холме или в долине, недалеко или далеко от реки, океана, гавани, железной дороги или улицы. И даже близко расположенные места не сталкиваются с одинаковым риском агрессии. Он может отличаться, если я живу выше или ниже на горе, чем мой сосед, выше по течению или ниже, ближе или дальше от океана или просто северней, южней, западней или восточней от него. Более того, каждый объект, где бы он ни находился, может быть изменен и преобразован его владельцем таким образом, чтобы повысится его безопасность и снизится вероятность агрессии. Например, я могу приобрести пистолет или сейф, или я смогу сбить атакующий самолет со своего заднего двора или занять лазерную пушку, которая может убить агрессора за тысячи миль. Таким образом, ни разные местоположения, ни разная собственность не похожи один на одного. Каждый владелец должен быть застрахован индивидуально, и каждый страховщик должен иметь достаточные резервы капитала.

VII

Аналогия, обычно проводимая между страхованием от стихийных бедствий и от внешней агрессии, в корне ошибочна. Как агрессия никогда не бывает беспорядочной, так и защита не должна быть такой. У каждого человека есть разные места и вещи, которые нужно защищать, и ни у кого нет такой же угрозы безопасности, как у кого-то еще, все же аналогия содержит

часть правды. Любое сходство между стихийными бедствиями и внешней агрессией обусловлено не природой агрессии и обороны, а скорее специфической природой агрессии и обороны государства (межгосударственной войны). Как объяснялось выше, государство – это агентство, которое осуществляет обязательную территориальную монополию на защиту и право взимать налоги, и любое такое агентство будет сравнительно более агрессивным, поскольку оно может перенести издержки такого поведения на свои субъекты. Однако существование государства не только увеличивает частоту агрессии; это меняет ее характер. Существование государств, а особенно демократических государств, подразумевает, что агрессия и оборонительная война будут иметь тенденцию превращаться в тотальную неразборчивую войну.¹⁴

Рассмотрим на мгновение полностью безгосударственный мир. В то время как большинство владельцев недвижимости будут индивидуально застрахованы крупными, часто интернациональными страховыми компаниями, наделенными огромными резервами капитала, агрессоры останутся без страховки. В этой ситуации каждый агрессор или группа агрессоров решили бы ограничиться незастрахованным имуществом и избежать всего «косвенного ущерба», поскольку в противном случае они столкнулись бы с одним или множеством экономически сильных профессиональных оборонных агентств. Точно так же все оборонительное насилие будет крайне выборочным и целенаправленным. Все агрессоры будут отдельными лицами или группами, расположенными в определенных местах и оснащенные конкретными ресурсами. В ответ нападению

¹⁴ Об отношениях между государством и войной и об исторической трансформации от ограниченной (монархической) к тотальной (демократической) войне см. Ekkhard Krippendorff, *Staat und Krieg* (Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1985); Charles Tilly, «War Making and State Making as Organized Crime», в *Bringing the State Back In*, Peter B. Evans, Dietrich Rueschemeyer, Theda Skocpol, eds. (Cambridge: Cambridge University Press, 1985); John F. C. Fuller, *The Conduct of War* (New York: Da Capo Press, 1992); Michael Howard, *War in European History* (New York: Oxford University Press, 1976); Hans-Hermann Hoppe, «Time Preference, Government, and the Process of Decivilization», в *The Costs of War*, John V. Denson, ed. (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1997); также данный том, стр. 1-44. Erik von Kuehnelt-Leddihn, *Leftism Revisited* (Washington, D.C.: Regnery, 1990).

на своих клиентов страховые агентства будут нацеливаться на конкретные места и ресурсы ради возмещения ущерба, и они будут избегать любого сопутствующего ущерба, поскольку в противном случае они сами станут нарушителями и будут вынуждены отвечать перед другими страховщиками.

Все это в корне меняется в государственном мире с межгосударственными войнами. Если одно государство, США, нападает на другое, например, на Ирак, это не просто нападение ограниченного числа людей, оснащенных ограниченными ресурсами и расположенных в четко определяемом месте. Скорее, это атака всех американцев со всеми их ресурсами. Каждый американец предположительно платит налоги правительству США и, таким образом, *де-факто*, независимо от того, хочет он этого или нет, замешан в любой агрессии правительства. Следовательно, хоть и очевидно, что каждый американец сталкивается с неодинаковым риском подвергнуться нападению со стороны Ирака, каждый американец становится равным по отношению к его собственному добровольному, если даже не активному, участию в каждой из агрессий его правительства.

Во-вторых, так же, как нападающий – это государство, так и атакованный Ирак тоже государство. Как и американские коллеги, иракское правительство имеет право облагать налогом свое население или призывать его в свои вооруженные силы. Как налогоплательщик или призывник, каждый иракец вовлечен в защиту своего правительства так же, как каждый американец втянут в агрессию своего правительства. Таким образом, война становится войной всех американцев против всех иракцев, то есть тотальной войной. Стратегия как атакующего, так и защитника будет изменена соответственно. Хоть и в этом случае злоумышленник все еще должен быть избирательным в отношении целей своей атаки, так как даже налоговые органы могут войти в дефицит, у агрессора практически нет стимулов избегать или минимизировать косвенный ущерб. Напротив, поскольку все население и национальное богатство вовлечены в войну, побочный ущерб, будь то жизни или собственность, даже желателен. Нет четкого различия между сражающимися и несражающимися. Каждый является врагом, и

любое имущество оказывает поддержку атакованному правительству. Следовательно, каждый и все становятся объектом нападения. Аналогичным образом, государство-защитник будет мало обеспокоено побочным ущербом, нанесенным его собственным ответным ударом против злоумышленника. Каждый гражданин государства-нападающего и все его имущество являются собственностью врага и, таким образом, становятся возможной целью возмездия. Более того, каждое государство в соответствии с этим характером межгосударственной войны будет разрабатывать и применять больше оружия массового уничтожения, такого как атомные бомбы, а не высокоточного оружия большой дальности, такого, как можно себе представить, лазерная пушка.

Таким образом, сходство между войной и природными катастрофами с их, казалось бы, неизбирательным разрушением и опустошением – это исключительно черта этатистского мира.

VIII

Это приводит к последней проблеме. Мы видели, что так же, как все имущество является частным, так и вся защита должна быть застрахована индивидуально капитализированными страховыми агентствами, образом, подобным страхованию от несчастных случаев на производстве. Мы также видели, что обе формы страхования отличаются в одном фундаментальном отношении. В случае защитного страхования конкретное местонахождение застрахованного имущества имеет значение. Стоимость страховки будет отличаться в разных местах. Кроме того, агрессоры могут передвигаться, их арсенал оружия может измениться, и характер агрессии может измениться с присутствием государств. Таким образом, даже с учетом первоначального местоположения имущества, стоимость страховки может меняться в зависимости от изменений в социальной среде или окружении этого места. Как система конкурентных страховых агентств будет действовать в этом случае? В частности, как на это будет влиять существование государств и государственной

агрессией?

Отвечая на эти вопросы, необходимо вспомнить некоторые элементарные экономические соображения. При прочих равных условиях владельцы частной собственности в целом и владельцы бизнеса в частности предпочитают места с низкими затратами на охрану (страховые взносы) и растущими ценами на недвижимость, а не с высокими затратами на защиту и падающими ценами. Следовательно, существует тенденция к миграции людей и товаров из районов с высоким риском и падением цен на собственность в зоны низкого риска и увеличения ценности имущества. Кроме того, стоимость защиты и стоимость имущества напрямую связаны. При прочих равных условиях более высокие затраты на защиту (при большом риске атаки) предполагают более низкие или падающие цены на собственность, а более низкие затраты на защиту подразумевают более высокие или увеличивающиеся цены. Эти законы и тенденции формируют работу конкурентной системы страховых агентств.

В то время как финансируемый налогами монополист будет проявлять тенденцию к повышению стоимости защиты, частные страховые агентства будут стремиться снизить стоимость. Кроме того, страховые агентства больше, чем кто-либо еще, заинтересованы в повышении стоимости имущества, поскольку это подразумевает не только то, что их собственные имущественные активы ценят, но и то, что у них будет страховаться больше имущества других людей. Напротив, если риск агрессии увеличивается, стоимость застрахованного имущества падает, в то время как стоимости защиты и стоимости страхования возрастают, что подразумевает плохие условия ведения бизнеса для страховщика. Следовательно, страховые компании будут находиться под постоянным экономическим давлением, и будут вынуждены продвигать первое благоприятное и предотвращать второе неблагоприятное состояние.

Эта стимулирующая среда оказывает фундаментальное влияние на деятельность страховщиков. Во-первых, что касается более простого случая защиты от обычных преступлений и преступников, система конкурентоспособных страховщиков приведет к кардинальному изменению нынешней криминаль-

ной политики. Чтобы понять масштабы этих изменений, полезно сначала взглянуть на нынешнюю статистику в области преступности. В то время как государственные агенты заинтересованы в борьбе с обычными частными преступлениями (только для того, чтобы оставалось больше имущества для налогообложения), в качестве финансируемых налогом агентов они практически не заинтересованы в том, чтобы быть особенно эффективными в деле предотвращения преступлений или выплаты компенсации своим жертвам, задержании и наказании виновных. Кроме того, в демократических условиях ситуация будет ухудшаться за счет того, что во власть может прийти кто угодно, агрессор или неагрессор, человек из района с низким уровнем преступности, и человек из района с высоким уровнем преступности, из-за этого их интересы будут пересекаться, а уровень преступности будет лишь расти. Соответственно, преступность и спрос на частные охранные услуги всех видов в настоящее время находятся на рекордно высоком уровне. Еще более возмутительно, вместо того, чтобы компенсировать ущерб жертвам преступлений, которые оно не предотвратило (как должно было быть), правительство вынуждает жертв в качестве налогоплательщиков оплачивать расходы на задержание, заключение в тюрьму, реабилитацию и/или содержание своих агрессоров. И вместо того, чтобы требовать более высоких цен на защиту в местах с высоким уровнем преступности и более низких в местах с низким уровнем преступности, как страховщики, правительство делает прямо противоположное. Он облагает налогом больше в областях с низким уровнем преступности и с высокой стоимостью имущества, чем в районах с высоким уровнем преступности и с низкой стоимостью имущества, или даже субсидирует жителей последних мест (трущоб) за счет тех, которые проживают в первых местах, разрушая социальные условия, неблагоприятные для преступлений, способствуя тем самым росту преступности в ранее благополучных местах.¹⁵

¹⁵ О преступлении и наказании, прошлом и настоящем, см. Terry Anderson and P.J. Hill, «The American Experiment in Anarcho-Capitalism: The Not So Wild, Wild West», *Journal of Libertarian Studies* 3, no. 1 (1979); Bruce L. Benson, «Guns for Protection, and Other

На фоне этого работа конкурентоспособных страховщиков показывает поразительный контраст. С одной стороны, если страховщик не может предотвратить преступление, он должен возместить ущерб потерпевшему. Таким образом, прежде всего страховщики хотели бы быть эффективными в предупреждении преступности. Если бы они по-прежнему не могли этому помешать, они хотели бы быть эффективными в выявлении, задержании и наказании преступников, поскольку при обнаружении и аресте правонарушителя страховщик может принуждать преступника оплатить ущерб и стоимость компенсации.

Точнее говоря, точно так же, как страховые компании в настоящее время ведут и постоянно обновляют подробный локальный перечень собственности, они будут также поддерживать и постоянно обновлять подробный локальный перечень преступлений и преступников. При прочих равных условиях риск агрессии по отношению к любой частной собственности растет с увеличением близости, количества и ресурсов потенциальных агрессоров. Таким образом, страховщики были бы заинтересованы в сборе информации о фактических преступлениях и известных преступниках, а также их местонахождении, и было бы в их общих интересах минимизировать материальный ущерб, делясь этой информацией друг с другом (так, как банки теперь обмениваются информацией о неблагополучных кредитополучателях друг с другом). Кроме того, страховщики также будут особенно заинтересованы в сборе информации о потенциальных (еще не совершенных и не известных) преступлениях и агрессорах, и это приведет к коренному пересмотру и совершенствованию статистики текущих статистических преступлений. Чтобы предсказать будущие преступления и таким образом рассчитать его стоимость, страховщики будут соотносить частоту, описание и характер преступлений и пре-

Private Sector Responses to the Government's Failure to Control Crime», *Journal of Libertarian Studies* 8, no. 1 (1986); Roger D. McGrath, *Gunfighters, Highwaymen and Vigilantes: Violence on the Frontier* (Berkeley: University of California Press, 1984); James Q. Wilson and Richard J. Herrnstein, *Crime and Human Nature* (New York: Simon and Schuster, 1985); Edward C. Banfield, *The Unheavenly City Revisited* (Boston: Little, Brown, 1974).

ступников с социальной средой, в которой они совершаются. И всегда под давлением конкуренции они будут разрабатывать и постоянно совершенствовать сложную систему показателей демографической и социологической преступности. То есть будет описан каждый район и оценен его риск с точки зрения множества показателей преступности, таких как состав полов его жителей, возрастных групп, рас, национальностей, этнических групп, религий, языков, профессий и доходов.

Следовательно, и в отличие от нынешней ситуации, все межрегиональные, региональные, расовые, национальные, этнические, религиозные и языковые перераспределения доходов и материальных ценностей исчезнут, и постоянный источник социальных конфликтов будет удален навсегда. Вместо этого структура возникающих цен будет, как правило, точно отражать риск каждого местоположения и его специфического социального окружения, так что каждый будет оплачивать защиту в том объеме, соответствующем рискам конкретного местоположения без какой-либо связи с другими местами. Что еще более важно, на основе постоянно обновляющейся и уточняемой статистики преступности и имущественных ценностей, и роста миграционной тенденции в сторону благоприятных районов, система свободно конкурирующих страховых организаций будет стимулировать процесс цивилизации.

Правительства, а особенно демократические правительства, разрушают «хорошие» и стимулируют «плохие» районы посредством своей налоговой и перераспределительной политики. Вся ситуация ухудшается еще сильнее благодаря своей политике принудительной интеграции. Эта политика имеет два аспекта. С одной стороны, для владельцев и жителей «хороших» районов и районов, которые сталкиваются с проблемой иммиграции, принудительная интеграция означает, что они должны без дискриминации принимать каждого иммигранта, в качестве туриста на дорогах общего пользования, покупателя, клиента, резидента или даже соседа. Правительство не разрешает им запретить впускать тех, кого они считают носителем нежелательного потенциального риска. С другой стороны, для владельцев и жителей «плохих» мест и районов (которые

сталкиваются с эмиграцией, а не с иммиграцией), принудительная интеграция означает, что они лишены эффективной самозащиты. Вместо того, чтобы им позволили избавиться от преступлений путем изгнания известных преступников из их района, правительство заставило их жить в постоянной связи с агрессорами.¹⁷

Результаты системы частных защитных страховщиков будут резко контрастировать с этими децивилизационными эффектами и тенденцией сохранения статистических преступлений. Безусловно, страховщики не смогут устранить различия между «хорошими» и «плохими» районами. На самом деле, эти различия могут даже стать более выраженными. Однако, благодаря росту цен на недвижимость и снижению расходов на защиту, страховщики будут способствовать тенденции к улучшению, поднимая и взращивая как хорошие, так и плохие районы. Таким образом, в хороших «кварталах» страховщики будут проводить политику выборочной иммиграции. В отличие от государств, они не будут игнорировать дискриминационные склонности застрахованных к иммигрантам. Наоборот, даже в большей степени, чем кто-либо из их клиентов, страховщики были бы заинтересованы в дискриминации, то есть в допуске только тех иммигрантов, чье присутствие понижает риск преступлений и увеличивает стоимости имущества, и в исключении тех, чье присутствие ведет к более высоким рискам и понижению стоимости. То есть, вместо того чтобы ликвидировать дискриминацию, страховщики рационализируют и совершенствуют свою практику. На основании своих статистических данных о преступности и стоимости имущества, а также в целях снижения стоимости защиты и повышения стоимости имущества страховщики будут формулировать и постоянно совершенствовать различные ограничительные (исключающие) правила и процедуры, касающиеся иммиграции и иммигрантов, и, таким образом, рассчитывать стоимость иммиграции или исключения в каждом отдельном случае (в зависимости от размера рисков).

¹⁷ См. Hans-Hermann Hoppe, «Free Immigration or Forced Integration?» *Chronicles* (July 1995).

Аналогичным образом, в «плохих» районах интересы страховщиков и застрахованных будут совпадать. Страховщики не хотели бы подавлять склонность застрахованных к изгнанию известных преступников. Они рационализируют такие тенденции, предлагая выборочное снижение цен. Действительно, в сотрудничестве друг с другом страховщики хотели бы изгнать известных преступников не только из своего непосредственного соседства, но и из цивилизации в целом, в пустыню или открытые просторы джунглей Амазонки, Сахары или полярных регионов.

IX

Как насчет защиты от государства? Как страховщики защитят нас от государственной агрессии?

Прежде всего, важно помнить, что правительства как обязательные, финансируемые за счет налогов монополии по своей природе расточительны и неэффективны во всех своих действиях. Это также относится к технологиям и производству оружия, военной разведке и стратегии, особенно в наш век высоких технологий. Соответственно, государства не смогут конкурировать на одной территории с добровольно финансируемыми страховыми агентствами. Более того, наиболее важным и общим из ограничительных правил, касающихся иммиграции и разработанных страховщиками методами для снижения стоимости защиты и увеличения стоимости имущества, будет правило, касающееся правительственных агентов. Государства по своей природе агрессивны и представляют постоянную опасность для каждого страховщика и застрахованного. Таким образом, страховщики, в частности, хотели бы исключить или жестко ограничить, в качестве потенциального риска безопасности, иммиграцию (территориальный въезд) всех известных государственных агентов, и они будут стимулировать застрахованных либо в качестве условия страхования, либо в виде более низкой стоимости услуг, исключать или строго ограничивать любой прямой контакт с любым известным государственным агентом, будь то посетитель, клиент, резидент или сосед. То есть

езде, где действуют страховые компании (на всех свободных территориях), государственные агенты будут рассматриваться как нежелательные изгои, потенциально более опасные, чем любой обычный преступник. Соответственно, государства и их персонал смогут работать и проживать только в территориальном отделении от свободных территорий и на их границах. Кроме того, из-за сравнительно более низкой экономической производительности этатистских территорий правительства будут постоянно ослабевать в результате эмиграции своих наиболее продуктивных жителей.

Теперь по поводу того, что если такое правительство решит атаковать или вторгнуться на свободную территорию? Сделать это будет тяжелее, чем сказать. На кого и на что оно нападет? Не будет государственного противника. Существуют только владельцы частной собственности и их частные страховые агентства. Никто, а особенно страховщики не участвовали бы в провокациях или агрессии. Если бы была какая-либо агрессия или провокация против государства вообще, это было бы действием конкретного человека, и в этом случае интересы государства и страховых агентств полностью совпадали бы. Оба хотели бы, чтобы нападавший был наказан и понес ответственность за все убытки. Но без какого-либо врага-агрессора, как государство может оправдать нападение, не говоря уже о неизбежной атаке? И, конечно, оно было бы должно оправдать свою агрессию, так как его власть все же зависит от общественной поддержки, как объяснили Ла Боети, Юм, Мизес и Ротбард.¹⁸ Конечно, короли и президенты могут издать приказ о нападении, но для выполнения этого приказа должно быть множество людей, готовых выполнить этот приказ. Должны быть генералы, получающие и выполняющие приказ, солдаты, желающие идти убивать и быть убитыми, и

¹⁸ Etienne de la Boétie, *The Politics of Obedience: The Discourse of Voluntary Servitude* (New York: Free Life Editions, 1975); David Hume, «The First Principles of Government», в он же, *Essays. Moral, Political and Literary* (Oxford: Oxford University Press, 1971); Ludwig von Mises, *Liberalism: In the Classical Tradition* (San Francisco: Cobden Press, 1985); Murray N. Rothbard, *Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, [1974] 2000).

отечественные производители, готовые продолжать производить средства для финансирования войны. Если бы эта согласованная готовность отсутствовала, потому что приказы государственных правителей были бы признаны нелегитимными, даже самое могущественное правительство оказалось бы неэффективным и распалось, как показали недавние примеры шаха Ирана и Советского Союза. Следовательно, с точки зрения руководителей государства, нападение на свободные территории будет считаться крайне рискованным. Никакие пропагандистские усилия, какими бы сложными они ни были, не заставили бы публику поверить, что нападение что-то иное, нежели агрессия против невинных жертв. В этой ситуации правители государства были бы рады сохранить монопольный контроль над своей нынешней территорией, а не рисковать потерять легитимность и всю свою власть в попытке территориальной экспансии.

Как бы маловероятно это ни было, но что, если государство все же напало и/или вторглось на свободную территорию? В этом случае агрессор не столкнется с безоружным населением. Только на государственных территориях гражданское население практически не вооружено. Государства повсюду стремятся разоружить своих граждан, чтобы они облагали их налогом и экспроприировать их имущество. В отличие от этого, страховщики на свободных территориях не хотели бы разоружать застрахованных. Они бы не могли этого сделать вовсе. Ибо кто хотел бы быть защищенным кем-то, кто требует от него в качестве первого шага отказаться от его собственных средств самообороны? Напротив, страховые агентства будут поощрять владение оружием среди своих застрахованных путем избирательного снижения цен.

В дополнение к противодействию вооруженных частных лиц, государство-агрессор столкнется с сопротивлением не только одного, но, по всей вероятности, нескольких страховых агентств. В случае успешного нападения и вторжения эти страховщики столкнутся с необходимостью выплачивать крупные компенсации. Однако, в отличие от государства-агрессора, эти страховщики были бы эффективными и конкурентоспособ-

ными фирмами. При прочих равных условиях риск нападения и, следовательно, стоимость оборонного страхования будет выше в местах, расположенных в непосредственной близости от государственных территорий, чем в местах, удаленных от государств. Чтобы оправдать эту более высокую цену, страховщики должны будут продемонстрировать оборонительную готовность к любой возможной агрессии со стороны государства своим клиентам в форме разведывательных служб, владения подходящим оружием и материалами, а также наличия военного персонала и подготовки кадров. Другими словами, страховщики были бы эффективно экипированы и подготовлены к непредвиденным случаям нападения со стороны государства и были бы готовы ответить двойной стратегией. С одной стороны, если речь идет об их операциях на свободных территориях, страховщики будут готовы изгонять, захватывать или убивать каждого захватчика, пытаясь избежать или минимизировать весь сопутствующий ущерб. С другой стороны, если речь идет об их операциях на государственной территории, страховщики были бы готовы нанести удар по агрессору (государству). То есть страховщики будут готовы контратаковать и убивать, будь то высокоточным оружием дальнего действия или диверсионными отрядами, государственных агентов из верхней части правительственной иерархии короля, президента или премьер-министра и далее, стремясь избежать или минимизировать нанесение ущерба имуществу ни в чем не повинных гражданских лиц (негосударственных агентов). Тем самым они будут поощрять внутреннее сопротивление правительству агрессора, содействовать его делегитимизации и, возможно, спровоцировать освобождение и преобразование государственной территории в свободную страну.

Х

Я прошелся по всем возможным ситуациям с моим аргументом. Во-первых, я показал, что идея защитного государства и государственной защиты частной собственности основана на фундаментальной теоретической ошибке и что эта ошиб-

ка имела катастрофические последствия: разрушение и отсутствие безопасности для всей частной собственности и вечная война. Во-вторых, я показал, что правильный ответ на вопрос о том, кто должен защищать владельцев частной собственности от агрессии, такой же, как и для производства любого другого товара или услуги: владельцы частной собственности и сотрудничество, основанное на разделении труда и конкуренции на рынке. В-третьих, я объяснил, как система частных страховщиков и риск потери прибыли могли бы эффективно минимизировать агрессию, будь то частных преступников или государства, и способствовать развитию цивилизации и вечного мира. Единственная нерешенная задача состоит в том, чтобы реализовать эти идеи: отозвать свое согласие и желание сотрудничать с государством и содействовать его делегитимизации в общественном мнении, чтобы убедить других сделать то же самое. Без ошибочного общественного восприятия и суждения о справедливости и необходимости государства, а также без добровольного сотрудничества общественности даже, казалось бы, самое могущественное правительство, распадется и его полномочия исчезнут. Освобожденные таким образом, мы вернем себе право на самооборону и сможем обратиться к освобожденным и нерегулируемым страховым агентствам за эффективной профессиональной помощью во всех вопросах защиты и разрешения конфликтов.

§13

О невозможности ограниченного правительства и перспективе революции

В недавнем опросе людей разных национальностей спросили, насколько они гордятся тем, что они американцы, немцы, французы и т.д., и считают ли они, что мир станет лучше, если другие страны будут похожи на их собственные. Самыми высокими по национальной гордости странами были США и Австрия. Как бы ни было интересно рассмотреть случай Австрии, здесь я сосредоточусь на США и на вопросе о возможности оправдания американских претензий.

Далее я выделю три основных источника американской национальной гордости. Я буду утверждать, что первые два являются оправданными источниками гордости, в то время как третий фактически представляет с себя роковую ошибку. Наконец, я объясню, как можно исправить эту ошибку.

I

Первым источником национальной гордости является память о недалеком колониальном прошлом Америки.

Фактически, английские поселенцы, прибывающие в Северную Америку, были последним примером славных достижений того, что Адам Смит назвал «системой естественной свободы»: способность людей создавать свободное и процветающее содружество с нуля. Вопреки негативному описанию человеческой природы Гоббсом, английские поселенцы продемонстрировали не только жизнеспособность, но и динамичность, привлекательность негосударственного общества и анархо-капиталистического социального порядка. Они продемонстрировали, как, согласно взглядам Джона Локка, частная собственность возникла естественным образом благодаря пер-

воначальному присвоению человека – его целенаправленному использованию и преобразованию ранее неиспользованной земли (дикой природы). Кроме того, они продемонстрировали, что на основе признания частной собственности, разделения труда и договорного обмена люди способны эффективно защищать себя от антиобщественных агрессоров: прежде всего с помощью самообороны (тогда существовало меньше преступлений, чем сейчас), и по мере того, как общество становилось все более процветающим и сложным, посредством специализации, т.е. присутствием таких явлений, как реестры собственности, нотариусы, адвокаты, судьи, суды, присяжные, шерифы, ассоциации взаимной защиты и народные ополченцы.¹ Более того, американские колонисты продемонстрировали фундаментальную социологическую важность института соглашения: объединения лингвистически, этнически, религиозно и культурно однородных поселенцев, возглавляемых и подчиняющихся внутренней юрисдикции популярного лидера-основателя для обеспечения мирного сотрудничества между людьми и поддержки закона и порядка.²

II

Вторым источником национальной гордости является

¹ О влиянии Локка и локковской политической философии на Америку см. Edmund S. Morgan, *The Birth of the Republic: 1763-89* (Chicago: University of Chicago Press, 1992), стр. 73-74:

Когда Локк описывал состояние природы, он мог объяснить его наиболее ярко, сказав, что «в начале весь мир был Америкой». И действительно, многие американцы имели реальный опыт приложения труда к дикой земле и превращения ее в свою собственную. Некоторые даже участвовали в общественных договорах, создавая новые правительства в дикой местности, где до этого не существовало никаких правительств. (стр. 74)

О преступности, защите и обороне, в частности, см. Terry Anderson and P.J. Hill, «The American Experiment in Anarcho-Capitalism: The Not So Wild, Wild West», *Journal of Libertarian Studies* 3, no. 1 (1979); Roger D. McGrath, *Gunfighters, Highwaymen, and Vigilantes: Violence on the Frontier* (Berkeley: University of California Press, 1984).

² Вопреки распространенным сегодня мультикультурным мифам, Америка определенно не была культурным «плавильным котлом». Скорее, заселение североамериканского континента было процессом, в котором различные культуры взаимодействовали и создавали новые формы культуры.

триевропейской колонизации уже было в далеком прошлом. С ростом населения общества приобрели все более иерархическую структуру: свободных собственников и слуг, лордов и вассалов, правителей, королей. Несмотря на то, что так называемые феодальные общества средневековой Европы были явно более расслоенными и аристократическими, чем колониальная Америка, они также были типичными негосударственными общественными организациями. Государство в соответствии с общепринятой терминологией определяется как обязательный территориальный монополист правопорядка (лицо, принимающее окончательные решения). Феодалы и короли, как правило, не выполняли требований для создания государства: они могли «облагать налогом» только с согласия облагаемого налогом, и на своей собственной земле каждый свободный человек был таким же суверенным (высшим лицом, принимающим решения), как и феодальный король.³ Однако, в течение многих

риканского континента подтвердило элементарное социологическое понимание того, что все человеческие общества являются результатом семей и систем родства и, следовательно, характеризуются высокой степенью внутренней однородности, т.е. «подобные» обычно ассоциируются с «подобными» и дистанцируются и отделяются от «непохожих». Так, например, в соответствии с этой общей тенденцией пуритане предпочтительно селились в Новой Англии, голландские кальвинисты – в Нью-Йорке, квакеры в Пенсильвании и южных районах Нью-Джерси, католики в Мэриленде, англикане, а также французские гугеноты в южных колониях. Смотрите далее об этом David Hackett Fisher, *Albion's Seed: Four British Folkways in America* (New York: Oxford University Press, 1989).

³ См. Fritz Kern, *Kingship and Law in the Middle Ages* (Oxford: Blackwell, 1948); Bertrand de Jouvenel, *Sovereignty: An Inquiry into the Political Good* (Chicago: University of Chicago Press, 1957), особ. гл. 10; он же, *On Power: The Natural History of its Growth* (New York: Viking, 1949); Robert Nisbet, *Community and Power* (New York: Oxford University Press, 1962).

«Феодализм», – резюмирует Нисбет в другой работе (*Prejudices: A Philosophical Dictionary* [Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982], стр. 125-31),

в течение последних двух столетий был словом брани, яростных оскорблений и злопыхательства со стороны [особенно] интеллектуалов, находящихся на духовном служении современному абсолютному государству, будь то монархическому, республиканскому или демократическому. [На самом деле] феодализм – это расширение и адаптация родственных связей с защитной принадлежностью к военному коллективу или рыцарству. ... В отличие от современного политического государства с его принципом территориального суверенитета, на протяжении большей части тысячелетне-

веков эти изначально негосударственные общества постепенно трансформировались в монархии абсолютной государственности. Хотя первоначально они были добровольно признаны защитниками и судьями, европейским королям удалось все же утвердить себя в качестве наследных глав государств. В сопротивлении аристократии, но поддерживаемые «простыми людьми», они стали абсолютными монархами, обладающими властью облагать налогом без согласия и принимать окончательные решения относительно собственности свободных людей.

Эти европейские события оказали двойственное влияние на Америку. С одной стороны, Англией также управлял абсолютный король, по крайней мере, до 1688 года, и когда английские поселенцы прибыли на новый континент, правление короля было распространено на Америку. Однако, в отличие от основания поселенцами частной собственности и их частного добровольного и совместного производства безопасности и выполнения правосудия, создание королевских колоний и администраций не было результатом первоначального присвоения (гомстеда) или контракта. Фактически, английский король даже никогда не ступал на американскую землю, но при этом вел политику узурпации Америки.

С другой стороны, поселенцы завезли с собой идеи, возникшие еще в Европе. Там феодализму и королевскому абсолютизму сопротивлялась не только аристократия, но и теоретически ей противостояла теория естественных прав, возникшая в схоластической философии. Согласно этой доктрине, пра-

го периода на Западе защита, права, благосостояние, власть и преданность были связаны личными, а не территориальными узами. Быть «человеком» другого человека, в свою очередь означает быть «человеком» еще одного человека, и так далее до самой вершины феодальной пирамиды, каждый из которых обязан другому либо службой, либо защитой – это значит быть в феодальных отношениях. В феодальных узах много от отношений между воином и командиром, но еще больше от отношений между сыном и отцом, родственником и патриархом. ... [То есть феодальные связи по сути являются] частными, личными и договорными отношениями. Подчинение короля закону было одним из важнейших принципов при феодализме.

См. также примечания 8, 9, и 10 ниже.

вительство должно было быть договорным, и каждый правительственный агент, включая короля, подчинялся тем же универсальным правам и законам, что и все остальные. Хотя и это, возможно, имело место в более ранние времена, все равно больше не относится к современным абсолютным королям. Абсолютные короли были узурпаторами прав человека и, следовательно, были нарушителями прав. Следовательно, восстание было не только дозволено, а стало обязанностью, санкционированной естественным правом.⁴

Американские колонисты были знакомы с учением о естественных правах. На самом деле, в свете своего личного опыта, связанного с достижениями и последствиями естественной свободы, и в качестве религиозных диссидентов, покинувших свою родную страну в несогласии с королем и Англиканской церковью, они были особенно восприимчивы к этой доктрине.⁵

Осведомленные о доктрине естественных прав, поощряемые большим расстоянием от английского короля и стимулируемые пуританским осуждением королевской праздности, роскоши и пышности, американские колонисты восстали, чтобы освободиться от британского правления. Как писал Томас Джефферсон в Декларации независимости, было создано правительство для защиты жизни, свободы и стремления к счастью. Оно получило свою легитимность с согласия управляемых. Напротив, королевское британское правительство утверждало, что оно может облагать налогом колонистов без их согласия. Джефферсон заявил, что если правительство не сможет сделать то, для чего оно предназначено, «право народа изменить или упразднить его и учредить новое правительство, основывающее себя на таких принципах и организующее свои полномочия в такой форме, в которой оно, скорее всего, поло-

⁴ См. Lord Acton, «The History of Freedom in Christianity», в он же, *Essays in the History of Liberty* (Indianapolis, Ind.: Liberty Classics, 1985), особ. стр. 36.

⁵ О либерально-либертарианском идеологическом наследии американских поселенцев см. Murray N. Rothbard, *For A New Liberty* (New York: Collier, 1978), гл. 1; он же, *Conceived in Liberty*, 4 vols. (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1999); Bernard Bailyn, *The Ideological Origins of the American Revolution* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967).

жительно повлияет на их безопасность и счастье».

III

Но каков был следующий шаг после обретения независимости от Британии? Этот вопрос приводит к третьему источнику национальной гордости – американской Конституции, и объяснению того, почему эта конституция не является причиной для гордости, а представляет из себя роковую ошибку.

Благодаря огромным достижениям в экономической и политической теории с конца 1700-х годов, в частности благодаря Людвигу фон Мизесу и Мюррею Ротбарду, мы теперь можем дать точный ответ на этот вопрос. По словам Мизеса и Ротбарда, когда больше не будет свободного входа в бизнес по производству защиты и судебных решений, цена защиты и справедливости повысится, а их качество упадет. Вместо того, чтобы быть защитником и судьей, обязательный монополист станет рэкетиром: захватчиком людей и собственности, которых он должен был защищать, поджигателем войны и империалистом.⁶ Действительно, завышенная цена защиты и извращение древнего закона английским королем, что привело к восстанию американских колонистов, было неизбежным результатом принудительной монополии. Успешно отделившись и изгнав британских оккупантов, американским колонистам было бы необходимо лишь позволить существовать отечественным институтам самообороны и частной (добровольной и совместной) защиты и судебных решений, специализированные агенты и учреждения позаботились бы о законе и порядке.

⁶ Это фундаментальное понимание было впервые четко сформулировано франко-бельгийским экономистом Гюставом де Молинали в статье, опубликованной в 1849 году (*The Production of Security* [New York: Center for Libertarian Studies, 1977]). Де Молинали рассуждал следующим образом:

Во всех случаях, для всех товаров, которые служат для обеспечения материальных или нематериальных потребностей потребителя, в интересах потребителя, чтобы труд и торговля оставались свободными, потому что свобода труда и торговли имеет своим необходимым и постоянным результатом максимальное снижение цен. ... Из чего следует: что ни одно правительство не должно иметь права препятствовать другому правительству вступать в конкуренцию с ним или требовать, чтобы потребители ус-

Однако этого не произошло. Американцы не только не позволили унаследованным королевским институтам колоний и колониальным правительствам исчезнуть в забвении; они воссоздали их в рамках старых политических границ в форме независимых государств, каждое из которых имело свои собственные принудительные (односторонние) налоговые и законодательные полномочия?⁷ Хотя это было уже достаточно плохо, американцы усугубили положение, приняв американскую конституцию и заменив свободную конфедерацию независимых штатов центральным (федеральным) правительством Соединенных Штатов.

Эта Конституция предусматривала замену неизбираемого короля на избираемых народом парламент и президента, но она ничего не изменила в отношении их полномочий облагать налогами и издавать законы. Напротив, в то время как право английского короля облагать налогом без согласия только предполагалось, а не было явно указано, и, таким образом, являлось предметом спора,⁸ Конституция прямо предоставила эту самую

луг безопасности приходили за этим товаром исключительно к нему, (стр. 3). ... Если, напротив, потребитель не волен покупать безопасность везде, где ему заблагорассудится, вы сразу же увидите, как откроется большая профессия, посвященная произволу и плохому управлению. Правосудие становится медленным и дорогостоящим, полиция раздражает, свобода личности больше не уважается, цена безопасности чрезмерно завышена и несправедливо распределяется в зависимости от силы и влияния того или иного класса потребителей. (стр. 13-14)

⁷ Более того, в соответствии со своим первоначальным королевским уставом новые независимые штаты Джорджия, Каролинас, Вирджиния, Коннектикут и Массачусетс, например, претендовали на Тихий океан как на свою западную границу; и на основании таких, явно необоснованных, узурпированных притязаний на владение, они, а впоследствии их «законные наследники» Континентальный конгресс и Соединенные Штаты, приступили к продаже западных территорий частным домовладельцам и застройщикам, чтобы оплатить свои долги и/или финансировать текущую деятельность правительства.

⁸ См. Bruno Leoni, *Freedom and the Law* (Indianapolis, Ind.: Liberty Classics, 1991), стр. 118. Леони здесь отмечает, что несколько ученых комментаторов Магна Карты, например, указали, что

в раннесредневековой версии принципа «никаких налогов без представительства» подразумевалось «никаких налогов без согласия лица, облагае-

власть Конгрессу. Кроме того, в то время как короли, теоретически даже абсолютные короли, не рассматривались как создатели, а лишь толкователи и исполнители существовавшего и неизменного закона, т.е. как судьи, а не законодатели,⁹ Конституция прямо наделила Конгресс правом законодательной власти, а президент и Верховный суд получили право исполнять и толковать такие законы.¹⁰

мого налогом», и нам рассказывают, что в 1221 году епископ Винчестера, «вызванный для согласия на налог на скутадж, отказался платить, после того как совет дал разрешение, на основании его несогласия и казначейство поддержало его заявление».

⁹ См. Kern, *Kingship and Law in the Middle Ages*, который писал, что

в Средние века не существовало такого понятия, как «первое применение правовой нормы». Закон стар; новый закон – это противоречие в терминах, поскольку либо новый закон явно или неявно вытекает из старого, либо он противоречит старому, и в этом случае он не законен. Основная идея остается неизменной: старый закон – это истинный закон, а истинный закон – это старый закон. Поэтому, согласно средневековым представлениям, принятие нового закона вообще невозможно, а все законодательство и правовая реформа задумываются как восстановление старого доброго закона, который был нарушен. (стр. 151)

Подобных взглядов относительно неизменности закона и недопустимости законодательства придерживались и французские физиократы XVIII века, такие как, например, Мерсье де ла Ривьер, автор книги «Природный порядок» и одно время губернатор Мартиники. Как сообщается, де ла Ривьер, которого призвали за советом о том, как управлять Россией царице Екатерине Великой, ответил, что

У закона существует лишь одно основание – природа вещей и человека. ... Создание и раздача законов, мадам, есть дело, которое Бог не доверил никому. Да и кто таков человек, чтобы считать себя способным предписывать правила поведения тем, про кого он ничего не знает? Искусство правления, добавил он, заключается в изучении и признании «тех законов, которыми Господь столь явно снабдил природу человека во время акта творения. Попытка переступить эти пределы является разрушительной и принесет множество несчастий. (Процитировано в Murray N. Rothbard, *Economic Thought Before Adam Smith: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought* [Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1995], том 1, стр. 371)

См. также de Jouvenel, *Sovereignty*, стр. 172- 73 и 189.

¹⁰ Столь лелеемая современная точка зрения, согласно которой принятие «конституционного правительства» представляет собой крупный цивилизационный прогресс от произвольного правления к верховенству закона и которая приписывает Соединенным Штатам видную или даже главенствующую роль в этом историческом прорыве, в таком случае, должна считаться серьезно ошибочной. Эта точка зрения

По сути, американская Конституция заключалась лишь в следующем: вместо короля, который считал колониальную Америку своей частной собственностью, а колонистов – его арендаторами, Конституция возложила обязательство защиты правопорядка на временных и взаимозаменяемых лиц. Эти опекуны не владели страной, но, находясь на своем посту, они могли использовать ее и ее жителей в своих интересах и в интересах своих ставленников. Однако, как предсказывает элементарная экономическая теория, эта институциональная структура не устранит склонность монополиста правопорядка к личному интересу усиления эксплуатации. Наоборот, это только делает его эксплуатацию менее расчетливой, более близорукой и расточительной. Как объяснил Ротбард:

в то время как частный владелец, охраняющий свою собственность и владеющий ее капитальной стоимостью, планирует использовать свой ресурс в течение длительного периода времени, государственный служащий должен дойти имущество как можно быстрее, поскольку у него нет

явно противоречит таким документам, как Магна Карта (1215) или Золотая булла (1356). Что еще более важно, она неверно отражает природу досовременных правительств. У таких правительств либо полностью отсутствовала самая произвольная и тираническая из всех властей, т.е. право облагать налогами и издавать законы без согласия; либо, даже если они обладали этими полномочиями, правительства были сильно ограничены в их осуществлении, поскольку такие полномочия считались незаконными, т.е. узурпированными, а не справедливо приобретенными. В отличие от этого, современные правительства определяются тем фактом, что полномочия по налогообложению и законотворчеству однозначно признаются легитимными; то есть все «конституционные» правительства, будь то в США или где-либо еще, представляют собой обычные государственные правительства. Таким образом, Роберт Нисбет прав, отмечая, что

Досовременный король, возможно, временами правил с такой степенью безответственности, которая присуща немногим современным правительственным чиновникам, но сомнительно, что с точки зрения эффективных полномочий и услуг любой король даже «абсолютных монархий» XVII века обладал такой властью, которая сегодня присуща многим высокопоставленным чиновникам в демократических странах. В то время существовало слишком много социальных барьеров между заявленной властью монарха и эффективным исполнением этой власти над людьми. Сам престиж и функциональная важность церкви, семьи, гильдии и местной общины как союзов ограничивали абсолютность государственной власти. (*Community and Power*, стр. 103-04)

гарантии собственности ... правительственные чиновники владеют пользованием ресурсов, но не их капитальной стоимостью (за исключением случая «частной собственности» наследственного монарха). Когда владельцем может контролироваться только текущее пользование, но не сам ресурс, это быстро приведет к неэкономичному истощению ресурса, поскольку его сохранение в течение долгого периода времени не принесет пользы, а цель каждого временного владельца – использовать его как можно быстрее ... Частное лицо, находящееся в безопасности в своей собственности и со своим капитальным ресурсом, может смотреть на происходящее в долгосрочной перспективе, поскольку оно хочет сохранить стоимость своего ресурса. А государственному чиновнику нужно грабить собственность, пока он все еще находится в органах управления.¹¹

Более того, поскольку в Конституции прямо предусмотрено «открытый вход» в правительство, любой может стать членом Конгресса, президентом или судьей Верховного суда, и сопротивление вторжениям государства уменьшилось; и в результате «открытого политического соревнования» вся структура характера общества стала искаженной, и все больше и

¹¹ Murray N. Rothbard, *Power and Market: Government and the Economy* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977), стр. 188-89. См. дальше об этом главы 1-3. В свете этих соображений и вопреки общепринятому мнению по этому вопросу, можно прийти к тому же выводу относительно окончательного «успеха» американской революции, что и Н.Л. Менкен, *A Mencken Chrestomathy* (New York: Vintage Books, 1982):

Политические революции не часто достигают чего-то действительно ценного; их единственный неоспоримый эффект состоит в том, чтобы просто вышвырнуть одну банду воров и посадить другую. ... Даже американские колонии мало что выиграли от своего восстания в 1776 году. В течение двадцати пяти лет после революции они находились в гораздо худшем состоянии как свободные государства, чем если бы они были колониями. Их правительство было более затратным, более неэффективным, более нечестным и более тираническим. Только постепенный материальный прогресс страны спас их от голода и краха, и этот материальный прогресс был обусловлен не добродетелями их нового правительства, а щедростью природы. Под британским копытом они жили бы так же хорошо, а возможно, и намного лучше. (стр. 145-46)

больше плохих лиц поднимались наверх.¹² Свободный вход и конкуренция не всегда хорошее дело. Конкуренция в производстве благ хороша, но конкуренция в производстве вреда нет. Например, свободная конкуренция в убийстве, краже, подделке или мошенничестве не годится. И все же это именно то, что устанавливается открытой политической конкуренцией, то есть демократией.

В каждом обществе существуют люди, которые жаждут собственности другого человека, но в большинстве случаев люди учатся не реагировать на это желание и стыдятся его чувствовать.¹³ В частности, в анархо-капиталистическом обществе любой, кто действует по такому желанию, считается преступником и подавляется физическим насилием. При монархическом правлении, напротив, только один человек – король может действовать по желанию собственности другого человека, и именно это делает его потенциальной угрозой. Однако, поскольку только он может экспроприировать, в то время как всем остальным запрещено делать то же самое, каждое действие короля будет восприниматься с величайшим подозрением.¹⁴ Более того, выбор короля происходит по его благородному происхождению. Его характерная особенность – воспитание в качестве будущего короля, хранителя династии и ее владений. Это не гарантирует, что он не будет плохим, конечно. Однако в то же время это не исключает того, что король может быть на самом деле безобидным дилетантом или даже порядочным человеком.

В противоположность этому, освобождая доступ к правительству, Конституция разрешает каждому открыто выражать свое стремление к собственности других людей; действительно, благодаря конституционной гарантии «свободы слова» каждый защищен в этом желании. Более того, каждому разреше-

¹² См. о следующем Hans-Hermann Hoppe, *Eigentum, Anarchie und Staat. Studien zur Theorie des Kapitalismus* (Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987), стр. 182ff.

¹³ См. Helmut Schoeck, *Envy: A Theory of Social Behavior* (New York: Harcourt, Brace and World, 1970).

¹⁴ См. de Jouvenel, *On Power*, стр. 9-10.

но действовать по этому желанию при условии, что он получит войдет в правительство; следовательно, согласно Конституции, каждый человек становится потенциальной угрозой.

Конечно, есть люди, у которых нет желания обогащаться за счет других и господствовать над ними, то есть люди, которые хотят только работать, производить и наслаждаться плодами своего труда. Однако, если политика приобретения товаров политическими средствами (налогообложением и законодательством) разрешена, даже эти безобидные люди будут серьезно затронуты. Чтобы защитить себя от посягательств на свою свободу и собственность со стороны тех, у кого меньше моральных сомнений, даже эти честные, трудолюбивые люди должны стать «политическими животными» и тратить все больше времени и энергии на развитие своих политических навыков. Принимая во внимание, что характеристики и таланты, необходимые для политического успеха – красивая внешность, общительность, ораторские умения, харизма и т.д. распределены среди людей неравномерно, то те, у кого *есть* эти особые характеристики и навыки, будут иметь весомое преимущество в борьбе по сравнению с теми, у кого их *нет*.

Хуже того, учитывая, что в каждом обществе больше «неимущих», чем «имущих», у политически одаренных людей, которые почти или совсем не запрещают захватывать собственность и господствовать над ней, будет явное преимущество перед теми, кто имеет сомнения. То есть открытая политическая конкуренция благоприятствует агрессивным (и, следовательно, опасным), а не оборонительным (и, следовательно, безвредным) политическим талантам и, таким образом, приводит к развитию и совершенствованию своеобразных навыков демагогии, обмана, лжи, оппортунизма, коррупции и взяточничества. Вступление в правительство и успехи в нем будут становиться все более невозможными для любого человека, которому препятствуют моральные угрызания совести против лжи и воровства. В отличие от тогдашних королей, конгрессмены, президенты и судьи Верховного суда не получают свои должности волей случая. Скорее, они достигают своей должности в качестве морально свободных демагогов. Более того,

даже вне сферы правительства, внутри гражданского общества, люди будут все чаще подниматься к вершине экономического и финансового успеха не благодаря своим производственным или предпринимательским талантам, или даже превосходным защитным политическим талантам, а скорее благодаря превосходным навыкам недобросовестной политической пропаганды и лоббирования. Таким образом, Конституция фактически гарантирует, что исключительно опасные люди поднимутся до вершины государственной власти и что моральное поведение и этические нормы будут иметь тенденцию к снижению и ухудшению повсюду.

Более того, конституционно обеспеченное «разделение властей» не имеет значения в этом отношении. Две или даже три ошибки не защищают право лучше. Напротив, они приводят к распространению, накоплению, усилению и усугублению ошибок. Законодатели не могут навязывать свою волю незадачливым подданным без сотрудничества президента как главы исполнительной власти, а президент в свою очередь использует свое положение и имеющиеся у него ресурсы для влияния на законодателей и законодательство. И хотя Верховный суд может не соглашаться с конкретными актами Конгресса или президента, судьи Верховного суда назначаются президентом и утверждаются Сенатом и остаются зависимыми от них в отношении финансирования. Будучи неотъемлемой частью института управления, они не заинтересованы в ограничении, а заинтересованы в расширении власти правительства и, следовательно, своей собственной власти.¹⁵

¹⁵ См. об этом блестящий и поистине пророческий анализ John C. Calhoun, *A Disquisition on Government* (New York: Liberal Arts Press, 1953), особ. стр. 25-27. Там Кэлхун отмечает, что

писаная конституция, безусловно, имеет много преимуществ, но было бы большой ошибкой полагать, что простого включения положений, ограничивающих полномочия правительства, без наделения тех, для чьей защиты они введены, средствами обеспечения их соблюдения, будет достаточно для предотвращения злоупотребления основной и доминирующей партией своими полномочиями. Будучи партией, владеющей правительством, они будут ... выступать за полномочия, предоставленные конституцией, и против ограничений, нацеленных на их сдерживание. Как основные и доминирующие партии, они не будут нуждаться в этих ограничениях для своей

IV

После более чем двух веков «конституционно ограниченного правительства» результаты стали ясными и неопровержимыми. В начале американского «эксперимента» налоговое бремя, наложенное на американцев, было легким, и практически

защиты. ... Второстепенная или более слабая сторона, напротив, пошла бы в противоположном направлении и считала бы их необходимыми для своей защиты от доминирующей партии. ... Но там, где нет средств, с помощью которых они могли бы заставить главную партию соблюдать эти ограничения, единственным средством, которое им остается, является строгое толкование конституции. ... На что основная партия выступит против либерального толкования – такого, которое придаст словам документа самое широкое значение, к которому они были восприимчивы. Тогда это будет конструкция против конструкции – одна для сокращения, а другая для максимального расширения полномочий правительства. Но какую пользу может принести строгое толкование второстепенной стороны против либерального толкования основной стороны, когда у одной стороны будут все полномочия правительства, чтобы привести свое толкование в исполнение, а другая сторона будет лишена всех средств принуждения к исполнению своего толкования? В столь неравном соревновании результат довольно предсказуем. Партия, выступающая за ограничения, будет подавлена. ... Концом состязания будет подрыв конституции ... ограничения в конечном счете будут отменены, а правительство превратится в орган с неограниченными полномочиями. Разделение правительства на отдельные и, по отношению друг к другу, независимые департаменты также не предотвратит этого результата ... поскольку все департаменты – и, конечно, все правительство – будут находиться под контролем численного большинства, слишком очевидно, чтобы требовать объяснений, что простое распределение его полномочий между его агентами или представителями довольно немного или вовсе ничего не может сделать для противодействия его тенденции к угнетению и злоупотреблению властью.

Подводя итог, Ротбард прокомментировал этот анализ,

даже здесь эта конституция оказалась инструментом одобрения экспансии государства, а не наоборот. Как и предвидел Кэлхун, любые ограничения, дающие правительству возможность толковать вопрос о пределах своих полномочий, неизбежно будут интерпретированы как санкция на расширение, а не на ограничение этих пределов. Идея строго ограниченного правления оказалась утопичной; нужно найти другие, более радикальные средства предотвращения роста агрессивного государства. (*For A New Liberty*, стр. 67)

См. также Anthony de Jasay, *Against Politics: On Government, Anarchy, and Order* (London: Routledge, 1997), особ. гл. 2.

ничтожным. Деньги состояли из фиксированного количества золота и серебра. Определение частной собственности было четким и, казалось бы, неизменным, а право на самооборону считалось священным. Постоянной армии не существовало, и, как отмечается в «Прощальном послании» Вашингтона, у общества было твердое стремление к свободной торговле и неинтервенционистской внешней политике. Спустя двести лет положение резко изменилось.¹⁶ Теперь правительство США из года в год экспроприирует более 40 процентов доходов частных производителей, поэтому даже экономическое бремя, налагаемое на рабов и крепостных, кажется умеренным по сравнению с этим. Золото и серебро были заменены государственными бумажными деньгами, а американцев постоянно обворовывают из-за денежной инфляции. Понятие частной собственности, когда-то казавшееся ясным и постоянным, стало неясным, гибким и изменчивым. Фактически, каждая деталь частной жизни, собственности, торговли и договора регулируется и все более

¹⁶ Robert Higgs, *Crisis and Leviathan: Critical Episodes in the Growth of American Government* (New York: Oxford University Press 1987), стр. ix, противопоставляет ранний американский опыт современному:

Давным-давно средний американец мог заниматься своими повседневными делами, не замечая правительства, особенно федерального. Как фермер, торговец или промышленник он мог решать, что, как, когда и где производить и продавать, будучи ограничен только силами рынка. Только подумайте: никаких субсидий для фермеров, никакого регулирования цен или ограничения площади возделываемой земли; ни Федеральной торговой комиссии, ни антитрестовского законодательства, ни Комитета по торговле между штатами. Как наемный работник, работодатель, потребитель, инвестор, кредитор, заемщик, студент или преподаватель он мог действовать свободно, полагаясь исключительно на собственное разумие. Только подумайте: ни Национального управления по вопросам трудовых отношений, ни федеральных законов о «защите» потребителей, ни Комиссии по ценным бумагам и биржам, ни Комиссии по соблюдению равноправия при трудоустройстве, ни Министерства здравоохранения и социального обеспечения. В отсутствие центрального банка, эмитирующего бумажные деньги, люди для покупок обычно использовали золотые монеты. Ни налогов с продаж, ни подоходных налогов, ни взносов на социальное страхование. Государственные чиновники были такими же продажными, как сегодня, а может, и больше, вот только не было смысла их подкупать. Частные граждане тратили примерно в пятнадцать раз больше, чем все органы власти, вместе взятые. Те дни, увы, остались далеко в прошлом.

высокими горами бумажных законов, а с ростом законодательства возникает все больше правовой неопределенности и моральных неточностей, а беззаконие заменяет закон и порядок. Наконец, что не менее важно, приверженность свободной торговле и невмешательству уступила место политике протекционизма, милитаризма и империализма. Фактически, почти с самого начала правительство США занималось неослабевающим агрессивным экспансионизмом и, начиная с испано-американской войны и продолжая после Первой мировой войны и Второй мировой войны до настоящего времени, США запутались в сотнях иностранных конфликтов и поднялись до уровня самой выдающейся в мире воинственной и империалистической державы. Кроме того, в то время как американские граждане становятся все более незащищенными и обнищавшими, а иностранцы во всем мире все больше подвергаются угрозам и издевательствам со стороны военной мощи США, американские президенты, члены Конгресса и судьи Верховного суда становятся все более высокомерными, морально испорченными и опасными.¹⁷

Что можно поделать с таким положением вещей? Во-первых, американская конституция должна быть признана ошибкой. Как отмечалось в Декларации независимости, правительство должно защищать жизнь, собственность и стремление к счастью. Тем не менее предоставляя правительству полномочия облагать налогами и издавать законы без согласия народа, Конституция не может достичь этой цели и вместо этого является инструментом для вторжения и уничтожения прав на жизнь, свободу и стремления к счастью. Абсурдно полагать, что агентство, которое может облагать налогом без согласия, может быть защитником собственности. Точно так же абсурдно полагать, что агентство с законодательными полномочиями

¹⁷ О росте государства в США, и в частности о роли войны в этом развитии, см. *The Costs of War: America's Pyrrhic Victories*, John V. Denson, ed. (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1997); Higgs, *Crisis and Leviathan*; Ekkehart Krippendorff, *Staat und Krieg* (Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1985), особ. стр. 90-116; *A New History of Leviathan*, Ronald Radosh and Murray N. Rothbard, eds. (New York: Dutton, 1972); Arthur A. Ekirch, *The Decline of American Liberalism* (New York: Atheneum, 1967).

может сохранять закон и порядок. Скорее, следует признать, что Конституция сама по себе является неконституционной, то есть несовместимой с самой доктриной естественных прав человека, которая вдохновляла Американскую революцию.¹⁸ Действительно, никто в здравом уме не согласился бы на договор, который позволяет предполагаемому защитнику определять в одностороннем порядке, без согласия, безвозвратно и без возможности выхода то, сколько платить за защиту; и никто в здравом уме не согласится на безотзывный договор, который предоставит предполагаемому защитнику право окончательного принятия решений в отношении своей личности и имущества, то есть одностороннего *принятия закона*.¹⁹

¹⁸ Наиболее убедительное заявление на этот счет см. в книге Lysander Spooner, *No Treason: The Constitution of No Authority* (Colorado Springs, Colo.: Ralph Myles, 1973); также Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty* (New York: New York University Press, 1998), особ. главы 22 и 23.

¹⁹ На самом деле, любой такой договор о защите не только эмпирически маловероятен, но и логико-праксеологически невозможен. Соглашаясь «быть облагаемым налогами и легитимированным, чтобы быть защищенным», человек фактически передает (отчуждает) всю свою собственность налоговому органу и отдает себя в постоянное рабство законодательному органу. Тем не менее, любой такой контракт с самого начала недопустим и, следовательно, недействителен, поскольку он противоречит самой природе договоров о защите, а именно: *самообладанию того, кто подлежит защите*, и существованию *чего-то, принадлежащего защищаемому* (а не его защитнику), т.е. частной – отдельной – собственности.

Интересно, что, несмотря на тот факт, что ни одна известная конституция государства никогда не была согласована со всеми, кто подпадает под ее юрисдикцию, и несмотря на очевидную невозможность этого, политическая философия, начиная с Гоббса и Локка и вплоть до наших дней, изобилует попытками дать договорное обоснование государству. Причина этих, казалось бы, бесконечных попыток очевидна: либо государство может быть оправдано как результат контрактов, либо оно не может быть оправдано вообще. Неудивительно, однако, что эти поиски, подобно поискам квадратуры круга или вечного двигателя, оказались пустыми и лишь породили длинный список неискренних, если не сказать мошеннических, псевдооправданий с помощью семантического фиата: «отсутствие договора» на самом деле является «неявным», или «молчаливым», или «концептуальным» договором. Короче говоря, «нет» на самом деле означает «да». Выдающийся современный пример этого оруэлловского «языка новостей» см. в: James M. Buchanan and Gordon Tullock, *The Calculus of Consent* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962); James M. Buchanan, *The Limits of Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1975); он же, *Freedom in Constitutional Contract* (College Station: Texas A and M University Press, 1977). Критика Бьюкенена и так называемой школы общественного выбора см. Mur-

Во-вторых, необходимо предложить позитивную и вдохновляющую альтернативу существующей системе.

Хоть и важно сохранить память о прошлом Америки как страны первооткрывателей, реализовавших эффективную анархо-капиталистическую систему, основанную на самообороне и народных ополчениях, мы не можем вернуться к феодальному прошлому или времени американской революции. И все же ситуация не безнадежна. Несмотря на неуклонный рост этатизма в течение последних двух столетий, экономическое развитие продолжалось, и наш жизненный уровень достиг впечатляющих новых высот. В этих условиях появился совершенно новый вариант защиты: обеспечение законности и порядка со стороны свободно конкурирующих между собой страховых агентств.²⁰

Несмотря на препятствия со стороны государства, даже сейчас страховые агентства защищают владельцев частной собственности застраховывая их от множества стихийных и социальных бедствий, от наводнений и ураганов, до краж и мошенничества. Таким образом, казалось бы, что обеспечение безопасности и защиты является самой целью страхования. Более того, люди не обращались бы просто к кому-либо за такой важной услугой, как защита. Скорее, как заметил де Молинари,

прежде чем заключить сделку с производителем безопасности, ... он проверит, действительно ли производитель достаточно силен, чтобы защитить его ... и таков ли его характер, что им не придется беспокоиться о подстрекательстве к агрессии с его стороны.²¹

В этом отношении страховые агентства также, кажется, отвечают всем требованиям. Они «большие» и владеют физи-

ray N. Rothbard, *The Logic of Action Two* (Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1997), главы 4 и 17; Hans-Hermann Hoppe, *The Economics and Ethics of Private Property* (Boston: Kluwer, 1993), гл. 1.

²⁰ См. о следующем также гл. 12; Morris and Linda Tannehill, *The Market for Liberty* (New York: Laissez Faire Books, 1984), особ. гл. 8.

²¹ De Molinari, *The Production of Security*, стр. 12.

ческими и человеческими ресурсами, необходимыми для выполнения задачи борьбы с реальными или потенциальными опасностями реального мира. Действительно, страховщики действуют в национальном или даже международном масштабе, и они владеют значительным количеством имущества, расщепленного по широким территориям за пределами границ отдельных государств, и, таким образом, имеют явную заинтересованность в эффективной защите. Кроме того, все страховые компании связаны сложной сетью договорных соглашений о взаимной помощи и арбитраже, а также системой международных перестраховочных агентств, представляя объединенную экономическую силу, которая превосходит большинство, если не все современные правительства, и они приобрели эту позицию благодаря их репутации эффективного, надежного и честного бизнеса.

Хотя этого может быть достаточно для создания страховых агентств в качестве возможной альтернативы роли, выполняемой в настоящее время государствами в качестве поставщиков правопорядка, требуется более подробное изучение, чтобы продемонстрировать принципиальное превосходство такой альтернативы. Для этого необходимо признать, что страховые агентства не могут ни облагать налогами, ни издавать законы; то есть отношения между страховщиком и застрахованным лицом являются согласованными. Оба свободны сотрудничать или не сотрудничать, и этот факт имеет важные последствия. В связи с этим страховые агентства категорически отличаются от государств.

Преимущества использования страховых агентств для обеспечения безопасности и защиты заключаются в следующем. Во-первых, конкуренция между страховщиками за плату клиентов вызовет тенденцию к постоянному падению цены защиты (стоимости страховки), что сделает защиту более доступной. Напротив, монопольный защитник, который может облагать налогом охраняемых, будет взимать более высокую плату за свои услуги.²²

²² Как объяснял Ротбард,

Во-вторых, страховщики должны возмещать средства своим клиентам в случае фактического ущерба; следовательно, они должны работать эффективно. Что касается, в частности, социальных катастроф (преступлений), это означает, что страховщик должен быть прежде всего заинтересован в эффективном предотвращении их, поскольку, если он не сможет предотвратить преступление, ему придется выплатить компенсацию. Кроме того, если преступное деяние невозможно предотвратить, страховщик по-прежнему захочет вернуть украденное, задержать правонарушителя и привлечь его к ответственности, поскольку так страховщик может снизить свои издержки и принудить преступника оплатить ущерб и стоимость возмещения. В отличие от этого, поскольку государства-монополисты не возмещают ущерб жертвам и поскольку они могут прибегать к налогообложению в качестве источника финансирования, у них практически нет стимулов для предотвращения преступлений или для поимки преступников. Если им удастся задержать преступника, они, как правило, вынуждают жертву *платить* за тюремное заключение, тем самым только оскор-

²² Как объяснял Ротбард,

Если правительство должно быть ограничено «защитой» человека и собственности, а налогообложение должно быть «ограничено» для оказания только этой услуги, то как тогда правительству решить, сколько защиты оказать и сколько налогов взимать? Вопреки теории об ограниченном государстве «защита» не более социально обусловлена, чем любой другой товар или услуга в обществе. ... На самом деле, «защита» может подразумевать все что угодно — от одного полисмена до целой страны, в которой каждый гражданин снабжен вооруженным охранником и танком — предложение, которое очень быстро обанкротило бы общество. Но кто должен принимать решение о количестве защиты, если очевидно, что каждый человек будет лучше защищен от воровства и нападения, если будет снабжен вооруженным охранником, не так ли? На свободном рынке решения о том, какое количество и качество любого товара и услуги должно поставляться человеку, принимаются посредством добровольных покупок каждым индивидом. Но по какому критерию можно определить оптимальность, когда решение принято правительством? Ответа в принципе не существует, и такие правительственные решения могут быть абсолютно произвольными. (*The Ethics of Liberty*, стр. 180-81)

См. также Murray N. Rothbard, *For A New Liberty* (New York: Collier, 1978), стр. 215ff.

бляют ее.²³

В-третьих, и это самое главное, поскольку отношения между страховщиками и их клиентами являются добровольными, страховщики должны принимать частную собственность в качестве конечного «данного», а права на частную собственность как неизменный закон. То есть, чтобы привлечь или удержать платящих клиентов, страховщики должны будут предложить контракты с указанными описаниями имущества, размерами выплат, правилами процедур, доказательств, компенсации, возмещения ущерба и наказания, а также внутри- и межведомственного разрешения конфликтов и арбитражных процедур. Более того, из устойчивого сотрудничества между различными страховщиками в межведомственном арбитражном процессе возникнет тенденция к унификации права – по-настоящему универсального или «международного» права. Таким образом, каждый в силу своей страховки будет вовлечен в глобальные конкурентные усилия по минимизации конфликтов и агрессии; каждый отдельный конфликт и ущерб, независимо от того, где и кем или против кого он произошел, попадет под юрисдикцию ровно одного или нескольких конкретных страховых агентств и их договорно согласованных арбитражных процедур, создавая тем самым «совершенную» правовую определенность. В отличие от этого, поскольку государства-монополисты, финансируемые за счет налогов, не предлагают потребителям защиты

²³ Комментирует Ротбард:

Идея первичности возмещения жертве имеет множество прецедентов в праве; на самом деле это очень древний юридический принцип, который оказался в небрежении в ходе расширения и монополизации государством институтов права. ... На самом деле в Средние века возмещение потерпевшему было доминирующей концепцией наказания; только с ростом власти государства ... по мере смещения акцентов от возмещения ущерба жертве ... в сторону наказания преступлений, совершенных предположительно «против государства». ... То, что происходит сегодня просто абсурдно: А крадет 15 тыс. долл. у В. Государство выслеживает, ловит и осуждает А, все за счет В, как одного из бесчисленных налогоплательщиков, жертв этого процесса. Затем правительство вместо того, чтобы принудить А возместить убытки В или принудительно работать до возмещения ущерба, заставляет В, жертву, платить налоги на содержание преступника в тюрьме в течение десяти или двадцати лет. Где же здесь справедливость?

никакого контракта на обслуживание. Вместо этого они действуют в договорном вакууме, который позволяет им придумывать и изменять правила игры по мере их продвижения. Что наиболее примечательно, в то время как страховщики должны подчиняться независимым сторонним арбитрам и арбитражным процессам, чтобы привлечь добровольно оплачивающих клиентов, государства, поскольку они тоже допускают арбитраж, назначают эту задачу другому финансируемому государством и зависящему от него судье.²⁴

²⁴ Страховые агентства, поскольку они заключают двусторонний контракт с каждым из своих клиентов, полностью отвечают древнему и первоначальному требованию «представительного» правления, о котором Бруно Леони отметил, что «политическое представительство было тесно связано по своему происхождению с идеей о том, что представители действуют как агенты других людей и в соответствии с волей последних», (*Freedom and the Law*, стр. 118-19; см. также примечание 8 выше). В отличие от этого, современное демократическое правительство предполагает полное извращение – фактически, сведение на нет – первоначальной идеи представительного правления. Сегодня человек считается политически «представленным», несмотря ни на что, т.е. независимо от его собственной воли и действий или воли его представителя.

голосование не должно восприниматься, как доказательство согласия. Напротив, следует учитывать, что без своего согласия, не будучи даже спрошенным, человек оказывается в окружении правительства, которому он не может противостоять; правительства, которое вынуждает его отдавать деньги, исполнять повинности и отказываться от осуществления многих своих естественных прав под угрозой тяжких наказаний. Он также видит, что другие люди практикуют эту тиранию над ним при помощи избирательного бюллетеня. Он видит далее, что, если он сам использует избирательный бюллетень, у него есть некоторый шанс облегчения этой тирании других, подвергая их подчинению со своей стороны. Короче говоря, без собственного согласия он находит себя в положении, где, если он использует избирательный бюллетень, он может стать хозяином; если он не использует его, он должен стать рабом. И у него нет другой альтернативы. В целях самообороны он пытается использовать первый вариант. Его случай аналогичен случаю человека, который был принужден идти в бой, в котором он должен либо убить других, либо быть убитым сам. Из того факта, что чтобы спасти свою собственную жизнь в битве, человек пытается отнять жизни своих противников, не следует делать вывод, что битва – это его собственный выбор, (стр. 15). ... [Следовательно, избранные правительственные чиновники] не являются нашими слугами, агентами, поверенными или представителями. ... Если человек является моим слугой, агентом или адвокатом, я неизбежно возлагаю на себя ответственность за все его действия, совершенные в рамках полномочий, которые я ему доверил. Если я доверяю ему, как моему агенту, абсолютную или какую-либо власть над другими людьми, кроме меня самого, или их имуществом, я тем самым неизбежно

Дальнейшие последствия этого фундаментального контраста между страховщиками как договорными институтами против государств как неконтрактных поставщиков безопасности заслуживают особого внимания.

Поскольку они не подчиняются никому и не связаны контрактами, государства, как правило, запрещают владение оружием своими «клиентами», что повышает их собственную безопасность за счет того, что их предполагаемые клиенты становятся беззащитными. Напротив, ни один добровольный покупатель страховой защиты не согласился бы на договор, который требовал бы от него отказаться от своего права на самооборону и быть безоружным или иным образом беззащитным. Наоборот, страховые агентства будут поощрять владение оружием и другими защитными средствами среди своих клиентов путем выборочного снижения цен, потому что, чем лучше будет частная защита их клиентов, тем ниже будут их расходы на защиту и компенсации.

Более того, поскольку они не действуют в условиях договора и не зависимы от добровольных платежей, государства произвольно определяют и пересматривают то, что является, а что не является наказуемой «агрессией», и что требует или не требует компенсации. Например, введя пропорциональный или прогрессивный подоходный налог и перераспределив доходы между богатыми и бедными, государства фактически определяют богатых как агрессоров, а бедных как их жертв. (Иначе, если богатые не были бы агрессорами, а бедные не были бы их жертвами, то как можно было оправдать экспроприацию чего-то от первого лица и передачу этого второму?) Или, приняв позитивно- дискриминационные законы, государства фактически определяют белых и мужчин как агрессоров и черных и

беру на себя ответственность перед этими людьми за любой вред, которые он может им причинить, до тех пор, пока он действует в рамках власти, которую я ему предоставил. Но никто из тех, кому актами Конгресса может быть нанесен ущерб в его личности или имуществе, не может прийти к отдельным избирателям и привлечь их к ответственности за действия их, так называемых, агентов или представителей. Этот факт доказывает, что эти мнимые агенты народа, всех людей, в действительности не являются агентами никого. (*No Treason*, стр. 29)

женщин как их жертв. Для страховых агентств такое деловое поведение было бы невозможным по двум фундаментальным причинам.²⁵

Во-первых, каждая страховка включает в себя объединение определенных рисков в классы рисков. Это означает, что некоторым застрахованным будет выплачено больше компенсаций, чем они заплатили взносов, а другим – меньше. Однако, это имеет решающее значение, никто не знает заранее, кто будет «победителем», а кто «проигравшим». Победители и проигравшие, а также любое перераспределение доходов будут распределены случайным образом. В противном случае, если бы можно было систематически прогнозировать победителей и проигравших, проигравшие не захотели бы объединять свой риск с победителями, а только с другими проигравшими, потому что это снизило бы их страховые выплаты.

Во-вторых, невозможно застраховать себя от любого возможного риска. Скорее, можно застраховать себя только от «несчастных случаев», т.е. рисков, над исходом которых застрахованный не имеет никакого контроля. Так, например, можно застраховать себя от риска гибели или пожара, но невозможно застраховать себя от риска самоубийства или поджога собственного дома. Точно так же невозможно застраховать себя против риска провала бизнеса, безработицы, бедности, нежелания вставать по утрам с постели, нелюбви к своим соседям, собратьям или начальству, потому что в каждом из этих случаев каждый имеет либо полный, либо частичный контроль над рассматриваемым событием. То есть человек может влиять на вероятность риска. По своей природе предотвращение таких рисков относится к сфере индивидуальной ответственности, и любое учреждение, принявшее на себя страхование такого типа рисков, немедленно обанкротится. Что наиболее важно для обсуждаемого предмета, это то, что отдельные действия и

²⁵ О «логике» страхования см. Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, Scholar's Edition (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998), гл. 6; Murray N. Rothbard, *Man, Economy, and State*, 2 vols. (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1993), стр. 498ff.; Hans-Hermann Hoppe, «On Certainty and Uncertainty, Or: How Rational Can Our Expectations Be?» *Review of Austrian Economics* 10, no. 1(1997).

чувства (в отличие от несчастных случаев) не поддаются страховке, подразумевает, что также невозможно застраховаться от риска ущерба, который является результатом предшествующей агрессии или провокации. Скорее, каждый страховщик должен ограничивать действия своих клиентов, чтобы исключить любую агрессию и провокации с их стороны. То есть любое страхование от социальных бедствий, таких как преступление, должно зависеть от того, что застрахованный подчиняется указанным нормам неагрессивного цивилизованного поведения.

Соответственно, в то время как государства будучи монопольными защитниками могут участвовать в политике перераспределения, приносящей пользу одной группе людей за счет другой, и в то время как в качестве агентств, поддерживаемых налогами, они могут даже страховать провокаторов и агрессоров, добровольно финансируемые страховщики не могут делать ничего подобного. Конкуренция между страховщиками исключает любую форму перераспределения доходов и богатства между различными группами застрахованных, поскольку компания, занимающаяся такой практикой, потеряла бы клиентов в пользу других компаний. Скорее, каждый клиент будет платить исключительно за собственные риски, соответствующие рискам определенной категории людей.²⁶ И при этом добровольно финансируемые страховщики не смогут «защитить» человека от последствий его собственных ошибочных, глупых рисков, рискованного, агрессивного поведения или настроения. Конкуренция между страховщиками вместо этого будет систематически поощрять индивидуальную ответственность,

²⁶ Будучи вынужденным, с одной стороны, помещать лиц с одинаковым или аналогичным риском в одну и ту же группу риска и взимать с каждого из них одинаковую цену за страховую стоимость; и будучи вынужденным, с другой стороны, точно различать различные классы лиц с объективно (фактически) различными групповыми рисками и взимать различную цену за страховую стоимость для членов разных групп риска (при этом разница в ценах точно отражает степень неоднородности между членами таких разных групп), страховые компании будут систематически поощрять вышеупомянутую естественную человеческую тенденцию (см. примечание 2 выше) «похожих людей» к объединению, дискриминации и физическому отделению от «непохожих». О тенденции государств разрушать и уничтожать однородные группы и ассоциации посредством политики принудительной интеграции см. гл. 7, 9 и 10.

и любой известный провокатор и агрессор будет исключен из списка клиентов как большой страховой риск и будет признан экономически изолированным, слабым и уязвимым изгоем.

Наконец, что касается внешних отношений, поскольку государства могут переносить стоимость своих собственных действий на несчастных налогоплательщиков, они постоянно склонны становиться агрессорами и разжигателями войны. Соответственно, они стремятся финансировать и разрабатывать оружие массового уничтожения. В отличие от этого, страховщикам будет запрещено участвовать в любой форме внешней агрессии, поскольку любая агрессия является дорогостоящей и требует более высоких страховых взносов, что подразумевает потерю клиентов в пользу неагрессивных конкурентов. Страховщики будут заниматься исключительно оборонительным насилием, и вместо приобретения оружия массового уничтожения они будут склонны вкладывать средства в разработку оружия защиты и целенаправленного возмездия.²⁷

V

Несмотря на то, что нам все это ясно, как мы сможем добиться такой фундаментальной конституционной реформы? Страховые агентства в настоящее время ограничены бесчисленными правилами, которые не позволяют им делать то, что они могли бы. Как они могут быть освобождены от этих правил?

По сути, ответ на этот вопрос тот же, что был дан американскими революционерами более двухсот лет назад: путем создания свободных территорий и путем отделения.

Фактически сегодня в демократических условиях этот ответ даже более правдив, чем во времена королей. Ибо тогда, в монархических условиях, сторонники антиэтатистской либерально-либертарианской социальной революции имели возможность ее провести. Либертарианцы в прежние времена часто верили в возможность просто обратиться к своим

²⁷ См. также гл. 12; и Tannehill and Tannehill, *The Market for Liberty*, главы 11, 13, и 14.

взглядам, инициировав тем самым «революцию сверху». Для этого не требовалась массовая поддержка, хватало только понимания просвещенного принца.²⁸ Как бы реалистично это ни было тогда, сегодня эта стратегия социальной революции невозможна. В наши дни политические лидеры отбираются в соответствии с их демагогическими талантами и проверенными репутациями привычных аморалистов, как было объяснено выше; следовательно, вероятность перехода их в либерально-либертарианские взгляды должна рассматриваться меньше, чем возможность преобразования царя, который просто унаследовал положение. Более того, государственная монополия защиты в настоящее время считается общественной, а не частной собственностью, и государственное управление больше не привязано к конкретному лицу, а к конкретным функциям, выполняемым анонимными управляющими. Следовательно, стратегия изменения взглядов одного или нескольких человек больше не может работать. Неважно, если кто-то преобразует нескольких высокопоставленных правительственных чиновников, например, президента и некоторых ведущих сенаторов или судей, потому что в рамках правил демократического правительства ни один человек не может отказаться от монополии правительства на защиту. Короли имели эту власть, а президенты – нет. Президент может уйти в отставку со своего поста только после того, как кто-то другой его возглавит. Он не может распустить монополию государственной защиты, потому что в соответствии с правилами демократии «общество», а не выборные представители, считается «владельцем» правительства.

Таким образом, вместо реформирования сверху вниз, в текущих условиях, стратегия должна быть революцией снизу вверх. Поначалу может показаться, что этот вывод делает задачу либерально-либертарианской социальной революции невозможной. Разве это не означает что нужно убедить большинство населения голосовать за отмену демократии и прекращение всех налогов и законодательства? И разве это не чистая фанта-

²⁸ См. об этом Murray N. Rothbard, «Concepts of the Role of Intellectuals in Social Change Toward Laissez-Faire», *Journal of Libertarian Studies* 9, no. 2 (1990).

зия, учитывая, что массы всегда скучные и ленивые, а тем более, что демократия, как объяснялось выше, способствует моральному и интеллектуальному вырождению? Как можно ожидать, что большинство все более деградирующих людей, привыкших к «праву» голосовать, когда-либо добровольно откажутся от возможности грабежа чужой собственности? Говоря таким образом, нужно признать, что перспектива социальной революции действительно должна рассматриваться как практически нулевая. Скорее, только во втором взгляде, рассматривании отделения как неотъемлемой части любой стратегии снизу вверх, задача либерально-либертарианской революции не представляется невозможной, даже если она все еще остается сложной.

Как отделение вписывается в стратегию социальной революции снизу вверх? Что еще более важно, как сепаратистское движение может избежать судьбы Южной Конфедерации, которая была раздавлена тираническим и опасно вооруженным центральным правительством?

В ответе на эти вопросы прежде всего необходимо помнить, что ни первоначальная американская революция, ни Конституция не были результатом воли большинства населения. Треть американских колонистов были на самом деле лояльны к Английскому правительству, а треть была занята повседневными делами, и им было все равно. Не более трети колонистов были на самом деле приверженцами революции и поддерживали ее. А что касается Конституции, то подавляющее большинство американской общественности было против ее принятия, и ее ратификация представляла собой скорее государственный переворот крошечным меньшинством, чем общую волю. Все революции, хорошие или плохие, начинаются меньшинствами; и сепаратистский путь к социальной революции, в которую обязательно включен отрыв меньшего числа людей от большего, требует явного осознания этого важного факта.

Во-вторых, необходимо признать, что окончательная власть каждого правительства, будь то короли или смотрители, зависит исключительно от общественного мнения, а не от физической силы. Агенты правительства никогда не превышают небольшую долю всего населения, находящегося под их кон-

тролем. Это подразумевает, что ни одно правительство не сможет навязать свою волю всему населению, если оно не найдет широкую поддержку и добровольное сотрудничество с неправительственной общественностью. Это также подразумевает, что любое правительство может быть свергнуто простым изменением общественного мнения, то есть отказом от согласия и сотрудничества общественности.²⁹ И хотя, несомненно, верно, что после более чем двух веков демократии американская общественность стала настолько выродившейся, морально и интеллектуально, что любой такой вывод должен считаться невозможным в общенациональном масштабе, не кажется непреодолимо трудным завоевать мнение настроенного сепаратизмом большинства в достаточно небольших районах или регионах 53 страны. Фактически, учитывая энергичное меньшинство интеллектуальных элит, вдохновленное видением свободного общества, в котором закон и порядок обеспечивают конкурентные страховщики, и, более того, учитывая это в США, которые обязаны своим существованием сепаратистскому акту сецессии, все еще считается законным и в соответствии с «первоначальным» демократическим идеалом самоопределения (а не правления большинства)³⁰ значительного числа лю-

²⁹ Об основополагающем значении общественного мнения для государственной власти см. Etienne de la Boétie, *The Politics of Obedience: The Discourse of Voluntary Servitude* (New York: Free Life Editions, 1975), с введением Мюррей Ротбарда; David Hume, «On the First Principles of Government», в он же, *Essays: Moral, Political and Literary* (Oxford: Oxford University Press, 1971); Mises, *Human Action*, гл. 9, секция 3. Мизес там же (стр. 189) отмечает:

беру на себя ответственность перед этими людьми за любой вред, которые он может им причинить, до тех пор, пока он действует в рамках власти, которую я ему предоставил. Но никто из тех, кому актами Конгресса может быть нанесен ущерб в его личности или имуществе, не может прийти к отдельным избирателям и привлечь их к ответственности за действия их, так называемых, агентов или представителей. Этот факт доказывает, что эти мнимые агенты народа, всех людей, в действительности не являются агентами никого. (*No Treason*, стр. 29)

³⁰ См. о «старой» либеральной концепции демократии, например, Mises, *Liberalism: In the Classical Tradition* (Irvington-on-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education, 1985). «Право на самоопределение в вопросе о принадлежности к определенному государству», пишет Мизес,

дей, кажется, что нет ничего нереального в предположении, что такое сепаратистское большинство существует или может быть создано в сотнях мест по всей стране. Фактически, при довольно реалистичном предположении того, что центральное правительство США, а также социал-демократические государства Запада в целом обречены на экономическое банкротство (во многом подобно тому, как «народные демократии» стран Востока распались экономически около десяти лет назад), нынешние тенденции к политической дезинтеграции, вероятно, будут усиливаться в будущем. Соответственно, число потенциальных сепаратистских регионов будет продолжать расти.

Наконец, понимание широко распространенного и растущего сепаратистского потенциала также позволяет ответить на последний вопрос, касающийся опасностей подавления со стороны центрального правительства.

Хотя в этом отношении важно помнить о сепаратистском прошлом США, для успеха либерально-либертарианской революции еще важнее избежать ошибок второй неудачной попытки отделения. К счастью, проблема рабства, которая усложнила и затмила ситуацию в 1861 году,³¹ была решена. Однако, другой важный урок должен быть извлечен из сравнения неудавшегося второго американского эксперимента отделения с успешным первым.

Первому американскому отделению значительно способствовал тот факт, что в центре власти, в Британии, общественное мнение относительно сепаратистов едва ли было единым. Фактически, многие видные британские деятели, такие как

таким образом, означает: всякий раз, когда население какой-либо территории, будь то отдельная деревня, целый район или несколько прилегающих районов, дает знать путем свободного плебисцита, что оно больше не желает быть объединенным в государстве, к которому принадлежит в настоящий момент, а хочет либо образовать независимое государство, либо присоединиться к какому-нибудь другому государству, - его желание следует уважать и исполнять. Это единственно возможный и эффективный способ избежать революций, гражданских и мировых войн. (стр. 109)

³¹ Тщательный анализ вопросов, связанных с Войной за независимость Юга, см. в статье Thomas J. DiLorenzo, «The Great Centralizer. Abraham Lincoln and the War Between the States», *Independent Review* 3, no. 2 (1998).

Эдмунд Бёрк и Адам Смит, например, открыто сочувствовали сепаратистам. Помимо чисто идеологических причин, которые редко затрагивают больше, чем горстку философских умов, это отсутствие единой оппозиции американским сепаратистам в британском общественном мнении можно объяснить двумя дополнительными факторами. С одной стороны, существовало множество региональных и культурно-религиозных связей, а также личных и семейных связей между Великобританией и американскими колонистами. С другой стороны, американские события считались далекими от дома, а потенциальная потеря колоний экономически незначительной. В обоих случаях ситуация в 1861 году была совершенно иной. Безусловно, в центре политической власти, которая переместилась в северные штаты США, мнение о сепаратистской Южной Конфедерации не было едино, и у Конфедерации также были сторонники на Севере. Однако между американским Севером и Югом существовало меньше культурных и родственных связей, чем между Великобританией и американскими колонистами, а отделение Южной Конфедерации охватило примерно половину территории и треть всего населения США и, таким образом, принесло революцию к порогу северян и нанесло им большой экономический ущерб. Поэтому северной властной элите было сравнительно легче сформировать единый фронт «прогрессивной» культуры янки *по сравнению* с культурно отсталыми и «реакционными» дикси.

Таким образом, в свете этих соображений представляется стратегически целесообразным не предпринимать попыток повторить то, что в 1861 году столь болезненно провалилось для всего Юга, пытающегося покончить с тиранией Вашингтона. Образец сецессий должен быть взят из европейского средневековья, когда примерно с двенадцатого до семнадцатого века (с появлением современного центрального государства) Европа характеризовалась существованием сотен свободных и независимых городов, вкрапленных в преимущественно феодальную социальную структуру.³² Выбрав эту модель и стремясь создать

³² О значении свободных городов средневековой Европы для последующего разви-

множество территориально разъединенных свободных городов – аналогов Гонконга, Сингапура, Монако и Лихтенштейна, разбросанных по всему 55 континенту, две основных цели, недостижимых без этого, можно выполнить. Во-первых, помимо признания того факта, что либерально- либертарианский потенциал распределен крайне неравномерно по всей стране, такая стратегия выхода по частям делает отделение менее угрожающим в политическом, социальном и экономическом плане. Во- вторых, осуществляя эту стратегию одновременно во многих местах по всей стране, центральному государству становится чрезвычайно трудно создать единую оппозицию в общественном мнении сепаратистам, которая обеспечила бы уровень поддержки населения и добровольное сотрудничество, необходимое для успешного разгона.³³

Если мы добьемся успеха в этом начинании, мы сможем перейти к тому, чтобы вернуть всю государственную собственность в соответствующие частные руки и принять новую «конституцию», которая объявляет все налогообложение и законодательство впредь незаконным, и если мы наконец позволим страховым агентствам делать то, что им суждено делать, мы снова сможем по-настоящему гордиться и оправданно заявлять о том, что Америка является примером для остального мира.

тия уникальной европейской традиции (классического) либерализма см. в книге *Cities and The Rise of States in Europe, A.D. 1000 to 1800*, Charles Tilly and Wim P. Blockmans, eds. (Boulder, Colo.: Westview Press, 1994).

³³ Опасность репрессий со стороны правительства наиболее велика на начальном этапе этого сепаратистского сценария, т.е. пока количество территорий свободных городов еще невелико. Следовательно, на этом этапе желательно избегать любой прямой конфронтации с центральным правительством. Вместо того, чтобы полностью отказываться от своей легитимности, казалось бы разумным, например, гарантировать «собственность» правительства на федеральные здания и т. д. на свободной территории и «всего лишь» отказывать ему в праве на будущие налоги и законодательство, касающиеся кого-либо и чего-либо на этой территории. При условии, что это будет сделано с соответствующим дипломатическим тактом и с учетом необходимости значительного уровня поддержки в общественном мнении, трудно представить, как центральное правительство осмелится вторгнуться на территорию и подавить группу людей, которые не совершили никакого греха, кроме попытки заниматься своими делами. Впоследствии, как только число сепаратистских территорий достигнет критической массы – а каждый успех в одном месте будет способствовать подражанию другим населенным пунктам, – трудности подавления сепаратистов возрастут в геометрической прогрессии, и центральное правительство быстро станет бессильным и рухнет под собственным весом.